

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

103e

D

1

I8

v.14

UC-NRLF

B 3 156 410

Historisches
Museum

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

MAY 21 1935

LIBRARY

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢВА.

(1905 г.).

т. 14

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

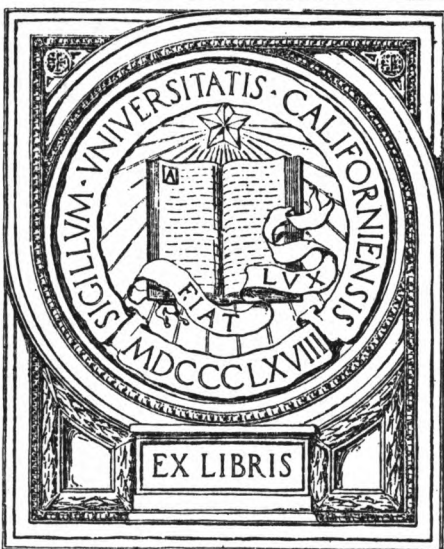

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1905.

EXCHANGE

EX LIBRIS

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

—
СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРѢВА.

(1905 г.).

—
ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 128.

1905.

II
I 8
v. 14

TO THE
LIBRARY

EXCHANGE

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при
Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб., 22 февраля 1905 г.

Предсѣдатель *Н. Кареевъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
<i>Н. Н. Буличъ.</i> Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX в. Томъ II	177—332
<i>Н. А. Дубровскій.</i> Флорентійскій публицистъ конца XIV ст. Списокъ членовъ Историческаго Общества при Император- скомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ (къ 1 окт. 1904 г.). . .	1—44 45—50

еслибъ не было такъ растянута. Гнѣдичъ зналъ хорошо греческую поэзію; онъ былъ отличнымъ переводчикомъ и могъ бы много внести въ нашу литературу произведеній классическаго міра, еслибъ не умеръ сравнительно рано. У него есть прекрасный переводъ одной изъ идиллій Теокрита „Сиракузянки или Праздникъ Адониса“ съ чрезвычайно любопытнымъ предисловіемъ, въ которомъ вѣрно изложена сущность этого рода поэзіи въ древней Греціи; онъ такъ сильно подчинялся вліянію древнихъ формъ и образовъ, что въ своей собственной идилліи „Рыбаки“, дѣйствіе которой происходитъ на островахъ рѣки Невы; онъ повторилъ ихъ, и тѣмъ лишилъ свое произведеніе правды и дѣйствительности. Идиллія эта впрочемъ весьма правилась современникамъ и Пушкинъ ставилъ ее высоко за поэтическую прелесть стиха и чувства, присутствующаго въ ней. Отрывки изъ Одиссеи Гомера и нѣсколько мелкихъ стихотвореній, воспроизводящихъ жизнь и образы древняго міра, показываютъ какъ увлеченъ былъ имъ Гнѣдичъ. Въ двадцатыхъ годахъ, когда онъ оканчивалъ свой переводъ Иліады, посреди глубокой реакціи, господствовавшей въ европейской и нашей жизни, неожиданно раздался изъ той же Греціи, столь любимой Гнѣдичемъ, тогда опустошенной и порабощенной, громкій голосъ свободы. Когда-то прекрасная страна подымалась теперь на этотъ голосъ изъ униженія и цѣпей и все, что только было въ европейскомъ обществѣ молодого и свѣжаго, что цѣнило народную свободу, съ участіемъ обратило на нее свои взоры. Имя Греціи было на устахъ у всѣхъ. Романтическая поэзія того времени повторяла ея народныя пѣсни—выраженія печальной, порабощенной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и никогда не умиравшихъ на скалахъ и островахъ Греціи чувствъ свободы и независимости. Гнѣдичъ перевелъ въ 1821 году знаменитый „Военный гимнъ грековъ“, сочиненный Риги, гдѣ порывы къ освобожденію сливались въ одно цѣлое съ славными воспоминаніями древности, а въ 1825 году издалъ отдѣльною книжкою „Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ“, гдѣ въ введеніи онъ сравнивалъ греческія пѣсни съ русскими, но не со стороны содержанія, а со стороны поэтическаго размѣра.

При такомъ исключительномъ направленіи поэтическаго таланта Гнѣдича мы не имѣемъ права требовать отъ него живого участія къ російской современности. Онъ былъ удаленъ отъ нея своимъ воспитаніемъ, вкусами и исключительнымъ родомъ занятія. Доказательства тому мы найдемъ въ нѣкоторыхъ прозаическихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ по необходимости долженъ былъ коснуться современныхъ вопросовъ. Такъ въ 1814 г., при открытіи въ Петербургѣ Императорской Публичной Библіотеки, на торжествѣ устроенномъ по этому поводу, Гнѣдичъ, по порученію Оленина, долженъ былъ читать рѣчь. Рѣчь эту онъ оза-

главилъ такъ: „О причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности“. Тема, какъ видно, весьма широкая и позволявшая оратору коснуться самыхъ живыхъ сторонъ современности. Вступленіе въ эту рѣчь посвящено, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдамъ русскаго оружія въ Европѣ и современной славы Россіи и ея императора. Безъ такого введенія, заключающаго въ себѣ, разумѣется, общія мѣста, рѣчь не могла обойтись въ то время. Послѣ обыкновенныхъ въ такомъ случаѣ, напыщенныхъ фразъ, ораторъ переходитъ къ своей темѣ. Фактъ бѣдности или, малоуспѣшности нашей литературы выставляется имъ не поддѣрженнымъ сомнѣнію. „Сколько истинныхъ дарованій обнаруживается въ первыхъ попыткахъ молодыхъ нашихъ писателей, говоритъ Гнѣдичъ, и они или исчезаютъ или остаются весьма далекими отъ того, чѣмъ бы быть могли“... ¹⁾. Причину этого Гнѣдичъ видитъ довольно справедливо, хотя и въ высшей степени односторонне въ недостаткѣ у писателей образованія или *ученія*, какъ онъ выражается, потому что ученіе, по его понятіямъ, заключается все въ знакомствѣ съ древними литературами. О томъ, въ какомъ отношеніи литература народа находится къ обществу и силамъ въ немъ дѣйствующимъ, ко всей странѣ и къ ея историческимъ и социальнымъ условіямъ, въ то время никто у насъ не имѣлъ понятія, да и говорить объ этомъ предметѣ было несовсѣмъ удобно. Гнѣдичъ раздѣлялъ представленія тогдашнихъ романтиковъ о независимости поэта и писателя отъ всего его окружающаго. „Писатель, говорятъ, есть выраженіе времени, печать духа и нравовъ вѣка своего, разсуждаетъ онъ въ другой своей рѣчи, произнесенной въ собраніи петербургскаго вольнаго общества любителей россійской словесности ²⁾. Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быть только эхомъ людей? Онъ, свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ питать ихъ, осыпать цвѣтами и музъ превращать въ сиренъ, соблазнительницъ человѣка? Удались, мысль, недостойная разума!“ Вотъ почему и въ прежней рѣчи своей, и согласно любимымъ своимъ занятіямъ, Гнѣдичъ могъ утверждать только, что успѣхъ литературы зависитъ отъ классическаго ученія и отъ знакомства съ древними языками ³⁾. Онъ жалуется на недостатокъ въ русскомъ воспитаніи классическаго фундамента, на раннее окончаніе курса въ училищахъ, именно около 15-ти лѣтъ, что не даетъ возможности хорошо познакомиться съ языкомъ Гомера и Виргилія, и на то, что молодые люди по окон-

¹⁾ Описаніе торжественнаго открытія Импер. Публ. Библіотеки бывшаго генваря 2 дня 1814 года. Спб. 1814, стр. 61.

²⁾ Соревнователь просвѣщенія и благотворенія 1821 г., ч. XV, стр. 144—145.

³⁾ Описаніе торжественнаго открытія Импер. Публ. Библ. стр. 71.

чаніи курса, тотчасъ принимаются за службу и вачинають „забавляться литературою“ и сами писать „стишки“. „Начиная искать чиновъ, они ищутъ и имени писателя“ ¹⁾). Въ этой выходѣ Гнѣдича противъ молодыхъ писателей его времени было много справедливаго. Если у нихъ не могло быть, по условіямъ литературы того времени, чувства дѣйствительности для содержанія ихъ произведеній, то образованія и знаній для чести самой литературы требовать отъ нихъ было необходимо. „Кто развилъ одно воображеніе, нимаю еще не образовавши ума, кто въ 15 лѣтъ, напечатавъ стихи въ журналѣ, раздразжилъ свое самолюбіе, прежде чѣмъ укрѣпилъ рассудокъ, тотъ не будетъ уже думать о нуждѣ такихъ познаній; ему уже некогда: онъ спѣшитъ къ безсмертію! Миеологическій словарь—вотъ его свѣдѣнія поэтическія, словарь историческій—вотъ его ученія познанія; французская словесность — вотъ его образецъ и подражаніе“ ²⁾). Все это было въ извѣстной степени справедливо, но средство, предлагаемое Гнѣдичемъ, т.-е. классическое ученіе, было односторонне. А между тѣмъ оно одно, по его мнѣнію, можетъ избавить литературу отъ язвъ нашего вѣка: „развращенной философіи“ и „метафизической поэзіи“ и болѣзней новыхъ стихотворцевъ: „притворной чувствительности“ и „меланхоли“. Гнѣдичъ искренно жалѣетъ, что поэзія и краснорѣчіе древнихъ не сдѣлались образцами нашей словесности съ прошлаго вѣка и чрезвычайно наивно утверждаетъ, что еслибъ это было такъ, то „наши Гомеры и Пиндары, Софоклы и Фукидида, силою превосходнаго нашего слова и изящностью ихъ твореній, уже восхитили-бъ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, и слава языка руссійскаго уже носилась бы по вселенной, какъ громъ руссійскаго оружія“ ³⁾). Въ этой же рѣчи Гнѣдичъ сильно возставалъ противъ господства въ нашемъ обществѣ языка французскаго, почему и самая словесность на родномъ языкѣ не пользуется въ немъ уваженіемъ. Слова его въ этомъ смыслѣ мы имѣли уже случай приводить.

Другая рѣчь Гнѣдича, уже упомянутая, кромѣ фразъ. обычныхъ въ рѣчахъ, не представляетъ почти никакого содержанія. Она любопытна развѣ въ томъ отношеніи, что Гнѣдичъ возстаетъ противъ меценатства, тогда еще существовавшаго по отношенію къ писателямъ и совѣтуетъ поэту не измѣнять себѣ ни въ какихъ случаяхъ жизни и не рабствовать предъ фортуною. „Фортуна и меценаты, которыхъ онъ будетъ искать, говорить Гнѣдичъ, продаютъ благосклонности свои за такія жертвы, которыхъ почти нельзя принести не на счетъ своей чести“ ⁴⁾).

¹⁾ Ibidem, стр. 73.

²⁾ Ibidem, стр. 74.

³⁾ Ibidem, стр. 82—83.

⁴⁾ Сопревн. просвѣщенія и благотворенія 1821 г., ч. XV, стр. 140.

Кромѣ этихъ двухъ рѣчей, Гнѣдичъ помѣстилъ еще нѣсколько статей прозаическихъ въ тогдашнихъ журналахъ; изъ нихъ заслуживаетъ вниманія статья о художественной выставкѣ 1820 года ¹⁾, гдѣ можно познакомиться съ его взглядами на искусство. Собраніе его сочиненій, изданное въ 1832 году, и потомъ Смирдинымъ въ 1854 году, не заключаетъ въ себѣ ни одной прозаической статьи, а онѣ стоятъ перепечатки.

Въ послѣдніе годы своей жизни Гнѣдичъ сблизился съ молодымъ поколѣніемъ начинающихъ писателей и всею душою былъ на ихъ сторонѣ. Онъ былъ друженъ съ Пушкинымъ, его товарищемъ Дельвигомъ и др. Когда Пушкинъ уѣхалъ въ ссылку въ южную Россію, Гнѣдичъ издалъ его поэмы „Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій Пляшникъ“, какъ издавалъ онъ сочиненія друга своего Батюшкова. Вообще, по словамъ его біографа, Гнѣдичъ умѣлъ служить своимъ друзьямъ. Здоровье Гнѣдича, и безъ того плохое, стало беспокоить его и друзей вскорѣ послѣ изданія имъ Иліады. Съ 1825 года онъ сталъ ѣздить на югъ Россіи, ища излѣченія, прожилъ въ Одессѣ года два, но все напрасно. Онъ страдалъ неизлѣчимою болѣзнію горла, отъ которой и умеръ въ началѣ 1833 года. Вотъ простой очеркъ дѣятельности и литературныхъ трудовъ человека, имя котораго связано съ почтеннымъ трудомъ перевода Иліады. Какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ онъ стоялъ одиноко, что зависѣло какъ отъ свойствъ его личности, такъ и отъ характера и отъ содержанія его литературной дѣятельности. Немногіе, кромѣ людей высоко образованныхъ или литераторовъ по призванію могли интересоваться его переводомъ Иліады. Кажется это чувствовалъ съ огорченіемъ и самъ переводчикъ. Но если мы должны цѣнить рядомъ съ развитіемъ внутренняго содержанія литературы и художественную ея сторону, которая увеличиваетъ значеніе перваго, то мы обязаны указать на художественную заслугу Гнѣдича въ русской литературѣ. Внеся въ нее и Иліаду и другіе формы и образы древне-греческой поэзіи въ ихъ настоящемъ, неподдѣльномъ видѣ, Гнѣдичъ обогатилъ ея содержаніе; онъ имѣлъ вліяніе и на художественную форму стихотвореній Батюшкова, незнакомаго вовсе непосредственно съ древностью; ему подражали Пушкинъ и Дельвигъ въ своихъ антологическихъ стихотвореніяхъ, тогда какъ самъ онъ болѣе совершеннымъ видомъ избраннаго имъ гекзаметра былъ обязанъ Жуковскому, также писавшему этимъ размеромъ.

Напрасно стали бы мы искать въ ту пору въ нашей литературѣ какого-нибудь хотя бы даже слабаго отношенія къ дѣйствительности,

¹⁾ „Сынъ Отеч.“ 1820 г., №№ 38, 39 и 40.

сколько-нибудь пониманія ея и изображенія. Романъ, тотъ родъ литературы, который соприкасается ближе всего съ дѣйствительностью, почти вовсе не существовалъ у насъ въ оригинальномъ видѣ въ ту пору, о которой говоримъ мы, т.-е. въ десятыя и двадцатыя годы нашего столѣтія или существовалъ въ самомъ ограниченномъ видѣ. Повѣсти, носящія часто названія *русскихъ* и изрѣдка попадающіяся въ тогдашнихъ журналахъ, по большей части были подражаніемъ Карамзину и имѣли весьма мало общаго съ жизнью. А между тѣмъ потребность чтенія произведеній въ романическомъ родѣ существовала значительная; огромное большинство читающей публики пробавлялось исключительно чтеніемъ переводныхъ романовъ, которые во множествѣ являлись у насъ съ конца XVIII вѣка. Читатели не искали въ нихъ ничего другого, кромѣ приключеній и похожденій, чтенія, которое бы наполняло пустоту жизни и занимало воображеніе. У публики были любимые тогда иностранные писатели, какъ были они и прежде, какъ есть они и теперь, по плечу мало образованнаго большинства. Такимъ любимымъ писателемъ у насъ былъ Коцебу, извѣстный чрезвычайно плодовитый нѣмецкій драматургъ и романистъ, за свои ретроградныя убѣжденія и за свои дѣйствія въ пользу реакціи зарѣзанный въ 1819 году студентомъ Зандомъ. „Русская публика до того къ нему привыкла, говоритъ г. Галаховъ, что почитала его какъ бы своимъ, хотя онъ писалъ на нѣмецкомъ языкѣ“¹⁾, Различныхъ изданій его театральныхъ пьесъ, какъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно, и его романовъ, въ русскомъ переводѣ, начиная съ конца прошлаго вѣка, въ первую четверть нынѣшняго можно насчитать до 150. Когда имя этого писателя порядочно надоѣло, то всѣ эти переводы у писателей стали носить названіе „Коцебутины“. Рядомъ съ нимъ можетъ быть поставленъ другой, столь же плодовитый нѣмецкій писатель Августъ Лафонтенъ, писавшій семейные романы, въ которыхъ отражалась жизнь средняго круга нѣмецкаго общества. Всѣ они проникнуты были чрезвычайно вялой моралью, ложною, приторною чувствительностью, которая очень нравилась современникамъ и составляла весьма нездоровую пищу, которая не находила противодѣйствія. Сентиментальность Карамзина не могла имѣть такого сильнаго вліянія на читающую русскую публику, какъ эти романы Лафонтена, жадно читаемые и любимые, число которыхъ въ русскихъ переводахъ простирается до пятидесяти. Лафонтенъ принадлежалъ еще къ той школѣ нѣмецкихъ писателей, для которой какъ бы не существовало преобразованій, сдѣланныхъ Лессингомъ.

Совершенно въ другомъ родѣ и съ другимъ содержаніемъ пред-

¹⁾ Ист. русск. слов. т. II, изд. 1868 г., стр. 171.

ставляются многочисленные романы английской писательницы Радклифъ, умершей въ 1823 году, переведенные, впрочемъ, у насъ съ французскаго. Романы эти были написаны въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка; ихъ произвела страсть къ чудесному, таинственному и сверхъестественному, которая наполняла европейскую фантазію, потрясенную событіями французской революціи. Потому они такъ сильно и дѣйствовали на возбужденную фантазію, приводя въ трепетъ сердца читателей и въ особенности читательницъ, хотя въ концѣ романа или въ развязкѣ его все чудесное и таинственное, державшее въ напряженномъ возбужденіи читателя въ теченіе четырехъ частей, объяснялось причинами простыми и естественными. Но напряженное состояніе фантазіи правилось полуобразованному большинству публики и романы Радклифъ читались съ жадностью. Вотъ эти-то переводные романы, появлявшіеся во множествѣ, находившіе страстныхъ читателей, потому что общество не привыкло ни къ какому другому роду чтенія, и задерживали развитіе русской литературы. Могла ли русская жизнь того времени представить читателю что-нибудь хоть отдаленно похожее на эти пестрые сцены чужой, богатой исторіей жизни, да и могло ли быть достаточно сознанія и у русскаго писателя того времени, чтобъ дать въ романѣ вѣрную картину родной дѣйствительности и заинтересовать ею читателя? Онъ не могъ замѣнить собою европейскихъ романистовъ.

Славу и извѣстность Коцебу, Лафонтена, г-жи Радклифъ раздѣляли у насъ и другіе европейскіе романисты: г-жа Коттень, рассказавшая въ одномъ изъ романовъ своихъ трогательную исторію извѣстной Лупаловой или Параши Сибирячки, а въ другомъ „Матильда или Записки, взятія изъ исторіи Крестовыхъ походовъ“, выставившая идеалъ для современныхъ героевъ въ образѣ Малекъ-Аделя. За госпожею Коттень слѣдовала г-жа *Жанмисъ*, повѣсти которой началъ переводить еще Карамзинъ, потомъ французскій романистъ *Дюкре-Дюмениль*, въ романахъ котораго обыкновенно выставляется торжествующая невинность и гдѣ дѣйствующими лицами являются герои въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Мы назвали здѣсь только главныхъ представителей современнаго европейскаго романа; но каждый изъ нихъ имѣлъ множество подражателей и многіе изъ произведеній этихъ послѣднихъ являлись и въ русскомъ переводѣ.

При такомъ множествѣ переводныхъ романовъ въ нашей литературѣ, совершенно наводнившихъ ее, въ которыхъ русская публика знакомилась или съ чужою дѣйствительностью, или съ образами, порожденными чужой фантазіей, очень трудно ожидать чего-нибудь своего, самостоятельнаго. Мы уже говорили о причинахъ, почему это было такъ. Тѣмъ не менѣе мы можемъ однако назвать одно имя, теперь

полузабытое, которому однако принадлежит честь первых картинъ, взятыхъ изъ русской дѣйствительности и воспроизведенныхъ съ замѣчательнымъ для того темнаго времени искусствомъ. Обыкновенно привыкли называть первымъ романомъ изъ русской жизни извѣстный романъ, весьма нравившійся въ двадцатые годы „Иванъ Выжигинъ“ принадлежащій Ѳ. Булгарину. Но еще Бѣлинскій доказывалъ, что честь перваго воспроизведенія въ русскомъ романѣ нашей дѣйствительности принадлежитъ не ему, а малороссіянину *Нарѣжному* ¹⁾). Замѣчательно, что ему, какъ и другому знаменитому южноруссу Гоголю, основателю у насъ реальной школы въ поэзіи, удалось первому обратить мысль на воспроизведеніе родной дѣйствительности. Это можно объяснить, какъ вѣчно присущю душѣ каждаго южнорусса струею юмора, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что южно-руссу гораздо легче и естественнѣе было обращаться съ сатирической наблюдательностью къ чужой общественности, которую онъ вообще весьма мало уважалъ.

О самомъ Нарѣжномъ, о его личности, о его жизненныхъ отношеніяхъ мы имѣемъ чрезвычайно скудныя свѣдѣнія. Василій Трофимовичъ Нарѣжный родился въ 1780 году, тамъ же, гдѣ и Гоголь, въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Въ воспитаніи его принялъ участіе родной его дядя. Онъ отвезъ его въ дворянскую гимназію въ Москву въ 1792 году, откуда Нарѣжный перешелъ въ университетъ. Курсъ окончилъ онъ въ немъ въ 1801 году и тогда же отправился въ гражданскую службу въ Грузію, что дало ему возможность потомъ въ одномъ изъ своихъ романовъ воспроизвести нравы и обычаи кавказскіе. Въ 1804 году онъ является на службѣ уже въ Петербургѣ. Въ 1813 году онъ выходитъ въ отставку и женится.

Нарѣжный сталъ писать очень рано, увлекался общимъ примѣромъ и полученнымъ воспитаніемъ. Онъ писалъ и стихи и прозу, которые помѣщались въ московскихъ журналахъ: „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ и „Иппокрена“ (1798 и 1799). Въ 1804 году онъ напечаталъ написанную еще раньше трагедію „Димитрій самозванецъ“, представляющую слабое подражаніе „Разбойникамъ“ Шиллера. Нѣсколько повѣстей, совершенно подражательныхъ, вялыхъ и слабыхъ, въ духѣ Карамзина и г-жи Жанлисъ были имъ написаны въ первое десятилѣтіе нашего вѣка и писались имъ и позднѣе. Но имя его сдѣлалось извѣстнымъ только тогда, когда онъ съ большимъ тактомъ и умѣньемъ рѣшился обратиться въ романѣ къ русской дѣйствительности, хотя его роману, по цензурнымъ отношеніямъ, и не суждено было увидѣть свѣтъ въ полномъ своемъ видѣ. Примѣръ Нарѣжнаго наглядно доказываетъ вредъ, причиняемый литературѣ цензурою.

¹⁾ Русская литература въ 1841 году.

Романъ Нарѣжнаго, задуманный имъ въ шести частяхъ, изъ которыхъ послѣднія три навсегда остались въ рукописи вслѣдствіе запрещенія, носилъ названіе „Россійскій Жилблазъ или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова“ (Сиб. 1814 г.). Самое названіе показываетъ какого автора взялъ Нарѣжный за образецъ, кому желалъ онъ подражать. Это былъ извѣстный французскій романистъ конца прошлаго вѣка Лесаажъ. Онъ въ своемъ знаменитомъ романѣ „Жилблазъ де Сантильяна“, дѣйствіе котораго происходитъ въ Испаніи, всталъ совершенно на реальную почву и съ замѣчательнымъ сатирическимъ тактомъ и юморомъ представилъ вѣрную картину общественныхъ нравовъ современной ему Франціи. Все дѣйствіе этого романа и оригинальнѣйшіе типы современнаго французскаго общества группируются вокругъ одной фигуры героя романа Жилблаза, ловкаго пройдохи, стоящаго головой выше окружающихъ его лицъ и событій, прототипа для послѣдующей знаменитой фигуры во французской литературѣ—Фигаро у Бомарше. Безнравственное и развѣденное пороками тогдашняго дореволюціоннаго устройства Франціи общество изображено очень вѣрно въ романѣ Лесажа, которому въ формѣ и замыслѣ, какъ и въ типѣ своего героя подражалъ нашъ первый реальный романистъ, хотя у него, само собою разумѣется, не могло быть такого глубокаго отношенія къ современному русскому обществу, какое было у француза. Нарѣжный говоритъ въ предисловіи, что онъ „вывелъ напоказъ русскимъ людямъ русскаго же человѣка, имѣя цѣлью, по примѣру Лесажа, соединить полезное съ пріятнымъ, и что вѣроятность, приличіе, сходство описаній съ природою, изображеніе нравовъ въ различныхъ состояніяхъ и отношеніяхъ были тѣми правилами, которыя онъ постоянно старался не выпускать изъ виду ¹⁾“. Нарѣжный желаетъ совершенно безпристрастно относиться къ дѣйствительности и говоритъ, что „за нѣсколько десятковъ лѣтъ и у насъ нельзя было отважиться описывать безпристрастно наши нравы“ ²⁾, а теперь можно. Радость эта была однако преждевременна. Задача Нарѣжнаго была, по его словамъ, та же, что и у Лесажа, изображеніе человѣческой жизни въ различныхъ отношеніяхъ, т.-е. русскаго человѣка въ различныхъ состояніяхъ. Могъ ли онъ однако, при существующихъ тогда литературныхъ условіяхъ, представить русскую дѣйствительность, какъ онъ намѣревался? Онъ не могъ относиться къ ней просто и естественно, понять ее такъ, какъ она есть, безъ всякихъ претензій. Для него это было слишкомъ просто. Чужая дѣйствительность, выставленная Лесаажемъ, была гораздо пестрѣе, занимательнѣе,

¹⁾ Галаховъ. Ист. Хрест., ч. II, стр. 295—296.

²⁾ Россійскій Жилблазъ. Сиб. 1814, стр. V.

разнообразіе своей и ее-то Нарѣжный старался перевести въ Россію, придумывая русскія имена и русскую сцену дѣйствія. Ему, какъ и Лесажу, хотѣлось замысловатыхъ приключеній, которыя бы заняли вниманіе читателя и, вотъ эти-то приключенія нисколько не похожи на Россію. Авторъ, очевидно, уже слишкомъ подражалъ Лесажу: лица, характеры, дѣйствіе, интрига, однимъ словомъ, все въ романѣ далеко не похоже на русскую дѣйствительность. Я не стану останавливаться на содержаніи этого романа, такъ какъ оно подробно изложено у Галахова ¹⁾. Все въ этомъ первомъ произведеніи Нарѣжнаго неправдоподобно и неестественно: отъ лицъ и характеровъ до интриги и событій. Во всемъ видна удивительная неопытность и наивность автора. Галаховъ находитъ хорошую сторону „Россійскаго Жилблаза“ въ сатирическомъ описаніи нѣкоторыхъ современныхъ нравовъ, что выдѣляетъ выгоднымъ образомъ Нарѣжнаго изъ той густой атмосферы сентиментализма, которая со всѣхъ сторонъ окружала его. Сатира эта доходитъ до крупной и тоже неестественной карикатуры, смыслъ которой неясенъ для простодушнаго читателя. Такъ, судя по предисловію, Нарѣжнымъ затрогиваются и осмѣиваются въ его романѣ „изступленные любители метафизики, славянскаго языка и всего, что есть нѣмецкаго“ ²⁾. Что за странное соединеніе и что подъ нимъ разумѣлъ авторъ — неясно. Любителемъ метафизики представленъ какой-то неестественный трисмегаллосъ въ чрезвычайно неправдоподобныхъ жизненныхъ отношеніяхъ. Галаховъ видитъ въ немъ и въ его манерѣ диспутировать „подлинныя черты бывшаго схоластическаго преподаванія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и высшихъ“ ³⁾. Можетъ быть это и такъ, но чрезвычайно неясно, потому ли, что самъ Нарѣжный не сознавалъ вполне цѣли своей сатиры, или въ самомъ предметѣ были такія свойства, которыя не позволяли ясно относиться къ нему въ печатной сатирѣ. Зато изображеніе общества масоновъ, со всею его внѣшнею обстановкою (авторъ вводитъ читателя въ засѣданіе масонской ложи, гдѣ посвящаютъ его героя) очень вѣрно. Нарѣжный изображаетъ масоновъ впрочемъ вовсе несочувственно. Трисмегаллосъ является и славянофиломъ въ карикатурѣ. Въ немъ съ этой стороны авторъ хотѣлъ, можетъ быть, осмѣять Шишкова и его школу. Что касается до „изступленной любви къ нѣмецкому, то, выставляя въ своемъ сочиненіи преувеличенную карикатуру нѣмца, равно какъ нападая на иностранное воспитаніе русскихъ дѣтей, Нарѣжный платилъ дань общему патріотическому направленію общества нашего въ тѣ годы, когда былъ

¹⁾ Ист. русск. слов., т. II, изд. 1868 г., стр. 178—182.

²⁾ Росс. Жилблазъ. Спб. 1814, III.

³⁾ Ист. русск. слов., т. II, изд. 1868 г., стр. 180.

написанъ имъ романъ. Замѣтно у автора несочувствіе къ высшему кругу общества, сочувствіе къ крѣпостнымъ крестьянамъ и ихъ жалкой участи въ рукахъ помѣщиковъ, негодованіе на судъ несправедливый и грабительство въ немъ и пр. Всѣ эти сатирическія выходки дѣлаютъ честь уму и наблюдательности Нарѣжнаго, и намъ неизвѣстно, какъ развернулись бы они во второй половинѣ его обширнаго романа, еслибъ продолженіе его не было прекращено насильственно цензурнымъ запрещеніемъ. Въ 3-й части романа тогдашняя цензура (это было при министрѣ народнаго просвѣщенія — графѣ Разумовскомъ) нашла много предосудительныхъ мѣстъ. Самъ глава министерства высказывалъ слѣдующее мнѣніе о современныхъ романахъ: „Между издаваемыми вновь романами выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой-либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ, могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя повидимому и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностью, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе было бы вовсе не упоминать. Каково бы ни было литературное достоинство романовъ, они только тогда могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно-нравственную цѣль“ ¹⁾).

Запрещеніе романа оохладило сатирическій пылъ Нарѣжнаго и повидимому имѣло вообще сильное и непріятное на него вліяніе. По разсказу сына, онъ думалъ-было совсѣмъ отказаться отъ авторства и снова приняться за службу ²⁾. Вообще прошло нѣсколько лѣтъ, пока непріятности, вызванныя цензурнымъ запрещеніемъ, поулеглись, и Нарѣжный снова могъ приняться за литературные труды. Говорятъ, что ему много помогъ своимъ заступничествомъ и покровительствомъ землякъ его И. И. Мартыновъ ³⁾. Только черезъ восемь лѣтъ Нарѣжный издалъ свой второй романъ „Аристѣонъ или перевоспитаніе“ (1822 г.), гдѣ нравственная цѣль разсказа совершенно покрываетъ сатирическую, отчего онъ и не имѣлъ успѣха.

¹⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра I. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Т. I. Спб. 1889. Стр. 427.

²⁾ Гал. Ист. Хр., стр. 535.

³⁾ Колбасинъ, Е. Литерат. дѣятельность прежняго времени. Стр. 66.

ЛЕКЦІЯ XIX И XX.

Нарѣжный. — Его романы. — А. Е. Измайловъ.

Гораздо замѣчательнѣе тѣ романы Нарѣжнаго, въ которыхъ онъ по природному инстинкту обратился къ изображенію нравовъ своей родной страны, ему хорошо знакомой. Большою извѣстностью въ широкомъ кругу читающей русской публики стало пользоваться имя Нарѣжнаго послѣ появленія его романа „Бурсакъ“ (1824), который былъ издаваемъ нѣсколько разъ. Въ немъ мы видимъ первую и весьма удачную попытку историческаго романа на Руси, хотя Нарѣжный не задавался историческою цѣлью, желаніемъ изобразить событія и нравы какой-либо страны въ извѣстную эпоху, какъ дѣлали это романисты наши, воспитанные въ школѣ Вальтеръ-Скотта: Загоскинъ и Лажечниковъ. У Нарѣжнаго не было такой цѣли; по тогдашнимъ понятіямъ о романѣ, онъ не могъ и думать о ней. Его желаніе заключалось только въ томъ, чтобъ заинтересовать читателя заманчивою интригою романа, болѣе или менѣе интересными приключеніями и непремѣнно любовными похождениями главныхъ лицъ романа, на которыхъ сосредоточивается главное вниманіе. Какъ во всякой эпической поэмѣ, требованія которой, конечно за исключеніемъ общаго характера лицъ и событій, сохранялись и въ романѣ, мы встрѣчаемъ въ немъ нѣсколько эпизодовъ, вставочныхъ, отдѣльныхъ разсказовъ, которые на время прерываютъ нить главнаго. Изображая характеры, авторъ не думалъ о томъ, чтобы они были вѣрны исторической дѣйствительности. Это были общіе, по большей части нравственные типы и сообразно тому они носили и имена. Несмотря, однакожъ, на такіе невыгодныя стороны тогдашняго романа, которыми онъ удовлетворялъ требованіямъ современной теоріи, въ романѣ Нарѣжнаго, независимо отъ воли автора, является передъ нами историческая дѣйствительность Малороссіи въ концѣ XVII вѣка. Лучшую сторону „Бурсака“, болѣе подробно развитую и болѣе любопытную, составляетъ изображеніе Киевской бурсы съ ея оригинальнымъ устройствомъ, заимствованнымъ изъ западныхъ схоластическихъ школъ и съ дисциплинарными мѣрами, которыя держались очень долго и въ великорусскихъ семинаріяхъ. „Почтенное сословіе бурсаковъ, говоритъ Нарѣжный, образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а прочіе богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ дикторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; поэты называются целе-

рами или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебейнъ или чернь—простой народъ. Еслибъ консулъ сдѣлалъ какое позорное дѣло, то сенаторы доносятъ о томъ ректору, и тотъ немедленно снимаетъ съ него сей величественный санъ, и, наказавъ, по мѣрѣ вины, палками, розгами или и батожемъ, обращаетъ въ званіе сенатора“... ¹⁾). Характеръ всего воспитанія и образъ нравовъ въ бурсѣ, которая, несмотря на свои недостатки, пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны южно-русскаго народа, изображены чрезвычайно вѣрно Нарѣжнымъ и, что главное, безъ всякой предвзятой мысли, безъ желчи и злобы, которыми проникнуты печальные очерки Помяловскаго, вынесшаго на себѣ всю уродливую тягость прежняго бурсацкаго воспитанія. Нарѣжный относится къ бурсѣ съ какою-то наивною любовью и много-много развѣ съ добродушною насмѣшливостью. Правда, и цѣль у него была другая, не обличительная. Кромѣ бурсаковъ и бурсы, въ которой получилъ воспитаніе главный герой романа, дѣлающійся при развязкѣ изъ сына простого дьячка—внукомъ малороссійскаго гетмана, читателя вообще окружаютъ живыя лица малороссійской дѣйствительности XVIII вѣка: и казаки, и польскіе паны, и жида, и шинкари. Только позднѣйшій, напр., намъ современный читатель не можетъ удовлетвориться запутанностью походовъ героя и его приключеніями.

Другой романъ Нарѣжнаго, вышедшій въ годъ его смерти, „Два Ивана или страсть къ тяжбамъ“ ²⁾), заимствованъ авторомъ также изъ хорошо знакомаго ему быта Малороссіи и рисуетъ весьма извѣстную, оригинальную черту нравовъ этой страны, состоящую въ страсти къ тяжбамъ и сутяжничеству вообще, которую такъ гениально осмѣялъ потомъ Гоголь въ своей ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Весьма вѣроятно, что эта страсть къ тяжбамъ и процессу развилась въ Малороссіи съ того времени, какъ она потеряла свою независимость и слилась въ одно цѣлое съ политической жизнью Москвы, въ этомъ сутяжничествѣ надо видѣть какъ бы замѣну прежняго болѣе полного политическаго существованія, гдѣ каждый стоялъ за свои права и сознавалъ ихъ. Не изъ Москвы, однакожъ, перешла въ Малороссію эта страсть къ сутяжничеству, а изъ Польши, съ которой она долго была соединена и государственными и духовными интересами. Польша страдала тою же язвою. Это явленіе было вполне естественно. Развитыя формы юридическаго процесса были заимствованны Польшею изъ болѣе сложной и развитой жизни Запада; посредствомъ Литовскаго Статута

¹⁾ Бурсакъ. М. 1824. стр. 23—24.

²⁾ 3 ч. М. 1825 г.

перешли они потомъ и въ Малороссію. Чѣмъ не развитіе, проще и патриархальнѣе быть страны, тѣмъ менѣе годятся для нея формы сложнаго процесса, который представляетъ легкую возможность людямъ ловкимъ и беззащитнымъ, хорошо познакомившимся съ формами процесса, жить на счетъ обманываемыхъ ими темныхъ бѣдняковъ, какъ это зачастую случалось и во времена позднѣйшія и въ болѣе развитомъ состояніи общества. Вотъ въ чемъ заключалась историческая причина той страсти къ тяжбамъ, которую Нарѣжный старался изобразить въ своемъ романѣ „Два Ивана“. Юморъ, съ которымъ выставилъ онъ различныя перипетіи тяжбы, добродушная насмѣшливость, съ которою онъ относится къ забавно грустнымъ увлеченіямъ своихъ героевъ, весьма замѣчательны. Гораздо слабѣе собственно романическая сторона разсказа, безъ которой нельзя было обойтись, и нравственные выводы, дѣлаемые авторомъ. Эти стороны были не въ характерѣ литературнаго таланта автора. Кромѣ этихъ двухъ романовъ, которые не допускаютъ до забвенія въ исторіи русской литературы имени Нарѣжнаго, онъ написалъ нѣсколько повѣстей, которыя были собраны вмѣстѣ. Всѣ онѣ гораздо слабѣе романовъ. Уже послѣ смерти его былъ напечатанъ большой романъ его „Черный годъ или горскіе князья“ ¹⁾, матеріалъ для котораго по всей вѣроятности доставила Нарѣжному служба его въ Грузіи въ молодости. Романъ этотъ однако не выдержитъ сравненія въ достоинствѣ съ первыми двумя. Обстановка Кавказа не была такъ хорошо знакома Нарѣжному, какъ родная. Притомъ романъ этотъ изобилуетъ слишкомъ грубыми картинами дѣйствительности, которыя довольно часто доходятъ до цинизма. Нарѣжный какъ бы съ любовью останавливается на нѣкоторыхъ довольно двусмысленныхъ изображеніяхъ.

Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о личности романиста. Послѣ неудачи своего „Россійскаго Жилблаза“ и послѣ непріятностей, полученныхъ имъ по поводу цензурнаго запрещенія, Нарѣжный снова вступилъ въ 1815 году на службу и служилъ очень усердно лѣтъ десять. Онъ не принадлежалъ ни къ какимъ литературнымъ кружкамъ, велъ уединенную, семейную, сидячую жизнь и проводилъ все утро на службѣ. Нарѣжный умеръ сорока пяти лѣтъ.

Рядомъ съ Нарѣжнымъ по непосредственному отношенію къ дѣйствительности, отношенію нѣсколько грубому, которое онъ самъ понималъ, говоря о себѣ, что онъ „писатель не для дамъ“, даже по сатиру на современность, его окружавшую, насколько сатиру эту допускала цензура, можетъ быть поставленъ писатель уже чисто русскаго происхожденія, довольно плодовитый, дѣйствовавшій въ лите-

¹⁾ 4 ч. М. 1829 г.

ратурѣ долго, пережившій въ теченіе этихъ долгихъ лѣтъ нѣсколько направлений русской словесности и писавшій въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Мы говоримъ объ А. Е. Измайловѣ. Онъ былъ баснописецъ, писалъ сказки, сатиры и множество мелкихъ произведеній въ стихахъ; онъ писалъ въ прозѣ романы, критическія статьи и т. п. Больше, впрочемъ, Измайловъ писалъ стихи, потому что его литературная дѣятельность происходила въ то время, когда всѣ писали стихи. Главное направленіе его литературной дѣятельности было сатирическое, и оказывая имъ противодѣйствіе сентиментальности карамзинистовъ, Измайловъ оказалъ дѣйствительную услугу русской литературѣ. Какъ человекъ долго жившій, подвижной по натурѣ своей и впечатлительный, онъ отзывался на многія явленія жизни.

Биографическія свѣдѣнія объ Александрѣ Ефимовичѣ Измайловѣ чрезвычайно скудны, особенно за первое время его жизни, когда онъ только-что началъ писать. Потомъ, въ ту пору, когда онъ является дѣятельнымъ лицомъ въ петербургской литературѣ и издаетъ одинъ за другимъ нѣсколько журналовъ, мы встрѣчаемъ его постоянно въ кругу писателей, въ тѣхъ разнообразныхъ и дѣятельныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ долженъ находиться всякій журналистъ. Этою стороною въ литературныхъ преданіяхъ того времени и по мелкимъ замѣткамъ, довольно обильно разбросаннымъ въ его сочиненіяхъ, онъ достаточно знакомъ; но интимная, внутренняя сторона Измайлова намъ совершенно неизвѣстна. Измайловъ былъ сынъ бѣднаго помѣщика Владимірской губерніи. Родился онъ въ 1779 году въ деревнѣ отца, учился въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, куда поступилъ съ помощью добрыхъ людей и хотя долженъ былъ, происходя изъ дворянскаго сословія, поступить въ гвардію, куда былъ записанъ съ дѣтства, но по слабости здоровья отказался отъ военной службы и поступилъ въ министерство финансовъ. Тогда же, слѣдовательно въ очень молодыхъ лѣтахъ, онъ сталъ писать: видно, что и горный корпусъ не далъ ему никакого спеціальнаго направленія. Измайловъ самъ вспоминаетъ о своемъ ученіи въ горномъ корпусѣ слѣдующимъ образомъ: „Въ мое время учили въ горномъ [корпусѣ] очень хорошо, только не горнымъ наукамъ. Химія преподавалась тогда безъ опытовъ; минеральный кабинетъ былъ почти безъ штуфовъ и немного приносилъ пользы учащимъ“¹⁾. Съ учрежденія горнаго училища (1774 г.) до переименованія его въ горный кадетскій корпусъ (1804 г.), въ горную службу вышелъ только одинъ офицеръ. Зато Измайловъ сдѣлался писателемъ. Первое произведеніе Измайлова, написанное имъ, въ то время, по его словамъ, когда онъ былъ всего восемнад-

¹⁾ Благонамѣренный 1821 г.

цати лѣтъ отъ роду, замѣчательно въ томъ отношеніи, что въ немъ уже видно направленіе, которое отличало литературную дѣятельность Измайлова во все время ея. Въ романѣ или, какъ онъ озаглавилъ „повѣсти“: „Евгеній или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и общества“¹⁾, Измайловъ обратился къ дѣйствительности, его окружавшей. Конечно съ его стороны сдѣлано это невольно, безсознательно, цѣль у него была другая, не желаніе воспроизвести жизнь, дѣйствительную, а написать нравоученіе, сатиру. Но и то уже дѣлаетъ честь его уму и наблюдательности, что во время господства ложной чувствительности, которая извращала, а не изображала жизнь онъ не подчинился ей, и пошелъ своей собственной дорогой. Повѣсть Измайлова изображаетъ время въ концѣ царствованія Екатерины. Онъ самъ назначаетъ для нея 1791 г., но она была напечатана при Павлѣ, въ то время, когда особенно строго дѣйствовала цензура, когда всѣ жаловались на нее. Какъ извѣстно, царствованіе Павла составляло нѣкотораго рода реакцію противъ той нравственной распущенности, которая господствовала при Екатеринѣ, волновавшейся подъ конецъ жизни изъ за французской революціи и рѣчей якобинцевъ и совершенно равнодушно смотрѣвшей на придворный развратъ, на всеобщее грабительство, считавшееся въ порядкѣ вещей и никого не возмущавшее. Павелъ своими строгостями разогналъ толпу придворныхъ тунеядцевъ, подтянулъ распущенную лѣнивую гвардію, измѣнилъ даже самый образъ петербургской жизни, который на нѣсколько лѣтъ принялъ пуританскій оттѣнокъ. Вотъ, можетъ быть, причина, почему цензура не дѣлала затрудненій къ выходу въ свѣтъ повѣсти Измайлова. Ея сатирическое отношеніе къ недавно пережитой дѣйствительности соотвѣтствовало тогдашнему настроенію власти. „Евгеній“—повѣсть Измайлова рисуется въ высшей степени неутѣшительную картину нашего дворянскаго общества или бытъ среднихъ помѣщиковъ въ концѣ XVIII вѣка, но не на мѣстѣ ихъ дѣятельности, не въ деревнѣ, а въ Москвѣ и въ Петербургѣ, гдѣ они проживаютъ свои достатки, прибрѣтенные всячески, самымъ нелѣпымъ и безпутнымъ образомъ. Повѣсть Измайлова чрезвычайно наглядно, хотя и грубыми, толстыми штрихами изображаетъ передъ читателемъ ту лживую, бессодержательную, но наведенную лоскомъ цивилизацію, которую заимствовали тогда изъ Европы наши высшіе классы общества. Передъ нами всѣ пороки внѣшней цивилизаціи и ни одной человѣческой добродѣтели, какъ нѣтъ во всей повѣсти ни одного честнаго лица. Изъ нея выносишь самое тяжелое впечатлѣніе, и чтеніе ея мы рекомендуемъ тѣмъ нашимъ консерваторамъ, которые

¹⁾ СПб. 1799—1801 г.

еще отстаиваютъ доброе старое время и мечтаютъ о прагѣдовскихъ парикахъ. Передъ нами люди, одѣтые по европейски, съ приличною обстановкою жизни, которая позволяетъ имъ представить изъ себя то, что обыкновенно называютъ „свѣтскимъ обществомъ“, они ѣдятъ французскія блюда, пьютъ французское вино, одѣваются въ шолкъ и бархатъ, ѣздятъ въ театры и на балы, пудрятся и завиваются, играютъ въ карты, особенно въ азартныя игры, танцуютъ и развратничаютъ самымъ безстыднымъ образомъ, жена измѣняетъ мужу, мужъ женѣ, и все это публично, на глазахъ у всѣхъ. Молодые гвардейскіе офицеры, герой повѣсти—пьютъ, играютъ въ карты, развратничаютъ, мотають отцовскія деньги; да и сами отцы и матери, поразстрясши на безпутныя удовольствія столицы деревенскую кису, принимаются мошенничать и обманывать другъ друга самымъ наглымъ образомъ. Мошенничество, обманъ и безстыдное вымогательство чужихъ денегъ возведено чуть не въ систему и составляетъ какъ бы круговую поруку этого общества. Ни одного духовнаго интереса, ни одной честной мысли или честнаго убѣжденія авторъ не нашелъ въ этомъ отвратительномъ, отталкивающимъ обществѣ. Какъ статисты, какъ фигуры безъ словъ посреди главныхъ дѣйствующихъ лицъ, являются толпы забитыхъ и запуганныхъ дворовыхъ и крестьянъ, какъ простыя орудія, какъ домашній скотъ. Ихъ бьютъ, сѣкутъ непрерывно, обращаются съ ними, какъ съ собаками, но это не вызываетъ со стороны ихъ ни жалобы, ни ропота; зато ихъ безсловесныя фигуры прекрасно отгѣняютъ общую картину, придавая ей еще болѣе мрачный колоритъ. Намъ, можетъ быть, возразятъ, что такое изображеніе общества Измайловымъ есть карикатура, предумышленная сатира на современные нравы. Не отрицая нѣкотораго преувеличенія, весьма возможнаго при тогдашнемъ отношеніи писателя къ обществу, мы однако можемъ положительно утверждать, что Измайловъ, изображая свои лица, не имѣлъ въ виду сатиры; ни въ одномъ мѣстѣ его повѣсти незамѣтно резонирования; онъ говоритъ совершенно свободно, почти, кажется, не возмущаясь изображаемыми имъ жизненными явленіями. Измайловъ былъ слишкомъ молодъ, чтобъ имѣть вполне сознательное отношеніе къ дѣйствительности, выставленной имъ въ романѣ:

„Осмынадцати, не больше лѣтъ
Урода этого я произвелъ на свѣтъ“.

говорилъ онъ впоследствии о своемъ первомъ романѣ. Онъ написалъ его очень „скоро, въ небольшое остающееся отъ должности время“¹⁾.

¹⁾ Предисловіе.

Содержаніе романа этого очень просто. Это исторія молодого человека, какихъ въ то время было, вѣроятно, не мало. Онъ сынъ зажиточнаго помѣщика, нажившаго, впрочемъ, состояніе сутяжничествомъ и ростовщичествомъ; при рожденіи онъ уже записанъ сержантомъ въ гвардію. Первый воспитатель его—французъ гувернеръ, бѣглый, клейменный каторжникъ; затѣмъ Евгенийъ поступаетъ въ пансіонъ къ нѣмцу, который болѣе пятнадцати лѣтъ содержалъ шинокъ въ своей родной деревнѣ. Главные предметы ученія, французскій языкъ и танцованіе, но при этомъ Евгенийъ выучивается пить и играть въ банкъ. По французски въ пансіонѣ онъ читалъ только тысячу и одну ночь, а по-русски „письменные сочиненія того поэта, который въ храмахъ Бахуса составлялъ стихи въ честь Пріапа“ ¹⁾. Не лучше дѣло ученія шло и въ Московскомъ университетѣ. „Товарищи его, которымъ онъ доставлялъ увеселеніе въ домахъ, гдѣ торгуютъ напитками и женскими прелестями, дѣлали по дружбѣ вмѣсто него задачи, ему даванныя. Вопрошенный же въ классѣ наставникомъ, испытующимъ его память, повторялъ онъ громко слова, произносимыя ему тихо—услужливыми его пріятелями, или хранилъ молчаніе, всегдашній признакъ знанія ²⁾. Герой романа только глупъ и хвастливъ; но у него скоро нашелся товарищъ, который забралъ его въ руки. Это былъ „человѣкъ посредственныхъ дарованій, посредственныхъ знаній, испорченныхъ нравовъ и испорченнаго сердца; хвасталъ какъ педантъ, пилъ какъ ремесленникъ, игралъ на бильярдѣ какъ маркеръ, злословилъ какъ богомолка и умѣлъ съ несказаннымъ искусствомъ жить на счетъ другихъ“ ³⁾. Съ нимъ вмѣстѣ Евгенийъ отправляется въ Петербургъ, чтобъ поступить въ гвардію въ дѣйствительную службу и приключенія ихъ дорогою и потомъ въ Петербургѣ, различныя встрѣчи и знакомства въ этомъ городѣ и пустая жизнь, которую ведутъ они въ обществѣ, гдѣ все основано на взаимномъ обманѣ, составляетъ вторую и главную часть разсказа Измайлова. Деньги, данныя родителями, проживаются очень скоро и вся изобрѣтательность друзей состоитъ въ томъ, чтобъ выманить ихъ побольше подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами. Наконецъ, къ величайшему удовольствію сына, и отецъ и мать его умираютъ и онъ дѣлается полновластнымъ распорядителемъ родительскаго наслѣдства, которое, разумѣется, очень скоро проживаетъ, и герой романа умираетъ 24 лѣтъ отъ роду въ тюрьмѣ,—куда онъ былъ посаженъ за долги,—отъ горячки.

¹⁾ Евгений. СПб. 1799, стр. 25.

²⁾ Ibidem, стр. 40.

³⁾ Ibidem, стр. 42.

Фабула разсказа, какъ видите, не замысловата; приключенія героевъ вовсе не занимательны, и просты и однообразны, но они, очевидно, принадлежать къ такимъ, какиихъ въ самомъ дѣлѣ было не мало. Авторъ какъ бы торопился поскорѣе кончить со всѣми лицами, выведенными въ его разсказѣ и каждое изъ нихъ оканчиваетъ свою дѣятельность весьма неблагопріятнымъ образомъ: въ этомъ сказывается та поучительная цѣль, которую необходимо долженъ былъ преслѣдовать старинный романистъ, т.-е. воздѣлать каждому по дѣламъ его, наказать порока и наградить добродѣтели. Впрочемъ, въ разсказѣ Измайлова нѣтъ ни одного лица, которое слѣдовало бы наградить за добродѣтель. Это собраніе печальныхъ, отталкивающихъ личностей, изъ которыхъ состояло общество наше въ концѣ XVIII вѣка и авторъ хорошо сдѣлалъ, что изображая кость отъ кости и плоть отъ плоти этого общества, не вывелъ, подобно Фонвизину резонирующихъ и скучныхъ по своему идеализму личностей. Можетъ быть Измайловъ, котораго обыкновенно въ нашей критикѣ называли „позтомъ грубой дѣйствительности“ и не могъ этого сдѣлать по самому свойству своего таланта, никогда не бравшагося за такъ называемые возвышенные предметы. Впечатлѣніе, производимое чтеніемъ его разсказа—очень грустно. Мы не наталкиваемся въ немъ ни на одно человѣческое чувство, не отдыхаемъ ни на одной личности. Все пошло и грубо до крайней степени. Измайлова обыкновенно называютъ Теньеромъ русской словесности, т.-е. именемъ того великаго живописца фламандской школы, который любилъ изображать на полотнѣ пирушки, сцены кабаковъ и разгулъ родныхъ праздниковъ своихъ. Самъ Измайловъ соглашался съ этимъ названіемъ и въ дружескихъ письмахъ, говоря о своемъ авторствѣ и его содержаніи, онъ выражается, что „теньерить“. Что касается до особеннаго цинизма въ выраженіи, въ которомъ обвиняютъ Измайлова, то мы обязаны снять съ него упрекъ въ этомъ. Надобно быть слишкомъ чопорнымъ, чтобы найти въ Измайловѣ этотъ недостатокъ.

„Евгеній“ имѣлъ значительный литературный успѣхъ, такъ что Измайловъ въ 1801 году издалъ другой подобный же разсказъ изъ русской дѣйствительности, но слабѣе перваго — „Бѣдная Маша“ ¹⁾.

Все это писалось между дѣломъ, на службѣ, а служба Измайлова въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, въ которой онъ служилъ постоянно, шла довольно счастливо въ началѣ царствованія императора Александра, когда стали особенно цѣнить молодыхъ, образованныхъ чиновниковъ, имѣющихъ „хорошій слогъ“ въ дѣловыхъ бума-

¹⁾ Сочиненія. Изд. 1849 г., ч. II, стр. 391—406

тахъ. Въ это время различныхъ преобразованій и проектовъ Измайловъ, увлеченный общимъ настроеніемъ, сталъ касаться въ литературныхъ трудахъ своихъ разныхъ общественныхъ вопросовъ. Изъ нихъ вопросъ о нищенствѣ обратилъ на себя вниманіе самого государя. Въ Высочайшемъ рескриптѣ дѣйствительному камергеру Виттову 1802 г. говорилось объ увеличеніи нищихъ въ Россіи и высказывалось замѣчательное убѣжденіе Александра, что „обыкновенное подаваніе нищимъ умножаетъ только число оныхъ“. Слова эти взялъ Измайловъ эпиграфомъ для изданнаго имъ въ 1804 году сочиненія: „Разсужденіе о нищихъ; какимъ способомъ можно уменьшить у насъ въ Россіи, великое число оныхъ и доставить всѣмъ прочимъ безнужное пропитаніе, безъ всякаго на то изживенія отъ казны“ ¹⁾. Средства, предлагаемыя Измайловымъ, были довольно практическія, по-видимому они были заимствованы изъ англійскихъ учрежденій въ этомъ родѣ. Измайловъ предлагалъ приписать всѣхъ нищихъ къ различнымъ церковнымъ приходамъ, гдѣ при церквахъ должны быть общія для прихода книги и кружки. Изъ послѣднихъ церковный староста, въ присутствіи священника, долженъ былъ раздавать каждому нищему въ воскресенье на недѣльное содержаніе; при большомъ количествѣ сбора въ пользу нищихъ раздавать имъ ежемѣсячное содержаніе, или нанять вблизи церкви особенную квартиру для нищихъ прихода, гдѣ бы они могли жить подъ надзоромъ благонадежнаго церковнослужителя. Измайловъ предлагалъ для увеличенія сбора въ пользу приходскихъ нищихъ дозволить выставлять кружки въ разныхъ публичныхъ мѣстахъ: въ маскарадахъ, театрахъ, трактирахъ и т. п. Надобно замѣтить, что, касаясь такимъ образомъ вопроса о благотворительности и о нищенствѣ, Измайловъ разсуждалъ о немъ не только потому, что государь указалъ на него, что онъ сдѣлался какъ бы моднымъ вопросомъ времени, нѣтъ—Измайловъ по глубокому сердечному убѣжденію былъ истинно-благотворительный человекъ, насколько позволяли ему служебныя средства, жалованье и скудный доходъ отъ литературы. Послѣ отца на долю его и сестры осталось только 7 душъ крестьянъ. Современники единогласно свидѣтельствуютъ о его добромъ, честномъ характерѣ и о его благотворительности ²⁾. То же свидѣтельствуетъ и довольно обширная помощь *бѣднымъ*, которыхъ онъ различалъ отъ нищихъ собственно, организованная Измайловымъ при издаваемомъ имъ журналѣ „Благонамѣренный“ (1818—1826). Почти въ каждомъ номерѣ своего журнала Измайловъ рекомендовалъ читателямъ бѣдныя семейства, о бѣдности

¹⁾ Ibidem, стр. 407—422.

²⁾ Иллюстрація 1846 г., №№ 17 и 18.

которыхъ онъ узнавалъ лично, посѣщая ихъ. Такимъ образомъ ему удалось въ теченіе всего существованія своего журнала содержать на счетъ благотворительности общества нѣсколько бѣдныхъ семействъ. Въ концѣ каждаго журнальнаго года Измайловъ печаталъ для публики отчетъ объ употребленіи пожертвованныхъ суммъ.

Въ 1807 году Измайловъ издалъ еще брошюру по текущимъ вопросамъ: „Вчерашній день или нѣкоторыя размышленія о жалованьѣ и о пенсіяхъ“ ¹⁾. Изъ всего этого видно, что въ характерѣ Измайлова, живомъ, впечатлительномъ, лежало чувство дѣйствительности и живого отношенія къ жизни. Это доказывается и его любовью къ журнальному дѣлу, которое онъ могъ вести настолько, насколько позволяли это литературныя условія того времени и въ особенности цензура. Въ началѣ царствованія Александра, когда Измайловъ по своимъ напечатаннымъ литературнымъ трудамъ, по бойкому уму и значительному образованію сталъ пользоваться успѣхомъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ петербургскаго общества, онъ главнымъ образомъ хлопоталъ объ устройствѣ „Общества любителей словесности, наукъ и художествъ“ и вербовалъ въ него членовъ. Объ этомъ обществѣ мы уже имѣли случай говорить.

Въ 1803 году онъ женился; его семейная жизнь была счастлива и спокойна; Измайловъ былъ доволенъ ею, кромѣ развѣ того обстоятельства, что увеличеніе семьи вело къ грустному сознанію о недостаточности средствъ для воспитанія дѣтей. Но и тутъ счастье выручило Измайлова: всѣ дѣти его были воспитаны на казенный счетъ и ему удалось еще при жизни устроить ихъ судьбу: и сыновей и дочерей...

Измайловъ былъ рожденъ публицистомъ и не существуя, конечно, столько препятствій къ тому въ нашей литературѣ, онъ могъ бы приносить извѣстную долю пользы обществу. Все же его живое и дѣятельное отношеніе къ жизни не могло быть совершенно подавлено и невольно высказывалось даже въ искусственныхъ и ложныхъ родахъ поэзіи, которыми онъ занимался, въ угодность господствовавшей теоріи. Ему доставили извѣстность и даже нѣкотораго рода славу басни, особенно когда приходилось сравнивать эти произведенія его съ другими, съ баснями Хемницера, Дмитриева, Крылова: тогда критика обыкновенно старалась найти въ немъ черты оригинальныя, отличающія его отъ другихъ представителей этого рода. Вотъ что говоритъ объ Измайловѣ по этому случаю Бѣлинскій: „Онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, пьяные мужики и бабы, ерофейчъ, сивуха, пиво, паюсная икра, лукъ, соленая севрюжина;

¹⁾ Соч., II, стр. 423—440.

мѣсто дѣйствія — изба, кабакъ и харчевня. Хотя многія изъ его басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривіальностью, зато нѣкоторыя отличаются истиннымъ талантомъ и плѣняютъ какою-то мужиковатою оригинальностью“¹⁾). Намъ кажется, что Измайловъ выбралъ басню и окружилъ ея фабулою оригинальный міръ дѣйствующихъ въ ней личностей именно вслѣдствіе присущаго ему чувства дѣйствительности.

Любимымъ родомъ поэзіи для Измайлова были *басни* и *сказки*, между которыми трудно сдѣлать какое-либо различіе, если судить по содержанію ихъ у него. Кажется, что различіе это Измайловъ заимствовалъ отъ Лафонтена, котораго рассказы дѣлятся на *fables* и *contes*: въ первыхъ непременно дѣйствуютъ животныя, иногда и съ людьми; во вторыхъ — только люди; Лафонтенъ заимствовалъ содержаніе своихъ сказокъ изъ рассказовъ труверовъ или изъ новеллъ Боккачіо; множество „странствующихъ“ рассказовъ, издавна знакомыхъ европейскому обществу, начиная съ среднихъ вѣковъ, передано было сказками Лафонтена; это небольшіе анекдоты о человѣческой глупости или слабости, иногда пикантнаго содержанія, переданные въ стихахъ. Въ сказкахъ Измайлова мы встрѣчаемъ такого же рода анекдоты, но безъ всякихъ европейскихъ воспоминаній, какъ это было у Лафонтена.

Сказки Измайлова — это русскіе житейскіе случаи, иногда весьма пустыне, иногда довольно замысловатые. Измайловъ считалъ басню своимъ призваніемъ, онъ называлъ себя обыкновенно, и въ стихахъ и въ прозѣ, „фабулистомъ“, хотя былъ очень мало оригиналенъ въ этомъ родѣ. Сознавая это, онъ указалъ тѣ источники, которыми пользовался при написаніи басенъ, и авторовъ, изъ которыхъ онъ переводилъ или заимствовалъ²⁾). Всѣхъ басенъ, заимствованныхъ имъ у французскихъ преимущественно писателей — до шестидесяти. Но Измайловъ не указалъ на тѣхъ русскихъ баснописцевъ, которымъ онъ видимо подражалъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ басенъ, гдѣ очень часто слышатся отголоски и Хемницера и Дмитріева и Крылова. Измайловъ написалъ даже теоретическое разсужденіе „О разсказѣ басни съ присовокупленіемъ разбора нѣкоторыхъ образцовыхъ русскихъ басенъ“³⁾). Разсужденіе это также не самостоятельно; оно основано на сочиненіяхъ разныхъ французскихъ теоретиковъ прошлаго вѣка и изъ него явствуетъ, что цѣль басни у Измайлова, согласно господствовавшей теоріи, была дидактическая, т.-е. право-

¹⁾ Басни Ивана Крылова.

²⁾ Предисл. ко 2-му изд. „Басень“, 1816 г.

³⁾ Соч. II, стр. 730.

ученіе. На него онъ и обращалъ главное вниманіе и выводилъ изъ разсказа свою мораль часто вдвойнѣ и вовсе не у мѣста, иногда даже тамъ, гдѣ она совершенно ясна для самаго недалекаго читателя. Форма басни, слѣдовательно, у него была предвѣреннѣйшая; Измайлову казалась она удобною для того, чтобъ высказать извѣстныя истины обществу. Какъ въ странѣ деспотизма и молчанія — на Востокѣ, такъ и у насъ баснѣ, какъ извѣстно, посчастливилось въ литературѣ. Ея безобидная, многовѣковая форма не такъ возбуждала подозрѣнія. Еще въ 1802 году Измайловъ передѣлалъ изъ Лафонтена „Происхожденіе и польза басни“, которая въ первомъ изданіи называлась смѣлѣе „Истина во дворцѣ“. Въ ней разсказывается, что истина нагая однажды взшла въ чертогъ къ царю и смѣло заговорила правду; царь въ гнѣвѣ закричалъ, упрекая ее въ безстыдствѣ и дерзости и требовалъ отвести ее въ сумасшедшій или въ смиренный домъ. Вѣдную съ позоромъ вывели изъ дворца. Тогда истина явилась къ царю въ другой разъ, но уже не нагая, какъ прежде, а въ блестящей и дорогой одеждѣ, взятой ею у вымысла. Ее приняли, ее послушались и она стала дѣлать свое благое дѣло. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ дѣлать заключенія о глубокомъ содержаніи басенъ и сказокъ Измайлова. Мораль, развиваемая въ нихъ вовсе не глубока; это простая, обыденная, житейская мысль, выраженная въ болѣе или менѣе замысловатой формѣ.

Намъ должно только сказать, насколько въ басняхъ Измайлова заключается національныхъ или оригинальныхъ, ему принадлежащихъ собственно элементовъ и сколько въ нихъ чертъ современности. Оригинальною чертою въ басняхъ Измайлова, сравнительно съ другими нашими произведеніями этого рода, можетъ быть выставлено частое отношеніе ихъ къ литературѣ, хотя намеки баснописца вообще довольно общи и неопредѣленны, когда онъ смѣется надъ тѣмъ или другимъ поэтомъ-приемачемъ, критикомъ или журналистомъ; читатель узнаетъ развѣ только одного несчастнаго графа Хвостова, надъ которымъ смѣялись тогда всѣ, или замѣтитъ темные намеки на какихъ-то „баловней-пѣнцовъ“, подъ которыми, по всей вѣроятности, надобно разумѣть молодого Пушкина и его школу. Первому досталось больше всѣхъ ¹⁾. Къ Шишкову Измайловъ относился тоже съ неуваженіемъ. Если по содержанію и характеру своихъ произведеній, онъ шелъ по дорогѣ противоположной Карамзину, то онъ раздѣлялъ общее мнѣніе всѣхъ послѣдователей его на счетъ реформы въ слогѣ и былъ противъ притязаній Шишкова и его такъ называемой славянофильской

¹⁾ Сказки: Стихотворецъ и чортъ, Страсть къ стихотворству и Смерть и стихотворецъ.

школы. Въ журналѣ „Цвѣтникъ“, издаваемомъ имъ въ 1809 и 1810 годахъ, вмѣстѣ съ Беницкимъ и Никольскимъ, помѣщены самыя главныя критическія статьи противъ Шишкова, хотя и не ему принадлежащія. Но зато его собственная басня „Шутъ въ парикѣ“, написанная въ 1811 году, направлена уже прямо на главу славянофиловъ „Бесѣды“. Подъ „шутомъ въ парикѣ“ всякій узнаетъ Шишкова и его товарища, извѣстнаго поэта въ „Бесѣдѣ“ — князя Ширинскаго-Шихматова. Шутъ нападаетъ на современную одежду и видитъ въ ней развращеніе нравовъ, а когда ему указываютъ, что онъ самъ носить французскій парикъ, онъ кричитъ:

„Безбожникъ! измѣнникъ! фармасы!
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ“...

Міросозерцаніе Измайлова, раскрывающееся въ его басняхъ и сказкахъ — не велико. Онъ касался только доступныхъ, близкихъ или хорошо знакомыхъ ему предметовъ. Говоря о немъ, не слѣдуетъ нисколько забывать, что мы имѣемъ дѣло не съ могучимъ талантомъ и съ негодованіемъ не очень глубокимъ, которое и по самой силѣ вещей могло скользить только по наружности предметовъ, вызывающихъ сатиру. Измайловъ ограничивался только легкою насмѣшкою; да это такъ и должно было быть, потому что она вызывалась собственно не сознаніемъ порока во всей его обширности, какъ болѣзнь развѣдающаго общественный организмъ, а частнымъ случаемъ, имъ же самимъ рассказаннымъ болѣе или менѣе остроумно въ анекдотической формѣ. Возьмемъ, напр., *взяточничество*, которое процвѣтало въ его время. Измайловъ иронизируетъ надъ нимъ:

„Ахъ! если бы хотя подѣ старость далъ мнѣ Богъ
Мѣстечко гдѣ-нибудь такое,
Гдѣ-бъ могъ остатокъ дней я провести въ покоѣ,
Гдѣ-бъ взятки брать иль красть я могъ.—
Клянуся честію и совѣстью моею,
Ужъ далъ бы знать себя! Что? скажутъ: не умѣю?
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многихъ, можетъ быть, еще и поучу.
Взгляните: грамотѣ иныя не умѣютъ,
А какъ живутъ, какъ богатыютъ!
Вотъ главное: *имѣть не надобно стыда*.
Отставятъ? — отставляй, и это не бѣда:
Коль наживу полмилліона,
Въ отставку самъ тогда пойду безъ пенсіона“¹⁾.

¹⁾ Карета и лошади.

Въ баснѣ „Приказные синонимы“ разсказывается о чиновникѣ, который тянетъ правое дѣло просителя, потому что онъ не понимаетъ значенія слова „доложить“; или о другомъ, объясняющемъ, что дѣло *такъ* не можно рѣшить ¹⁾. Откуда-жъ самое зло? Злу этому Измайлову кажется такъ легко пособить:

„Поставили на улицѣ фонарь
И уняли ночного вора“ ²⁾.

Отсюда онъ выводитъ:

„Плутъ секретарь
Остерегается прямого прокурора“ ³⁾.

Зло взятокъ происходитъ, по словамъ Измайлова, „отъ темноты, невѣжества и глухой доброты“. Такъ у него не разъ приводятся въ басняхъ и казнокрадство и знаменитыя интендатскія продѣлки; но онъ только добродушно смѣется.

Берется ли Измайловъ за пьянство—онъ выставляетъ по обычаю ироническую мораль:

Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
„Хоть людямъ вредъ,—зато откупщикамъ доходъ“ ⁴⁾.

или рисуетъ веселыя, вполне простонародныя фигуры пьяницъ. Напр.

„Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался“ ⁵⁾.

Это вполне народная фигура: онъ пьетъ и съ горя и радости. Но она возбуждаетъ только добродушный смѣхъ по той юмористической обстановкѣ, которую далъ ей авторъ. Да и нельзя не смѣяться:

„Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ“ ⁶⁾.

И эти воины давно уже не существуютъ въ своемъ прежнемъ видѣ.

¹⁾ Такъ да не такъ.

²⁾ Фонарь.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Пьяница.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ Ibidem.

Берется ли Измайловъ за сюжеты изъ отношеній помѣщиковъ къ крѣпостнымъ,—которые, по его же собственнымъ словамъ, часто мучать своихъ людей не хуже, чѣмъ крестьяне лошадей ¹⁾, онъ не касается этихъ отношеній, а только рисуетъ болѣе или менѣе смѣшныхъ представителей барской воли: то калужскаго дворянина, любителя пѣвня съ хоромъ изъ крѣпостныхъ, гдѣ лакей Потапъ поетъ баса, теноромъ является псарь Гаврюшка, альтистомъ — форейторъ Андрюшка и пр. ²⁾; то пяти тысячнаго помѣщика-затѣйника, у котораго былъ свой оркестръ, крѣпостные актеры, актрисы, дѣвцы, танцовщицы и который

„Къ своимъ собакамъ звалъ сосѣдскихъ по билетамъ,
Рожденье праздновалъ любимыхъ лошадей“

или выстроилъ въ деревнѣ въ греческомъ вкусѣ изящный храмъ, съ куполомъ, съ колоннами — для помѣщенія свиней ³⁾; то гордую барыню-дворянку, съ большимъ лакеемъ впереди, которая, входя къ обѣдни въ наполненную народомъ церковь, заставляетъ своего гайдука толкать народъ направо и налево и сама, въ гордости дворянской, исправно работаетъ локтями и каблуками ⁴⁾. Всѣ подобныя явленія, со стороны Измайлова — бранчивыя выходки въ довольно грубомъ тонѣ. Мы видимъ въ немъ честнаго, благороднаго человѣка, но не далекаго писателя.

Измайлову удавались въ особенности фигуры купцовъ и небольшія сценки изъ купеческаго быта, который онъ повидимому хорошо зналъ. Укажемъ, напр., на калужскаго купца *Мошнина*, который

„Не зналъ, что есть нарядъ, а только богатѣлъ.
Чего онъ не имѣлъ?
Суковны фабрики, чугуныя заводы,
Съ которыхъ получалъ великіе доходы;
Деревни сыновьямъ съ чинами покупалъ,
И всякій передъ нимъ поклоны въ поясъ клалъ“ ⁵⁾.

Сродни ему является московскій купецъ *Брюхановъ*.

„Представьте, онъ въ сажень почти былъ въ вышину
И два аршина въ ширину.
Однажды изъ его кафтана,
Безъ спора, безъ хлопотъ,
Обилъ обойщикъ два дивана
И для жены еще укралъ тутъ на капоть“ ⁶⁾.

¹⁾ Крестьянникъ и кляча.

²⁾ Пѣвчіе.

³⁾ Обманчивая наружность.

⁴⁾ Дворянка-буянка.

⁵⁾ Купецъ Мошнинъ.

⁶⁾ Купецъ Брюхановъ.

Измайловъ рассказываетъ исторію ихъ оригинальнаго разоренья, вслѣдствіе самодурства. Еще оригинальнѣе купецъ Заржавинъ, Пафнутій Сидорычъ:

„Обманщикъ, ростовщикъ, скупецъ!
Ну настоящій жидъ, а впрочемъ христіанинъ:
Посты онъ свято наблюдалъ,
Заутрени не пропускалъ
И по полушкѣ въ день на рубль процентовъ бралъ“¹⁾.

Вотъ такімъ-то личностямъ и нравились герои, въ родѣ московскаго фабричнаго Семена:

„Силачъ, боецъ:
Заразъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятернею,
Когда же на бою являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою“²⁾.

Изъ народной жизни мы можемъ указать развѣ на басню „Священникъ и крестьянинъ“, въ которой передается рассказъ о томъ, какъ неудачно умный священникъ старался разсѣять въ своемъ приходѣ крестьянскіе вѣры въ домовыхъ, вслѣдствіе чего самъ прослылъ въ селѣ за безбожника:

„Вотъ хорошо! Не вѣрь своимъ очамъ,
А вѣрь твоимъ рѣчамъ!
Какой ты поэтъ! Да ты совсѣмъ не христіанинъ;
Къ тебѣ я на духъ не пойду“.

Не знаю, будетъ ли согласно съ русскою дѣйствительностью окончаніе этого рассказа у Измайлова, что крестьяне перестали ходить въ церковь и священникъ долженъ былъ перейти въ другой приходъ.

Мы указали на самое замѣчательное по нашему мнѣнію въ басняхъ и сказкахъ Измайлова. Болѣе подробнаго разбора онѣ не стоятъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ вовсе нѣтъ того живого отношенія къ дѣйствительности, современности, которое отличаетъ басни Крылова, какъ нѣтъ и его оригинальнаго таланта. Изъ намековъ на современность мы можемъ указать развѣ на исторію превращенія въ мистика характера совершенно противоположнаго, исторію, — какихъ бывало въ то время много:

„Бездушинъ прежде пилъ, игралъ,
И женщинъ, и мужчинъ, какъ дьяволъ соблазнялъ;
Ни чести, ни родства, ни Бога онъ не зналъ.

¹⁾ Собака и воръ.

²⁾ Кулачные бойцы.

Но вдруг потомъ пережился:
Ходить прилежно въ церковь сталъ,
И въ землю все молился,
А дома Библію да Штиллинга читалъ“.

Измайловъ не рассказываетъ о причинѣ такой крупной нравственной перемѣны, но изъ словъ нашего мистика въ отвѣтъ на упреки сатаны, который началъ считать его за сумасшедшаго, эта причина является довольно ясно:

„Пусть думаетъ его, что я ума рехнулся.
Поддѣлъ я славно сатану
А ужъ людей теперь конечно обману!“¹⁾.

Этотъ анекдотъ очень напоминаетъ Магницкаго.

Горизонтъ зрѣнія Измайлова былъ очень не широкъ; анекдоты имъ рассказанные въ басняхъ и сказкахъ были не замысловаты и изъ нихъ нельзя даже вывести той широкой общечеловѣческой морали, которою такъ богаты басни Крылова. Художественныхъ достоинствъ не имѣетъ ни одна изъ его басенъ, потому что и самъ онъ не былъ художникомъ, хотя и писалъ стихи чрезвычайно легко. Измайловъ является передъ нами въ своей баснѣ и сказкѣ довольно забавнымъ говоруномъ. Онъ не заботится о выраженіи, объ отдѣлкѣ его, почему высказываетъ иногда вещи смѣшныя и даже просто глупыя: это тогда, когда обмолвится. Образованія, которое бы указало ему, гдѣ сдержаться, было у Измайлова очень мало. Нельзя отрицать только того, что онъ былъ добрый и честный человѣкъ и имѣлъ достаточно благоразумія братья только за то, что не выходило за кругъ его средствъ.

Измайловъ въ другихъ мелкихъ своихъ стихотвореніяхъ, которыхъ онъ писалъ очень много и въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, требующихъ тогдашнюю теорію, отъ оды до шарады, представляется намъ личностью чрезвычайно болтливою и откровенною на свой счетъ. Читатель можетъ узнать изъ его стихотвореній не только его литературныя отношенія, но и служебныя, всю обстановку его семейной жизни, то, какъ звали его жену, его дѣтей, чему послѣднія учились, какіе таланты были у нихъ, какъ звали кучера и прочихъ слугъ Измайлова, какова у него была фигура, въ какомъ платьѣ онъ ходилъ, что любилъ онъ покушать и когда и сколько выпивалъ водки, кто у него были кумовья и какіе подарки получалъ онъ на именины и въ праздники и пр. Измайловъ былъ большой поклонникъ прекрас-

¹⁾ Исправленіе.

наго пола. Онъ имѣлъ притязаніе нравиться. Кромѣ свидѣтельствъ о томъ его современниковъ, эту слабость Измайлова можно видѣть изъ множества альбомныхъ его стихотвореній и другихъ, написанныхъ на разные, иногда самые мелкіе случаи дамской жизни. Особенно много стихотвореній его написано для С. Д. Пономаревой, которой онъ больше всѣхъ поклонялся, до того, что по нѣскольку разъ описалъ въ стихахъ ея любимыхъ собакъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву онъ называетъ ее „предсѣдательницею или попечительницею небольшого нашего дружескаго литературнаго общества“. „Она дѣйствительно имѣетъ необыкновенные таланты и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и итальянскій языки, даже отчасти латинскій; переводитъ на русскій прозою лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма не дурно стихи; рисуетъ, танцуетъ, поетъ и играетъ на фортепьяно превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь“¹⁾.

Литераторы того времени, собираясь къ ней на вечера, поклонялись ей и ссорились изъ-за ея благосклонности. Она умерла неожиданно, въ очень молодыхъ лѣтахъ и Измайловъ излилъ свою печаль въ разныхъ стихотвореніяхъ. Вообще, все что было у него на умѣ—было и на языкѣ, т.-е. въ стихахъ. Въ нихъ онъ дѣлился съ публикою самою интимною стороною своей жизни. Разъ книжка журнала его „Благонамѣренный“ запоздала выходомъ въ свѣтъ на масленицѣ и Измайловъ счелъ долгомъ извиниться въ томъ предъ публикой въ слѣдующемъ двустиишѣ, въ которомъ онъ обвинялъ себя:

„Какъ русскій человекъ на праздникъ загулялъ,
Забылъ жену, дѣтей, не только что журналъ“.

Мы уже говорили, что Измайловъ нападалъ на страсть къ стихамъ, которая была распространена въ современной русской литературѣ, а между тѣмъ самъ платилъ ей значительную дань. Онъ писалъ, какъ мы видѣли, на всевозможные случаи, писалъ даже въ честь тѣхъ рекрутовъ, которыхъ онъ принималъ по должности вице-губернатора въ рекрутскомъ присутствіи, сочиняя для нихъ quasi—патріотическія пѣсенки и прославляя царя-молодца, который ничего не жалѣетъ для своихъ солдатюшекъ. Мадригалы дамамъ доходятъ у него до удивительно-смѣшного и наивнаго. Приведемъ одинъ, основанный на существовавшемъ тогда въ обществѣ обычаѣ цѣловать у дамъ при свиданіи руку:

¹⁾ Русск. Арх. 1871 г., стр. 969.

„Когда, здороваясь или прощаясь съ вами;
Цѣлую ручку я у васъ,
И вы, какъ ангелъ, разсмѣясь,
Своими алыми устами
Касаетесь щеки моей —
Не помню я себя отъ радости—ей, ей!
Что чувствую, того сказать вамъ не умѣю;
Но только всякій разъ жалѣю
Зачѣмъ я не уродъ?
Зачѣмъ не на щекѣ мой ротъ?“¹⁾

Всего оригинальнѣе является Измайловъ въ качествѣ журналиста, когда онъ издавалъ свой журналъ „Благонамѣренный“ (1818 — 1826), тоже имѣвшій свои, конечно, не политическія, а литературныя убѣжденія. Измайловъ былъ противникомъ карамзинскаго сентиментализма, не столько впрочемъ сознательно, сколько по свойствамъ своей отчасти эпикурейской натуры. Естественно, что онъ возсталъ и противъ вошедшаго въ моду въ то время романтизма Жуковского, который не могъ ему нравиться своею неопредѣленностью и неясностью. Но Измайловъ относился недоброжелательно и къ такимъ тогдашнимъ явленіямъ русской литературы, которыя составляли ея дѣйствительный успѣхъ, напр. къ Пушкинской школѣ и къ занятію нѣмецкой философіей, увлекавшему многихъ лучшихъ и образованныхъ людей изъ нашихъ писателей. Настоящихъ слабыхъ сторонъ этихъ двухъ новыхъ явленій Измайловъ не могъ понять и всѣ его нападки имѣли своимъ источникомъ незнаніе. Это видно изъ того, что вся критика „Благонамѣреннаго“ держалась на самомъ пустомъ основаніи: она вовсе не касалась новыхъ понятій, входившихъ въ нашу литературу, а только новыхъ словъ, которыя не нравились нашему критику. Онъ еще не могъ выйти изъ прежнихъ французскихъ условій критики. Но о „Благонамѣренномъ“ мы будемъ еще имѣть случай говорить при обзорѣ русской журналистики въ это время. Тогда мы познакоимся и съ борьбой Измайлова съ цензурою и съ его нападеніями на Булгарина, дѣлавшагося извѣстнымъ у насъ въ двадцатые годы. Время изданія „Благонамѣреннаго“ было самое дѣятельное въ жизни Измайлова: къ этому времени относятся главныя связи его съ современными литераторами.

Изданіе журнала Измайловъ прекратилъ почти противъ своей воли на 12 книжекъ 1826 года. Служа съ самаго начала службы своей въ департаментъ государственнаго казначейства, онъ, какъ видно изъ его собственныхъ стиховъ, въ послѣднее время меч-

¹⁾ Собраніе сочиненій. Спб. 1849, мадригалъ № 7.

талъ о должности вице-губернатора, можетъ быть и хлопоталъ о ней по начальству, такъ какъ эта должность тогда была по министерству финансовъ, но все-таки назначеніе его въ 1826 году вице-губернаторомъ въ Тверь было неожиданно для него. Издатель журнала по начальственному распоряженію, переводился по службѣ изъ одного города въ другой и имѣлъ основаніе сослаться передъ своими подписчиками на высшую волю власти въ томъ, что онъ не додалъ обѣщанныхъ книжекъ. Жалѣлъ ли Измайловъ о прерванной такъ неожиданно редакторской дѣятельности? Едва ли для него, при тогдашнихъ литературныхъ условіяхъ, изданіе журнала было дорогимъ дѣломъ убѣжденія; оно давало только извѣстныя денежныя выгоды, а мѣсто вице-губернатора давало ихъ больше. Впрочемъ все же онъ жалѣлъ нѣсколько, что у него теперь будетъ меньше времени для бесѣды съ музами. „И прежде имѣлъ мало времени на служеніе музамъ, пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву; теперь велѣтъ совсѣмъ ихъ оставить и посвятить все время на дѣла Вакха (т.-е. откупныя). Утѣшаюсь единственно тѣмъ, что скоро возобновятся откупа и что недолго буду исправлять должность главнаго цѣловальника въ губерніи“ ¹⁾). Дѣла служебнаго было у него очень много и онъ жаловался, что заваленъ работой, но она не мѣшала ему однако и въ Твери писать разныя веселыя стихотворенія, застольныя и другія имъ подобныя, даже воспѣвать рекрутовъ. Нѣкоторыя басни, напр. „Дворянка-буянка“, были написаны имъ въ Твери и надѣлали тамъ, по его словамъ, много шума. „Сколько раздражателей мнѣ нашлось! Семинаристы, подьячіе, купцы, мѣщане начали писать стихами. Точно какъ бы я привезъ сюда какую заразу, которая отъ меня распространилась“ ²⁾). По отъѣздѣ изъ Петербурга, уже безъ него, издана была вторая книжка его альманаха „Календарь Музъ“ (1-я вышла въ 1826 году). Въ Твери Измайловъ пробылъ однако недолго и въ началѣ 1828 года переведенъ на ту же должность въ Архангельскъ, гдѣ пробылъ ровно годъ. Въ это время, по службѣ, онъ успѣлъ обѣхать нѣсколько отдаленныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи, что видно изъ писемъ его къ среднему сыну, адресованныхъ изъ Мезени и Пинеги—о Самоѣдахъ и ѣздѣ на оленяхъ ³⁾). Стиховъ изъ архангельской жизни у Измайлова тоже довольно. Служба въ Архангельскѣ кончилась для Измайлова очень несчастливо, хотя мы и не знаемъ подробностей. Архангельскій генералъ-губернаторъ донесъ

¹⁾ Руск. Арх. 1871 г. стр. 994—995.

²⁾ Ibidem стр. 997.

³⁾ Соч. т. II, стр. 521—533.

на него о чемъ-то въ Петербургъ и его отставили и назначили чиновникомъ министра финансовъ, безъ жалованья, что для него, при немнѣннхъ постороннихъ средствъ, было крайне тяжело. Онъ просилъ какъ милости, чтобъ его предали суду: по крайней мѣрѣ тогда онъ получалъ бы по закону половинное жалованье, но этого не хотѣли сдѣлать. Ему нужно было жить и содержать семейство и онъ принялся давать уроки по русской словесности, что приносило ему до 150 р. ас. въ мѣсяцъ. Тутъ начались болѣзни. Горячка и ея лѣчение унесли его послѣднія финансовыя средства. „Одному Богу извѣстно, что перенесъ и въ это время, пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву. Зрѣніе мое, вмѣсто того, чтобъ укрѣпляться, слабѣло только болѣе и болѣе, и я едва вовсе не лишился онаго и не потерялъ ума, отъ стеченія въ одно почти время не только многихъ непріятностей, но можно сказать несчастій ¹⁾“. Наконецъ ему дали пенсіонъ по 2 т. р. въ годъ. Измайловъ радуется, что, несмотря на происки враговъ его, онъ имѣетъ теперь вѣрный кусокъ хлѣба, и высказываетъ надежду, что Богъ, чудесно сохранившій его, возвратитъ ему со временемъ зрѣніе и прежнія умственные способности, которыя примѣтно ослабѣли ²⁾. Онъ мечтаетъ еще о литературныхъ трудахъ, готовится къ новому изданію своихъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ, но смерть прекратила всѣ эти начинанія. Только два мѣсяца съ небольшимъ удалось ему получать пенсіонъ. Онъ умеръ въ январѣ 1831 года отъ апоплексическаго удара.

Такова была служебная и литературная карьера Измайлова, человека добраго, простодушнаго, честнаго, иногда забавнаго, но писателя и ума и образованія довольно ограниченныхъ, недалекаго, какъ называли сами друзья его и притомъ лишеннаго всякаго художественнаго таланта. Чтобъ познакомиться съ ограниченностью его ума, достаточно перечитать его проекты по общественнымъ вопросамъ, написанные имъ въ началѣ царствованія Александра. Они прошли незамѣченными, да это было и естественно, потому что они не рѣшали дѣла. Практическій смыслъ ихъ былъ невеликъ, хотя нельзя не признать въ Измайловѣ добраго сердца. Бѣдныхъ, по его способу нельзя было устроить, потому что все устройство ихъ жизни и прекращеніе нищенства онъ основывалъ на добровольномъ подаваніи, добродотной жертвѣ, а не на правильной и постоянной организаціи опредѣленнаго сбора. ³⁾. Въ своихъ размышленіяхъ о жалованьи и о пенсіяхъ Измайловъ хлопоталъ о бѣд-

¹⁾ Русск. Арх. 1871 г. стр. 1002.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Разсужденіе о нищихъ. Соч. т. II. стр. 407—422.

ныхъ чиновникахъ, получающихъ весьма скудное содержаніе. Чѣмъ же думалъ онъ помочь имъ? онъ и тутъ разсчитывалъ на добровольную жертву и на идеальное благородство человѣческой натуры. Измайловъ предлагалъ или скорѣе просилъ тѣхъ отставныхъ чиновниковъ, у которыхъ есть благопріобрѣтенное на службѣ состояніе, отказаться отъ пенсій въ пользу бѣдныхъ сослуживцевъ своихъ, а богатыхъ молодыхъ людей на службѣ—не брать жалованья и пожертвовать на ту же благородную цѣль—бѣднымъ собратамъ ¹⁾. Всякому очевидно, какъ добръ и вмѣстѣ съ тѣмъ наивенъ былъ Измайловъ.

Это былъ литераторъ добраго стараго времени, для котораго писательство, если и существовало къ нему призваніе съ молодости, было только забавою между другими болѣе цѣнными обязанностями, напр. служебными. Онъ смотрѣлъ на него, какъ на забаву, какъ на отдохновеніе послѣ другихъ, болѣе тяжелыхъ трудовъ и забавлялся словами и фразами стиховъ. Отъ того между его стихотворными произведеніями встрѣчаются пьесы, забавныя до нелѣпости, смѣшныя до глупости. Кажется, онъ вводилъ въ стихи свои всю житейскую свою грязь, всѣ мелочи, которыя попадались ему подъ руку въ жизни, не очень богатой содержаніемъ и впечатлѣніями, какъ жизнь всякаго чиновника, который 30 лѣтъ сидитъ въ однѣхъ и тѣхъ же комнатахъ департамента. Сфера Измайлова была анекдотъ и въ стихотворной и въ прозаической формѣ, но анекдотъ не широкаго свойства, а рассказанный у чайнаго стола какимъ-нибудь добродушнымъ и недалекимъ другомъ дома, или подслушанный въ лакейской или дѣвичьей. Содержанія на что-либо болѣе широкое у Измайлова не хватало. Потому изъ всей его довольно шумливой дѣятельности въ нашей литературѣ, нѣсколько прочную память оставилъ онъ своимъ „Евгеніемъ“, въ которомъ помимо воли автора сохранилась историческая дѣйствительность нашего отечества въ послѣдніе годы прошлаго вѣка. Замѣтимъ кстати, что „Евгеній“ не могъ быть перепечатанъ въ изданіи Смирдина „по независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ“, какъ онъ объявляетъ. Рядомъ съ „Евгеніемъ“ могутъ быть поставлены еще „Басни и Сказки“; все же остальное въ сочиненіяхъ Измайлова имѣетъ только мелкій, личный интересъ и можетъ служить развѣ характеристикой самого сочинителя и жалкой литературы, пробавлявшейся такими пустяками. Между тѣмъ приблизилось время, съ явленіями другого, болѣе мрачнаго свойства, совершенно не похожими на тотъ добродушный, веселый и наивный

¹⁾ Вчерашній день или нѣкоторые размышленія о жалованіи и пенсіяхъ. Ibidem, стр. 423—440.

міръ литературныхъ презраковъ, которыми тѣшился Измайловъ и литераторы его зачала. Это время должно было разогнать радужныя мечты добродушныхъ представителей старой литературной школы, но зато своими гнетущими, печальными явленіями, оно приготовило болѣе строгій порядокъ вещей и подъ его вліяніемъ образовалось новое поколѣніе писателей съ другимъ, не столь простодушнымъ взглядомъ на литературную дѣятельность. Наступило мрачное время реакціи; но къ чему эта реакція относилась? гдѣ у насъ были элементы для подавленія?...

ЛЕКЦІЯ XXI.

Общественное настроеніе послѣ 1812 г.—Россійское библейское общество.

Событія войны 1812 года и слѣдовавшихъ за нею европейскихъ походовъ, пребываніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нашихъ войскъ за границею, по своему характеру и содержанію должны были необходимо имѣть вліяніе на жизнь русскаго общества и вызвать въ ней явленія, не похожія на прежнія. Въ эти годы, какъ мы уже не разъ замѣчали, послѣдовало сближеніе лучшихъ представителей нашего молодого поколѣнія съ Европой на ея собственной почвѣ, и съ Европой новою, на которой лежали глубокіе, жизненные слѣды только что пережитой французской революціи. Самая основа событій нашего европейскаго похода казалась заманчивою людямъ тогдашняго молодого поколѣнія: дѣло шло о свободѣ народовъ, объ освобожденіи отъ чужеземнаго деспотическаго ига. Лучшимъ политическимъ дѣятелямъ того времени, особенно въ Германіи, которая послѣ раздробленія своего въ эпоху Вестфальскаго мира страдала подъ деспотическою властью своихъ безчисленныхъ мелкихъ владѣтелей, жившихъ какъ паразиты на счетъ крови своихъ народовъ, за паденіемъ великаго чужеземнаго тирана, казалось возможнымъ и близкимъ паденіе своихъ домашнихъ, мелкихъ тирановъ. Мечты эти казались осуществимыми, потому что сами народы пробуждались отъ тяжелаго вѣковаго сна. Нѣмецкій „Тугендбундъ“, въ родѣ тайнаго общества въ эпоху освободительныхъ войнъ, раздѣлялъ эти мечты и поддерживалъ ихъ въ нѣмецкомъ обществѣ. Онѣ перешли, конечно не въ своей опредѣленной формѣ, въ это время духовнаго сближенія народовъ и къ намъ. Въ

началъ 12-го года въ Россію приглашенъ былъ Александромъ, тогда еще не утратившимъ либеральныхъ мечтаній своей молодости, или снова ставшимъ играть ими, какъ удобнымъ орудіемъ для другихъ цѣлей,— великій прусскій патріотъ Штейнъ, который подналъ свое отечество изъ порабощенія либеральными основами государственнаго переустройства. Для него были дороги интересы нѣмецкаго народа, а не его мелкихъ деспотовъ, хлопотавшихъ только о своихъ личныхъ выгодахъ. Искренно или притворно, Александръ, въ пригласительномъ письмѣ къ Штейну, говорилъ, что теперь (т.-е. въ виду грозящей его странѣ страшной опасности) необходимо соединиться всѣмъ друзьямъ человѣчества и либеральныхъ идей, для того, чтобъ бороться противъ варварства и рабства, грозящаго поглотить все. Искренность этихъ словъ Александра является нѣсколько сомнительною, потому что они высказывались подъ гнетомъ близящейся грозы и потому что союзъ съ либерализмомъ тогда былъ выгоденъ ему. Штейнъ, пріѣхавшій въ Петербургъ передъ самою войною 12 года и жившій тамъ около года, нашелъ русское общество въ сильномъ патріотическомъ возбужденіи. Изъ Россіи онъ хотѣлъ дѣйствовать литературнымъ путемъ, единственно возможнымъ въ то время, на пробужденіе германскихъ народовъ, при полномъ одобреніи этой дѣятельности Александромъ. Съ этою цѣлію онъ вызвалъ къ себѣ патріотическаго писателя Арндта и др., которые и стали печатать въ Петербургѣ свои воззванія къ нѣмцамъ. Подъ ихъ вліяніемъ, вѣроятно, и наша власть поняла, какое значеніе для возбужденія общества можетъ имѣть литература. На нее взглянули, какъ на орудіе, и тогда для патріотическихъ цѣлей былъ основанъ журналъ „Сынъ Отечества“ подъ редакціею ловкаго Греча. Въ немъ въ самомъ началѣ помѣщено было одно изъ воззваній Арндта ¹⁾. Въ русскомъ обществѣ, нѣмомъ и безгласномъ, это было новое явленіе, и оно, какъ кажется, въ первый разъ дало возможность образоваться въ немъ какому-либо политическому мнѣнію. Кромѣ этого литературнаго нововведенія, которымъ мы обязаны, повидимому, прибывшимъ къ намъ въ эту замѣчательную эпоху сближенія народовъ нѣмцамъ, такой вліятельный и сильный умъ, какой былъ у Штейна, не могъ не оставить глубокихъ слѣдовъ въ впечатлѣніяхъ тѣхъ людей русскаго общества, съ которыми онъ сближался. Намъ стоитъ упомянуть только о двухъ: Н. Тургеневѣ и Уваровѣ. Замѣтимъ, что Штейнъ былъ горячимъ защитникомъ необходимости освобожденія крестьянъ. Эту реформу онъ довелъ до конца въ качествѣ министра Пруссіи. Такимъ образомъ въ это время общаго возбужденія народовъ и соединенія ихъ для одной

¹⁾ Сынъ Отеч. 1812 г. I, стр. 1—17.

цѣли, вліяніе лучшихъ умственныхъ представителей сказывалось и на нашемъ обществѣ, сначала на немногихъ лицахъ. Послѣдующія событія расширили его болѣе.

Въ русскомъ обществѣ, конечно, все зависѣло отъ власти. Во главѣ всякаго движенія, всякаго новаго фазиса государственной жизни неизбѣжно стояла воля императора. Въ эпоху европейскихъ войнъ, когда Александръ въ сознаніи поэтовъ своихъ и чужихъ, являлся, какъ „народовъ другъ, защитникъ ихъ свободы“, онъ былъ расположенъ, будемъ полагать, къ чести человѣческаго сердца, искренно къ дѣлу народной свободы. Онъ стоялъ на высотѣ, на которую рѣдко попадаетъ человѣкъ, будь онъ даже императоръ. Не могъ же не найти отголоска въ душѣ его тотъ народный энтузіазмъ, которымъ онъ былъ вездѣ окруженъ: и въ Европѣ, и дома. Его дѣйствія на Вѣнскомъ конгрессѣ доказываютъ это: онъ проводитъ конституціонныя начала для возстановленной монархіи французскихъ бурбоновъ; онъ даетъ такое же конституціонное устройство Польшѣ, забывая для нея свою страну; онъ думаетъ непремѣнно, еще при своей жизни, освободить крѣпостныхъ и пр. Надобно полагать, что вся эта масса либерализма была навѣяна на него впечатлѣніями Европы, какъ и на другихъ представителей русскаго общества.

Когда прошли эти сильно возбужденные годы и успокоилось волненіе, жизнь русскаго общества мало по-малу стала входить въ свою прежнюю, привычную колею и, стала проходить въ немъ ненависть къ французамъ и вообще къ иностранцамъ, возбужденная войною: слѣдовательно, не закрывались пути для европейскаго вліянія. Но великія событія, пережитыя недавно, должны были оставить надолго слѣдъ въ лучшихъ умахъ: они уже не могли удовлетвориться прежнею рутинною; жизнь искала выхода; мысль желала чего-то новаго, еще не ясно сознаннаго, и бросалась въ разныя стороны, чтобъ удовлетворить этому желанію и пробудившейся жадѣ дѣятельности. Надобно было пройти годамъ, чтобъ эти новыя стремленія получили болѣе опредѣленное содержаніе. Сначала все это было неясно и смутно. Люди не понимали своихъ цѣлей и стремленій; они хватались за первое попадавшееся дѣло для того только, чтобъ удовлетворить стремленію къ дѣятельности. Нѣчто подобное русское общество пережило въ другой разъ, гораздо позднѣе, въ годы, слѣдовавшіе за восточною войною. При всей неясности цѣлей, мы видимъ, что люди добивались лучшаго. Были между ними и люди глубоко-увлеченные дѣломъ; были и другіе, которые шли подъ вліяніемъ общаго настроенія моды. Въ разныхъ начинаніяхъ, которыя сначала носили широкій, гуманный характеръ, сталкивались представители самыхъ противоположныхъ убѣжденій: и консерваторы и либералы, и приверженцы старины

русской и поклонники европейских формъ, и мистики и невѣрующіе. Они думали дѣлать общее дѣло, пока не разглядѣли другъ друга и пока благое начинаніе не было извращено въ самыхъ основаніяхъ своихъ тою партією, которая взяла перевѣсъ, при измѣнившемся направленіи правительства. Тогда они разошлись въ разныя стороны.

Намъ нужно указать сначала на нѣкоторые общественныя явленія, которые не могли остаться безъ вліянія на объемъ литературныхъ идей, на характеръ и направленіе литературы, вполне зависящей отъ общественнаго сознанія. Мы будемъ говорить объ общественныхъ явленіяхъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, насколько это нужно для вашей главной цѣли. Всѣ эти явленія почти одновременно выдѣляются изъ общаго патріотическаго энтузіазма, который не могъ же остаться на одномъ уровнѣ; всѣ они выражаютъ жажду дѣятельности въ возбужденномъ обществѣ, хотя въ немъ и въ самомъ началѣ можно было предвидѣть, на чьей сторонѣ останется побѣда, какое направленіе возьметъ верхъ. Въ смѣшеніи людей и понятій, послѣдовавшемъ за европейскими войнами, скоро оказался господствующимъ старинный обскурантизмъ и прежнее невѣжество. Въ войнѣ народной побѣдила патріотическая партія; она была убѣждена, что восторжествовали ея консервативныя начала, что побѣждена французская революція, глубоко ненавидимая ею за новыя основы государственной жизни и за новыя отношенія власти къ странѣ. Тогда вошли въ моду слова: якобинецъ, волтерьянецъ, фармазонъ, которыми крестили людей противоположныхъ, либеральныхъ убѣждений. Обскурантизмъ и тупой консерватизмъ стали проявляться во всѣхъ сферахъ, вслѣдствіе соединенія въ одно цѣлое государственныхъ патріотовъ въ родѣ Шишкова и Трошинскаго, масоновъ, пѣтистовъ, іезуитовъ и военныхъ генераловъ въ родѣ Аракчеева. Невѣжество и ненависть ко всякимъ реформамъ, наукѣ и мысли скоро достигли до крайнихъ предѣловъ.

На первомъ мѣстѣ по хронологическому порядку, въ числѣ новыхъ явленій русскаго общества, идущихъ вслѣдъ за его возбужденіемъ, мы должны упомянуть о Россійскомъ библейскомъ обществѣ, въ которомъ отразилось много любопытныхъ сторонъ того времени. Подробная исторія этого общества, главнымъ образомъ основанная на его собственныхъ отчетахъ, изложена весьма обстоятельно г. Пыпинымъ ¹⁾. Въ нашемъ изложеніи мы ограничимся только общимъ обзоромъ этого явленія, такъ какъ нельзя пройти его молчаніемъ въ

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г. VIII, IX, XI и XII.

исторіи духовной жизни нашего отечества. Въ русскую жизнь оно всетаки вносило извѣстныя начала и тенденціи и наполняло ее непривычнымъ движеніемъ.

Библейское общество у насъ не было, однако, порожденіемъ собственнаго развитія, собственнаго дѣятельнаго отношенія мысли къ вопросу, но многія стороны русской жизни волею и неволею должны были отразиться на его исторіи у насъ. Родина настоящаго библейскаго общества, откуда и наше беретъ начало, была Англія. Эта страна свободной общественной инициативы, съ своими богатыми средствами, съ своими нравственно-религіозными привычками, проявляющимися и въ государственной и семейной сферѣ, основала у себя общество съ цѣлю распространенія книгъ Св. Писанія на разныхъ языкахъ земного шара еще въ 1804 году. Дѣятельность его не прерывалась до настоящаго времени и въ настоящее время представляетъ громадныя, изумительныя результаты, конечно внѣшняго свойства. Тенденціи англійскаго библейскаго общества вытекали изъ противодѣйствія революціоннымъ идеямъ; въ нихъ отражались историческія условія страны и сильное развитіе религіозности, доказываемое существованіемъ многочисленныхъ сектъ. Мысль о распространеніи Св. Писанія между различными народами земного шара укрѣплялась въ Англіи ея торговымъ могуществомъ, ея далекими сношеніями съ разными странами свѣта и множествомъ разнообразнѣйшихъ народностей, которыя пользовались англійскими учрежденіями. Много и обще-человѣческихъ, филантропическихъ стремленій, порождаемыхъ жизнію страны съ свободными государственными учрежденіями, соединялись съ главною цѣлю англійскаго общества — съ заботою о распространеніи книгъ Св. Писанія: освобожденіе негровъ, воспитаніе простаго народа, исправленіе преступниковъ и т. п., однимъ словомъ, нравственная сторона христіанства. Необходимость книгъ для народнаго воспитанія и то положеніе Библии, по которому она является какъ бы религіозно-духовнымъ очагомъ въ семействѣ въ земляхъ протестантскихъ, главною семейною книгою — дали первый толчекъ англійскому библейскому обществу. Но оно не осталось только на англійской почвѣ. Въ немъ было много такихъ основаній для дальнѣйшаго распространенія, которыя соотвѣтствовали общему духу, общему настроенію того періода европейской исторіи и вскорѣ подобныя же общества, одно за другимъ, основываются на континентѣ. Стремленіе къ библейскимъ обществамъ совпало съ тѣмъ общимъ настроеніемъ европейскаго духа, которое обыкновенно называютъ романтизмомъ. Мы уже говорили о его неуловимомъ содержаніи, о томъ, какъ много должно было заключаться въ немъ противоположностей. Такъ и библейскія общества, вездѣ, гдѣ появлялись

они, носятъ какой-то двойственный характеръ: въ нихъ мы видимъ и піэтизмъ, часто слѣпой, и глубокую любовь къ темнымъ массамъ народа, желаніе поднять ихъ и просвѣтить. Библейское общество въ Англіи имѣло общечеловѣческій, космополитическій характеръ. Въ глазахъ первыхъ основателей этого общества и первыхъ ревностныхъ миссіонеровъ его, всѣ вѣроисповѣданія христіанскія, всѣ языки и народы земного шара имѣли равныя права на уваженіе. Эти люди отличались и широтою взгляда и терпимостію. Они мечтали, что общая проповѣдь Евангелія и распространеніе его на всевозможныхъ языкахъ соединить когда-нибудь всѣ народы земного шара въ одну христіанскую семью. Для такой цѣли въ Англіи существовало предпримчивое общество, богатая матеріальная средства, какихъ не въ состояніи представить никакая другая страна въ мірѣ, и величайшая энергія отдѣльныхъ личностей, которая могла образоваться только подъ оригинальными историческими условіями этой страны. Ничего этого не могло быть у насъ.

При всѣхъ хорошихъ задачахъ своихъ, библейскія общества того времени, какъ всякое человѣческое дѣло, имѣли и слабыя, открытыя для нападенія, стороны. На распространеніе библіи, безъ всякихъ объясненій и примѣчаній и отличій по вѣроисповѣданіямъ, какъ того требовалъ уставъ общества, нападали съ той, довольно справедливой точки зрѣнія, что этого слишкомъ мало, что книга сама по себѣ, если она не будетъ понята настоящимъ образомъ, мало принесетъ пользы для нравственнаго воспитанія народа. Все это было, конечно, справедливо, но библейское общество и не задавалось слишкомъ много цѣлями нравственнаго воспитанія народовъ; оно хлопотало о главномъ, по его мнѣнію, орудіи этого воспитанія — библіи. Болѣе печальную сторону библейскаго общества, особенно въ той формѣ, какъ оно привилось у насъ, составляла связь его съ реакціонными элементами, какихъ много было въ исторіи того времени. Піэтизмомъ организаторовъ библейскаго общества воспользовались ловкіе люди, преслѣдовавшіе грязныя, личныя цѣли, и испортили благое въ существѣ дѣло.

Внѣшняя исторія нашего русскаго библейскаго общества представляется въ слѣдующемъ общемъ видѣ. Начало его, какъ мы сказали, надобно вести изъ Англіи. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей общества, пасторъ Патерсонъ явился въ Петербургъ въ концѣ 1812 года; онъ завелъ связи въ столицѣ, и докладъ главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ вѣроисповѣданій, вполнѣдствіи министра народнаго просвѣщенія, князя А. Н. Голицина, съ проектомъ учрежденія въ Россіи библейскаго общества былъ Высочайше утвержденъ 6 Декабря того же года. Въ противоположность широтѣ

дѣйствій англійскаго общества, русское могло издавать книги Ветхаго и Новаго Завѣта только на языкахъ *иностранныхъ*. Это была уступка русскимъ отношеніямъ, которая не могла не показаться странною и учредителямъ общества и самому императору. Изданіе книгъ на языкѣ славянскомъ оставалось въ вѣдѣніи Синода; о русской библии и не упоминалось. Но вновь основанное общество смотрѣло на свою задачу съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. „Опытъ научаеъ насъ, говорилось въ проектѣ, что повсюду, гдѣ Священное Писаніе всѣми читается, оное сильно способствуетъ къ преуспѣянію въ добродѣтеляхъ, направляетъ человѣческія страсти къ лучшей цѣли, и болѣе, нежели что другое, способствуетъ къ исправленію сердца“ ¹⁾. Общество хотѣло не только распространять библию, но и желало объяснять всю важность ея людямъ простымъ и стараться объ употребленіи ея при воспитаніи. Проектъ обращалъ вниманіе и на народъ, понесшій страшныя бѣдствія въ 1812 году. Общество думало дать ему въ библии „утѣшеніе въ горестяхъ“, забывая, что онъ и не пойметъ библию. „Лишившіеся временныхъ благъ при нынѣшнихъ безпокойствіяхъ, говорилось здѣсь, тѣ, коихъ временныя утѣхи погребены въ могилѣ, не должны нуждаться въ лучшихъ утѣшеніяхъ религіи для того токмо, что у нихъ не осталось способовъ къ покупкѣ себѣ и семейству своему библии“ ²⁾. Все это по смыслу проекта могло относиться только къ инородцамъ.

Въ члены общества записались первыя лица въ управленіи Имперіей. На первыхъ порахъ большую роль играли мода и увлеченіе. Деньги собирались въ значительномъ количествѣ. Комитетъ сталъ хлопотать объ открытіи отдѣленій въ другихъ городахъ Имперіи, о распространеніи круга своихъ дѣйствій. Черезъ два года послѣ открытія общества, въ немъ получили важное значеніе духовныя лица, наравнѣ съ первыми государственными людьми. Это указываетъ на то значеніе, которое придавало правительство обществу. Вотъ почему оно могло открывать съ каждымъ годомъ все новыя и новыя отдѣленія въ губернскихъ и даже мелкихъ уѣздныхъ городахъ, что дѣлалось главнымъ образомъ изъ угожденія властямъ: люди хотѣли заслужить благосклонность начальства. Только въ 1815 году возникаетъ мысль о русскомъ переводѣ Библии, т-е. о ея осуществленіи, основаніи общества. Эта мысль принадлежала самому императору. По словамъ отчета это было „внушеніе его собственнаго сердца“; онъ „захотѣлъ снять печать невразумительнаго

¹⁾ Ibidem VIII, стр. 658.

²⁾ Ibidem, стр. 659.

нарѣчія“ съ Библіи и въ этомъ же году президентъ общества князь Голицынъ, по волѣ императора, предложилъ членамъ Синода „доставить и Россіянамъ способъ читать слово Божіе на природномъ своемъ руссійскомъ языкѣ, яко вразумительнѣйшемъ для нихъ славянскаго нарѣчія“ ¹⁾. При нашихъ русскихъ отношеніяхъ, при той темнотѣ и рутинности, которыя окружають религіозную сторону русскаго общества, это желаніе императора было весьма смѣлымъ актомъ либерализма. Замѣчательно, что въ томъ же 1815 году, когда заговорили въ первый разъ о русской Библіи, президентъ въ отчетѣ своемъ счелъ нужнымъ упомянуть о какихъ-то тайныхъ врагахъ библейскаго общества, которые видать въ немъ какія то злоупотребленія и ищутъ тайныя цѣли ²⁾. Русский переводъ библіи порученъ былъ Петербургской духовной академіи, подъ главнымъ надзоромъ ея ректора—знаменитаго впослѣдствіи московскаго митрополита Филарета. Переводъ этотъ, однако, не былъ доведенъ во время существованія Россійскаго библейскаго общества до конца. Оно успѣло издать черезъ нѣсколько времени только русскій переводъ Новаго Завѣта, Псалтыри и первыхъ восьми историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта. Для насъ особенно важенъ тотъ фактъ, что первый починъ въ немъ положенъ былъ самымъ государемъ. Это вызвало къ нему особенный энтузіазмъ Лондонскаго библейскаго общества, весьма конечно пріятный для него. Когда онъ былъ въ Лондонѣ, то долго бесѣдовалъ въ 1814 г. съ депутаціей этого общества, въ которой были и знаменитые филантропы, какъ Вильберфорсъ. Эти англичане смотрѣли на него, какъ на „орудіе десницы Божіей къ освобожденію удрученнаго человечества“ ³⁾. Это обстоятельство еще болѣе возвысило въ глазахъ русскихъ библейскихъ членовъ значеніе дѣятельности Лондонскаго общества, на которую смотрѣли, какъ на образецъ. Жившіе въ Петербургѣ агенты Лондонскаго общества, чрезвычайно дѣятельные члены въ нашемъ комитетѣ, Патерсонъ и Пиккертонъ, объѣздившіе Россію съ цѣлю посѣщенія различныхъ нашихъ провіціальныхъ комитетовъ и оставившіе въ печати подробные отчеты о своей дѣятельности въ этомъ родѣ — были посредниками между нашимъ комитетомъ и Лондонскимъ обществомъ и безъ сомнѣнія они же были указателями нѣкоторыхъ практическихъ способовъ, отличавшихъ англійскую дѣятельность и неизвѣстныхъ намъ. Въ особенности любопытно первое знакомство русскихъ членовъ со школами для бѣдныхъ, со школами воскресными и переходящими, о которыхъ, при печальныхъ

¹⁾ Ibidem, стр. 673.

²⁾ Ibidem, стр. 672.

³⁾ Ibidem, стр. 677.

условіяхъ нашей жизни мы никогда не слыхали, тогда какъ въ Англіи эта дѣятельность давно вытекала изъ нравственно-религіозныхъ привычекъ общества. Положимъ, что въ ту пору завести у насъ что-либо подобное, съ полною преданностію дѣлу и съ возможностью повести его на прочныхъ основаніяхъ, не изъ одного только мимолетнаго моднаго увлеченія, едва ли мечталось и самымъ передовымъ и развитымъ личностямъ нашего общества. Вспомнимъ какой печальный конецъ имѣли черезъ сорокъ лѣтъ наши воскресныя школы, обязанныя своимъ возникновеніемъ подобному же возбужденію общества послѣ великихъ историческихъ событій¹⁾. Но англійскіе обычные приемы имѣли значеніе идеаловъ въ странѣ грубаго произвола и барства, въ странѣ, исполненной глубокаго презрѣнія къ человѣчеству. Это уже одно заставляетъ смотрѣть на нихъ съ уваженіемъ. Конечно, не одному хорошему человѣку западала мечта о возможности осуществить что-нибудь подобное въ родной землѣ, хотя онъ и долженъ былъ отказаться отъ нея.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное изложеніе исторіи Россійскаго библейскаго общества въ теченіе его существованія; для этого мы отсылаемъ желающихъ къ указанному сочиненію г. Пыпина. Дѣятельность общества, конечно, главнымъ образомъ заключалась въ распространеніи въ народной массѣ книгъ Священнаго Писанія, какъ на языкахъ славянскомъ и русскомъ, такъ и на языкахъ русскихъ инородцевъ, на которые тогда были предприняты, а отчасти и сдѣланы переводы. Дѣятельность общества заключалась въ увеличеніи круга своихъ дѣйствій, въ умноженіи провинціальныхъ комитетовъ и числа членовъ въ нихъ, что было не затруднительно при существованіи извѣстныхъ русскихъ порядковъ. Но не эта вѣйшая сторона дѣятельности общества должна занимать насъ, а внутренняя; какія духовныя и нравственныя силы участвовали въ немъ, что приносило оно въ русскую жизнь?

Мы замѣтили, что почти въ первые годы существованія Россійскаго библейскаго общества, въ отчетѣ его, уже встрѣчаются намеки на какихъ-то тайныхъ враговъ общества. Въ 1821 году намеки эти усиливаются. Члены общества въ отчетѣ этого года называются исполнителями божественнаго дѣла, а противники—слугами врага человѣческаго рода. На кого были направлены эти намеки—мы не знаемъ. Въ ту пору положеніе враговъ общества, находящихся въ немъ самомъ, еще не опредѣлилось; враговъ общества, со стороны либерализма,

¹⁾ По Высочайшему повелѣнію 10 іюня 1862 года воскресныя школы, возникшія у насъ въ самомъ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, были повсемѣстно закрыты.

также не было тогда; обскурантизмъ и мрачный піэтизмъ общества еще не проявлялся; его дѣйствія были тогда еще таковы, что не одобрить ихъ со стороны свободной мысли было невозможно. Вотъ почему въ первоначальныхъ и послѣднихъ противникахъ общества, тѣхъ именно, которые погубили его, надобно видѣть невѣжественное духовенство и его вождей.

Знакомство народа съ прямыми источниками религіи, при вѣковомъ мракѣ, окружающемъ его религіозно-нравственную сторону жизни, казалось имъ нарушеніемъ древнихъ преданій и пугало ихъ возможностью протестантизма.

Это должно было быть такъ. Переводъ Св. Писанія справедливо назывался въ московскомъ отчетѣ общества 1822 года „величайшимъ благодѣяніемъ для народа російскаго“. Его приобрѣтали чрезвычайно охотно и въ большомъ количествѣ; приобрѣтали даже раскольники. И чѣмъ больше дѣло принимало такой благопріятный ходъ, тѣмъ болѣе общество наживало себѣ враговъ: „Чѣмъ ощутительнѣе дѣлаются послѣдствія распространенія спасительнаго слова Божія обращеніемъ многихъ отъ путей заблужденія, тѣмъ болѣе усматриваемъ, какъ *силы тьмы*, страхомъ возмущаемыя, стараются воспользоваться всѣми орудіями, дабы побороть сіе благое дѣло... Есть еще люди, которые, не примѣчая дивныхъ дѣлъ Божіихъ, совершающихся на лицѣ всея земли во дни наши, недоумѣваютъ и о дѣлѣ повсемѣстнаго распространенія священныхъ книгъ,—опасаются, чтобы Библія, сіе небесное сокровище, переходя въ народныя руки, не потеряла существенной цѣны своей; чтобы содержащееся въ ней, а особенно въ Ветхомъ Завѣтѣ, многое для многихъ не вразумительное, и съ нынѣшними правами несогласное, не послужило соблазномъ для неопытныхъ“... ¹⁾).

Вотъ гдѣ источникъ вражды къ обществу. Отъ него требовали нравственнаго отчета въ его дѣйствіяхъ и нападающимъ энергически отвѣтилъ Филаретъ, тогда увлеченный библейскимъ дѣломъ и вполнѣ ему преданный. Но скоро библейское общество не могло уже отвѣчать врагамъ своимъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, въ немъ самомъ, чрезвычайно усилившимся, и существованіе его было прекращено насильственно, какъ и весьма многихъ другихъ благихъ начинаній на нашей почвѣ, не успѣвшихъ принести и малой пользы обществу, посреди котораго они дѣйствовали, и въ самомъ первомъ періодѣ своего существованія уже извращенныхъ печальными общественными условіями нашей страны. Тѣмъ не менѣе, однако, недоковченныя дѣйствія нашего библейскаго общества, его странная

¹⁾ Ibidem, стр. 705.

исторія, посреди броженія неустановившихся общественных элементов и самых разнообразных влияній времени, представляет намъ нѣсколько любопытныхъ страницъ духовной исторіи нашей, на которыхъ являются и оригинальныя личности и оригинальныя тенденціи, но болѣе всего—преданность личному интересу и личной выгодѣ, которымъ безстыдно и безправственно приносится въ жертву общественное дѣло и благо своего народа. Въ нихъ познакомимся мы съ различными сторонами того времени, явленіями, которыя неизбѣжно слѣдовали за великими историческими событіями, пережитыми страной. Духовные интересы здѣсь сталкивались и перекрещивались; одни исключали другіе, по жизнь все-таки дѣлала свое; она неудержимо шла впередъ и готовила.

ЛЕКЦІЯ XXII.

Библейское общество. — Возстановленіе масонскихъ ложъ. — Ланкастерскія школы.

Наше библейское общество просуществовало до 1824 года ¹⁾, когда президентъ его, любимецъ императора Александра, кн. А. Н. Голицынъ, бывшій также и министромъ народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе личныхъ интригъ, о которыхъ мы скажемъ на своемъ мѣстѣ, долженъ былъ выйти въ отставку.

Мрачный взглядъ на дѣло библейскаго общества восторжествовалъ. Въ невинномъ по существу своему обществѣ стали находить антирелигіозныя и революціонныя начала. Такой взглядъ шелъ отъ невѣжественнаго и фанатическаго духовенства. Общество погибло такимъ образомъ, какъ мы увидимъ, вслѣдствіе дѣйствій внѣшнихъ враговъ. Но и въ немъ самомъ заключались такія условія, которыя дѣлали существованіе его непрочнымъ у насъ.

Библейское дѣло, если сравнить его положеніе у насъ съ тѣмъ, какое имѣло оно въ Англіи, является совершенно несогласнымъ ни съ нашими правами, ни съ нашими историческими привычками. Въ Англіи, на своей родинѣ, оно было проявленіемъ свободной дѣятельности лицъ частныхъ, привычекъ цѣлаго англійскаго общества; у насъ оно съ самаго начала стало носить официальный характеръ. Главную роль въ распространеніи дѣятельности нашего библейскаго общества играли административныя власти, безъ которыхъ въ ту

¹⁾ Оно просуществовало собственно до 1826 г., а въ 1824 г. палъ Голицынъ.

Прим. ред.

пору, да и долго потомъ, была немыслима у насъ никакая общественная дѣятельность. Но не будь личнаго участія самого императора къ дѣлу библейскаго общества—и власти не тронулись бы. Вниманіе Александра придавало опору и жизнь нашему обществу. Только оно одно и позволило обществу быть дѣятельнымъ въ распространеніи круга своихъ дѣйствій. Свободная, личная инициатива, настоящее влеченіе къ дѣлу—могли существовать только у весьма немногихъ членовъ. Большинство ихъ влеклось къ этому дѣлу посторонними поводами, часто вовсе не безкорыстными, а именно: желаніемъ угодить власти и своему начальству. Вотъ почему этимъ людямъ такъ легко было измѣнить образъ своихъ дѣйствій, когда власть измѣнила взгляды.

При такой неблагоприятной обстановкѣ едва ли многими сознавалась та прекрасная первоначальная цѣль, которая вносила такъ много новыхъ, цивилизующихъ, неизвѣстныхъ до того элементовъ въ русское общество: желаніе прогнать религіозное невѣжество простого нашего народа, настоящее религіозное образованіе его, когда источники религіи дѣлаются доступными и понятными всѣмъ и каждому и вѣротерпимостью, о которой не слыхали у насъ до того, не только между духовными лицами, но и мірянами. Все это шло изъ Англіи посредствомъ письменныхъ сношеній нашего общества съ лондонскимъ и посредствомъ личныхъ связей, такъ какъ нѣсколько весьма почтенныхъ эмиссаровъ являлось къ намъ изъ Англіи. Они-то сообщали благотворныя и образовательныя начала обществу.

Разсматривая составъ нашего библейскаго общества, членами котораго были лица изъ высшаго духовенства, какъ православнаго, такъ и другихъ христіанскихъ исповѣданій и лица самаго высокаго положенія на государственной службѣ, а во главѣ ихъ—князь Голицынъ, любимецъ Александра и довѣренное лицо, человекъ съ истинно-религіозными наклонностями, который вездѣ, даже въ самомъ темномъ мистицизмѣ искалъ удовлетворенія своей сердечной вѣрѣ, мы, приходимъ къ убѣжденію, что въ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ общества не было ничего такого, что сколько-нибудь могло подтверждать яростныя и бессмысленныя обвиненія его враговъ.

Люди были преданы дѣлу и искренно желали общей пользы. Но между ними, къ несчастію общества, нашлись однако люди, которые всегда были готовы изъ личныхъ выгодъ измѣнить свои дѣйствія и убѣжденія, какъ пресловутый Магницкій. Они-то и сдѣлались главными врагами общества, распространяя на его счетъ, изъ интриги, нелѣпыя представленія.

Если судить по тѣмъ препятствіямъ, которыя наше общество встрѣчало для своей дѣятельности вокругъ себя и внутри себя, то

мы должны отдать ему полную справедливость: оно сдѣлало относительно очень много для главнаго своего дѣла—распространенія книгъ Св. Писанія на языкѣ русскомъ и другихъ языкахъ и нарѣчійхъ, хотя ему сильно вредило слишкомъ усердное мистическое направленіе, лежавшее впрочемъ въ основахъ духа времени и въ личныхъ наклонностяхъ самого императора и президента общества. Это не мѣшало однако тому обстоятельству, что въ кругъ убѣжденій членовъ нашего библейскаго общества вошла вѣротерпимость, которая облегчила положеніе раскольниковъ.

Изъ Англіи заимствовало также наше общество и человеколюбивое направленіе, ту филантропію, которая соотвѣтствовала общему духу времени. Въ Петербургѣ основано было *Императорское человеколюбивое общество*, президентомъ котораго былъ тотъ же Голицынъ. Въ 1816 году образовалось новое литературное общество, у котораго была также и филантропическая цѣль: это *Вольное общество любителей россійской словесности*, о которомъ мы уже не разъ упоминали. Попечителемъ его былъ тотъ же Голицынъ; въ немъ участвовало преимущественно молодое поколѣніе, которое издавало свой журналъ „Соревнователь просвѣщенія и благотворенія“ или „Труды Вольнаго Общества“. СПБ. 1818 — 1825. Благотворительная цѣль этого общества заключалась въ томъ, что деньги, выручаемыя отъ изданія, оно опредѣляло въ пособія неимущимъ ученымъ и литераторамъ. И въ этомъ и въ другихъ обществахъ столицы принимали участіе, кромѣ князя Голицына, и другіе члены библейскаго общества. Изъ этого видно, что широкая дѣятельность англійскаго библейскаго общества получала отчасти и у насъ развитіе въ томъ же филантропическомъ направленіи. Къ числу нововведеній въ этомъ родѣ для русскаго общества вообще принадлежатъ *Ланкастерскія школы* или школы взаимнаго обученія, начало которыхъ надобно искать въ Англіи. Эти школы оказывали существенную помощь въ дѣлѣ образованія бѣдныхъ. Мы должны упомянуть также, что плодомъ дѣятельности нашего библейскаго общества явилась и особая назидательная литература, состоявшая изъ нравственно-религіозныхъ поученій въ небольшихъ книжечкахъ, распространяемыхъ за дешевую цѣну между грамотными изъ простаго народа. Особою литературною дѣятельностію въ этомъ духѣ и направленіи сдѣлалась извѣстною у насъ кн. Мещерская, которую уважалъ императоръ Александръ. Она отдалась съ искреннею преданностію и увлеченіемъ этому новому у насъ дѣлу. Въ первый разъ русское общество услышало въ этихъ трактатахъ рѣчь о вопросахъ христіанской морали не на схоластическомъ языкѣ духовенства, перемѣшанномъ славянскими словами, а на языкѣ обыденной жизни. Стали переводить у

насъ тогда чѣмъ либо замѣчательныя сочиненія духовныхъ и другихъ вѣроисповѣданій. Таковы были проповѣди католическаго пастора Линдля (1820 г.) и книга другого католическаго пастора Госнера, книга, сдѣлавшаяся въ 1824 году обвинительнымъ пунктомъ противъ библейскаго общества. Но самымъ любопытнымъ примѣромъ того, что стремленія англійскаго библейскаго общества прививались у насъ и распространялись въ такой сферѣ, гдѣ появленіе ихъ должно было показаться чрезвычайно страннымъ многимъ не привышимъ людямъ, было изданіе (первое) извѣстнаго катихизиса Филарета (1823 г.), въ которомъ десять заповѣдей, символъ вѣры и всѣ тексты священнаго писанія были изложены на языкѣ русскомъ, чего уже не встрѣчалось въ позднѣйшихъ многочисленныхъ изданіяхъ „Катихизиса“. Знаменитый впослѣдствіи московскій архипастыръ получилъ извѣстность своими проповѣдями въ 1812 году. При образованіи у насъ библейскаго общества Филаретъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ его и со всею энергіею поддерживалъ и приводилъ въ исполненіе собственными трудами мысль о переводѣ книгъ Св. Писанія на языкъ русскій и не по его винѣ мысль эта въ исполненіи не была доведена до конца. Мы увидимъ потомъ, что „Катихизисъ“ Филарета въ этомъ видѣ возбудилъ противъ себя жестокія нападенія враговъ общества. Съ дѣйствіями послѣдняго соединялось отчасти и мистическое направленіе, то множество переводовъ мистическихъ книгъ и сочиненій Юнга Штиллинга и Эккартсгаузена, гдѣ главнымъ дѣятелемъ являлся, какъ мы видѣли издатель „Сіонскаго Вѣстника“ Лабзинъ. Мистицизмъ этотъ однако не соответствовалъ первоначальной и прямой пѣли библейскаго общества, которое возбуждало религіозно-нравственные вопросы съ совершенно другимъ содержаніемъ; напротивъ онъ повредилъ дѣлу, испортилъ его.

Такимъ образомъ русское библейское общество, возникшее изъ подражанія англійскому, вносило въ жизнь нашего общества много вопросовъ религіозно-нравственнаго содержанія, о которыхъ никогда не было до того времени помину и которые возбуждали его къ извѣстнаго рода дѣятельности, полезной въ нѣкоторомъ смыслѣ. Человѣколюбивое и просвѣтительное отношеніе къ низшимъ, удрученнымъ общественнымъ классамъ одно уже даетъ ему право на уваженіе съ нашей стороны. Св. Писаніе на языкѣ русскомъ, т. е. понятномъ для большинства населенія имперіи и переводы его на нарѣчія заброшенныхъ инородцевъ могли бы много сдѣлать и для распространенія христіанства въ темныхъ массахъ. Дѣло, начатое библейскимъ обществомъ такъ широко, приостановилось и только черезъ многіе годы берутся за него, но неумѣло и робко. Но биб-

лейское общество виновато однако и съ своей стороны тѣмъ, что оно не ограничилося дѣятельностію, такъ прекрасно указанною ему его англійскимъ образцомъ, а пошло нѣсколько дальше, туда, гдѣ оно должно получить осужденіе уже не отъ своихъ собственныхъ, явныхъ и тайныхъ враговъ, а отъ суда исторіи, безпристрастнаго и свободнаго.

Темныя стороны библейскаго общества нашего происходили не отъ него самого, не отъ личностей, въ немъ участвовавшихъ, а отъ характера и жизненныхъ условій той среды, посреди которой оно дѣйствовало. Мы уже говорили, что у насъ оно не было свободнымъ соединеніемъ людей, которые внутри себя находили бы побужденіе къ дѣятельности. Чтобъ возбудить ихъ къ ней — необходимо было прямое и непосредственное участіе власти. Едва только власть измѣнила свои отношенія къ обществу и эти люди перестали заботиться о дѣлѣ, которое вовсе было чуждо имъ; они отвернулись отъ него и стали относиться къ нему враждебнымъ образомъ. Во всемъ этомъ сказались наши русскіе порядки и характеръ общества, всѣмъ намъ хорошо извѣстный. Стоитъ только вспомнить метаморфозы реалистовъ въ классики и наоборотъ. Свободное служеніе дѣлу и увлеченіе имъ въ нашихъ библейскихъ комитетахъ были большою рѣдкостью. Спѣшили угодить начальству, которое желало содѣйствовать успѣхамъ библейскаго дѣла и только. У многихъ исполнителей воли высшаго начальства ревность часто доходила до границъ нелѣпости, какъ у извѣстнаго казанскаго попечителя Магницкаго, о дѣйствіяхъ котораго мы будемъ еще говорить.

Время съ своими элементами и увлеченія частныхъ лицъ, которыя по своему значенію должны были имѣть большое вліяніе на наше библейское общество, извратили его первоначальный религіозно-нравственный характеръ и очень скоро. Увлеченіе мистицизмомъ и піэтизмъ, воцарившійся въ угоду личному настроенію Александра, были совершенно противоположны настоящимъ цѣлямъ общества. Сильное значеніе получило здѣсь именно это личное настроеніе императора. Его піэтизмъ, его чрезвычайная религіозная настроенность развились, какъ мы видѣли, вслѣдствіе глубокихъ пережитыхъ имъ впечатлѣній, отъ народныхъ бѣдствій и великихъ историческихъ событій. Весь прежній знакомый намъ либерализмъ его, его воспитаніе въ духъ гуманныхъ идей XVIII вѣка и впечатлѣній отъ событій и людей, окружавшихъ его молодость, улетучивается въ неопредѣленный піэтизмъ и туманную мистику, которые весьма близко граничатъ съ реакціонными тенденціями и эти послѣднія дѣлаются теперь цѣлью Александра: ими думалъ онъ установить

на землѣ лучшій порядокъ, болѣе сообразный съ волей божественною; возстановитель падшихъ династій, унесенныхъ волнами историческихъ событій, онъ смотрѣлъ на себя какъ на избранника провидѣнія для общаго великаго возстановленія упавшихъ и подорванныхъ началъ. Это новое мистическое настроеніе всего нагляднѣе выражается въ актѣ Священнаго Союза, о реакціонномъ значеніи котораго въ политическомъ развитіи общества мы будемъ еще говорить. Александръ ищетъ религіозныхъ впечатлѣній со всѣхъ сторонъ и съ удивительною покорностью подчиняется всѣмъ впечатлѣніямъ, гдѣ онъ видитъ религіозный піетизмъ или религіозную экзальтацію; онъ не разбираетъ даже побужденій, руководствующихъ людьми. Таковы его бесѣды въ Парижѣ съ извѣстномъ экзальтированной піетисткою и пророчицею г-жею Крюденеръ, которой онъ вѣрилъ и вліянію которой подвергался. Таковы подарки его извѣстному мистическому писателю Юнгу Штиллингу, о сочиненіяхъ котораго мы уже говорили, или усердныя молитвы съ колѣнопреклоненіемъ вмѣстѣ съ квакеромъ и піетистомъ Грелле. Если даже многому въ этихъ новыхъ увлеченіяхъ императора Александра, слышаго въ глазахъ нѣкоторыхъ хорошо его знавшихъ людей за челоука съ двойнымъ характеромъ, и приписывать чисто политическое значеніе, напр., желаніе сдѣлать изъ піетизма и мистицизма орудіе политической реакціи, все же они, т.-е. эти мистическія увлеченія Александра, немислимы безъ его личнаго настроенія. Тогда, подъ вліяніемъ новыхъ вкусовъ своихъ, онъ сталъ оказывать большое вниманіе библейскому обществу, которое естественно должно было подчиниться настроенію императора. Въ угоду ему и наперекоръ всѣмъ господствовавшимъ привычкамъ, стала распространяться и въ обществѣ рускомъ мода на мистицизмъ. Чтеніе религіозныхъ сочиненій, разсужденія о вопросахъ религіозно-нравственныхъ, молитвы съ квакерами и даже хлыстовскія *раднія* сдѣлались очень распространеннымъ дѣломъ. Религіи и мистицизма искали вездѣ, даже въ проповѣдяхъ католическихъ и протестантскихъ священниковъ, не брезгали и расколомъ. Многіе изъ членовъ нашего библейскаго общества были давно подготовлены къ этому мистицизму прежнею масонскою школою Новикова. И самъ онъ и главные сотрудники его въ дѣлѣ масонства были еще живы и имѣли сильное вліяніе по личному характеру своему на убѣжденія многихъ. Ихъ образъ мыслей намъ извѣстенъ: онъ состоялъ въ осужденіи всего новаго, въ недовѣріи къ новымъ стремленіямъ въ обществѣ, къ наукѣ, къ литературѣ, въ аскетическомъ взглядѣ на жизнь и въ увлеченіяхъ тѣмъ, что для увлеченныхъ казалось высшимъ проявленіемъ божественной премудрости, а для людей съ здравымъ

смысломъ — ребяческимъ легковѣріемъ. Представителемъ такихъ, впрочемъ честныхъ и искреннихъ личностей и ихъ убѣжденій въ литературѣ является уже извѣстный намъ Лабзинъ, который въ 1817 году возобновилъ свой журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“, потому что его направленіе стало пользоваться теперь одобреніемъ власти и находить читателей и почитателей. Лабзинъ получилъ даже отъ императора награду орденомъ за свой мистицизмъ и переводы Ю. Штиллинга и Эккартсгаузена. Лабзинъ былъ недоволенъ церковною стороною нашего православія, онъ искалъ въ религіи внутренняго содержанія и совершенно естественно склонялся къ мистикѣ и къ вѣрѣ въ чудеса. Его журналъ былъ выраженіемъ тѣхъ стремленій нѣкоторыхъ членовъ библейскаго общества, которыя граничили съ піэтизмомъ и мистицизмомъ. Въ числѣ усердныхъ почитателей Лабзина былъ и такой положительный умъ, какъ Филаретъ, который въ то время былъ склоненъ къ мистикѣ.

Къ великому несчастію русскаго общества, всѣ эти мистическія стремленія, при усиливающихъ значеніе ихъ обстоятельствахъ, при покровительствѣ самого императора, скоро получили перевѣсъ и значеніе правительственной системы, тѣснящей всякую мысль и всякое даже самое слабое проявленіе свободы. Настало время душевной реакціи и самаго злого, невѣжественнаго обскурантизма, который господствовалъ въ послѣдніе годы царствованія Александра. Его проявленія, его дѣйствія соединяются съ министерствомъ князя Голицына, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и оберъ-прокуроромъ Св. Синода. Онъ былъ предсѣдателемъ библейскаго общества и вокругъ него сгруппировались люди, ему потакавшіе и доводившіе свое усердіе до крайнихъ предѣловъ, въ родѣ Магницкаго, который потомъ сдѣлался орудіемъ и усерднымъ исполнителемъ замысловъ тайныхъ враговъ своего бывшаго начальника и покровителя. Это придало библейскому обществу въ понятіяхъ и представленіяхъ современниковъ и въ воспоминаніяхъ послѣдующаго поколѣнія весьма непривлекательную славу разсадника самыхъ ретроградныхъ и обскурантныхъ идей. Паденіе общества, поэтому, было привѣтствуемо большою радостію со стороны либеральныхъ людей, но съ паденіемъ его обскурантизмъ не палъ однако,—напротивъ, онъ проявился съ особенною силою, хотя и въ другихъ формахъ. Обскурантизмъ этотъ былъ порожденіемъ не библейскаго общества, а духа времени и личнаго настроенія императора. О немъ, въ связи съ дѣйствіями и отношеніями къ наукѣ и литературѣ министерства князя Голицына, мы будемъ говорить особо. Теперь упомянемъ еще о нѣкоторыхъ явленіяхъ, которыя занимали русское общество послѣ великихъ европейскихъ событій и удовлетво-

ряли болѣе или менѣе возбужденному состоянію умовъ лучшихъ людей того времени.

Послѣ войны 1812 года и европейскихъ походовъ у насъ возстановлены были *масонскія ложи*. На нихъ сказались теперь и новыя вліянія главнымъ образомъ нѣмецкихъ масонскихъ ложъ и преданія стараго московскаго масонства, такъ какъ представители его были еще живы. Нѣмецкое вліяніе стало однако преобладающимъ и подобно тому, какъ въ XVIII вѣкѣ въ обществѣ московскихъ масоновъ главнымъ двигателемъ былъ профессоръ Шварцъ, такъ въ началѣ XIX вѣка вліятельнымъ лицомъ въ масонствѣ собственно Петербурга былъ извѣстный профессоръ еврейскаго языка, а потомъ философіи въ С.-Петербургской духовной академіи Фесслеръ, на котораго пало очень много разнообразныхъ обвиненій, какъ за дѣйствія, такъ и за связи его. Фесслеръ, увлеченный масонствомъ еще въ концѣ XVIII вѣка въ Германіи, очень много пользы ждалъ отъ него для общества; онъ смотрѣлъ на него, какъ на орудіе нравственнаго воспитанія. Въ Петербургѣ, куда Фесслеръ явился профессоромъ, онъ старался распространять свои масонскія убѣжденія, систему масонства, которая носитъ его имя. Но успѣхъ его преподаванія и любовь къ нему учениковъ духовной академіи, что было тогда большою рѣдкостью, возбуждали зависть между профессорами, а за нею пошли и преслѣдованія. Религіозныя убѣжденія Фесслера были заподозрѣны и онъ принужденъ былъ оставить свою профессуру. Онъ уѣхалъ въ Саратовъ, гдѣ былъ предсѣдателемъ лютеранской консисторіи нѣмецкихъ колоній волжскаго края. Съ другой стороны Фесслеръ возбудилъ къ себѣ непріязнь въ масонскихъ ложахъ старыхъ представителей масонства своими нововведеніями. Но вліяніе его, вѣроятно, было значительно, если Фотій нашелъ нужнымъ проклинать его въ своихъ діатрибахъ на увлеченія тогдашняго петербургскаго общества. Рассказываютъ, что Фесслеръ посвятилъ въ масоны Сперанскаго въ 1810 году. Это было сдѣлано съ вѣдома Александра, желавшаго познакомиться съ масонскими тайнами и это было причиною вызова Фесслера въ Россію. Было время, когда Сперанскій, этотъ знаменитый практический государственный человѣкъ, платилъ дань современному мистицизму. Это видно изъ писемъ его къ Цейеру, гдѣ онъ выражается языкомъ, напоминающимъ Лопухина, Невзорова, Лабзина и др. Къ чести характера Сперанскаго надобно замѣтить, что онъ платилъ дань мистицизму въ то время, когда мистицизмъ не былъ еще государственной религіей у насъ, и онъ не могъ выиграть имъ ни особенныхъ почестей, ни особенныхъ наградъ. Въ мистическихъ тенденціяхъ Сперанскаго надобно видѣть вліяніе его воспитанія, его любознатель-

ность и духъ того времени. Замѣтимъ, что мистицизмъ его могъ соединяться съ широкимъ либерализмомъ.

Намъ нѣтъ необходимости входить въ разсмотрѣніе такъ называемыхъ „работъ“ масонскихъ ложъ и содержанія ихъ. Для насъ важно, что подобно Москвѣ, Петербургъ сдѣлался теперь центромъ масонскаго движенія; въ немъ быстро увеличивалось число ложъ. Это былъ признакъ возбужденнаго состоянія общества, которое искало удовлетворенія для своей дѣятельности, за неимѣніемъ болѣе практической почвы, даже и въ мистическихъ ложахъ. Масонство сдѣлалось общимъ увлеченіемъ, модою. Въ ложахъ встрѣчаются всѣ общественные слои отъ высшаго аристократическаго класса до купцовъ и ремесленниковъ, всевозможныя профессіи и люди разнообразныхъ отгнѣнковъ, мнѣній и убѣжденій политическихъ; и obscurantные члены библейскаго общества и крайніе либералы, которые потомъ составляли союзы благоденствія и другія тайныя общества.

Что же искали эти люди самыхъ разнообразныхъ мнѣній и убѣжденій въ масонскихъ ложахъ? Что они находили въ нихъ и имѣло ли какой-нибудь историческій смыслъ масонство? Безспорно, что русское общество, мало развитое и теперь, тогда еще менѣе занималось интересами духовными и политическими; большинство членовъ ходило въ масонскія ложи съ тѣми же цѣлями, какъ теперь ходятъ въ клубъ, за исключеніемъ игры въ карты, но все же масонство имѣло историческое значеніе по старому преданію; прежнее преслѣдованіе придало ему значеніе, котораго оно въ сущности не имѣло, и тайна невольно влекла къ нему. Чего-то искали въ ложахъ по старой привычкѣ и разумѣется не находили. Едва ли люди выносили изъ ложъ что-нибудь другое, кромѣ туманнаго и неопредѣленнаго мистицизма, что доказывается сильнымъ распространеніемъ въ это время мистической литературы и тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ масонскихъ ложъ стояли все еще люди Новиковскихъ убѣжденій и взглядовъ, уже извѣстные намъ своими странными увлеченіями, въ которыхъ сливалось въ одно неопредѣленное и туманное цѣлое и алхимія, и магія, и каббала, и всякій подобный вздоръ. При малой умственной развитости общества, для многихъ и это нелѣпное содержаніе могло казаться чѣмъ-то значительнымъ. Съ другой стороны принадлежность къ масонству развивала въ человѣкѣ нѣкотораго рода сознаніе, что у него есть какое-то убѣжденіе, подымало его нравственное достоинство, возвышало его въ собственныхъ глазахъ. Самое соединеніе въ ложѣ различныхъ возрастовъ и положеній общественныхъ, соединеніе во имя какой-то идеи, хотя и плохо сознаваемой, импонировало самымъ фактомъ своимъ. Вотъ почему и люди молодого поколѣнія, либеральныхъ убѣжденій, привыкшіе обсуждать уже

политическіе и общественные вопросы, тоже искали чего-то въ масонскихъ ложахъ. Они думали получить возможность поднимать эти вопросы и подвергать ихъ обсужденію въ такомъ значительномъ собраніи людей, какое представляли масонскія логи. Такимъ образомъ въ нихъ проникъ политическій либерализмъ—слѣдствіе новыхъ вліяній европейскихъ. Даже военные либералы того времени, главные представители политическаго движенія 1825 года, образовали особую ложу; но масонство не могло ихъ удовлетворить и скоро наскучило, какъ своими формальностями, такъ и безсодержательностью. Оно естественно замѣнилось тайными обществами.

Рядомъ съ библейскими обществами и масонскими ложами должны быть поставлены школы взаимнаго обученія или *ланкастерскія*—тоже новое явленіе духа времени, заимствованное изъ Европы. Они находятся въ близкомъ отношеніи къ первымъ и члены библейскаго общества были ихъ покровителями у насъ сначала. Вопросы о воспитаніи народа стали на очередь, и Александръ въ 1816 году обратился на нихъ вниманіе и одобрилъ ланкастерскія школы за ихъ простоту и дешевизну устройства, что дѣлало ихъ особенно примѣнимыми въ нашемъ отечествѣ. Были посылаемы за границу молодые люди для изученія этихъ новыхъ способовъ обученія; въ Петербургѣ былъ образованъ особый комитетъ для введенія ихъ у насъ; образовалось, съ утвержденія правительства, цѣлое общество для учрежденія ланкастерскихъ школъ; открывалось много ихъ и для бѣдныхъ и въ полкахъ для солдатъ. Правительство заботилось о ихъ распространеніи и думало воспитать ими весь народъ въ религіозно-нравственномъ направленіи, но скоро измѣнило свой взглядъ на нихъ и стало видѣть въ нихъ, подѣ вліяніемъ убѣжденій реакціи, источникъ волненій и мятежей. Такъ все скоро извращалось и гибло на нашей почвѣ.

Если эти благотворныя западныя вліянія, прививавшіяся къ нашему обществу вслѣдствіе сильнаго возбужденія его мысли историческими событіями, не удержались у насъ по разнымъ внутреннимъ причинамъ и не могли принести той пользы, которую можно было бы ожидать отъ нихъ, то съ другой стороны изъ Европы же шла къ намъ *политическая реакція*, которая нашла у насъ самую благодарную почву и вѣрныхъ исполнителей, не задумывавшихся ни надъ чѣмъ.

ЛЕКЦІЯ XXIII.

Реакціонное движеніе въ Западной Европѣ.

Мы сказали, что изъ Западной Европы, съ которою мы гораздо тѣснѣе сблизились послѣ нашихъ европейскихъ походовъ, вмѣстѣ съ развивающимися обществомъ вліяніями шла къ намъ и *реакція*, произведеніе сложной и продолжительной исторической жизни европейскихъ обществъ, но у насъ, при незначительности нашего развитія и при условіяхъ молодой еще общественности не имѣвшая достаточныхъ правъ на существованіе. Однако-жъ эта реакція надѣлала намъ много вреда и погубила много ростковъ жизни, которые не принесли никакого плода. Волею неволею, вслѣдствіе нашихъ политическихъ связей съ Европою, мы увлеклись въ эту душную и губительную атмосферу реакціи, которая составляетъ условіе всей второй половины царствованія Александра и которая, само собою разумѣется, тѣсно связана съ его личнымъ настроеніемъ, измѣнившимся подъ вліяніемъ событій. Невозможно пройти безъ вниманія и не говорить въ исторіи русской мысли и умственной дѣятельности о явленіяхъ этой политической реакціи: въ XIX вѣкѣ мысль и слово такъ непосредственно соединены съ условіями политическаго устройства страны, что мы и не поймемъ ихъ безъ этого необходимаго историческаго фона. И намъ придется привести на память тѣ явленія европейской реакціи, которыя оказали свое вліяніе на нашу жизнь и на нашу умственную дѣятельность.

Время европейской реакціи, такъ сильно дѣйствовавшей на жизнь потому что власть находилась въ рукахъ могущественныхъ правительствъ, захватываетъ продолжительный срокъ, отъ окончанія революціонныхъ войнъ и паденія Наполеона до тридцатыхъ годовъ. Но слѣдствія и вліянія реакціи продолжались и долѣе этого срока. Это была полная пріостановка жизни и движенія, начавшагося французской революціей, и только случайно, порывами, вспышками неудачныхъ революцій прорывалась задавленная политическая жизнь народовъ. Явленіе реакціи въ европейскомъ обществѣ того времени, взволнованномъ сильными потрясеніями, весьма понятно. Тамъ было такъ много старыхъ преданій и учрежденій, нравы и привычки имѣли такую продолжительную исторію, было такъ много сложныхъ привиллегій и притязаній, что упорное отстаиваніе старины казалось вполне естественнымъ. Источники европейской реакціи заключались въ самомъ обществѣ, въ которомъ было мало элементовъ

движенія впередъ, въ которомъ аристократія естественно стояла за свои привилегіи, а прочіе классы имѣли очень мало политическаго и гражданскаго развитія и легко возвратились къ старому покою, изъ котораго пробуждены были на время. Слѣдовательно, реакція въ Европѣ вызывалась не одною только властью, ей помогало общество. Правительства, для своихъ выгодъ, воспользовались только реакціонными элементами въ обществѣ и повели реакцію далѣе. Тогда она превратилась въ печальную полицейскую мѣру, въ преслѣдованіе всякой живой и свободной мысли, всякаго движенія впередъ и доходила до величайшихъ нелѣпостей: Намъ нѣтъ надобности входить въ подробное развитіе того дѣйствія, которое имѣла на общество правительственная реакція въ Европѣ. Всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ духовной исторіей этого времени, съ литературой его, съ записками современниковъ, понятно это дѣйствіе. Стоитъ только вспомнить, какое сильное, подавляющее средство находится въ цензурѣ, а она процвѣтала во всемъ своемъ безобразномъ величій именно въ это печальное время. Реакція дѣйствовала на общество отупляющимъ образомъ. Въ немъ, при ея господствѣ, не могло быть никакихъ общественныхъ, т.-е. политическихъ интересовъ, соединяющихъ людей въ одно, наполняющихъ разумнымъ образомъ жизнь и дающихъ ей смыслъ и содержаніе. Въмѣсто интересовъ общественныхъ, людей занимали интересы эстетическіе или личные, иногда чрезвычайно мелкіе. Правда, въ это время европейской жизни мы замѣчаемъ значительное развитіе литературы, броженіе неустановившейся мысли, но въ это броженіе и уходила вся жизнь; оно не могло захватить собою интересовъ политическихъ, т.-е. реальныхъ, и недостатокъ жизни сказывается въ обществѣ тою неопредѣленною, романтическою тоскою, которая наполняетъ литературу.

Для европейской реакціи существовало такимъ образомъ много сложныхъ историческихъ общественныхъ причинъ, которыхъ вовсе не было у насъ для продолженія и примѣненія ея системы къ русской жизни, а между тѣмъ она сдѣлалась образчикомъ для русской реакціи и нашла печальное примѣненіе въ нашемъ обществѣ.

Ничего не было общаго между Россіей того времени и Европою, что оправдывало бы у насъ продолженіе европейской реакціи. Государственныя формы существовали и стояли у насъ также крѣпко, какъ и прежде. Революціонный переворотъ прошумѣлъ вдали, насколько не коснувшись нашей жизни; ничто не измѣнилось у насъ и никакихъ революціонныхъ элементовъ не было въ нашемъ послушномъ и вѣрнопопданномъ обществѣ.

Напротивъ, условія исторической жизни нашего отечества требовали скорѣе дѣятельнаго движенія впередъ, реформъ и реформъ,

которыя вдохнули бы жизнь въ неподвижный организмъ государства, раздѣдаемый старыми пороками, наслѣдіемъ чуть ли не московской Руси. Потому реакція или возвращеніе къ старому и усиленная поддержка того, что надобно бы было, напротивъ того, разрушить, является въ русской жизни крайнимъ безсмысліемъ и полнымъ невѣдѣніемъ настоящихъ потребностей нашей страны, безсмысліемъ, потому что власти пришлось преслѣдовать и уничтожать то, что недавно она вызывала и поощряла. Поэтому, при слабости нашего общественнаго и умственнаго развитія, русская реакція оказала гораздо болѣе пагубное вліяніе на насъ и на нашу умственную жизнь, чѣмъ европейская реакція у себя, на Западѣ. Къ счастью человѣчества, при условіяхъ существовавшаго богатаго духовнаго развитія Европы, реакція тамъ не была въ состояніи остановить духъ времени и развитіе общественнаго мнѣнія. Въ Германіи, напр., существовала такая богатая умственная жизнь, такая широкая и полная содержаніемъ литература, созданная великими талантами XVIII вѣка, что дѣло реакціи оказалось скоро безсильнымъ въ этой странѣ, несмотря на то, что его поддерживали науки. Богатую умственную и литературную жизнь народа заглушить невозможно. Русской реакціи представлялся полный просторъ и никакихъ преградъ. Чтобы имѣть право на существованіе, она должна была преслѣдовать мелочи, иногда изобрѣтать и придумывать то, съ чѣмъ бы вести ей борьбу. Нѣтъ явленія поэтому печальнѣе, безплоднѣе и нелѣпѣе русской реакціи во вторую половину царствованія Александра. Она превратилась въ печальный обскурантизмъ и преслѣдованіе мысли, слова и науки. Едва начинающееся, слабое развитіе общественное было пріостановлено надолго; нѣжные ростки заморожены.

Историческихъ, общественныхъ причинъ для русской реакціи слѣдовательно, не было, но причины ея, при господствѣ самодержавія, заключались въ личномъ, измѣненномъ настроеніи императора Александра и въ тѣхъ эгоистическихъ, жалкихъ цѣляхъ окружавшихъ его въ это время людей, которые безстыдно, ко вреду страны, умѣли воспользоваться для себя слабостью воли и характера государя. Объ измѣненномъ настроеніи его, объ овладѣвшемъ имъ піетизмѣ и религіозной мечтательности, какъ слѣдствіи великихъ душевныхъ потрясеній и испытаній, пережитыхъ имъ вмѣстѣ съ народомъ въ войну отечественную, — мы уже говорили. Несмотря на всю слабость своего характера и подчиненность чужимъ вліяніямъ, Александръ не вдругъ однако изъ области мистическихъ мечтаній перешелъ къ политической реакціи; не вдругъ разстался онъ съ пылкими мечтами своей молодости о благѣ человѣчества. Даже Священный Союзъ, которымъ собственно начинается дѣло европейской

реакціи, союзъ напуганныхъ правительствъ противъ жаждущихъ свободы народовъ, имѣлъ на первыхъ порахъ для Александра либеральную программу и на Вѣнскомъ конгрессѣ онъ одинъ защищалъ конституціонное устройство Польши и долго послѣ того поддерживалъ эту идею къ великому прискорбію и раздраженію русскихъ патріотовъ, изъ которыхъ нѣкоторые эгоистически негодовали и видѣли въ этомъ предпочтеніи чужого племени презрѣніе къ своему собственному народу. Повидимому, личныя мнѣнія Александра колебались довольно продолжительное время и онъ не вдругъ пошелъ по прямой дорогѣ реакціи. Съ 1818 г. реакціонное направленіе высказывается въ немъ болѣе опредѣленно, а съ 1820 года, подъ вліяніемъ событій и европейскихъ вліяній, наступаетъ пора самой мрачной реакціи и преслѣдованій ¹⁾. И это происходило въ ту самую пору, когда лучшіе и болѣе развитые люди русскаго общества мечтали о реформахъ въ нашей жизни, считая ихъ необходимыми въ окружающей ихъ печальной дѣйствительности. Это была грустная аномалія, тяжело отозвавшаяся на нашемъ развитіи. Причина такого настроенія императора Александра заключалась въ слабости его воли, въ незнаніи имъ Россіи, на которую онъ смотрѣлъ съ европейской точки зрѣнія; въ невинныхъ и ничтожныхъ проявленіяхъ нашего либерализма онъ хотѣлъ видѣть признаки революціи. Это было пагубное для Россіи преувеличеніе. Со времени европейскихъ войнъ и той великой исторической роли, которую Россія играла въ судьбахъ Европы, императоръ ея, занятый интересами европейской дипломатіи, какъ бы отвернулся отъ своей страны и относился къ ней только съ враждебными, реакціонными мѣрами. Онъ и жилъ мало въ Россіи, большею частью странствуя по Европѣ и принимая самое дѣятельное участіе въ тѣхъ конгрессахъ европейскихъ государей, на которыхъ ковались цѣпи рабства для народовъ и придумывались разныя мѣры, чтобъ подавить всякое проявленіе свободы. Боязнь революціи постоянно овладѣвала имъ. Въ его воображеніи носился призракъ какого-то всеобщаго заговора, захватившаго и Европу и Россію. Печальныя обстоятельства, при которыхъ онъ вступилъ на престолъ, навсегда остались въ душѣ его и увеличивали присущую ему подозрительность. Ко всему этому надобно присоединить вліяніе на умъ Александра извѣстнаго австрійскаго министра Меттерниха, который очень долгое время, во весь реакціонный періодъ и до 1848 года правилъ Австріей и пугалъ государей Европы призраками революціи, безпрестанно воюя съ духомъ времени полицейскими мѣрами и преслѣдованіями. Подчиняясь

¹⁾ Иѣсти. Евр. 1869 г., XII, стр. 742.

его вліянню, Александръ перенесъ и въ свою страну мѣры преслѣдованія. Онъ не зналъ русской литературы, ничего не читалъ по-русски и ему были совершенно чужды пробуждающіеся въ ней умственные интересы. Два предмета исключительно занимали его вниманіе: интриги европейской дипломатіи и войско. Любимыя занятія его были смотры въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, ученія и парады. Съ глубокимъ презрѣніемъ къ народу онъ предоставилъ править Россіей такой мрачной личности, какою былъ Аракчеевъ. Душевнымъ состояніемъ Александра, его тревогами, сомнѣніями, подозрительностію и недовѣріемъ къ окружающимъ можно и должно объяснять то вліяніе на него, которое имѣли такіа презрѣнныя личности, какъ европейскій Меттернихъ и русскій Аракчеевъ, дѣйствовавшія изъ эгоистическихъ расчетовъ. Не безъ борьбы и колебаній рѣшался онъ идти наперекоръ прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, какъ это было въ дѣлѣ возстанія Греціи и этими колебаніями умѣлъ пользоваться Меттернихъ, который получалъ весьма значительный денежный пенсіонъ изъ Петербурга на борьбу съ разными революціонерами и карбонарами того времени. Онъ развивалъ и усиливалъ подозрительность характера Александра, такъ что къ концу царствованія эта когда-то свѣтлая личность сдѣлалась неузнаваема. Недовольство имъ и его мѣрами распространялось въ обществѣ людей образованныхъ, которые желали реформъ и даже въ войскѣ, которому не нравились крутыя мѣры Аракчеева. Въ кружкѣ такъ называемыхъ декабристовъ его личность и дѣйствія возбуждали чуть не ненависть. Въ концѣ царствованія сложилось уже о немъ самое невыгодное представленіе, какъ о деспотѣ, чрезвычайно подозрительномъ, не любящемъ ни ума, ни талантовъ, хитромъ и лишенномъ всякой искренности. Такъ измѣнилось время и обстоятельства; такъ было обмануто столько свѣтлыхъ надеждъ на лучшее устройство нашей страны.

Припомнимъ здѣсь ходъ событій и тѣ историческія черты которыя совпали съ періодомъ нашей реакціи и изъ Европы оказывали вліяніе на нашу жизнь. Европейская реакція, какъ извѣстно, началась актомъ *Священнаго Союза*, подписаннымъ императорами русскимъ и австрійскимъ и королемъ прусскимъ, т.-е. представителями и вождями монархическаго начала. Это было въ 1815 году, но мысль о союзѣ родилась въ нихъ нѣсколько ранѣе. Источникомъ акта Священнаго Союза было то мистическое чувство, которое невольно вкрадывалось въ душу современниковъ при мысли о громадности и величіи только-что пережитыхъ событій. Вся слава побѣды надъ Наполеономъ, а слѣдовательно и надъ революціей приписывалась торжественно единому Богу. Потому для экзальтирован-

ныхъ современниковъ ¹⁾ союзъ этотъ казался актомъ благодати христіанской, дѣйствующей во времени. Въ немъ говорилось о шаткости и непрочности прежнихъ основаній для государствъ, о новомъ правѣ политическомъ, твердость котораго не одолѣютъ и врата адовы, потому что Самъ Христосъ въ актѣ этого союза ставится главою христіанскихъ обществъ. Едва ли кому, даже и самому Александру, приходило тогда въ голову, что этотъ актъ христіанскаго смиренія, подписанный съ искреннимъ чувствомъ тремя могущественными монархами, сдѣлается скоро краеугольнымъ камнемъ и получить въ сознаніи народовъ самый ненавистный характеръ, такъ какъ будетъ служить орудіемъ для подавленія ихъ свободнаго развитія. Скоро печальный смыслъ этого Союза былъ разгаданъ, не смотря на либеральныя фразы, которыя заключались въ его актѣ. Священный Союзъ явился союзомъ монарховъ противъ народовъ, союзомъ монарховъ съ отжившими, но еще упорно отстаивающими свое существованіе элементами общества противъ новыхъ и живыхъ началъ его. Универсальный характеръ Св. Союза придавалъ ему еще больше значенія и распространялъ его дѣйствіе на всю Европу. Народы ея являлись какъ бы одною семьею, которая должна быть управляема однимъ отеческимъ патріархальнымъ способомъ. Онъ долженъ былъ залѣчить раны, нанесенныя французской революціей и успокоить болѣзненное волненіе умовъ. Священный Союзъ сдѣлался скоро какой-то инквизиціей, преслѣдующей свободныя стремленія народовъ. При малѣйшемъ проблескѣ гдѣ-либо свободнаго движенія били общую тревогу; монархи собирались на конгрессы и придумывали на нихъ новыя мѣры преслѣдованія или рѣшались послать военную экзекуцію къ непокорнымъ народамъ. Много рѣчей на этихъ конгрессахъ говорилось тогда о необходимости усилить полицію и цензуру. Министры видѣли вездѣ государственныя опасности, признаки революціи и пугали ими своихъ робкихъ монарховъ. Тайная связь революціонеровъ и близкая гибель государствъ и правительствъ сдѣлались общею мыслию. Особенно ненавистнымъ для монарховъ и реакціонныхъ министровъ стало слово конституція. Въ то время, когда нужно было возбудить германскіе народы противъ общаго врага — Наполеона, прусскій король самъ завелъ рѣчь о свободныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, другіе нѣмецкіе государи также обѣщали своимъ подданнымъ конституцію въ награду за тяжелыя жертвы, понесенныя ими во время освободительныхъ войнъ. Народы напрасно ждали этой благодати; обѣщанія, вызванныя силою обстоятельствъ и грозящею опасностію, слѣдовательно обѣщанія вынужденныя, не исполнялись.

¹⁾ Сперанскій. Русск. Арх. 1867 г., стр. 448.

Политика Священнаго Союза смотрѣла другими глазами. Упоминаніе о конституціи въ печати считалось чуть не бунтомъ; государямъ не нравилось даже это самое слово, какъ воспоминаніе о ихъ прежней слабости. Въ такомъ смыслѣ говорилъ теперь прусскій король; всякая конституція была для него зломъ ¹⁾).

Вел. Кн. Екатерина Павловна, покровительница Карамзина, въ письмѣ своемъ къ исторіографу, совѣтуя ему не читать германскихъ конституцій, называетъ ихъ совершеннымъ вздоромъ и съ презрѣніемъ говоритъ о національныхъ репрезентаціяхъ ²⁾. Съ каждымъ годомъ горизонтъ, покрывавшій политическую и умственную жизнь Европы дѣлался все мрачнѣе и мрачнѣе; началась глухая, продолжительная борьба реакціи съ свободными мнѣніями; свобода, пробивавшаяся только революціонными вспышками, быстро подавлялась и гибла. Разныя обстоятельства усиливали борьбу и реакціонныя мѣры. Изъ нихъ мы должны упомянуть о тѣхъ въ особенности, которыя имѣли отношеніе къ умственной жизни Европы и пагубнымъ образомъ отразились на нашемъ отечествѣ, такъ какъ на нихъ указывали и на нихъ ссылались наши реакціонеры, преслѣдуя науку и мысль и слово.

Молодое поколѣніе Германіи, особенно тѣ люди, которые принимали непосредственное участіе въ войнѣ за освобожденіе и думали, увлеченные энтузіазмомъ, что настала пора освобожденія не только отъ иноземнаго ига, но и отъ отеческаго гнета домашнихъ тирановъ, должны были сильно разочароваться, когда водворилась система реакціи и преслѣдованія. Недовольство молодого поколѣнія, обманутаго въ своихъ надеждахъ, было общее. Оно должно было проявиться такъ или иначе. Организациія тайныхъ обществъ становилась естественною. Главную роль въ нихъ играли, конечно, многочисленные студенты нѣмецкихъ университетовъ. Въ 1817 году въ древнемъ замкѣ Вартбургѣ, близъ Эйзенаха, съ которымъ соединяется столько поэтическихъ воспоминаній изъ среднихъ вѣковъ и гдѣ жилъ потомъ Лютеръ, нѣмецкіе студенты устроили праздникъ въ годовщину реформациі и въ честь освобожденія Германіи. Разумѣется онъ носилъ либеральный характеръ и былъ полонъ заявленій, свойственныхъ молодости. На немъ было положено начало буршеншафту и между пѣснями и возгласами было сожжено нѣсколько сочиненій, проповѣдывавшихъ обскурантизмъ и реакцію и въ томъ числѣ „Исторія Германіи“ Коцебу, весьма плодовитаго писателя романовъ и комедій, а въ то время представителя реакціонной журна-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1869 г., XI, стр. 266.

²⁾ Неизд. соч. и переписка Н. М. Карамзина. Сиб. 1862, стр. 123.

листки, которая нападала на либеральныя стремленія нѣмецкихъ студентовъ и просто писала доносы. Имя Коцебу было ненавистно всему либеральному молодому поколѣнію Германіи; на него смотрѣли, какъ на лицо, пишущее за деньги Россіи, которая и въ то время не пользовалась славой идти впереди общественныхъ стремленій. Экзальтированный и фанатическій Іенскій студентъ Зандъ, котораго имя получило тогда громкую извѣстность, рѣшился убить Коцебу, какъ врага свободы и привелъ свое намѣреніе въ исполненіе въ 1819 году въ Мангеймѣ, гдѣ жилъ Коцебу. Вскорѣ послѣ убійства Коцебу много надѣлало въ Германіи шуму подобное же покушеніе аптекаря Ленинга умертвить президента фонъ-Ибелля изъ такихъ же мотивовъ. Эти безразсудныя поступки привели въ озлобленіе реакцію.

Первымъ слѣдствіемъ ихъ были конференціи министровъ, представителей разныхъ державъ въ Карлсбадѣ, которые въ 1819 году издали свои *рѣшенія*, цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ главнымъ образомъ противъ науки, литературы, университетовъ и учащейся молодежи. Когда они были утверждены Германскимъ сеймомъ и стали приводиться въ исполненіе, — все, что было лучшаго и образованнаго въ обществѣ, было оскорблено ими. Душею этихъ конференцій былъ Меттернихъ, тогда еще не имѣвшій большаго вліянія на образъ мыслей императора Александра. Его министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ тогда графъ Каподистрія, мечтавшій какъ греческій патріотъ объ освобожденіи своей родины и потому стоявшій на сторовѣ либерализма. Онъ былъ противъ карлсбадскихъ рѣшеній и смотрѣлъ на нихъ, какъ на безумную мѣру, принятую необдуманно подъ вліяніемъ страха. Александръ повидимому раздѣлялъ его убѣжденія и не одобрялъ карлсбадскихъ рѣшеній, но ничего не сдѣлалъ противъ приведенія ихъ въ исполненіе. Другого, совершенно противоположнаго мнѣнія держался другой выходецъ съ юга Европы въ Россію, уроженецъ Молдавіи — А. С. Стурдза, занимавшій тоже видное мѣсто по министерству иностранныхъ дѣлъ, и членъ главнаго Правленія Училищъ при князѣ Голицынѣ. Онъ имѣлъ силу при дворѣ по тѣсной дружбѣ сестры своей фрейлины съ императрицею Елисаветою Алексѣевною и по уваженію, которое питалъ къ ней Александръ. Стурдза былъ близокъ къ Карамзину и Жуковскому; онъ писалъ и по-русски разныя разсужденія объ общихъ предметахъ, помѣщаемыя въ журналѣ „Соревнователь Просвѣщенія“. Во всю свою долгую жизнь (онъ умеръ въ 1854 году), Стурдза отличался крайнимъ піетизмомъ и писалъ по-французски о православіи ¹⁾.

¹⁾ „Краткое свѣдѣніе объ А. С. Стурдзѣ“. *Чтенія въ Импер. О-вѣ Исторіи и древностей россійскихъ* 1864 г., II, 193—205.

Стурдза, несмотря на свое уваженіе къ графу Каподистріи, что доказывается и біографіей знаменитаго министра, имъ написанною ¹⁾, не раздѣлялъ однако его либеральныхъ убѣжденій и смотрѣлъ на событія другими глазами. Въ исторіи европейской реакціи Стурдза занимаетъ весьма видное мѣсто. Еще до убійства Коцебу и карлсбадскихъ рѣшеній, онъ издалъ въ Германіи свой памфлетъ съ крайнимъ обскурантнымъ направленіемъ, возбудившій полное негодованіе всѣхъ здравомыслящихъ людей: *Mémoire sur l'état actuel de l'Allemagne*. Запискѣ этой приписывали особенное значеніе по близости ея автора къ императору Александру: извѣстно, что даже рукою его былъ переписанъ знаменитый актъ Священнаго Союза, и памфлетъ Стурдзы является какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ и примѣненіемъ въ реакціонномъ смыслѣ его идей. Въ немъ современное положеніе Германіи рисуется самыми мрачными красками. Онъ смотритъ на нее, какъ на страну, обреченную гибели, именно потому, что вездѣ въ ней видятъ революціонное броженіе. Но особенно рѣзки и дики были нападенія Стурдзы на нѣмецкую литературу, на германскіе университеты, которые такъ недавно прославились своимъ патріотизмомъ, и на духъ студентовъ. На университеты смотрѣлъ онъ какъ на ненужныя развалины среднихъ вѣковъ и осыпалъ ихъ свободу и привилегіи самыми непріязненными обвиненіями, обвиняя даже науку въ безнравственности, безбожии и революціонномъ направленіи. Студенты являлись сконищемъ крамольниковъ и заговорщиковъ, и Стурдза выставялъ предъ нѣмецкими правительствами необходимость радикальной реформы нѣмецкихъ университетовъ, которая должна совершенно измѣнить ихъ. Реформа эта заключалась въ уничтоженіи всѣхъ привилегій университетовъ, образовавшихся ихъ долгою историческою жизнію, совершенное изъятіе студентовъ изъ подъ юрисдикціи университета и подчиненіе ихъ общей городской полиціи, программы предметовъ, преподаваемыхъ въ университетѣ и ограниченіе въ этомъ случаѣ свободнаго выбора со стороны студентовъ, отнятіе права у корпораціи профессоровъ выбирать своихъ членовъ и пр. Понятно, что такое нападеніе со стороны чужеземца, въ которомъ видѣли агента сильнаго русскаго правительства, на то, что для всякаго нѣмецкаго патріота было всего дороже—на его университеты и корпорацію профессоровъ и студентовъ—должно было возбудить сильное негодованіе почти всего нѣмецкаго общества, за исключеніемъ обскурантныхъ министровъ. Александръ, повидимому, въ то время смотрѣлъ не совсѣмъ благосклонно на карлсбадскія конференціи, это доказываетъ его извѣстная рѣчь въ Варшавѣ, въ

¹⁾ Ibidem, стр. 1—192.

которой, говоря о конституціи, онъ общалъ ея блага распростра- нить и на Россію, что приводило русскую либеральную партію тогда въ восторгъ. Но скоро и онъ пошелъ уже прямо по дорогѣ реак- ціи; вліяніе Меттерниха усилилось, чему много способствовали раз- ныя обстоятельства и попытки революціонныхъ движеній въ Европѣ, въ которыхъ видѣли общій заговоръ демагоговъ противъ государей, соединяя въ одно цѣлое и одинокія преступленія политическихъ фанатиковъ и справедливыя требованія цѣлыхъ народовъ. Въ началѣ 1820 года въ Испаніи вспыхнула революція, въ главѣ которой стоялъ Ріегго; черезъ нѣсколько недѣль фанатикъ Луведъ умертвилъ наслѣд- ника французскаго престола, герцога Беррійскаго. Общій крикъ злобы послышался въ лагерѣ реакціонеровъ, которыхъ зловѣщія предска-занія, казалось, совершенно теперь оправдывались. Стали раздаваться голоса о необходимости подавить революцію, грозящую монархамъ со всѣхъ сторонъ, и на конгрессахъ въ Ахенѣ, Лайбахѣ, въ Троппау придумывались различныя мѣры противъ нея. Реакціонная политика торжествовала. Самое сильное впечатлѣніе въ этомъ смыслѣ на душу Александра имѣлъ такъ называемый бунтъ его любимаго гвардейскаго Семеновскаго полка, вызванный жестокостію его командира въ 1820 году. Въ этомъ событіи императоръ, какъ это ясно изъ его писемъ къ Аракчееву, видѣлъ начало русской революціи и причину приписывалъ тайнымъ обществамъ. Люди воспользовались настроеніемъ Александра; доносы посыпались и передъ нами является въ нашемъ отечествѣ жалкая борьба безсмысленной власти съ ничтожною нау-кою и мыслию народа.

ЛЕКЦІЯ XXIV.

Отраженіе европейской реакціи въ Россіи.

Мы изложили общій ходъ европейской реакціи, которая захва-тила собою и нашу, ни въ чемъ неповинную страну и представила въ послѣдніе годы царствованія императора Александра печальное зрѣлище безмолвнаго, неразвитаго общества, преслѣдуемаго за мни-мый, несуществующій либерализмъ. Нами было упомянуто, какая су-щественная разница была тогда между умственною и общественною жизнію Европы и нашею, и какъ особенно вредно должна была сказаться у насъ реакція, губившая слабыя начала жизни. Дѣй-ствительно, у насъ не могло быть сознательной политической реакціи, какъ въ Европѣ; у насъ была просто грубая нена-висть ко всякой мысли, и при нашемъ характерѣ власти, при не-достаткѣ публичности, при невозможности обсуждать въ печати

возбуждаемые вопросы, понятія до того перепутались, что самое преслѣдованіе потеряло сознательный характеръ и источникомъ вражды являлась личная интрига. Это время лучше всего можетъ быть названо эпохою обскурантизма, темнаго и безсмысленнаго преслѣдованія всего живого, подъ вліяніемъ фантастическихъ страховъ революціи, тайныхъ обществъ и разнообразныхъ доносовъ, бывшихъ тогда въ большомъ ходу. Какъ спутались тогда вообще понятія, видно изъ того, что въ интригахъ того времени глава и начальникъ обскурантизма — князь А. Н. Голицынъ является вождемъ какой-то революціонной партіи въ Россіи, а на представителя самаго невѣжественнаго фанатизма — Шишкова возлагаются надежды молодыхъ либераловъ. Эта путаница понятій происходила отъ того, что мнѣнія и сужденія зависѣли не отъ внутреннихъ убѣжденій, а отъ направленія власти, отъ личныхъ интригъ и желаній подслужиться. Таково положеніе всякой страны, не имѣющей твердаго общественнаго мнѣнія.

Русскій обскурантизмъ въ тѣ годы, о которыхъ намъ приходится говорить, зависѣлъ и происходилъ и отъ самаго характера времени, въ которомъ господствовали реакціонныя стремленія, и отъ личнаго настроенія императора, испытывавшаго давленіе извнѣ, изъ Европы, и отъ того значенія, которое тогда получила въ нашемъ обществѣ мистика, пріютившаяся въ библейскомъ обществѣ, но въ особенности отъ слабости нашего образованія и умственнаго развитія вообще. Преслѣдующая мысль не находила себѣ вовсе отпора ни въ литературѣ, ни въ общественномъ мнѣніи. Литература, вполне завися отъ произвола цензоровъ, была ничтожна и не могла касаться вообще общественныхъ вопросовъ. Самые преслѣдователи не отличались умственнымъ развитіемъ и образованіемъ и, какъ мистики, ненавидѣли вообще свѣтскую науку. Для нихъ, пропитанныхъ піетизмомъ, конечно, она представлялась дѣломъ дьявола.

Русскій обскурантизмъ свилъ первоначально гнѣздо свое въ библейскомъ обществѣ, о началѣ котораго, распространеніи и значеніи для нашего развитія мы уже говорили. Такое направленіе общества или по крайней мѣрѣ тенденціи его руководителей были причиною, что и само оно, призванное служить благой цѣли — распространенію нравственныхъ истинъ христіанства, потеряло скоро кредитъ въ глазахъ лучшихъ людей. Съ именемъ библейскаго общества стала распространяться идея невѣжественнаго фанатизма и преслѣдованія всего живого въ мысли и жизни. Мистика и піетизмъ главныхъ руководителей общества обратились въ обскурантизмъ. Эти два направленія человѣческой мысли или человѣческаго чувства близко граничатъ съ невѣжествомъ. Мечты мистиковъ о новой фантастической церкви,

царство которой они призывали на землю, ихъ фантастическія бредни находили, конечно, больше всего препятствій въ наукѣ, образованіи и свободѣ мысли. А въ ихъ рукахъ была власть и цензура и они воспользовались этими сильными орудіями для борьбы со своими врагами. Съ своей мистической точки зрѣнія, мечтая о перерожденіи міра посредствомъ новой религіи, о возстановленіи первобытной христіанской церкви, эти люди воевали противъ того, что они называли лжеименнымъ разумомъ, и противъ всего, что было построено на его началахъ; такимъ образомъ, они являлись въ нѣкоторомъ смыслѣ врагами общественнаго порядка и со стороны консерваторовъ также должны были получить отпоръ. Такъ спутаны были тогда понятія.

Мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ событій въ умственной жизни этого времени и общою характеристикой лицъ, руководившихъ событіями. Самою выдающеюся личностію, вокругъ которой группируются и лица, и событія и интриги, былъ князь А. Н. Голицынъ, близкій другъ императора Александра. Личность этого человека, который самъ, повидимому, мало дѣйствовалъ, а заставлялъ дѣйствовать другихъ или былъ орудіемъ въ ихъ рукахъ, до сихъ поръ еще не совсѣмъ ясна для изслѣдователя тогдашней эпохи, не смотря на значительное количество опубликованныхъ документовъ и множество отзывовъ о немъ. Князь Голицынъ какъ-будто стоитъ за сценою; другіе дѣйствуютъ впереди, по всякій понимаетъ, что онъ все-таки главное лицо. Князь Голицынъ, одинъ изъ бѣднѣйшихъ представителей этого размножившагося рода, былъ взятъ Екатериною ко двору еще мальчикомъ и воспитанъ въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ, конечно, онъ не получилъ никакого другого воспитанія, кромѣ свѣтскаго. Мальчикомъ онъ уже показывалъ большія придворныя способности; казалось, онъ былъ созданъ для придворной жизни. Екатерина любила его за веселость, ловкость и въ особенности за искусство передразнивать людей, подражать чужому голосу, походкѣ, манерамъ, искусство, которое сдѣлало ему карьеру и котораго онъ не забывалъ и впослѣдствіи. Такъ, будучи уже Синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, онъ любилъ въ знакомыхъ аристократическихъ домахъ Петербурга представлять архіереевъ и митрополитовъ въ Синодѣ ¹⁾. При дворѣ Екатерины завязалась у Голицына самая нѣжная дружба съ Александромъ, никогда не остывавшая и прекратившаяся только со смертью Александра. Но ихъ соединяло не то, что образовало дружбу между Александромъ и лицами извѣстнаго тріумвирата: не мечты о реформахъ и успѣхѣхъ страны, а другія причины, болѣе мелкія. Александръ любилъ Голи-

¹⁾ Русск. Стар. 1873 г. I, стр. 40.

цына за веселость, за забавныя, шутовскія выходки, и только. Тѣмъ не менѣе, дружба ихъ была крѣпка. Въ царствованіе Павла Голицынъ былъ высланъ въ Москву по какому-то капризу, но при вступленіи на престолъ Александра онъ былъ первый призванъ ко двору и хотя не принималъ никакого участія въ задумываемыхъ и приводимыхъ тогда въ исполненіе государственныхъ преобразованій, но тѣмъ не менѣе былъ ближе всѣхъ къ государю, забавляя и развлекаая его. По Голицынъ, повидимому, не лишенъ былъ честолюбія, любилъ служебную дѣятельность и быстро подвигался вверхъ по лѣстницѣ служебной іерархіи. Въ 1805 году онъ уже былъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ Синода, съ такими правами и преимуществами, какими не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Въ 1810 году онъ былъ сдѣланъ членомъ Государственнаго Совѣта и главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, а въ 1817 году назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія,—первое и знаменательное соединеніе вопросовъ церкви и религіи съ вопросами науки и просвѣщенія.

Говорятъ, князь Голицынъ въ теченіе всей своей жизни отличался искреннею набожностью, которая была дѣломъ его сердечнаго убѣжденія. Эта набожность привела его къ сознанію важности вопросовъ религіозныхъ, сдѣлала его совершенно снисходительнымъ къ формѣ религіознаго вѣрованія, только бы подъ нимъ онъ видѣлъ дѣйствительное, непритворное чувство и, наконецъ мистикомъ и поклонникомъ мистической литературы. Будучи оберъ-прокуроромъ Синода, онъ едва ли былъ доволенъ господствующею церковью, что и понимали очень хорошо представители нашего духовенства. Ему было дорого только религіозное чувство, въ какой бы формѣ оно ни представлялось. Такъ, онъ съ полною вѣрою присутствовалъ на радѣніяхъ Татариновой и принималъ самъ въ нихъ участіе ¹⁾). Такъ, снисходительно смотрѣлъ онъ на всякія раскольничьи секты. Мы думаемъ, что всѣ подобныя увлеченія князя Голицына истекали изъ его недостаточнаго образованія, изъ неразвитости его мысли. Нѣтъ никакого основанія подозрѣвать его въ неискренности и притворствѣ; при дворѣ онъ былъ извѣстенъ своимъ незлобіемъ, кротостью, желаніемъ быть подальше отъ интригъ и многочисленными благодѣяніями. Оставаясь всю жизнь холостякомъ, онъ находилъ самое полное удовлетвореніе въ вопросахъ религіозныхъ и мистическихъ. Это былъ вполнѣ, до фанатизма увлеченный человекъ, но при недостаточно свѣтломъ умѣ и при маломъ образованіи, князь Голицынъ едва ли хорошо понималъ и свое положеніе и свои обязанности. За него и вокругъ него

¹⁾ XIX Вѣкъ, I, стр. 223.

дѣйствовали лица болѣе ловкія, болѣе хитрыя и самъ онъ сдѣлался скоро жертвою интриги своихъ приближенныхъ, которыхъ не умѣлъ разглядѣть во время. И вотъ, такому-то человѣку ввѣряется управление умственной жизни цѣлой страны и Голицынъ дѣлается тормазомъ просвѣщенія,—сознательно или бессознательно—трудно сказать. Дѣло ума онъ принесть въ жертву мистицизму.

Въ области народнаго образованія, во главѣ котораго былъ поставленъ теперь князь Голицынъ, обнаружилась полная реакція противъ всего того, что было сдѣлано для просвѣщенія въ началѣ царствованія. Правда и теперь вопросъ о просвѣщеніи занималъ первое мѣсто, и теперь говорили о чрезвычайной важности и значенія его для народной жизни, старались снова организовать его, но какая разница между тогдашними и настоящими взглядами! Теперь пришлось разрушать то, что тогда было созидаемо. Дѣйствія реакціи въ этомъ смыслѣ происходили, хотя и быстро, но очень обдуманно, потому что люди, заправлявшіе этимъ дѣломъ, думали повять смыслъ тогдашней исторіи и дѣйствовать сознательно, соображаясь съ духомъ времени и требованіями власти. Главное правленіе училищъ, бывшее и теперь, какъ и въ первую, лучшую, организаторскую пору своей дѣятельности, первымъ органомъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, старалось распространить новую систему взглядовъ и мѣръ по всему государству, на всѣхъ ступеняхъ образованія, начиная главнымъ образомъ съ университетовъ. Если начала, вводимыя при учрежденіи нашихъ университетовъ, носили на себѣ слѣды времени предшествовавшаго, отзывались еще свободными тенденціями прошедшаго вѣка, то теперь, послѣ громаднхъ потрясеній, пережитыхъ европейскимъ міромъ, новыя начала просвѣщенія, долженствовавшія замѣнить собою прежнія, проникнуты были также духомъ времени, но духомъ реакціоннымъ. Прежнее, свободное развитіе ума было теперь заподозрѣно; ему не довѣряли. Мистическая основа Священнаго Союза была у всѣхъ на языкѣ; восстановление стараго сдѣлалось цѣлью новыхъ стремленій. Отсюда требовалось, чтобъ воспитаніе стояло твердо на почвѣ вѣры и началъ монархическихъ, чтобъ разумъ подчинялся откровенію, чтобъ единичная воля безмолвствовала передъ авторитетомъ власти. Вѣра стояла выше знанія. У научнаго изслѣдованія отнимали всякую свободу; наука должна была вовсе потерять свою самостоятельность. Весьма немногіе, твердые и сильные умы, избѣжали этого общаго настроенія и остались вѣрны свободнымъ началамъ. Большинство общества увлеклось этимъ настроеніемъ съ чрезвычайною пылкостью и на все смотрѣло съ точки зрѣнія вѣры, которая, казалось, была призвана обновить міръ. Вотъ гдѣ заключался источникъ того мистицизма, которому подчинялся безусловно импера-

торъ, который господствовалъ въ нашемъ библейскомъ обществѣ и который стали теперь вводить въ университеты, желая, чтобъ его проповѣдывали вмѣсто науки съ кафедръ. Основы Священнаго Союза, къ которому говорилось о соединеніи свободы и христіанства, о всеобщемъ братствѣ народовъ, о единеніи ихъ въ истинѣ и любви, основы чисто мистическаго свойства, очень часто повторялись дѣятелями нашими по народному просвѣщенію, но въ сущности для многихъ изъ нихъ, особенно для людей хитрыхъ и ловкихъ, хлопотавшихъ только о личныхъ выгодахъ, въ родѣ Магницкаго, источникомъ дѣйствій была политическая цѣль, та, которая развивалась изъ карлсбадскихъ рѣшеній, диктованныхъ Меттернихомъ. Еще опаснѣе несогласія съ вѣрою считалось неповиновеніе властямъ. Подъ мистицизмомъ скрывалась ненависть къ либеральнымъ стремленіямъ въ обществѣ. Это, какъ мы увидимъ, совершенно открыто высказывалъ одинъ только Магницкій; другіе, напротивъ, какъ бы скрывали свои цѣли, а жожеть быть, и сами хорошо не сознавали ихъ. Лицемеріе, являлось, необходимымъ слѣдствіемъ новой системы. „Соединеніе двухъ министерствъ (т. е. духовнаго и просвѣщенія) послѣдовало съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мірское просвѣщеніе сдѣлать христіанскимъ, пишетъ въ И. И. Дмитріеву Карамзинъ, который отнюдь не былъ піетистомъ. Отнынѣ кураторами будутъ люди извѣстнаго благочестія... Не мудрено, если въ наше время умножится число лицемеровъ“. ¹⁾ Карамзинъ вообще не сочувствовалъ этому направленію, которое надѣлало столько вреда. Несмотря на свою близость къ государю, онъ не добивался возможности имѣть вліяніе на дѣла и всегда оставался въ сторонѣ. „Я текстами не промышляю, писалъ онъ, иногда смотрю на небо, но не въ то время, когда другіе на меня смотрятъ“ ²⁾. Зато Голицыны окружали какъ въ библейскомъ обществѣ, гдѣ онъ былъ постоянно президентомъ, такъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія нѣсколько личностей полу-фанатиковъ, но больше лицемеровъ, которые очень ловко, для своихъ личныхъ выгодъ, умѣли воспользоваться настроеніемъ времени. Таковы были Магницкій и Руничъ. Ихъ борьба съ напими, едва возникшими университетами, которые еще не успѣли и показать своей дѣятельности, была также слѣдствіемъ европейской реакціи и тѣхъ нападений, которые дѣлала политика Священнаго Союза на германскіе университеты. Подъ знаменемъ религіи, при безпрестанномъ упоминаніи о ней, какъ объ основѣ всего воспитанія, окруженный библей-

¹⁾ Письма. Спб. 1866, стр. 204.

²⁾ Ibidem. стр. 218.

скими и евангельскими текстами, торжествовали идеи Меттерниха. Иезуитски высказывая слова христианской любви, люди в действительности являлись изуверами, фанатиками и требовали недовѣрчиваго отношенія, преслѣдованія, чуть не казни. Въмѣсто любви и справедливости, въ жизнь проводилась ненависть и лицемеріе. Мы не говоримъ уже о наукѣ; министерство народнаго просвѣщенія въ то время не чувствовало къ ней никакого уваженія. Да это и было попятно съ мистической точки зрѣнія людей, ее преслѣдовавшихъ: она была дочь лжеименнаго разума, если была свободна и независима; въ ихъ рукахъ она должна была сдѣлаться только средствомъ, только орудіемъ. Такимъ же орудіемъ въ рукахъ этихъ людей была и религія: она превращалась въ ханжество и лицемеріе; настоящая нравственность и религіозное чувство упали чрезвычайно. Все это было слѣдствіемъ системы, которая вела къ паденію университетовъ и къ пониженію уровня умственнаго образованія. Мысль и сколько-нибудь живое слово науки преслѣдовались самымъ наглýmъ образомъ. Профессора и студенты превращались въ иезуитовъ и ханжей, желавшихъ только заслужить благосклонность начальства, но вовсе не думавшихъ объ успѣхахъ въ наукѣ. Система шпионства и доносовъ господствовала въ полной мѣрѣ. Стоитъ прочесть хотя нѣсколько рѣчей, которыя произносились тогда на университетскихъ актахъ, чтобъ уразумѣть отталкивающій, раболопный характеръ, которымъ проникнулось подъ вліяніемъ системы наше ученое сословіе. Возьмемъ отрывокъ изъ казанской рѣчи, гдѣ ораторъ-профессоръ разсуждаетъ о способѣ заниматься науками: „Да будетъ началомъ моего слова всеблагій Богъ и да будетъ началомъ моего слова могущественный Александръ, исполненный толикими доблестями, сколько оныхъ цѣлая вселенная вмѣщать въ себѣ когда либо можетъ; да приметъ начало слово мое отъ соизволенія знаменитѣйшаго нашего попечителя, который съ чрезвычайнымъ нѣкимъ тѣпаніемъ трудится для возвышенія наукъ, и, соображая всѣ свои даянія съ божественными заповѣдями, подаетъ намъ примѣры достойнѣйшіе подражанія“¹⁾.

Актъ Священнаго Союза легъ въ основаніе тѣхъ преобразованій, которыя задуманы были въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Слѣдствія этого акта сказались и въ распространеніи библейскихъ обществъ, представлявшихъ народу книгу, на которой, по мысли Александра, единственно можетъ основываться народное образованіе. Этимъ объясняется и назначеніе президента библейскаго общества князя Голицына—министромъ народнаго просвѣщенія и то обстоятельство, что главные дѣятели этого общества явились таковыми же и въ министерствѣ.

¹⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 164.

Въ провинціяхъ библейское дѣло распространяли обыкновенно попечители и директоры гимназій. Мистицизмъ, который испортилъ дѣло библейскаго общества, въ угодность власти перешелъ совершенно въ вѣдомство народнаго просвѣщенія и повелъ здѣсь борьбу съ наукою. Въ актѣ Священнаго Союза встрѣчалась одна туманная, мистическая фраза, что въ Христѣ заключены и всякая наука и всякая мудрость. Изъ этой фразы вытекли самыя пагубныя слѣдствія для нашихъ университетовъ и изгнаніе изъ нихъ дѣйствительной свободной науки. Петербургскій профессоръ де-Гуровъ, изъ французовъ, который, говорятъ, былъ на своей родинѣ крайнимъ радикаломъ во время революціи, въ своей рѣчи 1823 года слѣдующими словами характеризуетъ новое направленіе университетовъ: „Развитіе нечестія и опасность, грозившая цивилизаціи и общественному порядку, остановлены *священнымъ союзомъ*, открывшимъ истинный свѣтъ, и правительства поспѣшили удалить изъ преподаванія всѣ вредныя доктрины. Университеты имѣли полное право не только отвергнуть всѣ ложныя и пагубныя начала новѣйшей философіи, но и преслѣдовать ихъ и дать почувствовать всѣ ихъ вредныя слѣдствія. По всей справедливости осуждено ученіе о воображаемой древности вселенной, поддерживаемое многими учеными, вопреки свидѣтельству св. писанія о сотвореніи міра. Всеобщая исторія должна быть излагаема такимъ образомъ, чтобы постоянно доказывалось превосходство монархическаго образа правленія надъ всѣми другими. Она должна изобразить постепенное разложеніе республики вслѣдствіе цивилизаціи, необходимой спутницы монархизма, и указать путь, по которому избирательныя монархіи, волнуемыя внутренними междоусобіями, въ виду неминуемой гибели, нашли свое спасеніе, силу и благосостояніе — въ монархіи наслѣдственной“... ¹⁾. Эти слова совершенно ясно указываютъ намъ, какой характеръ приняла наука въ университетахъ подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ требованій. Печальное положеніе науки въ нашихъ университетахъ объясняется убѣжденіемъ, что въ университетахъ около каедръ замышляются революціонныя планы, убѣжденіемъ, которое старался по отношенію къ нѣмецкимъ университетамъ раздуть Меттернихъ, а нѣмецкіе университеты до сихъ поръ служили намъ образцами. Теперь смотрѣли на нихъ у насъ другими глазами. Величайшимъ фанатизмомъ въ этомъ отношеніи отличался изувѣръ Магницкій. Какъ членъ главнаго правленія училищъ, онъ имѣлъ случай въ его засѣданіяхъ произносить противъ университетовъ рѣчи, исполненныя дикаго обскуратизма и примѣнять эти рѣчи на практикѣ, управляя Казанскимъ

¹⁾ Ibidem, стр. 173—174.

уни Университетомъ. Глубокою ненавистью къ разуму, къ человѣческой мысли, ко всякому движенію впередъ дышать его фанатическія рѣчи:

„Тотъ самый духъ, говоритъ онъ, который у Іосифа II подъ личиною филантропіи, у Фридерика, Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ подъ скромнымъ плащомъ философіама; въ царствованіе Робеспьера подъ красною шапкою свободы; у Бонапарте подъ трехцвѣтнымъ перомъ консула и, наконецъ, въ коронѣ императорской, искалъ овладѣть вселенною, низвергнуть алтари Господни и престолы законныхъ государей, спустить съ цѣли всѣ страсти падшаго человѣка и преобразить землю во адъ; тотъ самый духъ нынѣ, съ трактатами философіи и съ хартіями конституцій въ рукавѣ, поставилъ престолъ свой на Западѣ и хочетъ быть равенъ Богу“...

Магницкій говоритъ, что, наконецъ, водворился миръ, но этотъ миръ снова нарушенъ: „взволновались университеты, авидлись наступившіе безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада!“ Вездѣ, по словамъ его, раздается кликъ: „прочь алтари, прочь государи, смерть и адъ надобны“... „Какъ не узнать, чей этотъ голосъ—отвѣчаетъ онъ самъ, съ дикимъ изувѣрствомъ и фанатизмомъ.—Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ; рѣдѣетъ завѣса, его закрывавшая, и вѣроятно скоро уже расторгнется. Последнее сіе, можетъ быть, нападеніе на насъ есть ужаснѣйшее, ибо оно духовное. Отъ одного конца міра до другого сообщается оно видимо и быстро, какъ ударъ электрическій, и неожиданно все приводитъ въ потрясеніе. Слово человѣческое есть проводникъ сей адской силы, книгопечатаніе—орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ тонкій адъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ несчастному юношеству, а тисненіе разливаетъ его по всей Европѣ“... Вся Европа въ величайшей опасности отъ развращеннаго образа мыслей и Магницкій желалъ совершенно отгородить отъ нея Россію, чтобы не проникалъ въ нее духъ злобы, т.-е. духъ дьявола. Тутъ не помогутъ арміи, а нужна оборона духовная: „благоразумная цензура, соединенная съ утвержденіемъ народнаго воспитанія на вѣрѣ, есть единый оплотъ безднѣ, затопляющей Европу невѣріемъ и развратомъ“¹⁾. Таковы были убѣжденія, торжествовавшія въ ту пору въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Оно смотрѣло глазами карлсбадскихъ постановленій, преувеличивая еще смыслъ ихъ доморощеннымъ изувѣрствомъ. Естественно было уже не посылать въ европейскіе университеты русскихъ студентовъ для окончанія научнаго образованія и для того наше министерство увѣряло лицемѣрно, что и наши университеты достигли высокой степени въ наукѣ. Если такимъ образомъ въ глазахъ нашего министерства нѣмецкіе уни-

¹⁾ Ibidem, стр. 184—186.

верситеты, которые до тѣхъ поръ служили намъ образцами, потеряли прежній кредитъ свой, те съ другой стороны принимались за образцы высшій французскія учебныя заведенія, сохранявшія средневѣковой католическій характеръ, еще усиленный въ то время реакціей, и наши администраторы въ университетахъ желали водворенія почти монастырскаго порядка, съ строгою дисциплиною монастыря. Чтобы имѣть самый мелкій надзоръ надъ университетами, наше министерство усилило значеніе и власть попечителей округовъ. Они являлись полновластными комиссарами правительства и деспотически распоряжались какъ судьбою профессоровъ и студентовъ, такъ и судьбою самой науки, которую очень часто не понимали. Попечители деспотически вмѣшивались во внутреннюю и внѣшнюю жизнь университетовъ; они „составляли инструкціи для преподаванія каждаго предмета, указывали руководства и способъ пользоваться ими и, наконецъ, довели свои требованія до того, что предписывали систематически доказывать несостоятельность науки, излагаемой съ университетской кафедры, или, другими словами, преподавать науку въ обличительномъ смыслѣ“ ¹⁾.

Соединеніе министерствъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1817 году въ лицѣ князя Голицына послѣдовало, какъ говорилось о томъ въ Высочайшемъ манифестѣ, изъ желанія „дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія“ ²⁾. Задачею дѣятельности этого новаго министерства было, повидимому, уничтоженіе всего сдѣланнаго прежде, что не соотвѣтствовало теперь духу новаго времени. Особенностью новаго министерства, сравнительно съ прежнимъ, было учрежденіе при главномъ правленіи училищъ „Ученаго Комитета“, которому въ главную обязанность вмѣнено было разсмотрѣніе всѣхъ книгъ и руководствъ, предназначенныхъ для преподаванія, и въ наставленіи, данномъ этому комитету, говорилось, чтобы онъ въ своей дѣятельности стремился къ соединенію вѣры съ вѣдѣніемъ, чего требовалъ актъ Священнаго Союза. Главнымъ лицомъ въ этомъ комитетѣ былъ піэтистъ и обскурантъ Стурдза.

Ученый комитетъ долженъ былъ, по словамъ инструкціи, „народное воспитаніе, основу и залогъ благосостоянія государственнаго и частнаго, *посредствомъ лучшихъ учебныхъ книгъ* направить къ истинной, высокой цѣли, къ водворенію въ составѣ общества въ Россіи постояннаго и спасительнаго согласія между *вѣрою, вѣдѣніемъ и властію*, или другими выраженіями—благочестіемъ, просвѣщеніемъ умовъ

¹⁾ Ibidem, стр. 192.

²⁾ Ibidem, стр. 193.

и существованіемъ гражданскимъ¹⁾. Это соединеніе или гармонія вѣры, вѣдѣнія и власти сдѣлалось лозунгомъ тогда министерства народнаго просвѣщенія, какъ въ позднѣйшіе годы: православіе, самодержавіе и народность. У комитета была цѣлая система дѣйствій. Въ учебныхъ книгахъ о вѣрѣ онъ преслѣдовалъ всѣ умствованія, противныя повиновенію верховной и духовной власти или семейнымъ и общественнымъ обязанностямъ; въ книгахъ по морали или философіи права запрещалось отдѣлять нравственность отъ вѣры, требовалось отверженіе ложнаго ученія о происхожденіи верховной власти *не отъ Бога*, а отъ условія между людьми, въ исторіи требовалось частое указаніе на дивный и постепенный ходъ Богопознанія и вѣрное соотношеніе съ исторіею священной и эпохами церкви; въ преподаваніи естественныхъ наукъ запрещались всѣ суетныя догадки о происхожденіи и переворотахъ земного шара; въ физикѣ—многія теоріи и т. п. Очевидно, этою инструкціею отнималась всякая свобода у науки и всякое ея достоинство.

ЛЕКЦІЯ XXV.

Реакція.—Магницкій.

Для лучшаго знакомства съ тою системою, которая была примѣнена у насъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ къ наукѣ и высшему преподаванію въ университетахъ, достаточно познакомиться съ дѣйствіями пресловутаго Магницкаго, оставившаго глубокий слѣдъ въ исторіи Казанскаго университета. Управление этимъ университетомъ и реформы и измѣненія, задуманныя въ немъ Магницкимъ въ это печальное время составляютъ чрезвычайно любопытный эпизодъ въ исторіи нашего просвѣщенія и яркимъ образомъ обрисовываютъ и систему и время, когда могли получать значеніе такія личности какъ Магницкій, приносившія все въ жертву своимъ личнымъ интересамъ и не останавливавшіяся ни передъ какими соображеніями, чтобы добиться своей цѣли, притомъ умѣвшія удивительнымъ образомъ пользоваться и лицами и обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи Магницкій вполне типичное лицо.

Магницкій, какъ кажется, происходилъ изъ рода того Магницкаго, который при Петрѣ Великомъ написалъ весьма извѣстную Ариѳметику, чѣмъ и прославился. Фамилія его была дворянская, но не пользовав-

¹⁾ Ibidem, стр. 195—196.

шаяся достаткомъ. Михайло Леонтьевичъ Магницкій родился въ 1778 году и тогда же записанъ былъ въ Преображенскій полкъ, куда поступилъ на дѣйствительную службу, будучи четырнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1792 году. Магницкій получилъ порядочное литературное образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, которое послужило ему потомъ въ пользу. Въ пансіонѣ Магницкій былъ въ числѣ отличныхъ учениковъ, тамъ же онъ выучился писать стихи. Нѣсколько стихотвореній его, видимо ученическаго характера, съ явнымъ подражаніемъ Державину, помѣщались въ эти годы въ альманахѣ Карамзина: „Аониды“ и печатались отдѣльно ¹⁾. Но Магницкій былъ слишкомъ честолюбивою натурою, чтобы отдаться вполне литературѣ. Гораздо болѣе прельщали его успѣхи по службѣ.

Военная служба Магницкаго, по большей части въ Польшѣ, продолжалась до 1798 года. Въ пансіонѣ онъ безъ сомнѣнія хорошо познакомился съ иностранными языками и это облегчило ему службу по новой, избранной имъ карьерѣ—дипломатической, на которой онъ оказалъ скоро значительные успѣхи. Въ 1798 году Магницкій является чиновникомъ при нашемъ посольствѣ въ Вѣнѣ и прикомандировывается къ фельдмаршалу Суворову для веденія его переписки ²⁾. По окончаніи войны и заключенія мира, Магницкій воротился въ Петербургъ, но вскорѣ, въ качествѣ довольно важнаго чиновника при нашемъ послѣ графѣ Марковѣ, онъ былъ отправленъ въ Парижъ, гдѣ оставался два года. Это парижское пребываніе Магницкаго было лучшимъ временемъ его жизни. По рассказамъ и по запискамъ современниковъ, Магницкій и въ Парижѣ и по возвращеніи въ Петербургъ былъ самымъ блестящимъ молодымъ человѣкомъ, чѣмъ-то въ родѣ современнаго льва, о которомъ говорили въ свѣтскомъ обществѣ. Магницкій самъ любилъ передавать, что на него обратилъ даже вниманіе первый консулъ Бонапарте и пророчилъ ему въ будущемъ блестящую карьеру ³⁾. Обширное поле для честолюбія Магницкаго открылось по вступленіи на престолъ Александра, когда начались преобразования во всѣхъ сферахъ государственной дѣятельности и когда реформы администраціи, произведенныя Сперанскимъ, выдвигали быстро впередъ сколько-нибудь дѣятельныхъ и образованныхъ людей; въ послѣднихъ крайне тогда нуждались.

Какимъ образомъ сошелся Магницкій съ Сперанскимъ—неизвѣстно, но онъ потомъ раздѣлилъ его печальную участь. Безъ сомнѣнія, Сперанскій имѣлъ случай рекомендовать государю своего тогдашняго

¹⁾ Русск. Арх. 1867 г., стр. 1702—1704.

²⁾ „Показанія Магницкаго“. XIX вѣкъ, I, стр. 235.

³⁾ Русск. Арх. 1867 г., стр. 1704.

друга. Магницкій началъ новую служебную дѣятельность свою въ 1803 году во вновь образованномъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ — начальникомъ отдѣленія. Вскорѣ, однако, способности выдвинули его впередъ. По словамъ самого Магницкаго, еще въ 1804 и 1805 годахъ онъ исполнялъ уже важныя, лично сдѣланныя ему порученія государя. Онъ ѣздилъ въ Псковъ для разслѣдованія дѣйствій тамошняго губернатора, обвинявшагося въ лихоимствѣ, и, по его выраженію, „для открытія заговора“ въ Вильну. Если вѣрить словамъ его, то онъ тогда еще представилъ государю доведеніе о сильномъ развитіи въ Виленскомъ университетѣ чисто польскихъ тенденцій, при чемъ не убоился гнѣва сильнаго тогда князя Чарторыжскаго, попечителя Виленскаго университета и личнаго друга императора. Доносъ Магницкаго, несмотря на то, что ему дали орденъ за исполненіе порученія, былъ неудаченъ. Дѣйствовало ли вліяніе князя Чарторыжскаго или Магницкій самъ уже слишкомъ пересолилъ, только доносъ обратился во вредъ ему. Магницкій, по его словамъ, осужденъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на черную канцелярскую работу. Но онъ ловко успѣлъ подняться, вѣроятно, по тому политическому чутью, которымъ онъ былъ одаренъ, хотя оно иногда и обманывало его. Какъ бы предчувствуя близкое измѣненіе политическаго направленія, Магницкій, въ противность мнѣніямъ и убѣжденіямъ друга и покровителя своего Сперанскаго, написалъ, говорятъ ¹⁾, очень смѣлое, полное огня и одушевленіемъ письмо къ Александру по поводу Тильзитскаго мира, въ которомъ онъ нападалъ на политику Наполеона, выставляя всю ея враждебность къ Россіи и предсказывая близкое вторженіе французовъ. Вѣроятно, мысли этого письма были сходны съ мыслями „Записки“ Карамзина. Письмо это, повидимому, произвело впечатлѣніе на Александра; Магницкій былъ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и сдѣланъ статсъ-секретаремъ; въ новомъ званіи и по важности порученнаго ему дѣла, онъ лично докладывалъ государю. Магницкій мечталъ о еще высшемъ служебномъ положеніи, его честолюбіе было безгранично, какъ вдругъ катастрофа, постигшая Сперанскаго, увлекла и его. До сихъ поръ кажется Магницкій своимъ возвышеніемъ по службѣ былъ обязанъ вообще Сперанскому, который оцѣнилъ его умъ и способности, но не понималъ хорошо его душевныхъ качествъ. Магницкій былъ близкимъ человѣкомъ къ Сперанскому и принадлежалъ къ числу его домашнихъ собесѣдниковъ. По воспоминаніямъ дочери Сперанскаго, Магницкій былъ блестящимъ остроумцемъ въ ихъ интимномъ кружкѣ, отличался умомъ тонкимъ и волевымъ въ соединеніи съ небольшою

¹⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 216.

веселостью и насмѣшливостью ¹⁾), но все это постепенно исчезало по мѣрѣ возвышенія его по лѣстницѣ служебной іерархіи. Теперь исключительною думою его было личное честолюбіе и едва ли не оно было причиною, что Магницкій, какъ бы предчувствуя близкое паденіе Сперанскаго, сторонился отъ прежняго своего покровителя. Неблагодарность есть обычное свойство натуръ честолюбивыхъ. Есть свидѣтельство, что Магницкій даже отчасти способствовалъ паденію Сперанскаго ²⁾), но это не спасло его однако отъ одновременной ссылки въ мартѣ 1812 года. Магницкій былъ привезенъ въ Вологду съ фельдъ-егеремъ и прожилъ тамъ до 1816 года, т.-е. до того времени, когда и Сперанскому облегчено было изгнаніе. Дружба ихъ однако не прерывалась и Сперанскій переписывался съ Магницкимъ во все время жизни послѣдняго въ Вологдѣ и даже пересылалъ ему деньги, такъ какъ у Магницкаго не было никакихъ своихъ средствъ, а было семейство. Эта дружба продолжалась нѣсколько времени и послѣ, но съ 1818 года, именно съ того времени, когда Магницкій сблизился съ княземъ Голицынымъ, прекратилась ³⁾). Что соединило Сперанскаго и Магницкаго? Какіе общіе планы преслѣдовали они и какимъ образомъ оба они подверглись въ одно время ссылкѣ въ 1812 году, повидимому, по одному и тому же дѣлу? Объ этомъ существуетъ множество предположеній, но ничего вѣрнаго. По всей вѣроятности, Магницкій пострадалъ въ качествѣ ближайшаго человѣка къ Сперанскому. Знаменитый реформаторъ искренно и долго любилъ Магницкаго, до тѣхъ поръ, когда или Магницкій совершенно измѣнился, или Сперанскій составилъ о немъ опредѣленное понятіе, которое уже мѣшало продолженію дружбѣ между ними. Во время ссылки Сперанскій заботился о своемъ другѣ. Онъ писалъ къ Аракчееву, что онъ не знаетъ, въ какой степени и въ чемъ судьба его связана съ Магницкимъ, но если дѣйствительно связь эта существуетъ, то, говорилъ онъ, „не могу и не долженъ я ничего желать для себя, не желая и не прося равнаго и для него“ ⁴⁾). Магницкаго мы знаемъ по его обскурантнымъ рѣчамъ, по его дѣйствіямъ въ Казанскомъ университетѣ и по позднѣйшимъ его сочиненіямъ, но нравственный обликъ этого страннаго человѣка мы можемъ лучше всего узнать изъ обширной переписки Сперанскаго ⁵⁾). Сперанскій, конечно,

¹⁾ Бар. Корфъ. Жизнь гр. Сперанскаго, I, стр. 278—279.

²⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 216.

³⁾ Русск. Арх. 1867 г., стр. 1664—1666.

⁴⁾ Русск. Арх. 1871 г., стр. 1202.

⁵⁾ Русскій Архивъ 1868—1871 гг. Текстъ Сборника „Въ память графа Михаила Михайловича Сперанскаго“. Спб. 1872 г.

хорошо зналъ своего прежняго друга, онъ очень интересовался его судьбою, а потому часто упоминалъ о немъ въ письмахъ.

Въ 1816 году Магницкій былъ возвращенъ изъ ссылки также съ фельдъегеремъ и привезенъ въ Грузино, имѣніе тогдашняго временщика Аракчеева—для оправданія. Въ Вологдѣ умерли у него жена и дочь. Магницкому дали значительное количество денегъ, возвратили ему пенсіонъ за все время ссылки и назначили вице-губернаторомъ въ Воронежъ. На этомъ мѣстѣ онъ оставался очень недолго. Тотчасъ по приѣздѣ онъ написалъ доносъ на губернатора, доносъ, по отзыву Сперанскаго, совершенно справедливый. Губернаторъ былъ грабителемъ и имѣлъ сильное покровительство, разумѣется, за деньги, въ Петербургѣ. Магницкій ведетъ себя, пишетъ Сперанскій, какъ рыцарь настоящій, безъ страха и упрека, но онъ сравниваетъ его съ Донъ-Кихотомъ, которому не можетъ пособить все благородство его поведения, говорить, что несчастіе сдѣлало его прямѣе, но и несговорчивѣе, что онъ мечтатель, хоть мечты его совершенно нравственныя. Сперанскій видѣлся съ нимъ въ Москвѣ и передаетъ, что свиданіе это удвоило его уваженіе къ нему, но вмѣстѣ съ тѣмъ утвердило его въ мысли—нигдѣ не имѣть съ нимъ никакой связи, потому что онъ созданъ для другого міра и негодится для нашего. Сперанскій, повидимому, хотеть сказать, что онъ человѣкъ не практическій и что воронежскіе поступки его составляютъ ему репутацію человѣка сварливаго и неугомоннаго, но считаетъ его совершенно правымъ ¹⁾. Въ половинѣ 1817 г. Магницкій былъ назначенъ губернаторомъ въ Симбирскъ, губернію по сосѣдству съ Пензою, которою управлялъ тогда же Сперанскій. Проѣздомъ въ Симбирскъ, онъ навѣстилъ своего друга ²⁾. Магницкій былъ доволенъ своимъ назначеніемъ, но неуживчивость и сварливость его характера испортили его симбирскія отношенія очень скоро. Сперанскій, рассказывая о его подвигахъ въ качествѣ симбирскаго губернатора, о томъ, что онъ переловилъ шайку разбойниковъ, обваражилъ расхищеніе казны и предалъ суду много чиновниковъ, продолжаетъ отзываться о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, даже извиняетъ его запальчивость, но боится, что дѣйствія его увеличатъ число враговъ его, потому что у него на роду написано бороться съ злоупотребленіями ³⁾. Слова Сперанскаго скоро оправдались. Магницкій нажилъ себѣ новыхъ враговъ, и много непріятностей, такъ что принужденъ былъ проситься въ отставку, но ему дали отпускъ въ Петербургъ ⁴⁾. Сперанскій все еще принимаетъ въ немъ участіе, совѣтуя

¹⁾ Русск. Арх. 1870 г. стр. 1134—1135.

²⁾ Ibidem, стр. 1143.

³⁾ Ibidem, стр. 1145—1146.

⁴⁾ Ibidem, стр. 1154.

ему сдерживаться, быть скромнымъ и молчаливымъ. Онъ увѣренъ, что сердце его исполнено добра и страха Божія, но что у него злой языкъ ¹⁾. Онъ думаетъ, что ему вовсе не слѣдуетъ возвращаться изъ Петербурга въ Симбирскъ, гдѣ всѣ предубѣждены противъ него и что управленіе губерніей невозможно, при общей къ нему ненависти ²⁾. Магницкій и не вернулся въ Симбирскъ, а остался въ Петербургѣ, гдѣ ему тогда въ 1819 году открылась новая служебная дѣятельность по министерству народнаго просвѣщенія, сдѣлавшая потомъ столь извѣстнымъ его имя. Къ этому времени относится и новый, измѣнившійся взглядъ Сперанскаго на своего прежняго друга, въ которомъ онъ принималъ такое дѣятельное сердечное участіе. Сперанскій говоритъ, что гораздо лучше каждому изъ нихъ идти своею тропинкою и не вмѣшиваться въ дѣла другого ³⁾. Онъ начинаетъ жаловаться на Магницкаго, говоритъ, что лихая жена его (вторая, французенка) лишила его довѣренности Магницкаго, и вполне недоволенъ образомъ и характеромъ его управленія губерніей, гдѣ возстало противъ него мнѣніе общества, выразившее мысль, что Магницкій присланъ въ Симбирскъ для своего оправданія, а онъ дѣйствуетъ единственно какъ бы съ цѣлю выслужиться ⁴⁾. Предсказаніе Сперанскаго, что Магницкій путается и запутается — сбылось. „Строптивость удивительная“ — говоритъ о немъ Сперанскій и прибавляетъ, что единственный выходъ для него изъ губернаторства есть отставка ⁵⁾.

Около того времени, какъ Магницкій оставилъ свое симбирское губернаторство и открыто перешелъ въ лагерь мистиковъ и обскурантовъ — Сперанскій прерываетъ съ нимъ всякія сношенія и старается быть отъ него подальше. Разрывъ этотъ произошелъ, безъ всякаго сомнѣнія, не изъ за того, что Магницкій сдѣлался вдругъ мистикомъ и обскурантомъ, а изъ чувства самосохраненія со стороны Сперанскаго, который давно уже жаловался на неугомонный языкъ своего друга и боялся, что его рѣчи могутъ повредить и ему въ его неопредѣленномъ служебномъ положеніи. „Я съ нимъ совершенно кончилъ и навсегда, пишетъ онъ къ своему другу Столыпину, мои сношенія, кои впрочемъ во все сіе время чуть чуть тянулись. Онъ отжилъ и самъ сіе чувствуетъ. Онъ не можетъ желать, да по счастью и не желаетъ ничего, кромѣ насущнаго хлѣба и уединенія или самой простой инвалидной службы“ ⁶⁾. Сперанскій былъ

¹⁾ Ibidem, 1871 г., стр. 434.

²⁾ Ibidem, стр. 444—445.

³⁾ Ibidem, стр. 447.

⁴⁾ Ibidem, 1869 г. стр. 1694.

⁵⁾ Ibidem, стр. 1696.

⁶⁾ Ibidem, стр. 1701.

прежде всего человекъ пратическій, но въ этомъ случаѣ онъ совершенно ошибался. Повидимому, онъ не подозрѣвалъ честолюбивой натуры Магницкаго. Что не различіе убѣжденій разъединило обоихъ, видно изъ словъ самого Сперанскаго: „Я не знаю, почему угодно ему меня приплетать къ своимъ рассказамъ и симбирскіе свои подвиги называть общимъ нашимъ дѣломъ“ — пишетъ онъ. Онъ подозрѣвалъ въ этомъ смѣтку и намѣреніе и считалъ это неблагодарнымъ и несправедливымъ. Сперанскому кажется, что для него будетъ гораздо выгоднѣе брань Магницкаго, нежели похвала. „Что онъ мнѣ вредитъ и растравляетъ своею запальчивостью раны почти уже закрытыя (т.-е. негодованіе на него государя) и съ толикимъ трудомъ залѣченныя, въ этомъ не имѣю я сомнѣнія. У меня сердце вѣщее. Я предчувствовалъ всѣ послѣдствія появленія его въ Петербургѣ. И сколько тутъ глушостей! Сколько шаговъ совершенно необдуманныхъ ¹⁾“. Вотъ почему и въ интимныхъ письмахъ къ своей дочери онъ совѣтуетъ ей быть какъ можно осторожнѣе съ Магницкимъ и держаться отъ него и жены его какъ можно дальше ²⁾, избѣгать даже съ нимъ разговоровъ ³⁾. Сперанскій очень доволенъ новымъ служебнымъ успѣхомъ Магницкаго по другой съ нимъ дорогѣ и радуется, что это развяжетъ ихъ наконецъ совершенно ⁴⁾. Съ точки зрѣнія пратическаго администратора и человека, Сперанскій совершенно осуждаетъ характеръ управленія Магницкимъ Симбирской губерніей: „Что это за религія, которая дозволяетъ жить во враждѣ и злословіи со всѣмъ родомъ человѣческимъ! — пишетъ онъ. Воевать на цѣлыя провинціи! Порицать цѣлыя сословія, тогда какъ въ сихъ сословіяхъ есть люди весьма почтенные, весьма добрые, но ихъ не могъ онъ ни знать, ни предполагать потому только, что ихъ не искалъ. Я бы не кончилъ, если бы обратился на симбирское его управленіе ⁵⁾“. Какъ объясняетъ самъ Магницкій, сильную ненависть возбудилъ онъ въ себѣ въ Симбирскѣ со стороны помѣщиковъ, преслѣдуя злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ: это-то и возмущало Сперанскаго, въ ту пору желавшаго со всѣми и со всѣмъ на свѣтѣ ладить. Магницкій въ своей запискѣ говоритъ, что онъ предалъ суду за тиранство восемь помѣщиковъ и въ томъ числѣ одного богача Наумова, который употреблялъ для истязанія желѣзную шапку въ 16 фунтовъ. Разумѣется дворянство всей губерніи закричало противъ губернатора. Оно видѣло въ Магницкомъ предателя собственнаго своего сословія изъ преданности къ правительству.

¹⁾ Ibidem, стр. 1974—1975.

²⁾ Ibidem, 1868 г. стр. 1161 и 1167.

³⁾ Ibidem, стр. 1163.

⁴⁾ Ibidem, стр. 1194—1195.

⁵⁾ Ibidem, 1869 г., стр. 1975.

Главные обвиненія шли на Магницкаго со стороны дворянства, но и сословіе чиновниковъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ за взяточничество, прославило его вообще какъ человѣка жестокаго и злонамѣреннаго. Трудно сказать, на сколько искренности и желанія общей пользы было въ дѣйствіяхъ Магницкаго, возстановившаго противъ себя всю губернію. Судя по отзывамъ Сперанскаго, можно положительно сказать, что онъ дѣйствовалъ искренно, что такъ дѣйствовать побуждала Магницкаго, по его собственному выраженію, его „неугомонная совѣсть“. Дѣло только въ томъ, что при своемъ строптивомъ, властолюбивомъ характерѣ, при презрѣніи къ людямъ, особенно въ провинціи, гдѣ онъ не встрѣчалъ никого себѣ равнаго, Магницкій пересаживалъ въ своей дѣятельности и шелъ далѣе даже того, чего требовала власть. Сперанскій, болѣе ловкій, сравнивалъ его борьбу съ дѣйствіями Донъ-Кихота. Да и самъ Магницкій смотрѣлъ на себя такими же глазами, называя губернаторское служеніе свое „нестерпимымъ званіемъ“¹⁾. Онъ и перешелъ скоро въ другое вѣдомство, гдѣ дѣятельность его продолжала носить тотъ же прежній характеръ преслѣдованія, только уже не исключительно лицъ, а также и идей. И здѣсь ревность его, сколько по личному увлеченію, столько и изъ раболѣпнаго угожденія власти, переходила всякіе предѣлы благоразумія и носила отталкивающій характеръ, доводя систему, которой онъ служилъ, до нелѣпности. Мы говоримъ о его дѣятельности въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, которая прославила его имя, какъ обскуранта и гонителя разума и идей.

Большая часть биографовъ Магницкаго и людей, писавшихъ о немъ, выставляютъ его величайшимъ честолюбцемъ, привосившимъ все въ жертву своему честолюбію и никогда не разбиравшимъ средствъ для того чтобъ достигнуть своей цѣли. Характеристика эта, конечно, въ главныхъ чертахъ своихъ основательна, особенно, если рѣчь идетъ о позднѣйшемъ его поступкѣ по отношенію къ князю Голицыну, который едва ли можетъ быть извиненъ чѣмъ нибудь. Но обвиненія распространяются на всю его жизнь. Съ самаго начала его служебной дѣятельности при Сперанскомъ, имъ овладѣло, по словамъ барона Корфа, „лихорадочное стремленіе къ власти, почестямъ и богатству“. „Изображать дѣятельность Магницкаго въ это время, говоритъ биографъ его²⁾, значило бы рисовать картину темныхъ интригъ, клеветъ, доносавъ, неблаговидныхъ отношеній его къ различнымъ лицамъ, отъ которыхъ ожидалъ онъ покровительства и милостей“. Но биографъ самъ сознается, что онъ не имѣетъ для этого необходимыхъ мате-

¹⁾ XIX Вѣкъ, I, стр. 244.

²⁾ Θεокτισтовъ, Магницкій. Спб. 1865 г., стр. 4.

ріаловъ. Точно такъ и мы можемъ сказать, что ничего не знаемъ, какимъ образомъ Магницкій вошелъ въ милость къ князю Голицыну и сдѣлался однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ его министерствѣ. Мы думаемъ, что многое можно отнести и на долю увлеченія, страстнаго характера, желанія поймать знаменія и духъ времени, а Голицынъ, виѣстъ съ властію, увлекался тогда библейскимъ дѣломъ.

Еще будучи губернаторомъ въ Симбирскѣ, Магницкій заявилъ себя ревностнымъ дѣятелемъ по библейскому обществу и сталъ увлекаться религіозными вопросами, которые, какъ кажется, до того времени, были совершенно чужды ему. Сперанскій и въ этомъ случаѣ считалъ его совершенно искреннимъ. Посылая къ Столыпину рѣчь его въ библейскомъ комитетѣ Симбирска, которую онъ называетъ *проповѣдью*, Сперанскій говоритъ о его набожности:

„Кто бы сему повѣрилъ тому лѣтъ десять? Это однакоже вѣрно, и все, что онъ говоритъ, онъ точно живо чувствуетъ. Набожность его искренна, и тутъ нѣтъ ни малѣйшаго соображенія свѣтскаго“ ¹⁾. Магницкій открылъ въ Симбирскѣ отдѣленіе библейскаго общества и обратилъ дѣятельное вниманіе на филантропическую сторону его. Безъ всякаго сомнѣнія, при его главномъ участіи, учреждено было въ Симбирскѣ „Женское общество христіанскаго милосердія“, названное въ честь покровительницы его императрицы Елисаветы Алексѣевны — Елисаветинскимъ и существующее до настоящаго времени. Общество должно было заботиться не о тѣхъ бѣдныхъ, которые называются нищими, а о тѣхъ, которые скрываютъ свою бѣдность, стыдятся ея. Предметы попеченія общества были разнообразны: это были тюрьмы, госпитали, больницы, воспитательные дома. Общество брало на себя обязанность воспитывать и учить сиротъ. Магницкій былъ первымъ секретаремъ его. Но не столько дѣятельность этого общества обратила на Магницкаго вниманіе власти, сколько рѣчь его, произнесенная при открытіи симбирскаго отдѣленія общества въ началѣ 1818 г. Карамзинъ тогда же писалъ къ своему брату въ Симбирскъ, называя Магницкаго молодцомъ, что эта рѣчь полюбила императору и князю Голицыну и что это главное ²⁾. Эта рѣчь напечатана была въ отчетахъ библейскаго общества и обратила на себя общее вниманіе власти и людей, слѣдившихъ за направленіемъ времени. Она и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно любопытна, потому что яркими опредѣленными чертами обрисовываетъ главную мысль всей послѣдующей дѣятельности Магницкаго въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и

¹⁾ Русск. Арх. 1870 г. стр. 1150.

²⁾ Атеней, 1858 г., III, стр. 658.

тогдашнее его направлѣніе, то, что могло понравиться князю Голицыну и обратить его вниманіе на Симбирскаго губернатора. Если мы признаемъ, въ противность словамъ Сперанскаго, что Магницкій думалъ въ этой рѣчи не о небѣ, а о землѣ и служилъ не библейскому дѣлу, а только личному своему честолюбію, то надобно отдать полную справедливость его уму и удивительной ловкости, съ которою онъ умѣлъ усвоить себѣ и выразить господствовавшія тогда тенденціи и направлѣніе правительства, сформировавшееся подъ вліяніемъ политики Священнаго Союза. Это цѣлая обдуманная программа мнѣній и дѣйствій и чрезвычайно ловкая проповѣдь обскурантизма.

Рѣчь Магницкаго есть своего рода философія исторіи, написанная по всѣмъ правиламъ реторики, тѣмъ напыщеннымъ слогомъ, который онъ любилъ употреблять въ своихъ рѣчахъ, какъ человекъ, власть имѣющій, ослѣпляя своими фразами людей мало образованныхъ или раболѣпныхъ подчиненныхъ своихъ. Вся исторія земли, по словамъ его, движется двумя противоположными силами: „политикой міра сего“ и „видами Провидѣнія“. Глава политики міра сего есть князь тмы; глава Провидѣнія небеснаго—есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Политику князя тмы Магницкій указываетъ въ идолопоклонствѣ древнаго міра, въ борьбѣ съ христіанствомъ, въ ересьяхъ и раздѣленіяхъ самой церкви, но вмѣстѣ съ духовнымъ развитіемъ времени, т.-е. съ просвѣщеніемъ, эта политика князя тмы видоизмѣняется и сообразуется съ новыми требованіями. Идолы теперь уже никого не обманутъ. „Выдуманъ новый идолъ, говоритъ Магницкій—*разумъ* человѣческій; богословія сего идола—*философія*. Жрецы его—*славнѣйшіе писатели разныхъ вѣковъ и странъ*. Началось поклоненіе идолу разума“, и Магницкій останавливается на времени этого поклоненія—французской революціи и царствованія Наполеона, когда торжествовала политика міра сего или князя тмы. По расчетамъ *земной политики* и Россія должна покориться, но не такъ вышло по *планамъ Провидѣнія* Царя небеснаго. Здѣсь Магницкій съ ловкою лестью рисуеъ ту смиренную роль, которую принялъ на себя императоръ Александръ, называемый имъ крестнымъ рыцаремъ, заключившимъ свои подвиги вѣчнымъ союзомъ царей. „Но не одна война составляетъ борьбу царства тмы съ царствомъ свѣта. Князь міра сего и идолопоклонствомъ, и развращеніемъ нравовъ, и *философіею* на распространѣніе своего владычества дѣйствуетъ... Князь тмы не дремлетъ и нынѣ“... Но „великій ратоборецъ царства свѣта, вложивъ обвитый лаврами мечъ въ ножны, воюетъ мечемъ слова Божія, т.-е. примѣромъ благочестія и распространѣніемъ благовѣстія книгъ священныхъ“¹⁾. Таковъ былъ взглядъ Магницкаго на дѣятельность

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г. IX, стр. 288—293.

библейскаго общества. Это была борьба съ разумомъ, т.-е. съ княземъ тьмы, на которую онъ призывалъ членовъ, и, конечно, взгляды этотъ долженъ былъ прійтись по вкусу мистиковъ, заправлявшихъ дѣломъ библейскаго общества и также ненавидѣвшихъ разумъ. Очевидно, Магницкій вполне вникалъ въ ихъ планы и намѣренія; онъ даже умѣлъ усвоить себѣ ихъ темный вычурный языкъ и долженъ былъ быть принятъ ими съ открытыми объятіями. Борьба съ *просвѣщеніемъ* сдѣлалась великимъ словомъ того времени, и тѣ же самыя рѣчи говорилъ митрополитъ московскій Серафимъ въ засѣданіи московскаго отдѣла библейскаго общества.

Замѣчательно обстоятельство, выставленное г. Поповымъ въ статьѣ его о Казанскомъ обществѣ любителей отечественной словесности, гдѣ говорится и о Магницкомъ ¹⁾, что только въ одномъ симбирскомъ отдѣлѣ библейскаго общества нашелся *неизвѣстный* членъ, который желалъ дѣйствія общества, состоящаго въ сѣяніи слова Божія, распространить и на очищеніе нивы Господней отъ камней и волчцовъ. Подъ послѣдними разумѣлись безбожныя книги, обращающіяся въ продажѣ. Онъ собралъ нѣсколько подобныхъ книгъ, главнымъ образомъ переводовъ произведеній французской литературы, и представилъ ихъ въ общество для истребленія, высказывая мысль, что весьма будетъ полезно подобную истребляющую дѣятельность возложить на каждаго члена библейскаго общества. Эта мысль была одобрена симбирскимъ отдѣломъ и названа благонамѣренною; онъ просилъ привести въ дѣйствіе эту инквизиціонную мѣру, но князь Голицынъ, какъ президентъ библейскаго общества, справедливо отвѣтилъ чрезъ газеты, какъ просилъ о томъ неизвѣстный, что подобное истребленіе книгъ не входитъ въ кругъ дѣйствій библейскаго общества и что всякій можетъ самъ распоряжаться своей собственностью и истреблять книги, если захочетъ. Очень можетъ быть, что этотъ неизвѣстный членъ былъ самъ Магницкій, который впоследствии не разъ приводилъ въ исполненіе подобныя инквизиціонныя мѣры противъ книгъ.

Какъ бы то ни было, рѣчь его произвела большое впечатлѣніе. Такихъ людей искали во время реакціи и Магницкій, если вѣрить словамъ его, былъ сдѣланъ членомъ главнаго правленія училищъ по собственному вызову императора ²⁾.

¹⁾ Русск. Вѣстн. 1859 г. IX стр. 79 и слѣд.

²⁾ XIX вѣкъ I, стр. 241.

ЛЕКЦІЯ XXVI.

Магницкій. Преобразование Казанскаго университета.

Ревизія Казанскаго университета, представляющая исторіку нашего просвѣщенія превосходную характеристику взглядовъ высшаго правительства на просвѣщеніе и вообще умственную жизнь страны, была первымъ шагомъ Магницкаго въ новой его службѣ. Это было въ началѣ 1819 года и князь Голицынъ поручилъ эту ревизію про-извести Магницкому уже какъ члену главнаго правленія училищъ. Министръ, говорилось въ инструкціи, получилъ самыя неблагопрі-ятныя свѣдѣнія о Казанскомъ университетѣ и потому поручалъ Маг-ницкому подробно разсмотрѣть его въ отношеніи учебномъ и хозяй-ственномъ. Магницкому поручалось ни болѣе ни менѣе, какъ рѣшить вопросъ: можетъ ли Казанскій университетъ существовать съ пользою на будущее время или слѣдуетъ его совершенно упразднить, и въ та-комъ случаѣ Магницкому предписывалось представить соображенія о томъ, какимъ способомъ должны управляться учебныя заведенія Ка-занскаго округа, такъ какъ управленіе ихъ зависѣло отъ универси-тета. Ревизору давались обширныя права и полномочія; видно, что князь Голицынъ уже совершенно вѣрился новому своему подчинен-ному, да по всей вѣроятности и самыя неблагопріятныя свѣдѣнія о Казанскомъ университетѣ были доставлены министру самимъ Магниц-кимъ, къ которому, за время его губернаторства въ Симбирскѣ, до-ходили и рассказы и сплетни о Казанскомъ университетѣ. Онъ до ревизіи составилъ уже свое опредѣленное мнѣніе объ университетѣ. Эта ревизія произведена была очень быстро. Предписаніе министра дано было 10 февраля 1819 года, а уже 9 апрѣля того же года Маг-ницкій представилъ въ Петербургъ подробное донесеніе о состояніи осмтрѣннаго имъ заведенія. Едва ли въ такой короткій промежу-токъ времени можно было сдѣлать не только подробное, но и поверх-ностное обозрѣніе университета и потому становится яснымъ, что Магницкій дѣйствовалъ по готовому плану и пріѣхалъ съ готовою идеею.

Намъ нѣтъ надобности входить въ подробности того, что пред-ставилъ Магницкій министру о Казанскомъ университетѣ послѣ его ревизіи. Намъ должны интересовать общіе взгляды ревизора на уни-верситетъ и общій характеръ этой ревизіи. Замѣтимъ между прочимъ, что въ то время Казань представляла изъ себя глухое захолустье. Университетъ же былъ такое учрежденіе, которымъ весьма мало интересовалось общество, едва ли нуждавшееся въ немъ серьезно; о

характеръ науки того времени мы уже говорили; литературная дѣятельность была самая ничтожная; большинство профессоровъ походило скорѣе на чиновниковъ, исполняющихъ возложенную на нихъ обязанность, а не на людей, искренно преданныхъ дѣлу науки; ихъ интересы были больше мелкіе, личные и заключались въ заботахъ о матеріальныхъ благахъ; пылъ молодыхъ слушателей университета уходилъ больше въ свойственные молодости увлеченія, а не въ занятія наукой или въ вопросы общественные; всѣ ихъ стремленія направлены были къ полученію диплома—все равно, какими бы средствами ни получить его: на службѣ того времени его было совершенно достаточно, потому что преподаваемая въ университетѣ наука находила ничтожное примѣненіе къ дѣйствительности. Въ этомъ мірѣ патріархальныхъ, чисто чиновничьихъ отношеній съ чиновничьимъ раболѣпствомъ характеровъ ревизія Магницкаго грянула какъ громъ. Надобно вообразить себѣ провинцію того времени, чтобъ повѣсть общее впечатлѣніе, произведенное этою ревизією; впечатлѣніе осталось въ умахъ надолго; еще до сихъ поръ не умерли нѣкоторые свидѣтели.

Положеніе университета изображено было въ отчетѣ Магницкаго самыми мрачными красками. Преподаваніе было въ самомъ жалкомъ положеніи; въ дѣлахъ хозяйственныхъ—безпорядокъ и произволъ; въ отношеніи къ студентамъ господствовала система протекцій и взятокъ; катедра богословія не замѣщена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Сдѣлавъ самыя невыгодныя характеристики почти всѣхъ профессоровъ университета, Магницкій особенно долго останавливался на нравственномъ исправленіи студентовъ, и здѣсь вдавался въ столь любимыя имъ общія разсужденія, соответствовавшія взгляду министра. Онъ увѣрялъ, что студенты не знаютъ сколько заповѣдей, что значить слово евангеліе, и при этомъ присовокуплялъ, что онъ выбросилъ изъ студенческой бібліотеки, составленной инспекторомъ, сочиненія Вольтера. Недостаткомъ религіознаго образованія студентовъ Магницкій въ особенности упрекалъ совѣтъ университета.

„Какимъ образомъ, спрашивалъ онъ съ своею обычною напыщенностію рѣчи, могъ студентъ, не имѣющій достаточнаго понятія о заповѣдяхъ, быть студентомъ? Какимъ образомъ гг. экзаменаторы пропустили въ святилище наукъ людей, не знающихъ краткаго катихизиса? Развѣ забыли они, что почти вчера, недалеко (?) отъ сего самаго университета, пылали дома и храмы столицы нашей (т. е. Москвы), зажженные пламенникомъ такъ называемаго просвѣщенія? Развѣ забыли, что сей самый городъ (т. е. Казань) недавно еще затѣсненъ былъ несчастными жертвами безбожія образованнѣйшаго народа? Время уже вникнуть въ цѣль правительства, которое хочетъ,

и хочет непреодолимо, положить *единымъ* основаніемъ народнаго просвѣщенія—*благочестіе*. Время стать на ряду съ просвѣщеннѣйшими народами, кои не стыдятся уже свѣта откровенія... Начальство требуетъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ благочестивыхъ; ученость же, безъ вѣры въ Бога откровеннаго, не токмо не нужна ему, но и почитается имъ вредною¹⁾. Достоинство Магницкаго заключалось въ томъ по крайней мѣрѣ, что онъ выражался ясно; въ этомъ случаѣ профессора легко могли понять, чего отъ нихъ требовали. Преподаваніе, по словамъ отчета, пропитано было опаснымъ духомъ, въ примѣръ котораго Магницкій представлялъ разборъ рѣчи (1817 г.) Срезневскаго „О разныхъ системахъ правоученія“.

Представивъ самыя неблагопріятныя отзывы о Казанскомъ университетѣ, послѣ подробнаго указанія злоупотребленій во всѣхъ частяхъ его, Магницкій доказываетъ, что онъ „причинилъ очевидный вредъ не только отъ себя непосредственно, но и въ обширномъ округѣ“, и приходитъ къ заключенію, что этотъ университетъ „по непреложной справедливости и по всей строгости правъ, подлежитъ уничтоженію“²⁾. Магницкій предлагаетъ два рода этого уничтоженія: или приостановленіе университета или публичное его разрушеніе. По своей деспотической натурѣ, Магницкій былъ на сторонѣ второго способа и доказывалъ, что первый способъ возбудитъ только клеветы европейскихъ ученыхъ и что можно статьями устава доказать, что университетъ злоупотребилъ права ему дарованныя, и потому актъ разрушенія не встрѣтитъ ни въ комъ противорѣчія. „Все честное и благомыслящее изъ современниковъ и потомства, говоритъ онъ, будетъ на сторонѣ правительства. Актъ объ уничтоженіи университета тѣмъ естественнѣе покажется нынѣ, что безъ всякаго сомнѣнія всѣ правительства обратятъ особенное вниманіе на общую систему ихъ учебнаго просвѣщенія, которое, сбросивъ скромное покрывало философіи, стоитъ уже посреди Европы съ поднятымъ кинжаломъ“³⁾! Эти запугивающія рѣчи были слѣдствіемъ европейской реакціи и шли къ намъ по прямому пути отъ перваго австрійскаго министра. Въ запискѣ о своей жизни Магницкій говоритъ, что мнѣніе его о совершенномъ уничтоженіи Казанскаго университета раздѣлялъ и министръ, что весьма возможно, ибо въ противномъ случаѣ Магницкій самъ не высказывался бы такъ открыто и торжественно. Но тѣмъ не менѣе докладъ его разсматривался въ главномъ правленіи училищъ. Сильный и благородный отпоръ докладъ этотъ встрѣтилъ въ

¹⁾ Оеоктистовъ. Магницкій, стр. 41.

²⁾ Ibidem, стр. 48.

³⁾ Ibidem, стр. 49.

мнѣніи тогдашняго попечителя петербургскаго округа Уварова, съ личностію и направленіемъ образованія котораго мы отчасти знакомы. Этотъ другъ Штейна и лучшихъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ людей нашего малочисленнаго общества смотрѣлъ на вопросъ, предложенный на разрѣшеніе Магницкимъ, съ высшей, государственной точки зрѣнія и съ тою любовію къ наукѣ и образованію, которая всегда отличала его. Ему дорого было просвѣщеніе при началѣ его введенія въ Россію, просвѣщеніе, не успѣвшее еще пустить корни въ почву. Съ энергіею возстаеъ онъ противъ мысли Магницкаго — видѣть въ университетѣ школу деизма и безнравственности. „Обвиненія, объемлющія цѣлыя страны, говоритъ онъ, равно ничтожны по своему пространству, коль скоро нельзя доказать существованіе умышеннаго заговора, въ коемъ участвовали цѣлыя сословія или цѣлые народы ¹⁾. Уваровъ весьма умно указалъ и на поверхностность приговоровъ Магницкаго при слишкомъ короткомъ срокѣ ревизіи, и на противорѣчія, заключающіяся въ самомъ докладѣ, и на крикъ раздраженной страсти противъ европейскаго просвѣщенія, которое Магницкій изображалъ съ кинжаломъ въ рукѣ, въ образѣ студента Занда. Уваровъ говорилъ, что онъ даже не имѣетъ въ виду убѣдить другихъ, но что „въ дѣлахъ столь сложныхъ и не обыкновенныхъ довольно того, чтобы спасти *свою* совѣсть и *свой собственный* разсудокъ“ ²⁾. Рѣшительный приговоръ объ уничтоженіи или преобразованіи Казанскаго университета могла сдѣлать только Высочайшая власть. Императоръ Александръ остановился на преобразованіи и главному правленію училищъ поручено было войти въ соображеніе мѣръ этого преобразованія, причемъ утверждались всѣ послѣдствія ревизіи Магницкаго, какъ относительно увольненія профессоровъ въ отставку и замѣненія ихъ другими, такъ и относительно другихъ его представленій, напр. относительно назначенія, рядомъ съ ректоромъ, новаго главнаго университетскаго чиновника съ значительнымъ кругомъ власти, подъ именемъ директора университета. Самъ ревизоръ сдѣланъ былъ въ томъ же году попечителемъ Казанскаго учебнаго округа по личному желанію государя. Справедливо или нѣтъ, но Магницкій рассказываетъ, что при личномъ докладѣ его Александру о состояніи Казанскаго университета „онъ имѣлъ счастье рыдать въ объятіяхъ сего ангела Божія“ и что императоръ потребовалъ отъ него принять должность попечителя съ неограниченнымъ полномочіемъ ³⁾. Такимъ образомъ, если крутая и радикальная мѣра Магницкаго по отношенію къ Казанскому университету и не была

¹⁾ Ibidem, стр. 58.

²⁾ Ibid., стр. 60—61.

³⁾ XIX вѣкъ, I стр. 238.

приведена въ исполненіе, то это случилось, вѣроятно, въ той надеждѣ, что преобразованный руками новаго попечителя, онъ сдѣлается скоро достойнымъ своей цѣли и назначенія.

Управленіе Казанскаго университета Магницкимъ представляетъ намъ вполнѣ образчикъ той системы, которая господствовала тогда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Магницкій ревностно принялся за порученное ему дѣло. „Желая оправдать довѣренность Его Величества, я принялся за основательное изученіе новой моей службы, говорить онъ въ ретроспективномъ взглядѣ на свою жизнь, написанномъ имъ въ позднѣйшіе годы: купилъ для себя, дорогую по состоянію моему, бібліотеку и заперся на три года въ моемъ кабинетѣ, а въ засѣданіяхъ Правленія, оградивъ себя совершеннымъ молчаніемъ, изучался ходу дѣлъ и направленію мнѣній моихъ сочленовъ“ ¹⁾. Такимъ образомъ, по словамъ его, онъ выработалъ себѣ „полную систему истинъ о просвѣщеніи“. Просвѣщеніе, говоритъ онъ, понимается весьма различно, но для него существуетъ только просвѣщеніе въ *государственномъ смыслѣ*. Онъ не отрицаетъ ни одной науки съ новѣйшими ихъ открытіями и лучшими методами преподаванія, но требуетъ, чтобъ просвѣщеніе было ввѣрено *надежному по его нравственности* сословію ученыхъ, чтобъ оно распредѣляемо было подѣ *дѣйствительнымъ надзоромъ* согласно съ религіей, съ образомъ правительства, разнымъ классамъ гражданъ, въ *нужной* для каждаго изъ нихъ мѣрѣ. Науки дѣлитъ онъ на положительныя и мечтательныя. *Лжеименнымъ* просвѣщеніемъ называетъ онъ то, когда мечтательныя науки, т.-е. философскія (съ подраздѣленіемъ ихъ на нравственныя и политическія) портятъ положительныя, напр., теоріи геологіи или теоріи о происхожденіи властей отъ договора. Кромѣ того, Магницкій доказываетъ, что Россія есть совершенно отличная отъ другихъ во всѣхъ отношеніяхъ страна, — слѣдовательно, и просвѣщеніе въ ней должно отличаться особыми свойствами. Мы приняли чужое просвѣщеніе, не *обсудивъ* его, и приняли его въ началѣ XVIII вѣка, т. е. во время его опасной заразы. Къ счастью это чужое ядовитое растеніе вредитъ у насъ медленно, ибо растетъ худо: равнодушіе къ нему управляющихъ и національная лѣнь нашихъ ученыхъ остановили его на одной точкѣ ²⁾. Такова была *государственная* теорія Магницкаго относительно просвѣщенія, которое онъ забиралъ тогда въ свои руки. Онъ располагалъ эти планы свои распространить и на всѣ прочіе университеты: вѣроятно, онъ мечталъ со временемъ стать во главѣ просвѣщенія всей страны. Существуетъ даже извѣстіе, что

¹⁾ Ibid., стр. 242.

²⁾ Ibid., стр. 242—243.

въ архивахъ находится проектъ Магницкаго, касающійся всей системы государственнаго управленія, строго основанный на выработанныхъ имъ началахъ; къ цѣлому государству примѣнялась система управленія Казанскимъ университетомъ ¹⁾. Къ счастью для нашего отечества у Магницкаго хотя и нашлось много помощниковъ, но большая часть ихъ были люди неумѣлые, раболѣпные до тупости, только исполнители его предначертаній. Ихъ ревность не по разуму довела систему Магницкаго до того, что въ логикѣ называется *absurdum*, до крайнихъ и нелѣпныхъ выводовъ, а примѣненіе ея къ дѣйствительности выказало всю фальшь основаній.

Реформа Казанскаго университета, задуманная и приведенная въ исполненіе Магницкимъ, не имѣла подъ собою никакихъ дѣйствительныхъ основаній; она была плодомъ европейской реакціи, отраженіемъ общихъ мыслей, господствовавшихъ въ умахъ государей и министровъ того времени относительно нѣмецкихъ университетовъ, представлявшихъ собою, какъ говорила реакція, посреди новой жизни средне-вѣковыя развалины и заподозрѣнныхъ въ анти-религіозномъ и революціонномъ движеніи. Если повѣрить Сперанскому и считать Магницкаго человѣкомъ искреннимъ, то и въ этомъ дѣлѣ онъ является Донъ-Кихотомъ, сражающимся съ призраками воображенія; но есть множество основаній думать, что онъ хотѣлъ поддѣлаться подъ тогдашнее настроеніе власти и выиграть лично для себя. Преобразование Казанскаго университета представляетъ намъ, говоря словами преобразователей, борьбу съ „пагубнымъ духомъ вольнодумства и своеволія“, который будто бы проникъ въ стѣны этого университета, похожаго на корабль безъ кормила. Ректоръ университета Никольскій, которому особенно благоволилъ Магницкій, въ своемъ отчетѣ о состояніи Казанскаго университета за 1821 г., какъ очевидецъ прежняго, сознавался, что „дымъ кладезя бездны и надменные волны лжеумудрія, отъ которыхъ всѣ вещи двинулись съ мѣстъ своихъ, коснулись и нашего университета“ ²⁾. Онъ былъ близокъ къ паденію, но къ счастью, по волѣ Божіей, его ожидало преобразование, новая жизнь подъ управленіемъ „истиннаго сына церкви и отечества“ ³⁾. Дѣйствія Магницкаго спасли университетъ, „вызвали его изъ небытія къ бытію, изъ нестройства къ новому порядку; возсіялъ надъ нимъ свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка грядущаго въ міръ, возсіялъ надъ нимъ свѣтъ Христовъ, и тѣмъ удалась съ обманчивыми своими огнями“ ⁴⁾. Такъ говорили льстецы и клеветы Магницкаго на мисти-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г. IX, стр. 292.

²⁾ Теохтистовъ. Магницкій, стр. 65.

³⁾ Ibid., стр. 66.

⁴⁾ Казанскій Вѣстникъ 1821 г. I, стр. 6.

ческомъ языкѣ того времени. Посмотримъ, въ чемъ дѣйствительно состояло это преобразование университета.

Магницкій большую часть времени своего попечительства не жилъ въ Казани, а управлялъ университетомъ изъ Петербурга. Это объяснялъ онъ, какъ мы видѣли, необходимостью уединенной работы въ кабинетѣ, чтобъ достойно нести свое званіе. Другіе, напротивъ, жизнь его въ Петербургѣ справедливо объясняли нежеланіемъ удалиться отъ источника власти. Черезъ полгода по его назначеніи попечителемъ, присланы имъ были для исполненія въ университетѣ утвержденныя министромъ, а имъ составленныя „Инструкціи директору и ректору Казанскаго университета“. Эти знаменитыя инструкціи, о которыхъ было такъ много писано, заключаютъ въ себѣ всю систему преобразования и развитіе общихъ началъ Магницкаго.

Управление всего университета было раздѣлено между двумя чиновниками: директоромъ и ректоромъ, и для каждаго изъ нихъ составлена была особая инструкція. На обязанности перваго лежало хозяйственное и полицейское управленіе университета и нравственное образованіе студентовъ; ректоръ же долженъ былъ слѣдить за духомъ преподаванія, за христіанскимъ благочестіемъ и поведеніемъ профессоровъ въ университетѣ и внѣ его стѣнъ. Самая важная часть инструкцій относилась къ нравственности студентовъ и къ духу преподаванія. Университетъ обращался въ воспитательное заведеніе и долженъ былъ не только сообщать научныя свѣдѣнія студентамъ, но воздѣлывать ихъ волю, ихъ совѣсть, ихъ нравы и наружное обращеніе. Главная добродѣтель ихъ должна состоять въ *покорности* и послушаніи. Директоръ долженъ былъ „непремѣнно наблюдать, чтобы уроки религіи о любви и покорности были исполняемы на самомъ дѣлѣ, чтобы воспитанники университета постоянно видѣли вокругъ себя примѣры *строжайшаго чиновочитанія* со стороны учителей и надзирателей, и чтобы малѣйшее нарушеніе онаго всегда было наказываемо, не взирая на званіе лицъ“. Директоръ въ особенности долженъ былъ наблюдать, чтобъ студентамъ внушено было „почтеніе и любовь къ святому евангельскому ученію“, чтобы „духъ вольнодумства ни открыто, ни скрытно не могъ ослаблять ученія церкви въ преподаваніи наукъ историческихъ, философскихъ или литературы“ ¹⁾. Поэтому и директору вмѣнялось въ обязанность слѣдить за направленіемъ преподаванія, разсматривать тетради студентовъ, не пропускать ничего противнаго цензурѣ и наблюдать, чтобы чиновники университета исполняли свои христіанскія обязанности въ разсужденіи обычнаго посѣщенія храмовъ и употребленія таинствъ. Но больше всего требовалось

¹⁾ Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв. т. I, стр. 1203.

исполненіе этихъ христіанскихъ обязанностей отъ студентовъ. Университетъ принималъ монастырскій порядокъ. Всѣ студенты ежедневно, съ инспекторомъ во главѣ, въ положенное время отправляли должныя молитвы; наблюдалось, чтобъ въ праздники они непремѣнно посѣщали церковныя службы; ихъ приучали къ дѣламъ милосердія и, что главное, студентовъ, отличавшихся христіанскими добродѣтелями, начальство принимало въ особое покровительство по службѣ и доставляло имъ всевозможныя въ ней преимущества. Широкій, мелочной и бдительный надзоръ былъ поставленъ надъ поведеніемъ студентовъ. Вся жизнь ихъ, начиная съ предметовъ разговора съ товарищами, должна быть вполнѣ извѣстна власти.

Ректоръ долженъ былъ наблюдать за учебною частію, т. е. за преподаваніемъ наукъ, и въ инструкціи подробно говорилось, какой характеръ должно носить послѣднее. Тутъ мы видимъ главные духовныя стремленія того времени и любимыя тенденціи Магницкаго. Объ успѣхахъ преподаванія согласно научному уровню Европы говорится вскользь; но „всею важнѣе для правительства, чтобы воспитаніе его народа стояло на твердомъ основаніи христіанской религіи, чтобы вредный духъ времени, всеразрушающій духъ вольнодумства не проникнулъ въ тѣ священныя убожища, гдѣ воспитаніемъ настоящаго юношества обезпечиться должно счастье будущихъ поколѣній“¹⁾. Инструкціи именно и представляютъ собою борьбу съ этимъ духомъ. Отъ преподавателей требовались преимущественно добрая нравственность и христіанское благочестіе. Въ преподаваніи всѣхъ наукъ долженъ быть одинъ духъ Св. Евангелія. Онъ одинъ есть начало всѣхъ частныхъ и гражданскихъ добродѣтелей. Крайне опасно было бы для университета, если бы студенты, изученные закону Божию въ классѣ онаго, слышали въ другихъ преступныя внушенія вольнодумства.

Съ этой общей точки зрѣнія излагалась въ инструкціи программа всѣхъ преподаваемыхъ въ университетѣ наукъ, т. е. тотъ духъ и то направленіе, въ которыхъ онѣ, по волѣ начальства, должны быть излагаемы. Всякому ясно, въ какомъ духѣ должно быть это преподаваніе и намъ нѣтъ надобности входить въ подробности инструкціи по этому предмету. Болѣе всего вниманіе обращено было на преподаваніе наукъ богословскихъ. Но и всѣ прочія науки университетскаго преподаванія дѣлались, какъ это было въ пору средневѣковой схоластики, только служанками богословія — *ancillae theologiae*. Въ основаніе преподаванія философіи ставились слова посланій апостола Павла къ Колоссянамъ и къ Тимоѳею, гдѣ говорится о ничтожествѣ

¹⁾ Ibidem, стр. 1207.

злоименнаго разума передъ вѣрою ¹⁾). Слова эти, написанныя золотыми буквами на большихъ черныхъ доскахъ, висѣли надъ каждою каедрою. Преподаватели политическихъ наукъ должны брать основаніе для своей науки изъ Моисея, Давида, Соломона, отчасти изъ Платона и Аристотеля (какъ язычникамъ, инструкціи мало довѣряли имъ); но они обязаны были съ отвращеніемъ указывать на правила Макиавеля и Гоббса. Профессоръ физики обязанъ во все продолженіе курса своего указывать на премудрость Божию и ограниченность нашихъ чувствъ и орудій для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ; профессоръ естественной исторіи покажетъ, что обширное царство природы, какъ ни представляется оно премудро и въ своемъ цѣломъ для насъ непостижимо, есть только слабый отпечатокъ того высшаго порядка, которому, послѣ кратковременной жизни, мы предопредѣлены; профессоръ астрономіи укажетъ на тверди небесной пламенными буквами начертанную премудрость Творца и дивные законы тѣлъ небесныхъ, откровенные роду человѣческому въ отдаленнѣйшей древности. Та же общая мысль проводилась и въ факультетѣ медицинскомъ; инструкціи старались изгнать изъ преподаванія въ немъ гибельный матеріализмъ. Студентамъ должно быть внушено, что Святое Писаніе нераздѣльно полагаетъ искусство врачеванія съ благочестіемъ. Факультетъ словесныхъ наукъ еще болѣе другихъ подчинялся гнету общей системы Магницкаго. Главнымъ занятіемъ, на примѣръ, профессора *русской словесности* должны быть красоты языка словянскаго и критическій разборъ священныхъ писателей. Темы для сочиненій должны быть задаваемы изъ отечественной или священной исторіи. Образцовыми авторами въ инструкціи признаются: Ломоносовъ, Державинъ, Богдановичъ и Хемницеръ. Профессоръ долженъ предостерегать своихъ слушателей отъ новизны моднаго слога. Профессоръ древнихъ языковъ, показывая красоты языческихъ писателей, обязанъ въ то же время показать и превосходства тѣхъ святыхъ мужей, коихъ вольнодумство вѣка нашего, не зирая на отличный геній ихъ, исключило изъ образцовыхъ потому только, что они христіане и святые: Іоанна Златоустаго, Григорія Назіанзина, святыхъ Василія и Аѳанасія. Въ преподаваніи языковъ восточныхъ обращалось также вниманіе на то, чтобъ профессоръ не останавливался долго на ученіи Магомета и излагалъ его больше въ обличительномъ смыслѣ. Инструкція занялась особенно преподаваніемъ *исторіи*. Профессоръ не долженъ вдаваться въ излишнія подробности баснословія. Священная исторія должна занять какъ бы центръ. Кромѣ ея, древнѣе основанія Рима нѣтъ ничего положительнаго.

¹⁾ Посл. къ Колоссянамъ, II, 8. Посл. къ Тимоѳею, первое, IV, 1 и VI, 3, 4, 20, 21. Посл. къ Тимоѳею, второе, IV, 3, 4.

Послѣ Рождества Христова профессоръ долженъ занять своихъ слушателей преимущественно христіанскими древностями, дабы показать, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно высочайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя. Профессоръ изъяснить мудрость и твердость мучениковъ, терпѣніе и ангельскую чистоту отшельниковъ, покажетъ, что первые вѣка христіанства наиболѣе обилдовали великими и святыми мужами, изъяснить подробно нравы христіанъ первыхъ вѣковъ и образъ ихъ жизни, докажетъ, что величіе и добродѣтель язычника есть только высшая ступень человѣческой гордости и ничто передъ величіемъ христіанскимъ. Въ паденіи римской имперіи профессоръ покажетъ, какъ тщетны и ничтожны предъ Богомъ величіе имперій и ихъ могущество и что дикіе народы, разрушившіе ее, были орудіемъ руки Божіей. Новѣйшая исторія должна быть преподана кратко. Въ русской исторіи профессоръ докажетъ, что Россія предупредила европейскія государства своимъ развитіемъ и докажетъ это распоряженіями по части учебной и духовной Владиміра Мономаха. Затѣмъ, долѣ всего онъ долженъ остановиться на исторіи дома Романовыхъ ¹⁾).

Таково было содержаніе знаменитыхъ инструкцій Магницкаго. Это было его собственное, вѣроятно долго обдумываемое созданіе, но къ несчастію оно получило одобреніе правительства и тяжелую пробу примѣненія этихъ инструкцій пришлось выдержать Казанскому университету. Надобно вспомнить общественныя условія того времени, характеръ тогдашней провинціи, деспотическую власть попечителя и раболѣпство профессоровъ, чтобъ представить себѣ ту печальную, ту глупую картину, какую представлялъ изъ себя университетъ, подвергшійся преобразованію. Несмотря на громкія фразы инструкцій, науки, о которой въ нихъ такъ много говорилось, не существовало; отъ нея отнималась всякая тѣнь свободы, и ученый не могъ думать объ ея истинахъ, ему приходилось думать о томъ, какъ примѣнить ее къ настоящему, какъ поддѣлаться подъ начальство. Весьма естественно предполагать, что незначительное меньшинство нашего образованнаго общества встрѣтило неблагопріятными отзывами инструкціи; но общественному мнѣнію высказаться было невозможно и инструкціи безусловно примѣнялись; Магницкій самовластно измѣнялъ ихъ и усиливалъ ихъ значеніе. Мало того: дѣйствіе ихъ было распространяемо на другіе университеты. Главное правленіе училищъ не оспаривало ихъ общаго основанія, а одинъ изъ членовъ его Руничъ, въ послѣдствіи попечитель Петербургскаго университета, читалъ имъ въ засѣданіи восторженные панегирики, называя ихъ спасительными, и требовалъ распространить ихъ

¹⁾ Сборн. постановленій по Мин. Нар. Пр., т. I, стр. 1199—1220.

на другіе университеты, отнявъ у послѣднихъ всѣ ихъ права и преимущества. Впослѣдствіи инструкціи введены были въ Петербургскій университетъ и ректоръ Казанскаго — Никольскій торжественно поздравлялъ петербургскаго съ этимъ счастьемъ ¹⁾). Съ чрезвычайною торжественностію и напыщенностію говорилось въ рѣчахъ и отчетахъ, писанныхъ Магницкимъ и его клевретами, о дѣйствіи инструкцій и о новомъ видѣ, какой принялъ университетъ подъ ихъ вліяніемъ. Но это и было именно то лицемѣріе, которое невольно возбуждалось самою системою. Эти господа вовсе не то чувствовали, что говорили въ своихъ кудравыхъ, пересыпанныхъ библейскими выраженіями фразахъ. Стоитъ только прочитатъ небольшой разсказъ Лажечникова: „Какъ я зналъ Магницкаго“ ²⁾), чтобы понять, до какой степени доходило это лицемѣріе и въ чемъ состояло блистательное обновленіе Казанскаго университета, изъ котораго хотѣли сдѣлать образецъ для подражанія, представивъ полную систему высшаго образованія согласно политикѣ Священнаго Союза, гдѣ главное значеніе получили не науки въ ихъ свободномъ развитіи, а смиренно-мудріе, терпѣніе и любовь, по словамъ тѣхъ же ораторовъ.

ЛЕКЦІЯ XXVII.

Положеніе университетовъ во время реакціи.

Какъ ни ничтожно было значеніе Казанскаго университета до времени управленія его Магницкимъ, все же существованіе его приносило извѣстнаго рода пользу; обвиненія, взведенныя на него Магницкимъ, были конечно преувеличены; университетъ приносился въ жертву тогдашнему обскурантизму и реакціонному направленію власти. Черезъ шесть лѣтъ управленія Магницкимъ, университетъ нельзя было узнать. Дѣйствительно произведено было преобразование—радикальный переворотъ, но самаго печальнаго свойства. Борьба съ волюнтаризмомъ, большею частью не дѣйствительнымъ, а воображаемымъ, происходила здѣсь на каждомъ шагѣ, принимая мелкій и часто смѣшной характеръ. Преслѣдованію Магницкаго подверглась библіотека Казанскаго университета; хотя онъ и не *истребилъ* въ ней книгъ съ вреднымъ направленіемъ, какъ это утверждаетъ Теокистовъ ³⁾), но для чтенія они никому не выдавались. Все сколько нибудь самостоятельное въ университетѣ, что не вполне преклонялось предъ

¹⁾ Русск. Архивъ, 1871 г., стр. 0260.

²⁾ Русск. Вѣстн. 1866 г., стр. 121—146.

³⁾ Теокистовъ. Магницкій, стр. 85.

его самовластіемъ, онъ гналъ безпощадно; къ сожалѣнію, самостоятельность эта была самая ничтожная; все остальное раболѣпно преклонялось предъ гнетомъ. Чтобъ показать передъ властію благотворное дѣйствіе своихъ реформъ въ Казанскомъ университетѣ, Магницкій старался представить въ самомъ черномъ видѣ все его прошлое; но когда приходилось говорить о настоящемъ, онъ не скупился на похвалы себѣ и изображалъ университетъ въ образѣ какого-то счастливаго аркадскаго семейства. Между тѣмъ, стоитъ только познакомиться съ монастырскою дисциплиною, придуманною имъ и директоромъ для студентовъ, съ инквизиціонными мѣрами исправленія ихъ и преслѣдованія за проступки, гдѣ напр., принимали за устрашающую мѣру увѣщанія духовника и изображенія Страшнаго Суда, чтобъ понять, что университетъ вовсе не былъ счастливою общиною, какъ изображалъ его Магницкій, а скорѣе чѣмъ то въ родѣ монастыря со всѣми его пороками и недостатками.

Инквизиціонная система развивала между студентами духъ притворнаго ханжества, лицемерія и обмана; дѣятельнымъ благочестіемъ и земными поклонами хотѣли выиграть благорасположеніе начальства, а съ нимъ и успѣхи по службѣ, а между тѣмъ никогда, говорятъ, нравы студенческіе не были распущеннѣе, какъ въ это печальное время.

Соотвѣтственно паденію общества студентовъ, грустную въ нравственномъ отношеніи картину представляли и преподаватели. Достоинство профессора цѣнилось не его научными заслугами, а образомъ его мыслей и благочестивымъ направленіемъ. Лицемеріе и желаніе поддѣлаться подъ начальство являлись сами собою. Выше всего въ университетѣ стоялъ, разумѣется, профессоръ богословія, потому что только за успѣхи въ богословіи давались золотыя и серебряныя медали, хотя бы не было вовсе успѣховъ въ другихъ предметахъ.

Только во время Магницкаго и подъ гнетомъ его „инструкцій“ мы видимъ странное и нигдѣ не повторявшееся зрѣлище: профессора, читающаго собственную свою науку въ обличительномъ смыслѣ, какъ это дѣлалъ казанскій профессоръ Городчаниновъ въ своемъ руководствѣ: „Изложеніе христіанской системы естественнаго права“. Въ противность устава, по волѣ Магницкаго въ 1823 году основана была въ Казанскомъ университетѣ новая кафедра конституцій—англійской, французской и польской „съ обличительною цѣлью“; когда въ послѣдствіи уже при паденіи Магницкаго, новый ревизоръ университета генералъ Желтухинъ писалъ объ этомъ обличителѣ конституцій, что онъ не имѣетъ никакихъ понятій о государственномъ правѣ и вообще обнаруживаетъ глубокое невѣжество въ своемъ предметѣ, Магницкій съ своей стороны замѣтилъ, что лучше бы г. ревизору убѣдиться, „въ ка-

комъ духѣ предметы сіи преподаются, ибо въ томъ только и важность“ ¹⁾).

Естественно, что при такомъ взглядѣ на науку необходимо было заимствовать благосклонность начальства. Плохому преподавателю изъ лютеранъ, котораго Магницкій самъ аттестовалъ сначала какъ круглаго невѣжду, стоило только перейти въ православную вѣру и онъ вдругъ, на глазахъ у начальства, дѣлался чуть не гениемъ, особенно, если воспріемникомъ его былъ самъ попечитель. Общество профессоръ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ отношенія къ власти попечителя представляли множество грустныхъ безнравственныхъ явленій. Какое уваженіе къ наукѣ можно было требовать отъ нихъ, если, напр., профессоръ математики, объясняя свой предметъ, такъ говорилъ о треугольникѣ: „Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срътенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая Бога и человѣковъ, соединившаго горнее съ дольнымъ, небесное съ земнымъ“ ²⁾ или, если профессоръ анатоміи говорилъ о своей наукѣ, что цѣль ея „находить въ строеніи человѣческаго тѣла премудрость Творца, создавшаго человѣка по образу и подобию Своему и пр.“ ³⁾. Геологія перестала совсѣмъ преподаваться, „какъ наука въ нынѣшнихъ ея системахъ вулканистовъ и нептунистовъ, противная Св. писанію“ ⁴⁾. Все заискивало и добивалось всѣми возможными средствами милости начальства и никогда въ Казанскомъ университетѣ не было столько грязныхъ исторій между профессорами, столько доносовъ, жалобъ, интригъ, личныхъ ссоръ, которыя поступали на разбирательство начальства, какъ въ это печальное время, при Магницкомъ. Самовластный произволъ его тяготѣлъ надъ всѣми, и Магницкій гвалъ всякую сколько нибудь самостоятельную личность. Собраніе совѣта проходило во взаимныхъ обвиненіяхъ другъ друга въ темныхъ интригахъ, въ составленіи фальшивыхъ протоколовъ, во взяточничествѣ и пр.; обо всемъ этомъ доносилось въ Петербургъ Магницкому, который каждую почту получалъ грязныя письма.

Если и существовала въ Казани какая-нибудь дѣятельность въ литературѣ и наукѣ до Магницкаго, то при господствѣ такой системы она не могла болѣе продолжать это существованіе или должна была принять непривлекательный видъ. Если что и писалось или готовлялось къ печатанію, то это дѣлалось только съ тенденціями, угодными попечителю. Правда, Магницкій говорилъ въ своихъ отчетахъ о разныхъ ученыхъ предпріятіяхъ, замышляемыхъ въ Казани, пови-

¹⁾ Ibidem, стр. 105.

²⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 225.

³⁾ Ibidem, стр. 227—228.

⁴⁾ Ibidem, стр. 229.

димому, по его инициативѣ, но всѣ эти предпріятія, въ родѣ учрежденія въ Астрахани института восточныхъ языковъ, или желанія поставить университетъ въ сношенія съ учеными сословіями Индіи и собирать свѣдѣнія объ ученіи браминовъ, источники котораго онъ видѣлъ въ преданіяхъ патріарховъ и апостоловъ, или мечты о сношеніяхъ съ учеными Самарканда, или ученая экспедиція въ армянскіе монастыри Грузіи и Персіи,—все это принадлежало къ пустымъ затѣямъ и пикогда не выходило изъ области фантазіи. Этими широкими проектами Магницкій просто пускалъ пыль въ глаза и хотѣлъ ими закрыть бѣдную научную дѣйствительность университета. „Казанскій Вѣстникъ“, единственное періодическое изданіе того времени, въ изданіи котораго принимали участіе профессора, сдѣлался журналомъ совершенно духовнаго содержанія и выражалъ господствовавшее направленіе. Магницкій, въ угодность князю Голицыну, дѣлательно распространялъ библейское общество, какъ въ Казани, такъ и въ округѣ. Для одного университета онъ купилъ на 10,000 руб. библій и новыхъ завѣтовъ; ихъ раздавали каждому студенту, каждому ученику какого-либо училища. Въ „Казанскомъ Вѣстникѣ“ помѣщались рѣчи, произнесенныя въ собраніяхъ библейскаго комитета, отчеты его и т. п.

Но чѣмъ бѣднѣе въ умственномъ отношеніи становился Казанскій университетъ, чѣмъ онъ глубже падалъ, чѣмъ печальнѣе становились отношенія студентовъ и профессоровъ, тѣмъ громче, тѣмъ безстыдно-напыщеннѣе становились рѣчи Магницкаго, которыми онъ прославлялъ свое созданіе. Приведемъ отрывки изъ его рѣчи къ профессорамъ, которую считали тогда за образцовую. Онъ говорилъ ее въ 1825 году, слѣдовательно уже шесть лѣтъ управляя университетомъ. Разсказавъ о томъ, что онъ присутствовалъ на экзаменахъ студентовъ и остался ими вполне доволенъ, Магницкій продолжаетъ: „Могу сказать, что видѣлъ университетъ единственный по своему достоинству, по отличнымъ способностямъ, по высокимъ познаніямъ лицъ, почтенное сословіе его составляющихъ; единственный по доброму духу преподавателей, по личной и всему городу, предъ которымъ смѣло говорю сіе, извѣстной ихъ нравственности и благоповеденію; единственный по доброму духу, благонравію, скромности, образованности и отличнымъ успѣхамъ во всѣхъ полезныхъ знаніяхъ студентовъ... Университетъ Казанскій, за златою оградой высочайше данныхъ ему инструкцій, чуждъ повсемѣстной заразы, вѣренъ общей матери нашей церкви православной, питаетъ юность, пылающую живою вѣрой, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія...

Въ то самое время, какъ лжеименная философія, отравляя всѣ науки и даже словесность и самыя искусства тлетворнымъ своимъ ядомъ, бѣснуетъ умы на Бога и царей, въ университетѣ нашемъ

самый ядъ сей претворяется въ цѣлительное средство противъ буйной гордости разума. Воспитанники ваши, путеводимые благочестивымъ Несторомъ вашего сословія, твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе на счетъ славнѣйшихъ его апостоловъ. Въмѣсто тѣхъ буйныхъ мечтаній нѣкоторыхъ Германцевъ, кои возникли со своевольствомъ Лютеровой реформы и такъ живо называются нынѣ философійю,—мечтаній, въ углу сѣверной Германіи распространенныхъ такими людьми, коихъ и именъ на другомъ краю Европы никто не знаетъ; вмѣсто сихъ мечтаній принята у васъ та здоровая, истинная, *беззатѣйная* философія, которая прямитъ и изощряетъ умы, съ которою жили счастливо отцы, вѣрные Богу и царямъ, въ которой воспитаны и образовались отличнѣйшіе мужи нашего отечества, свѣтила нашей церкви¹⁾... Едва ли когда-либо фраза такъ могла туманить глаза и затемнять самую печальную, самую жалкую дѣйствительность. Магницкій входитъ вообще въ подробности того, какъ исполнена инструкція по отношенію къ преподаванію. Исторію читалъ тогда бездарный Баженовъ. Что же говоритъ о немъ Магницкій: „Онъ исполнилъ въ преподаваніи своею то, что въ высочайше утвержденной инструкціи ректору нашего университета предписано, онъ смѣлою рукою свергнулъ тѣ идолы языческаго величія, передъ коими весь ученый міръ, преклоня колѣна, стоитъ уже двѣ тысячи лѣтъ. Въ житіяхъ святыхъ церкви православной показалъ онъ тѣ высокіе примѣры всѣхъ добродѣтелей, предъ коими меркнетъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, слава Брутовъ и Лукрецій. Онъ сорвалъ вѣнцы съ гордаго чела героевъ языческой древности и почтительно положилъ ихъ на окровавленномъ прахѣ Колизея, къ стопамъ святыхъ мученическихъ ликовъ“²⁾... Вездѣ Магницкій видитъ необычайные успѣхи въ наукахъ и свидѣтельствуетъ о нихъ самымъ напыщеннымъ образомъ; въ тѣхъ, кто хорошо знакомъ съ дѣйствительностію, невольно возбуждаютъ смѣхъ, напр., слѣдующія слова: „Въ наукахъ математическихъ, въ физикѣ, химіи и минералогіи преподаны всѣ новѣйшія силы наукъ, открытія и усовершенія, такъ что. тѣ изъ студентовъ сихъ каедръ, кои были внимательны, ничего новаго въ университетѣ парижскомъ не могли бы услышать“³⁾. А студентовъ-то всего, во всѣхъ факультетахъ было только 91.

Непомѣрные похвалы, которыя въ этой рѣчи расточалъ Магницкій преобразованному имъ университету, конечно, должны были многихъ

¹⁾ Θεокτιστοῦ. Магницкій стр. 131—134.

²⁾ Ibid., стр. 134—135.

³⁾ Ibid., стр. 136.

привести въ удивленіе, но обсужденіе этихъ фразъ и сравненіе ихъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ университета было тогда немислимо. Фраза Магницкаго не встрѣчала противодѣйствія нигдѣ. Все это самовосхваленіе, которымъ онъ туманилъ глаза всѣмъ, было рассчитано на то, чтобъ составить себѣ блестящую карьеру. Магницкій, безъ сомнѣнія, мечталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія, а потому назойливо выставлялъ за образецъ Казанскій университетъ и свою систему преобразованія въ немъ, добиваясь, чтобъ эта система была распространена и на другіе университеты. Что такое былъ Казанскій университетъ до преобразованія? „Въ отдаленномъ краю отъ столицы поставленный, какъ фаросъ освѣщенія цѣлыхъ царствъ, говоритъ Магницкій въ своемъ отчетѣ за 1824 годъ, въ округѣ его вмѣщенныхъ, полусвѣщенный дрожащею рукою слабыхъ исполнителей, онъ погасалъ и курящимся чадомъ наполнялъ тѣ страны, коя осіяты быть должны; отброшенные въ собственномъ отечествѣ пришельцы, принесли съ собою развратъ, а не просвѣщеніе ума, изъ провинцій германскихъ, едва по имени извѣстныхъ, составляли большую часть профессоровъ; неблаговидность и нечистота зданій отвѣтствовала внутреннему его настроенію, какъ несчастная фізіономія порочному состоянію духа; интриги, происки расхищали ученые званія и награды, между тѣмъ какъ благочестіе, какъ скромное достоинство, воздыхало о судьбѣ дорогого имъ мѣста воспитанія, въ которомъ дѣта ихъ юности и страстей сохранены были отъ невѣрія и разврата какимъ-то особеннымъ промысломъ Божиимъ“... А теперь, послѣ преобразованія „всѣ науки преподаются въ Казанскомъ университетѣ, въ большей всеобщности нежели въ прочихъ университетахъ, но преподаваніе это отличается отъ прочихъ тѣмъ, что не заражено оно ни вольнодумствомъ, ни лжеученіемъ, а устремлено къ одной цѣли — образованію вѣрныхъ сыновъ церкви и вѣрныхъ подданныхъ государей... А если такъ, если въ одномъ изъ шести нашихъ университетовъ вышеупомянутыя распоряженія имѣли успѣхъ, то какимъ образомъ не распространяется полезное его преобразование, опытомъ пяти лѣтъ и плодами уже оправданное, и на всѣ прочіе университеты? Признаюсь, что сія послѣдняя причина, по усердію моему въ церкви и государю и по обязанности моей члена главнаго правленія училищъ, была главнымъ моимъ побужденіемъ въ семъ отчетѣ“ ¹⁾. Ясно, что всѣ напыщенные фразы его прикрывали честолюбіе.

Изъ прочихъ русскихъ университетовъ, въ Харьковскомъ, гдѣ печителемъ былъ Каряевъ, переводчикъ извѣстной мистической книги „Божественная Философія“ ²⁾, также сказалась реакція, господство-

¹⁾ Ibid., стр. 140—142.

²⁾ 6 ч. М. 1818—1819 гг.

вавшая въ министерство князя Голицына, хотя гораздо слабѣе, чѣмъ въ Казани. Было удалено нѣсколько лучшихъ профессоровъ по подозрѣнію ихъ въ вольномысліи, сталъ господствовать на кафедрахъ и по отношенію къ студентамъ піэтизмъ, но въ Харьковѣ не было такой гнетущей личности, какъ Магницкій, и реакція была слабѣе. За то на судьбѣ Петербургскаго университета, только что основаннаго, отразилась самымъ печальнымъ образомъ система Магницкаго. Въ началѣ 1819 года по высочайшему повелѣнію главный педагогическій институтъ, давно уже существовавшій въ Петербургѣ, былъ переименованъ въ университетъ. Его попечителемъ, какъ и округа, былъ тогда Уваровъ. Тотчасъ по открытіи Петербургскаго университета въ главное правленіе училищъ былъ представленъ Уваровымъ проектъ устава новаго университета, проектъ замѣчательный тѣмъ, что онъ стоялъ въ уровень съ научными требованіями времени и обращалъ вниманіе на мѣстные условія. Проектъ этотъ былъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію въ главномъ правленіи училищъ и встрѣтилъ самое сильное противодѣйствіе въ новомъ членѣ его, получившемъ въ исторіи нашего обскурантизма столь же печальную извѣстность, какъ и Магницкій,—въ Руничѣ. Руничъ, какъ кажется, былъ воспитанникомъ Лопухина и московскихъ масоновъ; по связямъ съ мистиками и по рекомендаціи ихъ онъ сдѣлался извѣстнымъ князю Голицыну, который и доставилъ ему мѣсто члена главнаго правленія училищъ. Это былъ поклонникъ и подражатель Магницкаго, которому служилъ орудіемъ, но далеко былъ отъ него по уму, хитрости и расчетливости, былъ гораздо наивнѣе и проще его. Время и вліяніе Магницкаго сдѣлали изъ него тоже піатиста—фанатика, челоѣка, не разбиравшаго средствъ для осуществленія своей идеи. Его также, какъ и Магницкаго, мучила жажда почестей; онъ возлагалъ всѣ надежды на послѣдняго и служилъ ему вѣрою и правдою. Вскорѣ Руничъ зарекомендовалъ свой образъ мыслей и характеръ своихъ дѣйствій преслѣдованіемъ сочиненія профессора Царскосельскаго лица Куницына „Право естественное“, которое должно было разсматриваться членами главнаго правленія училищъ, такъ какъ авторъ желалъ поднести его государю. Руничъ считалъ это сочиненіе опаснымъ и разрушительнымъ для вѣры и достовѣрности Св. Писанія. Основателемъ науки естественнаго права, какъ оно излагается у Куницына, Руничъ называетъ Руссо; по его словамъ, Маратъ былъ искреннимъ и практическимъ послѣдователемъ той же науки. Указавъ на нѣсколько мѣстъ этой книги, по его выраженію, „отвратительныхъ и ядовитыхъ“, Руничъ спрашиваетъ—можно ли допустить преподаваніе такого опаснаго ученія въ одномъ изъ первыхъ учебныхъ заведеній Имперіи и въ университетахъ вообще. Руничъ требовалъ запрещенія этой книги и ея

преслѣдованія. „Злой духъ носится надъ вселенною, силясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка въ мірѣ—говоритъ онъ въ заключеніе своего мнѣнія, на языкѣ Магницкаго и мистиковъ того времени. Счастливымъ почту себя, если по слову одного почтеннаго соотечественника моего, вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова“¹⁾. Всѣ согласились съ Руничемъ, книга была запрещена, и съ этого времени стали считать преподаваніе естественнаго права въ университетахъ опаснымъ и строго слѣдить за нимъ; Магницкій и Руничъ предлагали вовсе запретить его.

Руничъ возсталъ и противъ проекта устройства Петербургскаго университета, составленнаго Уваровымъ. Подъ вліяніемъ европейской реакціи и любимыхъ взглядовъ Магницкаго, онъ доказывалъ, что уставъ этотъ совершенно несвойственъ нашимъ университетамъ, что онъ только копія съ либеральныхъ университетовъ Германіи. Проектъ Устава былъ отвергнутъ главнымъ правленіемъ училищъ, и Уваровъ вышелъ въ отставку. На его мѣсто тотчасъ же былъ назначенъ, по желанію князя Голицына — Руничъ, „противъ воли и желанія его“ какъ онъ самъ увѣряетъ²⁾. Едва только Руничъ вступилъ въ управленіе университетомъ и округомъ, какъ тотчасъ же въ университетъ введено было дѣйствіе „инструкцій“ ректору и директору, составленныхъ Магницкимъ. Только что основанный университетъ, въ которомъ еще не было заглушено стремленіе къ свободѣ изслѣдованія и либеральныя начала—они должны были обратитъ въ благочестивое заведеніе. Руничъ, стараясь оправдать себя, всю вину преслѣдованія сваливаетъ на князя Голицына, который будто бы побуждалъ его дѣйствовать въ этомъ направленіи: едва ли это справедливо и весь ходъ дѣла, подробно напечатанный, показываетъ, напротивъ, во всемъ самое живое, непосредственное участіе Рунича и, по всей вѣроятности, за кулисами—Магницкаго. Ближайшимъ сотрудникомъ его въ дѣлѣ преслѣдованія оказался вновь назначенный имъ директоръ университета Кавелинъ. Согласно „инструкціямъ“ онъ долженъ былъ также слѣдить за духомъ и направленіемъ преподаванія и съ его помощью были отобраны у студентовъ лекціи четырехъ профессоровъ, болѣе другихъ заподозрѣнныхъ въ распространеніи вольнодумства и либеральныхъ ученій: Германа и адъюнкта его Арсеньева—по статистикѣ, Раунаха—по всеобщей исторіи и Галича—по философіи. Первые двое, согласно взгляду учителя своего Шлецера, смотрѣли на статистику, какъ на науку политическую, имѣющую непосредственную связь съ мно-

¹⁾ Теокистовъ. Магницкій, стр. 17.

²⁾ Сборникъ Отд. русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. IX, стр. 62.

жествомъ условій государственной жизни; Галичъ былъ послѣдователемъ философіи Шеллинга, а Раунахъ, впоследствии извѣстный и чрезвычайно плодотворный нѣмецкій драматическій дѣятель, читалъ всеобщую исторію съ современными взглядами и не обличалъ извѣстнаго съ точки зрѣнія христіанства, какъ требовали того „инструкція“ Руничъ, разсмотрѣвъ тетрадки профессоровъ, немедленно донесъ министру о распространеніи въ умахъ студентовъ идей, разрушительныхъ для порядка и общественнаго благосостоянія. По распоряженію главнаго правленія училищъ лекціи обвиняемыхъ профессоровъ были приостановлены; опредѣлено было отъ нихъ потребовать отвѣтовъ на вопросныя пункты, составленные членами правленія, гдѣ разбирались вредныя и ложныя начала преподаваемыхъ ученій. Наряженъ почти формальный университетскій судъ, на которомъ предсѣдателемъ, обвинителемъ и судьей являлся Руничъ.

Этотъ судъ надъ профессорами Петербургскаго университета — въ высшей степени характерное явленіе того времени, обрисовывающее вполнѣ и образъ преслѣдованія и сама личность преслѣдователей и мѣры, къ которымъ они прибѣгали. Онъ тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что имѣ въ первый разъ и въ сильной степени возбуждено было общественное мнѣніе въ столицѣ, не дошедшее, однакожъ, до гласнаго выраженія. Мы не станемъ останавливаться на подробностяхъ этого суда, доходившихъ иногда до возмутительной нелѣпости. Всю обстановку его, со всѣми документами, къ нему относящимися, съ вопросными пунктами, составленными въ главномъ правленіи училищъ, съ выписками тѣхъ мѣстъ изъ тетрадей лекцій, которыя считались разрушительными, съ историческими воспоминаніями объ этомъ дѣлѣ одного изъ профессоровъ, Плисова, съ мнѣніями разныхъ государственныхъ людей того времени, такъ какъ дѣло доходило до Государственнаго Совѣта, — все это можно найти у Сухомлинова ¹⁾. Главныя личности, на которыхъ обрушилось общественное мнѣніе, были Руничъ и Кавелинъ. Первый подражалъ Магницкому, но представлялъ изъ себя смѣшную, раздраженную фигуру, карикатуру Магницкаго, по выраженію Греча ²⁾. Засѣданія происходили нѣсколько дней, длились очень долго и сопровождались самымъ нелѣпымъ нарушеніемъ всякихъ формъ суда. Трое изъ обвиненныхъ представили оправдательныя и смѣлыя отвѣты, изъ которыхъ видна была ясно вся нелѣпость преслѣдованія, но главное правленіе училищъ не

¹⁾ Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Имп. Александра I. Печатались сначала въ журн. М. Н. Пр. за 1865—66 гг., а затѣмъ изданы отдѣльно въ 1889 г.

²⁾ Гречъ. Записки о моей жизни. СПб. 1836 г., стр. 294.

обратило на нихъ вниманія и признало преподаваніе Германа, Арсеньева и Раупаха вреднымъ, возмутительнымъ противъ христіанства и опаснымъ для государственнаго благосостоянія. За одного только Галича, какъ за раскаявшагося грѣшника, просившаго въ допросныхъ нѣжтахъ ему „не помянуть грѣховъ юности и невѣдѣнія“ ¹⁾— взялся ходатайствовать Руничъ. Члены главнаго правленія училищъ постановили Германа, Раупаха и Арсеньева удалить изъ университета и запретить имъ преподаваніе по министерству народнаго просвѣщенія, книги ихъ запретить и извлечь изъ употребленія, но такъ какъ обвиненные требуютъ, чтобы имъ даны были средства для оправданія, то предоставить разсмотрѣніе ихъ вины обыкновенному уголовному суду. Противъ этого послѣдняго рѣшенія возсталъ Магницкій; онъ требовалъ, чтобы иностранцевъ выслали за границу и напечатали въ газетахъ о ихъ ученіи, чтобы согласно требованіямъ священнаго союза, союзныя державы были предубѣждены о немъ. „Въ главномъ правленіи училищъ,—говоритъ одинъ изъ обвиненныхъ, Арсеньевъ, въ своихъ запискахъ,—громогласнѣ всѣхъ вопіалъ противъ насъ Магницкій и силою словъ своихъ увлекъ большую часть своихъ сочленовъ на свою сторону; онъ напугалъ ихъ воображеніемъ картинами неустройствъ въ Западной Европѣ, гдѣ дѣйствительно замѣтно было сильное волненіе въ умахъ, особенно въ Германіи“ ²⁾. Вліяніе Магницкаго очевидно отразилось на томъ заключеніи, которое сдѣлалъ всему этому дѣлу министръ народнаго просвѣщенія, переноси его изъ правленія училищъ въ комитетъ министровъ и придавая дѣлу чрезвычайную политическую важность.

„Системы открытаго отверженія истинъ Св. Писанія и христіанства, соединяемыя всегда съ покушеніемъ ниспровергать и законныя власти, писалъ князь Голицынъ, сіи ужасныя системы, заразившія головы новѣйшихъ ученыхъ, были послѣдствіемъ отпаденія отъ вѣры Христовой и причиною всѣхъ народныхъ мятежей и революціонныхъ бѣдствій, которыя потрясли многія государства, пролили потоки крови и нынѣ еще не перестаютъ нарушать спокойствіе Европы“ ³⁾. Достаточно привести это введеніе для того, чтобы каждому былъ ясенъ взглядъ главы просвѣщенія; глубокою ненавистью къ современной наукѣ и мысли, къ свободному разуму дышутъ слова его, которыми онъ хотѣлъ возбудить членовъ комитета министровъ противъ петербургскихъ профессоровъ. Комитетъ долго разсматривалъ дѣло и единогласно призналъ ученіе всѣхъ профессоровъ вреднымъ, но въ

¹⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, изд. 1889 г., стр. 353.

²⁾ Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. IX, стр. 37.

³⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 262.

отношеніи къ нимъ самимъ мнѣнія членовъ раздѣлились; это затянуло дѣло; былъ составленъ особый комитетъ для разсмотрѣнія его, но новаго суда не было. Обвиненные только перестали быть профессорами и уже въ 1827 году, въ новое царствованіе, Высочайше повелѣно дѣло это считать оконченнымъ.

Мы сказали, что дѣло петербургскихъ профессоровъ обратило на себя общее вниманіе. „Къ счастью для насъ подсудимыхъ и для нашихъ защитниковъ, общественное мнѣніе было сильно возбуждено противъ Рунича и Магницкаго—разсказываетъ Арсеньевъ.—Послѣдній былъ главнымъ виновникомъ всего зла; ихъ обоихъ и съ ихъ сателлитами огласили вездѣ обскурантами, гасильщиками просвѣщенія, а насъ величали мучениками за науку и за правду. Дотошъ въ городѣ мало знали объ университетѣ, весьма мало интересовались его судьбами; теперь многіе сторонніе къ дѣлу люди хотѣли знать всѣ подробности *суда нечестивыхъ*, какъ называли они судъ надъ нами. Вообще вся просвѣщенная публика принимала живое участіе въ судьбѣ нашей“¹⁾.

ЛЕКЦІЯ XXVIII.

Цензура во время реакціи. — Министерство князя Голицына.

Общественное мнѣніе въ Петербургѣ по поводу нелѣпаго преслѣдованія профессоровъ было сильно возбуждено, хотя оно нигдѣ не проявлялось въ печати, какъ это происходитъ въ странахъ съ болѣе свободнымъ развитіемъ. Конечно, за преслѣдуемыхъ была та часть общества—и часть, разумѣется, весьма незначительная,—которая принадлежала къ такъ называемымъ „либералистамъ“, т.-е. къ молодому поколѣнію съ либеральными идеями о реформахъ, но попрежнему были сильны крики и противъ вольводумства, крики, поддерживавшіе князя Голицына и его мѣры. Кромѣ словъ самого Арсеньева о возбужденіи общественнаго мнѣнія, мы можемъ привести и свидѣтельство Карамзина, который тоже, повидимому, былъ на сторонѣ преслѣдуемыхъ: „Ты слышалъ о судѣ профессоровъ, пишетъ онъ къ И. И. Дмитріеву: говорятъ, что дѣло кончилось въ комитетѣ министровъ отрѣшеніемъ Германа, Раупаха и Арсеньева, но безъ дальнѣйшей казни. Ожидаютъ конфирмаціи. Еще неизвѣстно, получить ли Руничъ награжденіе блестящее, котораго требуетъ для него министръ про-

¹⁾ Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н., т. IX, стр. 35.

свѣщенія, какъ сказываютъ (онъ долженъ былъ получить орденъ Св. Владимира 2 ст.). Это дѣло адѣсь многихъ интересовало, и безъ сомнѣнія важно для будущаго. Нашъ почтенный Шишковъ говоритъ: „Поздно хватились: я давно обнаруживалъ нечестіе!“ Другіе думали, что надлежитъ закрыть классы, гдѣ преподавалось якобинство и атеизмъ, т.-е. классъ исторіи и статистики, но люди благоразумные не согласились съ ними. *Оставимъ все тѣмъ Провидѣнію и Государю*“¹⁾. Руничъ дѣйствительно получилъ награду, о которой писалъ Карамзинъ, а когда князь Голицынъ докладывалъ государю объ университетскомъ судѣ, то Александръ сказалъ темныя слова: „жаль, что я въ такомъ святомъ дѣлѣ погорячился“. „Какъ эту высочайшую мысль понимать должно — не смѣю испытывать“ — прибавляетъ отъ себя Руничъ²⁾. Но даже при самомъ дворѣ обвиняемые нашли защитниковъ. Къ Арсеньеву лично благоволилъ Николай Павловичъ, будущій императоръ. Онъ удержалъ его въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищахъ, которыхъ былъ главнымъ начальникомъ, доставилъ ему и другія мѣста для преподаванія, а когда Руничъ, по принятому обыкновенію, пріѣхалъ благодарить за вновь пожалованный орденъ и великаго князя, тотъ съ своей стороны насмѣшливо благодарилъ его за изгнаніе Арсеньева, который можетъ теперь посвятить все свое время инженерному училищу, и просилъ еще выгнать изъ университета нѣсколько подобныхъ челоѣкъ, чтобъ употребить ихъ у себя съ пользою на службу³⁾. Магницкій впоследствии употребилъ это обстоятельство для доноса.

Такъ министерство князя Голицына и его ревностныхъ помощниковъ преслѣдовало всякую попытку высшаго преподаванія встать на современную точку зрѣнія, противную началамъ священнаго союза, и быть сколько-нибудь свободною. Но со стороны того же министерства происходила неустанная, мелкая, придирчивая борьба съ живымъ словомъ, искавшимъ выхода въ литературѣ; мысль, проявляющаяся въ печати, была окружена со всѣхъ сторонъ и загнана, запугана. Цензура находилась въ полномъ распоряженіи обскурантнаго министерства народнаго просвѣщенія и, если преслѣдованія мысли начались еще ранѣе князя Голицына, то въ его время они достигли крайней точки развитія. Нѣсколько либеральный уставъ цензуры 1804 года, которому мы обязаны были значительнымъ оживленіемъ печатнаго слова въ началѣ царствованія Александра, можно

¹⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 323.

²⁾ Сборникъ Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. IX, стр. 64.

³⁾ Русск. Арх. 1871 г., стр. 0264.

сказать, вообще не стѣснялъ литературной дѣятельности; явилось нѣсколько произведеній, невозможныхъ въ другихъ обстоятельствахъ, но уставъ этотъ, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ, главнымъ образомъ, политическихъ обстоятельствъ, подвергался разнообразнымъ измѣненіямъ, ограниченіямъ, произвольнымъ толкованіямъ, такъ что въ тѣ годы, о которыхъ говоримъ мы, онъ уже совсѣмъ пересталъ существовать въ первоначальномъ своемъ видѣ: „Уставъ о цензурѣ, прекрасный памятникъ перваго пятилѣтія государственнаго Александра, давно разрушенъ,—говоритъ одинъ изъ приближенныхъ людей самого князя Голицына, всегда, однако, уважавшій литературу (А. И. Тургеневъ), — если не закономъ, то силою и духомъ времени, къ которому сила обыкновенно прибѣгаетъ для извиненія дѣйствій своихъ“ ¹⁾. Какъ ни пытались тѣснить со всѣхъ сторонъ свободное слово, время все-таки брало свое и постепенно соврѣвавшая мысль, мужая и увѣрляясь, бросалась по всѣмъ направленіямъ, особенно въ журнальной литературѣ, стараясь коснуться той или другой стороны современности, начиная отъ различныхъ формъ государственнаго управленія и кончая игрою актеровъ, но цензура отталкивала его повсюду и даже объ игрѣ актеровъ въ столицахъ запрещено было писать, потому что они находятся въ службѣ Его Величества ²⁾. Цензура при князѣ Голицынѣ, хотя тогда не появлялось новаго устава ея, представляетъ намъ гораздо больше системы и упорства въ преслѣдованіи, чѣмъ было то прежде; вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ историческихъ событій съ появленіемъ у насъ либеральныхъ идей, является и больше смѣлости въ мысли, а потому время это даетъ намъ печальное зрѣлище продолжительной и часто мелкой борьбы печати съ цензурою. Со всѣхъ сторонъ раздаются жалобы на стѣсненія и произволъ цензоровъ, иногда до крайности нелѣпный; возникаетъ нѣсколько дѣлъ, часто очень забавныхъ, но вполнѣ характеризующихъ дѣйствія цензуры; имена нѣкоторыхъ цензоровъ того времени: Красовскаго, Тимковскаго, Бирунова и др., получаютъ печальную извѣстность.

Дѣйствія цензуры только раздражали писателей и естественно приводили ихъ къ изысканію средствъ, чтобъ такъ или иначе обмануть цензора и какъ-нибудь провести свою мысль въ печать. Слово, при такомъ гнетѣ, естественно теряло простоту выраженій, дѣлалось изворотливымъ, хитрымъ и не гнушалось никакими уловками. Мысль подцензурная становилась неясною; о настоящемъ смыслѣ ея нужно было догадываться. Это искусство мысли и развитіе догадли-

¹⁾ Ibidem, 1867 г., стр. 648.

²⁾ Историческія свѣдѣнія о цензурѣ въ Россіи. СПБ. 1862 г., стр. 29.

вости въ читателяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подозрительность особаго рода достигли высшей степени развитія въ сороковые годы, когда стали появляться и цензоры виртуозы. Это разумѣется возникло не вдругъ. Въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, господствовалъ полный произволъ, не смотря на то, что существующее цензурное законоположеніе не было отиѣнено. Все зависѣло отъ воли цензора, отъ взгляда того или другаго власть имѣющаго лица. Приведемъ въ примѣръ періодическое изданіе „Духъ журналовъ“, котораго редакторомъ съ 1815 года былъ цензоръ Яценковъ. Изъ программы этого журнала тогдашній министръ полиціи Вязьмитиновъ вычеркнулъ то, что теперь называется „внутреннимъ обзорѣніемъ“. Онъ находилъ статью эту „неприличною“ на томъ основаніи, что „упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично“ ¹⁾. За статью, помѣщенную въ одномъ изъ первыхъ номеровъ этого изданія „О стараніи императрицы Екатерины II о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей“ — петербургскому цензурному комитету сдѣланъ былъ выговоръ, при чемъ тотъ же министръ полиціи спрашивалъ: „Какъ дерзнуть человѣку, не имѣющему ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, принятыхъ и пріемлемыхъ правительствомъ въ разные времена по части государственнаго хозяйства?“ ²⁾. Журналъ получалъ частые выговоры за малѣйшіе намеки о вольности и рабствѣ крестьянъ, за слова, въ которыхъ выражается сколько-нибудь сочувствія къ низшимъ классамъ общества; журналъ съ трудомъ просуществовалъ до 1820 года и наконецъ былъ запрещенъ. Журналы вообще съ трудомъ получали разрѣшеніе на изданіе, начиная съ этого года, причемъ цензурный комитетъ дѣйствовалъ крайне произвольно; ходатайства на изданіе того или другаго журнала часто не давалось потому, что цензура замѣчала въ авторѣ или дурной слогъ или недостатокъ свѣдѣній ³⁾. Въ министерствѣ князя Голицына въ первый разъ возникаетъ мысль о предварительномъ просмотрѣ статей, касающихся различныхъ частей управленія тѣми вѣдомствами, до которыхъ онѣ касались, что получило потомъ очень широкое развитіе. На притѣсненія цензуры жаловались даже такіе писатели, какъ Карамзинъ, что можно видѣть изъ многихъ мѣстъ его переписки съ И. И. Дмитріевымъ. Даже этотъ писатель, пользовавшійся въ то время славой, лично уважаемый государемъ, принужденъ былъ жаловаться на цензурныя притѣсненія.

¹⁾ Ibidem, стр. 25.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Ibidem, стр. 31.

Ему было даровано Высочайшею волею печатать свою исторію безъ цензуры и, не смотря на то, отъ него требовали цензурнаго разрѣшенія, такъ что онъ принужденъ былъ жаловаться князю Голицыну: „Академики и профессоры, писалъ онъ, не отдають своихъ сочиненій въ публичную цензуру; государственный исторіографъ имѣеть, кажется, право на такое же милостивое отличіе. Онъ долженъ разумѣть, что и какъ писать, надѣюсь, что въ моей книгѣ нѣтъ ничего противъ вѣры, Государя и нравственности; но, быть можетъ, что цензоры не позволятъ мнѣ, напримѣръ, говорить свободно о жестокости царя Іоанна Васильевича. Въ такомъ случаѣ что будетъ исторія?“¹⁾ И такой невинный во всѣхъ отношеніяхъ писатель, какъ Жуковский, имя котораго пользовалось также общеою славою и уваженіемъ, какъ поэта и учителя великой книги, долженъ былъ бороться съ притязаніями тогдашнихъ цензоровъ. Извѣстна забавная цензурная исторія по поводу баллады, переведенной имъ изъ Вальтеръ-Скотта „Смалъгольмскій баронъ“ или „Канунъ Иванова дня“, какъ называлась эта баллада въ подлинникѣ. Цензурный комитетъ, не пропускавшій ее въ печать, въ своемъ длинномъ объясненіи, поданномъ имъ министру народнаго просвѣщенія, простеръ свою служебную ревность до того, что находилъ балладу несоотвѣтственною тому почтенію, которое греко-россійская церковь оказываетъ празднику св. Іоанна Предтечи, считалъ, что такая, основанная на суетвѣрныхъ преданіяхъ повѣсть, можетъ скорѣе „разгорачать и пугать воображеніе, нежели наставлять простыхъ или мало просвѣщенныхъ читателей, особливо молодыхъ людей и женщинъ“, находилъ, что самая баллада по своему содержанію для русскаго читателя темна и не имѣеть занимательности, возмущался тѣмъ, что посреди разсказа о соблазнительномъ приключеніи часто и не кстати встрѣчаются обращенія къ Творцу, кресту и Великому Иванову дню; и вообще „въ переводѣ баллады мало видно заботливости о соблюденіи приличій и различія въ священнѣхъ предметахъ“; далѣе цензурный комитетъ позволялъ себѣ пускаться въ литературную критику, находилъ, что въ переводѣ есть отступленія отъ подлинника, затемняющія смыслъ, что развязка не имѣеть силы и пр. Самъ министръ народнаго просвѣщенія поддерживалъ требованія комитета, предсѣдателемъ котораго былъ Руничъ, и совѣтовалъ Жуковскому „перемѣнить нѣсколько идей и выраженій“. Жуковский долженъ былъ подчиниться²⁾. Цензоры обращали вниманіе на слогъ и даже правописаніе рукописи. Въ 1823 году кн. Вяземскій, писавшій тогда критическія статьи, принужденъ былъ жаловаться главному

¹⁾ Ibidem, стр. 32.

²⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 436—447.

правленію училищъ на цензора Красовскаго, что онъ не пропускаетъ его критической статьи на томъ будто бы основаніи, что находитъ въ ней личности противъ нѣкоторыхъ писателей; онъ жаловался на произволъ его, на учительскую заботливость о его слогѣ, что Красовскій, напр., слово *задѣваетъ* измѣняетъ въ *упрекаетъ*, не позволяетъ сказать, что Карамзинъ *смыдывалъ* *благоразумію*, вмѣсто *полемиической* тактики ставить *спорной* и пр. Если цензоры позволяли себѣ такіа произвольныя дѣйствія относительно писателей сколько-нибудь извѣстныхъ, то по отношенію къ начинающимъ, неизвѣстнымъ авторамъ они уже безъ всякой церемоніи обращались самовластно. Такъ, напр., цензоръ Красовскій въ 1823 году не пропустилъ въ печать для № 11 „Сына Отечества“ и совѣтовалъ помѣстить въ № 18 или № 19 романсъ, переведенный съ французскаго какимъ то Константиновымъ, гдѣ говорится о бродячемъ пѣвцѣ трубадурѣ, уносившемъ изъ замка „вздохъ хозяйки молодой“ и что онъ былъ „жертвою страсти“ и т. п. на томъ основаніи, что № 11 долженъ выйти великимъ постомъ. „Теперь,—пишетъ на стихотвореніи замѣчаніе свое цензоръ,—сыны и дочери церкви молятъ Бога, съ земными поклонами, чтобы онъ далъ имъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и любви (совсѣмъ другой, нежели какова побѣдившая французъ-рыцаря). Надѣюсь, что и почтенный сочинитель прекрасныхъ стиховъ не осудитъ цензора за совѣтъ, который дается отъ простоты и чистаго усердія къ нему“¹⁾. О. Глинка написалъ стихотвореніе „Земная грусть“, гдѣ между прочимъ въ стихахъ:

„Ты мнѣ твердишь, что я скучаю жизнью:
„Земная жизнь—не жизнь!
„О дай мнѣ другъ, дай крылья серафима!
„Мнѣ грустно на земли!“

цензоръ вымаралъ *серафима*, а въ другомъ мѣстѣ:

„Что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ?
„Гдѣ смерть и зло—цари!“

цензоръ не пропустилъ слово *зло* и тогда второй стихъ скандализировалъ многихъ²⁾. Карамзинъ сообщаетъ Дмитріеву, что цензура не пропускаетъ стихотвореній такого невиннаго поэта, какъ В. Л. Пушкинъ³⁾, что ему пришлось хлопотать о нихъ у самого министра⁴⁾.

¹⁾ Русск. Стар. 1871 г., стр. 443.

²⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 320 и 0145.

³⁾ Ibidem, стр. 332.

⁴⁾ Ibidem, стр. 336.

Но мы долго не кончили бы, передавая разныя цензурныя исторіи, происходившія во время обскурантнаго министерства князя Голицына, не смотря на то, что намъ извѣстна только весьма незначительная часть этихъ исторій. Мы видимъ только одно, что цензура была строга и произвольна, но и этого казалось мало въ ту пору борьбы съ разумомъ и свободою мыслію. Все еще дѣйствовалъ либеральный цензурный уставъ 1804 года, хотя дѣйствіе его было совершенно ограничено. Начала священнаго союза, проводимыя въ воспитаніе главою министерства и его рыаными помощниками, требовали соотвѣтственнаго себѣ измѣненія цензурныхъ постановленій. Начертаніе новаго устава цензуры возложено было на особый комитетъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ, и душою этого комитета былъ Магницкій. Онъ составилъ и проектъ устава и особую секретную инструкцію цензурному комитету; другой обскурантъ Стурдза представилъ также свой проектъ, но предпочтеніе было отдано проекту Магницкаго, болѣе строгому.

Уставъ былъ вполнѣ готовъ въ 1823 году. Цѣль его, по словамъ самого комитета, состояла въ „противодѣйствіи пагубному духу времени, выразившемуся въ политическихъ потрясеніяхъ Европы, обнаружившихъ сильное вліяніе и на общественное мнѣніе и на литературу“. Цензура, подобно воспитанію, уже измѣненному согласно новымъ требованіямъ, должна была остановить близкую опасность ¹⁾. Цѣлый обширный историческій и нравственный трактатъ о цензурѣ, вмѣстѣ съ уставомъ ея, былъ написанъ тогда Магницкимъ. Комитетъ, руководимый Магницкимъ, сообразовался въ этомъ дѣлѣ „съ опаснымъ движеніемъ умовъ въ Европѣ“ и хотѣлъ сдѣлать для цензуры такія „установленія, которыя лучше бы прежнихъ сообразовались съ обстоятельствами и временемъ“ ²⁾. Предполагалось всю цензуру сосредоточить въ одномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Предполагалось даже медицинскія книги разсматривать въ отношеніи нравственномъ, ибо, говорилось въ проектѣ, „въ настоящее время, когда науки математическія и даже *географія* несутъ часто на себѣ отпечатокъ невѣрія, могутъ ли не подлежать строжайшему надзору творенія медицинскія, въ коихъ разсужденія о дѣйствіяхъ души на органы тѣлесныя и о возбужденіи въ тѣлѣ различныхъ страстей полагаютъ обильные способы къ утвержденію матеріализма самымъ косвеннымъ и тонкимъ образомъ“. Поэтому и требовалось въ проектѣ „составить такой уставъ для цензуры, который бы обнималъ всѣ *изво-роты и уловки* настоящаго духа времени“ ³⁾. И дѣйствительно, въ

¹⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 462—463.

²⁾ Ibidem, стр. 466.

³⁾ Ibidem, стр. 468.

проектахъ устава Магницкій старался уловить эти „извороты и уловки настоящаго духа времени“, особенно въ составленной имъ „секретной инструкціи“. „Духъ времени, говоритъ онъ, очевидно и во многихъ государствахъ Европы открыто уже стремится на разрушеніе всякаго гражданскаго порядка... Въ совершеннѣйшихъ противъ прежняго системахъ наукъ философскихъ, естественныхъ, историческихъ и въ произведеніяхъ изящнѣйшей словесности разливается нынѣ ядъ опаснѣйшаго всѣхъ прежнихъ временъ невѣрія. Подобно новому Пилату, разумъ человѣческій, со всею правильностью умозрительныхъ формъ своихъ, осуждаетъ и предаетъ на пропіятіе Богочеловѣка“.

Эта одна уже фраза выдаетъ имя составителя. „Ни однохристіанское правительство, говоритъ далѣе Магницкій, не можетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, не токмо для собственной безопасности, но и для настоящаго и будущаго блага своихъ подданныхъ, оставаться бездѣйственнымъ“. Вотъ почему является необходимымъ усиленіе цензуры. Цензоровъ новый уставъ „облекаетъ высокимъ званіемъ стражей, охраняющихъ вѣру Христову, нравы отечественныя и самый языкъ нашъ, не оскверненный еще ни богохуленіями, ни разрушительными воплями противъ власти царской, ни нечистотами разврата и сладострастія отъ язвы, повсемѣстно уже и особенно въ Германіи свирѣпствующей“ ¹⁾. Усиленная цензура, на основаніи такого мрачнаго взгляда на умственное направленіе той эпохи, взгляда, выраженнаго и подробно развито Магницкимъ, нашла противодѣйствіе въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, напр., Фуса, И. М. Муравьева-Апостола, но Магницкаго всецѣло поддерживалъ Руничъ. Большинство членовъ главнаго правленія училищъ осталось на сторонѣ Магницкаго и поддержало его проектъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ написанъ, и оканчивая свои сужденія о цензурѣ, оно выразило надежду, что трудъ этотъ „предохранитъ надолго вѣру, правительство и народныя нравы отъ повсемѣстнаго на нихъ посягательства“ ²⁾.

Проектъ, однако, не былъ утвержденъ тогда, т.-е. въ 1823 году законодательнымъ порядкомъ, но не потому, что высшая власть нашла его слишкомъ строгимъ и убивающимъ всякую литературную дѣятельность, а потому что нужно было разграничить болѣе точнымъ и опредѣленнымъ образомъ цензуру свѣтскую отъ духовной, уставъ которой разсматривался одновременно. Это задержало представленіе новаго цензурнаго устава на утвержденіе; между тѣмъ министерство князя Голицына пало, и новый министръ народнаго просвѣщенія, уже въ новое царствованіе, долженъ былъ представить

¹⁾ Ibidem, стр. 471—472.

²⁾ Ibidem, стр. 480.

свой цензурный уставъ, который и замѣнилъ собою уставъ 1804 года, признанный устарѣвшимъ. Это произошло въ 1826 году; но новое цензурное законоположеніе, какъ мы увидимъ, не принесло никакихъ льготъ ни уму русскому, ни слову.

Такова была русская реакція во второй половинѣ царствованія Александра, выразившаяся въ самой нелѣпой и ожесточенной борьбѣ противъ науки и высшаго преподаванія въ университетахъ, противъ всего того, что носило хотя слабый отпечатокъ свободной мысли, и противъ живого печатнаго слова въ литературѣ. Мы видѣли, что и наука наша и печатное слово наше въ ту пору были слишкомъ ничтожны и безсодержательны, чтобъ вызывать подобныя крутыя мѣры и преслѣдованія; вліяніе европейское только что начинало тогда усиливаться, но только въ умахъ и разговорахъ: оно не имѣло возможности и силы проявляться въ литературѣ, остававшейся жалкою и ничтожною при тѣхъ стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыя она была поставлена въ то время. Борьба походила на ту, которая опредѣляется русской пословицей: „за мухой съ обухомъ“ и заключала бы въ себѣ много забавнаго, если бѣ дѣло шло не о самомъ драгоценномъ человѣческомъ достояніи: о свободной мысли и свободномъ ея выраженіи. Министерство князя Голицына представляетъ собою нѣсколько самыхъ печальныхъ, мрачныхъ страницъ въ исторіи нашего просвѣщенія. Преслѣдованія не вызывались никакими реальными потребностями, а бессмысленнымъ образомъ убивали въ зародышѣ ростки нашей умственной жизни. Преслѣдованія, казалось, были дѣломъ личнаго вкуса и личныхъ наклонностей тѣхъ, которые стояли во главѣ просвѣщенія. Какъ смотрѣлъ на такое систематическое преслѣдованіе умственной жизни въ странѣ своей, на ея отупленіе императоръ Александръ, что онъ называлъ „святымъ дѣломъ“ въ загадочной фразѣ, сказанной имъ князю Голицыну о дѣлѣ петербургскихъ профессоровъ — мы не знаемъ. Насколько извѣстенъ, однако, намъ его странный характеръ въ эти послѣдніе годы его жизни, можно думать, что онъ, утомленный жизнью послѣ пережитыхъ имъ тяжелыхъ бѣдствій и неожиданнаго величія, смотрѣлъ одинаково равнодушно, съ одинаковымъ презрѣніемъ и на преслѣдуемыхъ и на преслѣдователей; но страхъ революціи и постоянно звучація кругомъ его фразы о духѣ тьмы и о князѣ міра сего, ополчившагося на Христа и на царство благодати, ставили его болѣе на сторону преслѣдователей, которые, какъ казалось тогда, охраняли тронъ. Можетъ быть, въ душѣ онъ одобрялъ ихъ мѣры, хотя и не вызывалъ особенно ихъ усердія и равнодушно подписывалъ приговоры.

Чему же покровительствовало это пресловутое министерство князя

Голицына и чему давало ходъ въ умственной жизни страны? Въдѣ трудно, конечно, представить безъ духовнаго направленія министерство народнаго просвѣщенія, которое тогда занималось не одними вопросами воспитанія, а имѣло самое близкое соприкосновеніе со всей умственной и литературной дѣятельностью страны? Глава министерства былъ и главою библейскаго общества, дѣлу котораго онъ отдался съ полнымъ убѣжденіемъ. Набожный и мягкій по природѣ, онъ отъ набожности постепенно переходилъ къ религіознымъ увлеченіямъ и къ мистицизму, который былъ въ духѣ времени и которымъ увлекался и Александръ. Видя торжество своихъ идей, подняли голову и русскіе мистики, воспитанные въ школѣ Новикова и молчавшіе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, со времени запрещенія въ 1806 году журнала Лабзина „Сіонскій Вѣстникъ“. Сочувствіе къ дѣлу распространенія въ народѣ Св. Писанія влекло ихъ къ библейскому обществу, и оно мало-по-малу сдѣлалось гнѣздомъ мистицизма, не смотря на то, что послѣдній вовсе не соотвѣтствовалъ его программѣ. Князь Голицынъ сдѣлался вдругъ главою мистиковъ, до тѣхъ поръ разсѣянныхъ; они собирались вокругъ него, и онъ поощрялъ ихъ литературную дѣятельность, рекомендовалъ ее для подѣдомственныхъ учебныхъ заведеній, награждалъ мистиковъ. Что мистическая литература процвѣтала у насъ и находила обширный кругъ читателей, которыхъ не нашлось бы для произведеній науки, доказывается длиннымъ рядомъ мистическихъ изданій и книгъ, преимущественно переводныхъ съ нѣмецкаго языка, издателемъ которыхъ былъ Лабзинъ. О его предшествовавшей дѣятельности и о множествѣ издаваемыхъ имъ книгъ, именно сочиненій Юнга Штиллинга и Эккартсгаузена, мы уже говорили. Эта мистическая литература представляла самую нездоровую пищу; въ ней высказывалось совершенное недовѣріе къ наукѣ, ко всякимъ реальнымъ, дѣйствительнымъ стремленіямъ, къ человѣческому разуму вообще, и допускалась только слѣпая вѣра, дѣйствіе мечты въ областяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Главнымъ изданіемъ этого мистическаго направленія былъ „Сіонскій Вѣстникъ“ Лабзина, въ которомъ участвовали воспитанники старыхъ московскихъ мистиковъ и самъ издатель. Журналъ этотъ, за свое мистическое направленіе запрещенный въ 1806 году, теперь съ 1817 года сталъ издаваться по Высочайшему повелѣнію; онъ былъ посвященъ Господу Іисусу Христу; число его подписчиковъ, начиная съ членовъ императорской фамиліи, было очень значительно; его распространяли особенно по учебнымъ заведеніямъ. Князь Голицынъ сильно покровительствовалъ Лабзину; по его представленію, въ концѣ 1816 года ему былъ пожалованъ орденъ Владиміра 2 ст. „за изданіе на отечествен-

номъ языкѣ духовныхъ книгъ“¹⁾, какъ говорилось въ рескриптѣ. Дѣятельность его въ изданіи мистическихъ книгъ еще усилилась. Правда, съ нимъ въ 1822 году случилось несчастье. Онъ служилъ вице-президентомъ Академіи Художествъ и разъ на собраніи конференціи, когда шла рѣчь о выборѣ почетныхъ членовъ въ Академію, Лабзинъ позволилъ себѣ неосторожное выраженіе. Предлагали въ почетные члены тогдашнихъ вельможъ: Румянцева, Аракчеева и Гурьева; въ доказательство правъ на это званіе послѣдняго приводили только то, что онъ близокъ къ государю; тогда Лабзинъ по своей пылкости сказалъ, что если ужъ выбирать въ почетные члены людей на основаніи ихъ близости къ государю, то онъ предлагаетъ царскаго кучера Илью. Это рѣзкое слово сдѣлалось извѣстно всему Петербургу и дошло до Государя; предлагали Лабзину извиниться, но онъ не согласился и за то былъ высланъ изъ столицы въ г. Сентилѣй Симбирской губерніи. Черезъ два года ему позволили поселиться въ Симбирскѣ, но Лабзинъ былъ старъ, боленъ и, не выдержавъ несчастій, вскорѣ умеръ. Скоро и самый мистицизмъ, которому еще недавно покровительствовало правительство, явился плодомъ запрещеннымъ, преслѣдуемымъ, и исчезъ изъ литературы.

ЛЕКЦІИ XXIX и XXX.

Парротъ. — Паденіе Голицына. — Фотій.

Обскурантное направленіе министерства народнаго просвѣщенія при князѣ Голицынѣ, преслѣдующее науку, слово, мысль, тѣмъ сильнѣе тяготѣло надъ нашею духовною жизнію, потому что не встрѣчало себѣ ни комъ и ни въ чемъ открытаго противодѣйствія. Это было какъ бы мѣропріятіе самого правительства въ извѣстномъ направленіи, а оно не могло подвергаться разбору и осужденію. Постепенно духовная атмосфера у насъ становилась все душнѣе и душнѣе и въ ней накапливались ложь и лицемеріе. Главные дѣятели, окружавшіе князя Голицына въ библейскомъ обществѣ, пользуясь видимымъ покровительствомъ своимъ идеямъ со стороны верховной власти, дѣлались все смѣлѣе и беззапѣчивѣе, преслѣдованія происходили открыто, ничѣмъ не стѣсняемыя. При невозможности печатной оппозиціи, противъ нелѣпости господствующей системы

¹⁾ Русск. Арх. 1866 г., стр. 833.

могли возставать только люди, имѣвшіе почему либо личное значеніе у государя, и возставать личнымъ обращеніемъ къ нему и личными представленіями. Такъ и дѣйствовали люди, уважавшіе науку и понимавшіе ея современное значеніе. Мы находимъ въ самомъ дѣлѣ нѣсколько попытокъ нападенія въ это время на господствовавшую систему обскурантизма; попытки эти были неудачны, что и свидѣтельствуешь о силѣ мистическаго направленія и о томъ, что власть одобряла его вполне съ своей стороны.

На печальныя слѣдствія тогдашняго обращенія съ высшимъ образованіемъ у насъ и въ особенности на дѣятельность Магницкаго, пагубную для будущаго, указывалъ въ это время откровенно и прямо императору Александру энергическій голосъ дерптскаго профессора Паррота. Человѣкъ этотъ, заслужившій благодарное воспоминаніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, принадлежалъ къ числу самыхъ образованныхъ людей того времени и пользовался давно ужъ близкою, сердечною дружбой Александра. Послѣдній встрѣтился съ Парротомъ на второй годъ своего государствованія, въ лучшую пору мечтаній о необходимыхъ для Россіи преобразованіяхъ. Въ 1802 году, когда Александръ былъ въ Дерптѣ, Парротъ, тогда проректоръ университета, пользовавшійся въ Европѣ большою извѣстностію, какъ физикъ и естествоиспытатель, говорилъ ему привѣтственную рѣчь. Она до такой степени поправилась государю, что онъ приблизилъ къ себѣ Паррота. Завязалась дружба, самая интимная, между этими людьми, такъ далеко отстоявшими другъ отъ друга по своему общественному положенію. Парротъ, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, имѣлъ свободный доступъ къ Александру и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ нимъ въ его кабинетѣ, а въ Дерптѣ часто получалъ отъ него простыя дружескія письма. Александръ повѣрилъ ему, по свидѣтельству барона Корфа, и частныя свои и государственныя тайны. „Этотъ ученый, говоритъ онъ о Парротѣ, былъ честный, умный, добросовѣстный нѣмецъ, конечно, болѣе мечтатель, нежели практикъ, но всегда правдивый и прямодушный; съ безкорыстіемъ и смѣлостію человѣка, ничего не искавшаго и даже отклонявшаго всякое внѣшнее изъясненіе милости, онъ предался Александру всею душою, и далекій отъ всякой лести, строгій въ своихъ приговорахъ какъ совѣсть, постепенно присвоилъ себѣ роль и права сокровеннаго ментора“ ¹⁾. Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ жизни Александра, именно наканунѣ высылки изъ Петербурга Сперанскаго, Парротъ, бывшій тогда въ столицѣ, имѣлъ случай и лично и письмомъ дѣйствовать въ пользу опальнаго, и если его участіе и не защитило Сперанскаго, то, по всей

¹⁾ Бар. Корфъ. Жизнь граф. Сперанскаго, т. II, стр. 12—13.

вѣроятности, оно удержало Александра отъ тѣхъ крайностей, на которыя онъ готовъ былъ рѣшиться въ первомъ пылу раздраженія. Точно такъ и теперь, въ самое печальное время царствованія Александра, во время господства крайняго обскурантизма, Парротъ рѣшился раскрыть глаза своему царственному другу на весь вредъ преобладающей тогда системы по отношенію къ университетамъ и представилъ Александру записку на французскомъ языкѣ: „*Coup d'oeuil moral sur les principes actuels de l'instruction publique*“, въ которой справедливо и откровенно нападалъ преимущественно на дѣйствія Магницкаго. Парротъ осуждаетъ вообще систему нашего просвѣщенія за то, что въ ней нѣтъ твердыхъ и ясныхъ началъ, и что она безпрестанно измѣнялась, согласно съ духомъ и направленіемъ времени,—упрекъ, который и теперь не утратилъ своего значенія. Главное нападеніе Паррота направлено, однако, на тѣ вредныя слѣдствія, которыя необходимо должны истекать для духовной жизни страны изъ знаменитыхъ „Инструкцій“ Магницкаго. Чрезвычайно вѣрно онъ доказываетъ всю безнравственность началъ, въ нихъ заключающихся, и то сплошное лицемеріе, которое должны онѣ были произвести, какъ въ характерѣ профессорскаго преподаванія, такъ и въ нравственномъ образованіи слушателей. Парротъ разгадалъ фразы Магницкаго и доказываетъ ясно, что всѣ тѣ разглагольствованія о Богѣ, его мудрости и пр. и такъ называемый обличительный характеръ нѣкоторыхъ наукъ, требуемый отъ профессора „Инструкціями“, не только не достигаетъ предположенной цѣли, но именно вредитъ ей. „Частымъ и заказнымъ повтореніемъ мысли, навѣянной со стороны, говоритъ онъ, выраженіе этого удивленія (къ Творцу) дѣлается пустымъ обрядомъ“... Въ инструкціи о преподаваніи Парротъ не видитъ ничего „кромѣ безконечной фразеологіи, гдѣ невѣжество облѣкается мантией эрудиціи и знаній“. Парротъ убѣдительно доказываетъ, что система разовѣетъ въ слушателяхъ холодность къ религіи, насмѣшки надъ нею и набожность лицемерную, наружную. Точно также справедливо Парротъ возстаетъ противъ мелкаго и постоянного надзора за поведеніемъ студентовъ. По его словамъ, это держаніе молодого человѣка въ пеленкахъ дѣлаетъ изъ него или „негодяя или автомата, существо безъ воли, безъ характера, не способное ни къ какой самостоятельной дѣятельности“. Молодому человѣку необходима свобода развитія. Принудительная система должна выработать тѣхъ „негодяевъ, которые скрываютъ настоящія свои чувства подъ покровомъ скромности, а потомъ вознаграждаютъ себя за это рабство неуваженіемъ къ обществу и открыто ненавидятъ власть, которой приходится клеймить ихъ“. Онъ угадалъ результаты, которые должны были произойти для университета отъ системы та-

кого „опаснаго“ преобразователя, какимъ былъ Магницкій. „По внѣшности, говоритъ онъ, университетъ сохранить нѣкоторый порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, начальство не обратитъ на нее вниманіе“. Парротъ спрашиваетъ: какія причины политическія могли заставить правительство принять такую стѣснительную систему народнаго образованія, и указываетъ на тѣ либеральныя стремленія, которыя всегда отличали царствованіе Александра, даже на конституцію Польши, бывшую его дѣломъ; онъ приводитъ собственныя слова государя, когда-то имъ сказанныя: „Я не хочу, чтобы общественное воспитаніе лишало молодежь энергіи, точно также, какъ не хочу имѣть слабодушныхъ въ государственной службѣ“. Парротъ клеймитъ позоромъ людей, которые, прикрываясь религіей, поставили себѣ задачей сдѣлать русскихъ рабами въ правленіе государя, добивавшагося совершенно противоположнаго. Министерство князя Голицына, по словамъ его, дѣйствовало, само того не сознавая, въ пользу іезуитовъ, которые непремѣнно воспользуются этимъ по возвращеніи въ Россію ¹⁾. Этотъ благородный, смѣлый голосъ честнаго нѣмецкаго профессора не былъ услышанъ Александромъ. Система по-прежнему продолжала существовать, потому что соотвѣтствовала тогдашнему настроенію его, и „Записка“ Паррота только въ 1826 году, уже въ новое царствованіе, была передана новому министру Шишкову, но не произвела вообще никакого вліянія на взгляды власти.

Безъ всякаго сомнѣнія, въ русскомъ обществѣ того времени были люди, дѣйствительно образованные, которые приходили въ негодованіе отъ всѣхъ этихъ стѣснительныхъ мѣръ. Мы увѣрены, что и вся литература наша возстала бы противъ нихъ, если бы имѣла возможность. Къ лучшему литературному обществу столицы принадлежалъ извѣстный намъ Уваровъ, который самъ, въ качествѣ попечителя петербургскаго учебнаго округа, долженъ былъ потерпѣть отъ дѣйствій министерства князя Голицына. Уваровъ, какъ мы сказали, подалъ въ отставку, какъ только что составленный имъ проектъ устава Петербургскаго университета былъ неодобренъ главнымъ правленіемъ училищъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовало гоненіе четырехъ петербургскихъ профессоровъ и судъ надъ ними, надѣлавшій столько скандала. Обвиняли ихъ, Магницкій и Руничъ касались и Уварова. Университетъ и его обвиняли въ распространеніи обдуманной системы невѣрія, понятій, противныхъ христіанству и разрушительныхъ для общественнаго порядка и благосостоянія. Уварову приходилось, такимъ образомъ, самому защищаться и, опираясь на свое высокое общественное по-

¹⁾ Θεοετιστοβ. Магницкій, стр. 143—152.

ложене и связи, онъ рѣшился написать письмо къ императору Александру и высказать въ немъ свой взглядъ на положеніе вещей въ тогдашнемъ министерствѣ народнаго просвѣщенія ¹⁾). Сила обстоятельствъ заставила его написать это письмо, въ которомъ онъ старается оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій и объясняетъ характеръ дѣйствій министерства. Любопытна въ особенности сдѣланная имъ характеристика его преслѣдователей, людей, которые представляли себя защитниками религіи и трона, этой „горсти людей, по его словамъ *salus aevi*, которые съ злобой въ душѣ и съ человѣколюбіемъ на словахъ, истинные враги всякаго положительнаго порядка и слѣдовательно *друзья мрака* присваиваютъ себѣ самыя священные имена, чтобы захватить власть и подкопать существующій порядокъ въ самомъ основаніи; эти хладнокровные фанатики, поочередно, то заклинатели злыхъ духовъ, то иллюминаты, квакеры, масоны, ланкастерьянцы, методисты, наконецъ все, что угодно, только не люди и не граждане,—которые утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ тоже время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона,—искусные актеры, надѣвающие всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти, встревожить всѣ умы и которые теперь создаютъ вокругъ себя воображаемыя опасности, чтобы продолжить нѣсколькими минутами свое эфемерное существованіе“ ²⁾). Большая часть этой характеристики относилась къ главному герою министерства Магницкому, которому, дѣйствительно, ничего не стоило мѣнять изъ-за личныхъ выгодъ массу убѣжденій, какъ это всѣмъ извѣстно. Воейковъ въ своей сатирѣ жестоко заклеилъ этого хамелеона ³⁾). Но распространяя эту характеристику на все библейское общество, Уваровъ оскорблялъ нѣкоторымъ образомъ всѣ сердечныя привязанности Александра и его мистически-набожное настроеніе, а потому письмо его не имѣло успѣха. Даже Карамзинъ, какъ мы видѣли, былъ на сторонѣ всего образованнаго общества и отзывался съ крайнимъ неуваженіемъ о цензурѣ, преслѣдованіяхъ университетскаго преподаванія, мистицизмѣ и другихъ обскурантныхъ мѣрахъ того времени, но его личное негодованіе не выросло до той степени гражданского мужества, чтобы стараться убѣдить императора Александра въ ненужности принимаемыхъ крутыхъ мѣръ и во вредѣ направленія, господствовавшего въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Между тѣмъ направленіе росло, система преслѣдованій цензурныхъ и всякихъ другихъ про-

¹⁾ Сухомлиновъ. Матеріалы, стр. 378—384.

²⁾ Ibidem, стр. 383.

³⁾ Домъ сумасшедшихъ.

цвѣтала, и общественное мнѣніе позволяло себѣ только нападенія въ рукописныхъ эпиграммахъ Пушкина и другихъ либеральныхъ поэтовъ того времени. Направленіе, составлявшее душу министерства народнаго просвѣщенія, было такъ сильно, такъ подходило къ условіямъ нашей государственной и общественной жизни, что даже и тогда, когда пало министерство князя Голицына, оно устояло и еще набралось силъ, еще болѣе окрѣпло, хотя прежній мистическій оттѣнокъ его исчезъ навсегда. Министерство князя Голицына пало не въ угоду торжества либеральныхъ идей, съ которыми оно такъ усиленно и ожесточенно воевало; не онѣ восторжествовали, а восторжествовали такія же и еще можетъ быть болѣе страшныя, темныя силы: измѣнились лица, фанатизмъ преслѣдованія остался тотъ же. Библейское общество, а съ нимъ и министерство князя Голицына пали отъ интриги, которая только ловко воспользовалась давно накопившимся въ сердцахъ необразованныхъ представителей нашего духовенства и приверженцевъ старины негодованіемъ на господствующую мистику и на библейское дѣло, въ которомъ видѣли начала невѣрія и революціи. Библейское дѣло, какъ оно понималось нашимъ обществомъ, было у насъ заноснымъ англійскимъ явленіемъ, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ протестантизма, и потому все наше духовенство, мало образованное, привыкшее только къ обрядовой сторонѣ религіи, было весьма мало расположено къ нему, относилось къ нему подозрительно. Все духовенство наше было образовано въ рутинной схоластической школѣ, не могло понимать новыхъ явленій въ умственной жизни и не было въ состояніи по своему низкому духовному развитію бороться съ тѣми направленіями мысли, которыя противоположны религіозному чувству, путемъ слова и убѣжденія или путемъ науки. Оно могло только голословно порицать и отвергать и употреблять какъ орудіе борьбы такія средства, какія немислимы въ правильной и честной борьбѣ понятій. Библейское дѣло, вопросъ о распространеніи въ народѣ книгъ св. писанія и вообще о религіозномъ воспитаніи народа, было для духовенства такою новизною, о которой оно никогда прежде не думало; но когда власть и представители высшаго духовенства вышли за эту новизну, все остальное духовенство молча и безпрекословно подчинилось желанію власти, именно потому, что само духовенство, не имѣя твердаго общественнаго положенія, не имѣло и голоса. Тѣмъ не менѣе, глухая непріязнь къ библейскому дѣлу нашла распространеніе въ массѣ этого мало образованнаго, но твердо стоявшаго за старину и преданія духовенства; библейское нововведеніе казалось ей опаснымъ явленіемъ протестантизма у насъ. Духовенство роптало и говорило о

нарушеніи православія. Этотъ ропотъ еще болѣе увеличился отъ мистическихъ увлеченій князя Голицына и главныхъ дѣятелей библейскаго общества. Эти люди, не довольствуясь внѣшнею церковью, искали церкви внутренней, не довольствуясь церковною догматикою, искали вездѣ, часто не разбирая источниковъ, живой дѣятельной вѣры, покровительствовали раскольникамъ, слушали проповѣди католиковъ и квакеровъ, не брезгали даже религіозными плясками у Татариневой. Мистическія сочиненія, съ ихъ неопредѣленнымъ туманнымъ языкомъ, въ которыхъ говорилось, однако, непрерывно объ основаніи какого-то новаго царства Христова, наводняли литературу. Мистики, какъ напр., Лабзинъ, покровительствуемые Голицынымъ, держали себя гордо, высокомерно по отношенію къ прочему духовенству и выставляли себя единственно истинными истолкователями религіозныхъ вопросовъ. Все это увеличивало ропотъ и неудовольствіе необразованнаго духовенства по отношенію къ князю Голицыну. Самое министерство его: „духовныхъ дѣлъ“ и народнаго просвѣщенія казалось чѣмъ-то въ высшей степени страннымъ и оскорбительнымъ для православнаго вѣроисповѣданія: дѣла послѣдняго вѣдались наравнѣ съ дѣлами исповѣданій еврейскаго, католическаго, протестантскаго, даже магометанскаго. Многихъ оскорбляло это безразличіе и сословный духъ духовенства сильно былъ возмущенъ имъ. Притомъ Голицынъ, опираясь на дружескую привязанность къ нему государя, дѣйствовалъ самовластно, не стѣсняясь ничѣмъ. Бороться съ такимъ сильнымъ человѣкомъ даже высшимъ представителямъ духовенства было затруднительно. Рассказываютъ, что петербургскій митрополитъ Михаилъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, умеръ отъ огорченій, нанесенныхъ ему княземъ Голицынымъ, вслѣдствіе личныхъ столкновеній ¹⁾, и что, умирая, онъ писалъ къ Александру письмо, въ которомъ указывалъ на опасности для православія отъ дѣйствій и общаго направленія министерства Голицына по отношенію къ духовнымъ дѣламъ. По смерти его, при вліяніи Аракчеева, который давно завидовалъ дружбѣ Александра къ Голицыну, петербургскимъ митрополитомъ назначенъ былъ Серафимъ; въ рукахъ Аракчеева онъ сдѣлался главнымъ орудіемъ въ паденіи Голицына. Вообще причиною этого паденія, которому рукоплескало тогда и либеральное меньшинство нашего общества, не знавшее тайныхъ пружинъ, надобно считать ловкую интригу Аракчеева, который нашелъ себѣ, кромѣ Серафима, еще двухъ смѣлыхъ и ревностныхъ помощниковъ въ лицѣ столь извѣстнаго Юрьев-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г., XI, стр. 239.

скаго архимандрита Фотія и Магницкаго. Этими лицами было обдумано и разсчитливо подготовлено паденіе князя Голицына.

Изъ всѣхъ лицъ этого союза, заговора или интриги, которую хорошо знали современники, самымъ любопытнымъ является оригинальный архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій. О немъ очень долго и много говорили, передавая разсказы современниковъ; въ послѣдніе годы стали печататься эти разсказы, выясняющія намъ отчасти эту довольно темную личность, ея значеніе въ дѣлѣ паденія князя Голицына, ея вліяніе даже на самого Александра. Это вліяніе Фотія было уже послѣднее въ жизни императора, и оно характеризуетъ нравственноо состояніе его, показывая, какая глубокая разниа существуетъ между вліяніями его первыхъ лучшихъ лѣтъ и настоящими, когда онъ приближалъ къ себѣ уже не лучшія личности общества, а грубаго изступленнаго фанатика, который еще нарочно надѣвалъ на себя маску дикости, чтобъ казаться болѣе строгимъ и святымъ.

Для исторіи общества того времени такая личность, какою является передъ нами Фотій въ послѣдніе годы царствованія Александра, весьма замѣчательна: она въ высшей степени характеризуетъ время. Но мы мало еще знакомы съ нимъ, чтобъ можно было поручиться за вѣрность его изображенія. Записки его, писанныя имъ по убѣжденію графини Орловой, напечатаны только въ весьма незначительныхъ отрывкахъ ¹⁾, судить по которымъ о немъ затруднительно. Вообще надобно сказать, что о Фотіи существуютъ разныя, довольно противоположныя отзывы: одни считаютъ его полу-изступленнымъ фанатикомъ, другіе видятъ въ немъ хитраго лицемеръ, хлопотавшаго только о личныхъ выгодахъ своихъ; третьи только орудіе въ ловкихъ рукахъ Аракчеева. Особенно скандализировали современниковъ и поточковъ его отношенія къ графинѣ А. Орловой, къ этой богатѣйшей женщинѣ въ цѣлой Россіи, которая безгранично, какъ раба, была предана ему, какъ раба снимала съ него сапоги и была готова отъ него на всяческія униженія. Она предоставила въ его полное распоряженіе и свое вліяніе въ свѣтѣ, и свои связи, и свое громадное состояніе. Отношенія Фотія къ Орловой—въ насмѣшливыхъ эпиграммахъ Пушкина—весьма извѣстны ²⁾. Но во всемъ этомъ много преувеличеній. Дѣвица Орлова, единственная наслѣдница богатствъ знаменитаго сподвижника Екатерины, графа Орлова-Чесменскаго, получившая блестящее образованіе и воспитанная при дворѣ въ величайшей ро-

¹⁾ Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 262—273.

²⁾ Графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. Разговоръ Фотія съ Орловой.

скопи, вслѣдствіе разныхъ душевныхъ потрясеній и, говорятъ, несчастной любви, сдѣлалась набожною святошею и сблизилась съ Фотіемъ, фанатической волѣ котораго она вполне подчинилась. Но монахъ этотъ, на котораго она смотрѣла, какъ на святого, не воспользовался своимъ вліяніемъ для себя лично или для родныхъ своихъ. Все, что только передавала ему Орлова, все это шло на украшеніе Новгородскаго Юрьевскаго монастыря, гдѣ онъ былъ архимандритомъ. Богатства Орловой все пошли на монастыри, на церкви, на разные богоугодныя заведенія, и во всей раздачѣ этой Фотій принималъ непосредственное участіе. Фанатизмъ доводилъ его до ослѣпленія. Еслибъ у него была такая власть, какъ у католическихъ духовныхъ лицъ среднихъ вѣковъ, изъ него вышелъ бы типъ инквизитора, но въ нашемъ русскомъ духовномъ развитіи онъ повторилъ собою фигуру протопопа Аввакума, столь же смѣлую, рѣзкую и фанатическую. Въ нихъ есть много сходства; даже слогъ Фотія напоминаетъ Аввакума.

Несмотря на фанатизмъ и дикія выходки Фотія, его нельзя, однако, назвать ни невѣждою, ни недоучившимся семинаристомъ, хотя то, что извѣстно въ отрывкахъ изъ его сочиненій, не можетъ дать намъ обрашковъ особеннаго образованія, но за то дышитъ самымъ глубокимъ фанатизмомъ и дерзостью. Фотій кончилъ курсъ въ Александрo-Невской Лаврѣ, поступилъ въ монахи и вскорѣ назначенъ былъ законоучителемъ въ одинъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ. Въ этомъ званіи очень смѣло сталъ онъ обличать господствовавшее мистическое направленіе и въ особенности библейское общество; каковы были взгляды Фотія, видно, напр., изъ того, что въ распространеніи св. Писанія посредствомъ библейскаго общества онъ находилъ успѣхъ протестантства, а по поводу простой нравственнаго содержанія замѣтки, напечатанной Лабзинымъ въ „Сіонскомъ Вѣстникѣ“: „Тотъ, кого нетерпѣливость влечетъ, какъ Петра, ударить ножемъ, да молится: „Господи! даруй сердцу моему терпѣніе!“ Будемъ, братья, ждать, пока Господь на то воззоветъ, какъ воззвалъ Ілію на избіеніе Вааловыхъ жрецовъ!“—Фотій положительно утверждалъ, что въ 1817 году мистиками, а слѣдовательно и княземъ Голицынымъ, было составлено покушеніе на жизнь императора Александра, но отложено ¹⁾. Вскорѣ, однако, Фотій принужденъ былъ оставить и столицу и должность законоучителя и уѣхать архимандритомъ въ свой Новгородскій Юрьевъ монастырь. Тогда онъ сталъ печатать, и имя его сдѣлалось извѣстнымъ въ духовной литературѣ сочиненіями: „Огласительное богословіе“ (уроки, которые

¹⁾ Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 года, I, стр. 263.

преподавалъ онъ въ кадетскомъ корпусѣ); „Житіе блаженнаго Иннокентія, еп. Пензенскаго“ (учителя Фотія, котораго онъ выставялъ жертвою преслѣдованій князя Голицына и страдальцемъ за православіе). Рѣзкія убѣжденія, фанатизмъ и смѣлость Фотія были хорошо извѣстны въ Петербургѣ. Такой человѣкъ былъ нуженъ Аракчееву для того, чтобъ бороться съ ненавидимымъ имъ княземъ Голицынымъ на томъ поприщѣ, на которомъ онъ былъ силенъ и гдѣ убѣжденія его раздѣлялъ и поддерживалъ самъ государь. Безъ сомнѣнія при сильномъ вліяніи Аракчеева, въ 1822 году, когда уже нанесенъ былъ мистицизму значительный ударъ ссылкой Лабзина, Фотій, какъ вѣрное и слѣпое орудіе борьбы, вызывается въ Петербургъ. Объ этомъ годѣ и о дѣйствіяхъ своихъ въ то время въ столицѣ, Фотій оставилъ „Записки“ ¹⁾. Этотъ годъ надобно считать началомъ борьбы съ княземъ Голицынымъ враговъ его. Тогда, по словамъ Фотія, Господь „явно началъ сокрушать чрезъ своихъ вѣрныхъ силы сильныхъ ересеначальниковъ и ересеначальницъ: столпы вражіи шатаются, невѣріе трепещетъ“. Изъ словъ Фотія видно, что онъ вызывался въ Петербургъ, „изъ коего былъ прежде изгнанъ безславно“ для опредѣленной цѣли—борьбы. Митрополитъ Серафимъ приготовилъ ему помѣщеніе въ Лаврѣ, подлѣ себя. Съ помощію Орловой Фотія принимали и угощали во многихъ знатныхъ петербургскихъ домахъ, „но все слово и дѣло, прибавляетъ Фотій, направляемо было къ настоящей цѣли: како враговъ одолѣть и церкви святой сдѣлать пособіе“ ²⁾. Но въ этотъ пріѣздъ свой въ Петербургъ Фотій хотѣлъ, повидимому, все дѣло кончить миромъ. Онъ сблизился съ княземъ Голицынымъ и сблизилъ его съ митрополитомъ и Орловою. Тогда же въ первый разъ говорилъ съ нимъ и Александръ, обращавшійся съ Фотіемъ съ глубокимъ уваженіемъ, даже съ какимъ-то подобострастіемъ: цѣловалъ его руки, кланялся ему въ ноги. По всей вѣроятности, эта первая поѣздка Фотія въ Петербургъ была предпринята съ цѣлію изучить людей и положеніе дѣлъ, ознакомить Юрьевскаго архимандрита съ людьми и ихъ отношеніями. Фотія выставили передъ Александромъ—святымъ; кажется, и самъ Голицынъ, набожный и искренно вѣрующій, смотрѣлъ на него такими же глазами, вовсе не подозрѣвая въ немъ орудія враговъ своихъ. Да и вообще трудно сказать: дѣйствовалъ ли Фотій отъ себя или былъ только орудіемъ другихъ; скорѣе всего онъ былъ слѣпое орудіе. Но уже и въ этотъ пріѣздъ онъ постарался, повидимому, заронить въ сердца Александра подозрѣніе и напугать его опасностями. „Едино есть тебѣ нужно по-

¹⁾ Русск. Арх. 1869 г., стр. 929—944.

²⁾ Ibidem, стр. 929—931.

вѣдать для тебя паче всего нужное,—говорилъ ему Фотій, согласно его собственному разсказу:—враги церкви святой и царства весьма усиливаются; зловѣріе, соблазны явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ святой вѣры Христовой и царству всему,—но они не успѣютъ, боятся ихъ нечего; надобно дерзость враговъ тайныхъ и явныхъ внутрь самаго столицы въ успѣхахъ немедленно остановить“¹⁾...

Мы сказали, что нравственная личность Фотія, главнаго дѣйствителя въ борьбѣ съ Голицынымъ и главнаго виновника его паденія, личность, характеризующая время, представляется, въ разнообразныхъ, часто противоположныхъ отзывахъ современниковъ и людей, изучавшихъ то время, очень неясною, хотя всѣ согласны въ томъ, что онъ былъ религіозный фанатикъ. Фанатизмъ этотъ, выражающійся въ дикихъ, грубыхъ формахъ, съ полною непримиримостью, заставляетъ подозрительно смотрѣть и на искренность его убѣжденій, въ которой увѣрены его защитники²⁾. Фанатизмъ этотъ какъ-то мало соединимъ и съ его раболѣпнымъ поклоненіемъ Аракчееву, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на архангела, какъ на истиннаго защитника православной церкви, и при всякомъ удобномъ случаѣ старался льстить ему. Современники указываютъ на его аскетизмъ, доведенный до высшей степени, говорятъ о физическихъ лишеніяхъ, которымъ онъ подвергалъ себя, о тяжелыхъ желѣзныхъ веригахъ, никогда не покидавшихъ его, что, разумѣется, приобрѣтало ему, какъ святому-юродивому, многихъ поклонниковъ и поклонницъ въ особенности въ высшемъ обществѣ Петербурга: людямъ, пресыщеннымъ жизнію, нравятся такія крайности. Къ этому надобно присоединить его самолюбіе, которое еще болѣе увеличилось отъ сознанія недостатка ума и образованія, отъ зависти, питаемой имъ постоянно къ такому человѣку, какимъ былъ въ то время Филаретъ, сочувствовавшій лучшимъ стремленіямъ библейскаго общества, уважаемый всѣми и близкій другъ Голицына. Всѣ эти черты характера Фотія дѣлаютъ изъ него весьма непривлекательную личность, и такому-то человѣку обстоятельства предоставили возможность дѣйствовать въ важномъ дѣлѣ и имѣть духовное вліяніе на Александра и на страну.

Мы видѣли, что Фотій былъ вызванъ въ первый разъ въ Петербургъ въ 1822 году, но тогда онъ только познакомился съ людьми и обстоятельствами. Дѣйствіе открытое и прямое началось позднѣе. Въ апрѣлѣ 1824 года Фотій подалъ Александру „Записку“, въ которой сильно нападалъ на мистическую литературу за ея проповѣдь какой-

¹⁾ Ibidem, стр. 940.

²⁾ Русск. Инв. 1868 г. № 192, Вѣстн. Евр., 1868 г., XI, стр. 258.

то „новой религии“, установленной для послѣднихъ временъ, и перечисляя изданныя нашими мистиками книги и авторовъ ихъ, доказывалъ, что въ нихъ заключается отступленіе отъ вѣры христіанской православной ¹⁾. Это, разумѣется, сдѣлалось извѣстнымъ князю Голицыну и тотъ упрекнулъ Фотія, что онъ противъ него дѣйствуетъ. Фотій старался увѣрить Голицына, что онъ выдѣляетъ его личность изъ своихъ нападеній. „Кто тебѣ возгласилъ, что я противу тебя?— пишетъ онъ къ нему.— Ты знаешь, что я по закону, по совѣсти, по любви и по присягѣ, вѣрою и правдою Богу, Царю, церкви и отечеству служилъ, служу и буду служить, и что или кто мя разлучитъ отъ любви Божіей въ семь разумѣ? тѣмъ злодѣйскихъ книгъ можетъ ли и святую душу не смущать? Потопъ сдѣлался у насъ отъ невѣрія. Убойся Бога,— что я противу тебя? Уже ли слово и дѣло всякое противу злодѣйствъ книжныхъ — есть и можетъ быть противу тебя?“... Въ заключеніе Фотій требуетъ отъ Голицына искренняго покаянія ²⁾. Фотій рассказываетъ, что на другой день послѣ письма этого Голицынъ пришелъ къ нему для объясненій (23 Апр.). „Умоляю тебя, сказалъ ему Фотій, Господа ради останови ты книги, кои въ теченіе твоего министерства изданы противъ церкви, власти царской и всякой святости, и въ коихъ ясно возвѣщается *революція*, или доложи ты Помазаннику Божію!“ Но Голицынъ будто бы отвѣчалъ, что теперь уже поздно, что Государь самъ виноватъ въ распространеніи столь вредныхъ книгъ. Фотій прибавляетъ, что онъ увидѣлъ тогда дерзость и ложь князя Голицына и рѣшился болѣе не видѣться съ нимъ, какъ съ врагомъ церкви и государства. Далѣе, однако, Фотій рассказываетъ, что онъ еще разъ видѣлся съ Голицынымъ, по желанію послѣднего, черезъ день, при особенно торжественной обстановкѣ (въ домѣ графини Орловой, гдѣ жилъ Фотій ³⁾). Обстановку эту подтверждаетъ и Шишковъ ⁴⁾. Фотій стоялъ у наоя съ крестомъ и евангелиемъ, когда вошелъ Голицынъ. Когда онъ попросилъ благословенія у Фотія, тотъ не далъ его, а требовалъ покаянія, требовалъ, чтобъ онъ шелъ къ царю, палъ предъ нимъ на колѣни и каялся въ своихъ революціонныхъ замыслахъ. Когда Голицынъ разсердился и сталъ гордо отиѣчать на такія дерзкія притязанія монаха, Фотій сказалъ ему, что онъ по праву служителя алтаря можетъ предать его проклятію, и кричалъ вслѣдъ удалявшемуся и смущенному Голицыну: „Анаѡема, да будешь

¹⁾ Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ, 1868 г., I, стр. 269.

²⁾ Русск. Арх. 1870 г., стр. 1159—1162.

³⁾ Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 267—268.

⁴⁾ Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 246.

ты прокляты!" 29 апрѣля Фотій вручилъ императору Александру новую записку о дѣйствіяхъ министерства князя Голицына. Въ ней доказывалъ онъ, что вся цѣль дѣйствій князя Голицына есть ниспроверженіе самодержавія и вѣры. „Чтобы духовенство сему не мѣшало, говоритъ онъ, введено министерство духовныхъ дѣлъ. Все противное церкви вводилось и духовенство не смѣло ничего сказать. Для смѣшенія всѣхъ религій, министерству подчинены всѣ религіи, даже жидовская и магометанская. Чтобы смѣшать религію съ ложнымъ просвѣщеніемъ и просвѣщеніе съ ложною религіею, и чрезъ то исказить и религію и просвѣщеніе, и чего нельзя достигнуть чрезъ религію, того достигнуть чрезъ просвѣщеніе, министерство духовныхъ дѣлъ соединяется съ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ одномъ лицѣ“... Съ тою же вредною цѣлію учреждается и библейское общество „чтобы, подъ видомъ набожности, удобнѣе имѣть сообщеніе“; далѣе говорится о вредныхъ книгахъ, изданныхъ при Голицынѣ, о широкой разсылкѣ ихъ въ подвѣдомственные министру округа и учебныя заведенія, для чего министръ беретъ на себя и управление почтовою частію, о выборѣ единомышленниковъ въ попечители учебныхъ округовъ, о выискѣ изъ-за границы представителей протестантизма, напр., Госнера, Фесслера, „который хуже Пугачева“, о покровительствѣ мистицизму, разнымъ сектамъ и раскольникамъ. Въ вѣдѣніи министерства и типографіи и цензура. „Есть часть единомышленниковъ и въ нихъ, говоритъ Фотій:—Гречь—первый злодѣй съ сей стороны и Тимковскій“!! „Всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро расплываются, что въ ужасъ многихъ приводятъ. Дабы унизить слово Божіе, которое въ церквахъ съ благоговѣніемъ читается, предписано продавать его даже въ аптекахъ съ микстурами и стеклянками“¹⁾.

Такъ началась извѣстная всѣмъ кампанія противъ князя Голицына и тѣ же самыя обвиненія, которыя министерство его такъ щедро расточало наукѣ и высшему образованію въ Россіи, теперь обрушились на него. Мы знаемъ, какъ мало правды было въ этихъ взаимныхъ обвиненіяхъ, знаемъ, что источникъ ихъ прежде всего надобно искать въ личномъ настроеніи императора Александра, въ томъ страхѣ революціонныхъ замысловъ, который обуялъ все общество подъ вліяніемъ инсинуацій реакціонеровъ, и наконецъ въ малообразованности дѣйствовавшихъ лицъ. Но главная пружина всетаки заключалась въ ихъ личномъ честолюбіи и въ раболопномъ желаніи угодить власти. Можно полагать, что Фотій, этотъ религіозный, фанатическій дикарь, дѣйствовалъ искренно, согласно своимъ нелѣпымъ убѣжденіямъ; но

¹⁾ Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 272—273.

за нимъ стояли другіе, которые желали и умѣли воспользоваться его фанатическою ревностію. Шишковъ, фанатизмъ котораго и ревность не по разуму, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не уступали Фотіевымъ, разсказавъ дикую и возмутительную сцену съ Голицынымъ въ домѣ графини Ордовой, прибавляетъ, что Александръ вскорѣ позвалъ къ себѣ Фотія „и хотя сначала выговаривалъ ему съ гнѣвомъ за такой его поступокъ, находя оный не токмо неприличнымъ, но даже и несообразнымъ съ христіанскою кротостію, однакожъ, по долгомъ съ нимъ бесѣдованіи, отпустилъ его безъ гнѣва“ ¹⁾. Въ этой личной бесѣдѣ Александра съ Фотіемъ, если вѣрить послѣднему и его запискамъ, Александръ, убѣжденный его доводами, будто бы задалъ ему вопросъ: „какъ пособить, дабы остановить революцію?“ и Фотій написалъ по этому поводу письмо къ нему, гдѣ беретъ на себя роль вдохновеннаго пророка и, увѣряя, что послѣ долгой и усердной молитвы его посѣтило свыше откровеніе, предлагаетъ слѣдующій „способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо: 1) Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другія два отнять отъ извѣстной особы. 2) Библейское общество уничтожить подъ тѣмъ предлогомъ, что уже много напечатано библій, и онѣ теперь не нужны. 3) Синоду быть попрежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ—не бываетъ ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ. 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фесслера выгнать и методистовъ выгнать хотъ главныхъ. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло“ ²⁾.

Нападенія Фотія на князя Голицына, какъ на главнаго распристранителя у насъ мистической литературы, потому имѣли силу, что онъ опирался на мнѣніе всего консервативнаго духовенства, которому очень не нравилась мистика за ея протестантское происхожденіе. Лабзинъ, главный переводчикъ у насъ протестантскихъ мистиковъ, давно уже былъ прославленъ врагомъ церкви. Невозможность дѣйствовать противъ враждебныхъ литературныхъ явленій путемъ нечистой критики и недостатковъ для этого образованія приводилъ давно уже къ средству, часто употребляемому въ нашемъ обществѣ,—къ доносу о вредѣ того или другого направленія. Такой доносъ „Письмо къ Государю о богохульныхъ книгахъ“ былъ поданъ въ 1816 еще году какимъ-то Смирновымъ, переводчикомъ Московской Медико-Хирургической Академіи ³⁾. Этотъ доносчикъ, выставляя на видъ свою глубокую преданность православію, былъ безъ сомнѣнія

¹⁾ Записки, т. II, стр. 246—247.

²⁾ Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1868 г., I, стр. 271.

³⁾ Чтенія въ Имп. Моск. Общ. исторіи и древностей Россійскихъ 1858 г., IV, Смѣсь, стр. 139—142.

выразителемъ мнѣнія духовенства, и, вѣроятно, былъ искренно убѣжденъ въ справедливости и необходимости своего доноса. „Появленіе богоотступныхъ и возмутительныхъ книгъ, говоритъ онъ, пронзаетъ горестію сердца благомыслящихъ подданныхъ“. Онъ убѣжденъ, что эти книги истребляютъ въ сердцахъ вѣру въ Бога, съ которою исчезнетъ и вѣрность къ гражданскимъ уставамъ, и умоляетъ Александра принять мѣры для пресѣченія зла. Книги, которыя казались столь вредными доносчику, были большею частію сочиненія Ю. Штиллинга и Эккартсгаузена. Больше всего досталось книгѣ перваго „Побѣдная повѣсть“ (изданной въ 1815 году) — мистически-популярному объясненію Апокалипсиса. Въ ней Смирновъ видитъ „оскорбительныя хуленія христіанства, наипаче греческаго исповѣданія“. Другая, столь же жестоко преслѣдуемая имъ, книга было извѣстное сочиненіе Шатобріана „Мученики“, которое служило во Франціи къ реставраціи христіанства послѣ революціонныхъ бурь и было поэтическою апофеозою первыхъ вѣковъ христіанства. Доносчикъ не понималъ значенія этой книги и оказалъ усердіе не по разуму. „Побѣдная повѣсть“ Ю. Штиллинга впослѣдствіи сильно преслѣдовалась и изъ нея брали главныя обвиненія противъ мистической литературы, такъ что это сочиненіе сдѣлалось чрезвычайно рѣдкостію. Оно послужило и главною причиною борьбы между Филаретомъ, впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ, и Иннокентіемъ, потомъ епископомъ Пензенскимъ († 1819 г.), извѣстнымъ богословомъ и историкомъ церкви, любимымъ учителемъ Фотія. Иннокентій называлъ „Побѣдную Повѣсть“—книгою, противною православію; Филаретъ защищалъ ее. Разойдись съ Филаретомъ, Иннокентій долженъ былъ разойтись и съ княземъ Голицынымъ. Борьба эта происходила втайнѣ; никто не зналъ ея, и въ то время, какъ опроверженіе сочиненія Ю. Штиллинга, написанное тѣмъ же Смирновымъ, подъ апокалиптическимъ названіемъ „Вопль жены, облеченной въ солнце“—не пропускала духовная цензура,—Лаврину дозволялось („Жизнь Генриха Штиллинга“, 1816 г. предисл.) защищать своего любимаго мистическаго писателя и опровергать взводимыя на него обвиненія¹⁾. Все это происходило отъ того, что мистики были еще въ силѣ, что имъ покровительствовала власть, а потому они считали себя въ правѣ тѣснить противоположныя убѣжденія. Зато и они сами, потерявъ значеніе, не могли уже защищаться, когда на нихъ посыпались однородныя обвиненія. Довось Смирнова, поданный императору, не имѣлъ дѣйствія, но какъ доносъ политическаго содержанія, онъ заключалъ въ себѣ обычныя у насъ обвиненія противниковъ въ невѣріи, въ стремленіи подорвать

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г. XI, стр. 243—247.

значеніе алтаря и престола, — обвиненія, на которыя было очень щедро и министерство князя Голицына. Такимъ образомъ, оно само приготовило противъ себя оружіе.

Духовная исторія этого времени представляется намъ по большей части исторіей разныхъ книгъ, то запрещаемыхъ, то дозволяемыхъ, смотря по тому, какого направленія придерживалась тогда власть. Въ печати, имѣя въ рукахъ своихъ цензуру, она не могла допустить появленія мнѣнія, которое было бы противоположно ея собственному. Весьма характеристична исторія книги вѣковаго Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, напечатанной въ 1818 году и надѣлавшей въ то время очень много шума. Сочиненіе это не заключало въ себѣ ни богословскихъ, ни литературныхъ достоинствъ; но оно было написано съ точки зрѣнія Смирнова и обличало господствовавшую тогда мистическую литературу и брало на себя защиту греко-россійской церкви отъ нападеній мистиковъ. Цензоромъ этой книги былъ Иннокентій, тогда ректоръ С.-Петербургской духовной академіи, о которомъ мы только-что говорили, человѣкъ, смотрѣвшій неблагопріятными глазами на мистиковъ. Изъ современныхъ рассказовъ, напр., Филарета ¹⁾, трудно уяснить, поступалъ ли Иннокентій сознательно, пропуская въ печать эту книгу, въ которой онъ находилъ подтвержденіе и своихъ собственныхъ мыслей. Намъ кажется, что именно это было такъ. Въ тотъ самый день, какъ книга Станевича была выпущена изъ типографіи, кто-то уже представилъ экземпляръ ея Голицыну, съ указаніемъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ заключались нападенія на господствовавшую мистику. Голицынъ пришелъ въ большое негодованіе, которое, какъ кажется, усилилъ еще Филаретъ своимъ объясненіемъ. Онъ самъ писалъ объ этой книгѣ между прочимъ слѣдующее: „Защищеніе наружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе, непонятное въ христіанствѣ! Ибо наружная безъ внутренней церкви есть тѣло безъ духа. Вообще понятіе о церкви представлено въ превратномъ видѣ: ибо, гдѣ говорится о церкви, вездѣ видно, что одно духовенство принимается за опую“ ²⁾. Ясно отсюда, что книга эта была написана съ точки зрѣнія нашего консервативнаго духовенства и что она нападала на понятія, распространяемыя мистиками, несогласныя съ рутинными убѣжденіями официальныхъ представителей нашей церкви. Князь Голицынъ сдѣлалъ по поводу ея особое предложеніе Коммиссіи духовныхъ училищъ ³⁾. Кромѣ

¹⁾ Записки Сушкова, стр. 110.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г. XI, стр. 249.

³⁾ Чтенія въ Моск. Об-вѣ исторіи и древностей російскихъ 1861, I, Смѣсь, стр. 201—202.

того онъ доложилъ о ней особенно государю, какъ о дѣлѣ весьма важномъ и о книгѣ, крайне вредной; Александръ, по словамъ его, остался очень недоволенъ, книга была запрещена и истреблена, а цензору сдѣланъ былъ по Высочайшему повелѣнію строжайшій выговоръ. Такимъ образомъ, мистика не располагала къ терпимости убѣжденій; власть благопріятствовала только своимъ, и потому, когда Голицынъ палъ, а съ нимъ потеряла значеніе мистическая литература, книга Станевича была напечатана вновь и не только съ одобренія власти, а даже по Высочайшему повелѣнію и на казенный счетъ, именно потому, что въ ней заключалось нападеніе на мистику. Разсмотрѣвъ эту книгу, по Высочайшему повелѣнію, преемникъ Голицына, Шипковъ, писалъ теперь государю, что „прежнее донесеніе о ней было несправедливо; что напротивъ того, онъ, (авторъ), защищая перецовъ и вѣру, опровергаетъ тѣ ложныя понятія, которыя во вреду благочестія и правительства во многихъ книгахъ разсѣяны“ ¹⁾. Эта исторія съ пустою книгой весьма многозначительна; она доказываетъ, на какихъ шаткихъ основахъ лежало все духовное просвѣщеніе страны нашей.

Почва, на которой теперь, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ преслѣдованій, дѣйствовалъ юрьевскій архимандритъ, была такимъ образомъ уже приготовлена; за нимъ стояли представители нашей церкви и компактная масса духовенства. Самое время уже измѣнилось и измѣнило императора Александра и его убѣжденія. Если разбирать психологически внутреннюю исторію души его, то переходъ отъ мистическихъ мечтаній, которыя наполняли его подъ вліяніемъ времени и событій, къ простой вѣрѣ въ догматы, неразсуждающей и искренней, былъ еще естественнѣе, чѣмъ переходъ отъ либеральныхъ фантазій молодости къ мистикѣ зрѣлаго возраста. Этимъ объясняется и вліяніе на него такой личности, какъ Фотій, который былъ искреннимъ фанатикомъ, импонировавшимъ своимъ аскетизмомъ. У Фотія кромѣ того была сильная поддержка въ Аракчеевѣ, завидовавшемъ князю Голицыну и желавшемъ его свергнуть. Съ каждымъ годомъ Александръ болѣе и болѣе подчинялся вліянію этой темной личности, щеголавшей передъ нимъ своею преданностью и ставившей эту преданность выше всего на свѣтѣ. Аракчеевъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ Фотіи и воспользовался для своей цѣли его фанатизмомъ. Мы не имѣемъ фактовъ, которые свидѣтельствовали бы о взаимномъ соглашеніи, можетъ быть предварительномъ, между Аракчеевымъ и Фотіемъ, но оно очень вѣроятно. Другимъ и очень довшимъ

¹⁾ Записки, т. II, стр. 209.

союзникомъ Фотія является человекъ, близкій къ Голицыну, въ преданность котораго онъ вѣрилъ до тѣхъ поръ,—Магницкій. Имя Магницкаго объясняется его честолюбіемъ, желаніемъ власти, желаніемъ попасть на мѣсто Голицына, сдѣлаться самому министромъ народнаго просвѣщенія. Мѣнять убѣжденія, если это выгодно, мѣнять ихъ во время, было въ натурѣ этого человека. Съ чутьемъ, ему свойственнымъ, онъ понялъ близость паденія Голицына, понялъ силу Аракчеева, рассчитывалъ, что всего добьется отъ него, и съ смѣлою ловкостью честолюбца рѣшился разомъ и открыто выступить противъ Голицына. Было это въ засѣданіи библейскаго общества, въ которомъ представили персидскій переводъ св писанія, уже напечатанный и готовый для отправленія. Магницкій поднялся съ своего мѣста и вдругъ сталъ доказывать бесполезность и неблагонадежность такого распространенія слова Божія и объявилъ наконецъ, что онъ не желаетъ болѣе участвовать въ засѣданіяхъ общества. Это произвело всеобщее волненіе, но такая выходка Магницкаго объясняется тѣмъ, что онъ предварительно совѣщался съ Фотіемъ объ образѣ дѣйствій. Рассказываютъ, будто Фотій увлекъ Магницкаго,—едва ли это такъ. Вѣроятно, самъ Магницкій понималъ хорошо, какія послѣдствія будутъ имѣть дѣйствія Фотія. Передаютъ, что союзъ между ними былъ заключенъ при особенно торжественной обстановкѣ, что Фотій, къ которому пріѣхалъ Магницкій по приглашенію, встрѣтилъ его въ дверяхъ съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ и проводилъ его до приготовленныхъ почетныхъ креселъ. Послѣ этой сцены послѣдовало и отреченіе Магницкаго отъ библейскаго дѣла, а когда пало потомъ министерство князя Голицына, онъ, въ званіи попечителя Казанскаго учебнаго округа, приказалъ вынести изъ залы портретъ бывшаго министра, прежняго своего благодѣтеля. Союзникомъ же Фотія и четвертымъ лицомъ въ интригѣ, устроенной Аракчеевымъ противъ Голицына, былъ петербургскій митрополитъ Серафимъ, переведенный въ 1821 году изъ Москвы на мѣсто митрополита Михаила, который, говорятъ, умеръ отъ огорченій вслѣдствіе вражды съ Голицынскимъ. Онъ не задолго до смерти своей писалъ къ Александру письмо, въ которомъ говорилъ объ опасностяхъ, угрожающихъ православной церкви, и письмо это имѣло, говорятъ, вліяніе. Серафимъ былъ избранъ въ митрополиты по совѣту Аракчеева, какъ человекъ враждебно расположенный къ Голицыну, паденіе котораго ускорилося этимъ назначеніемъ. Съ самаго начала являясь въ засѣданія библейскаго общества мрачнымъ и недовольнымъ, онъ, видимо, старался выказать свое неодобреніе этому дѣлу и въ то время, когда секретарь общества краснорѣчиво говорилъ о широкомъ распространеніи его дѣйствій, Серафимъ всталъ и вышелъ изъ залы. Съ этого времени было очевидно для всѣхъ, что борьба между

нимъ и княземъ Голицынымъ становилась неизбежною, рѣшительною ¹⁾).

Опять исторія одной, неважной, по нашему мнѣнію, книги была причиною паденія Голицына и перемѣны въ духовномъ направленіи цѣлой страны. Книга эта—сочиненіе католическаго патера Іоанна Госнера, изданное сначала (1823—1824 г.) въ Петербургѣ по-нѣмецки, а потомъ и въ русскомъ переводѣ „Духъ жизни и ученія Іисуса Христа“, заключающее въ себѣ толкованіе на Новый Завѣтъ. Госнеръ какъ и предшественникъ его Линдль, появились въ Петербургѣ въ самое цвѣтущее время мистическихъ увлеченій князя Голицына и подъ его покровительствомъ. Оба они были католическими священниками, но мистицизмъ времени тронулъ ихъ убѣжденія и, представляя изъ себя нѣчто похожее на увлеченныхъ проповѣдниковъ среднихъ вѣковъ, восторженные и грубо-дикіе, они развивали въ рѣчахъ своихъ какой-то мистическій протестантизмъ, въ которомъ замѣтно было вліяніе Ю. Штиллинга. Имъ позволили проповѣдывать въ двухъ католическихъ церквахъ Петербурга и, несмотря на такой, вполне чуждый нашей церкви характеръ ихъ проповѣди, они находили многихъ увлеченныхъ слушателей, особенно между главными дѣятелями библейскаго общества. Магницкій и Руничъ, конечно, изъ угожденія Голицыну, стояли на первыхъ мѣстахъ ²⁾. Если эти лица слушали патеровъ изъ видовъ личныхъ, то было однако много лицъ и дѣйствительно увлеченныхъ ими, что объяснялось религіозно-мистическимъ настроеніемъ времени и недостаткомъ проповѣди въ православной церкви.

Нѣкоторые изъ увлеченныхъ поклонниковъ Госнера рѣшили перевести его книгу на русскій языкъ. Въ переводѣ участвовало нѣсколько лицъ; въ томъ числѣ лицо близкое къ Голицыну—директоръ департамента народнаго просвѣщенія—набожный и увлекающійся В. М. Поповъ (впослѣдствіи умершій въ Зилантовомъ монастырѣ, куда онъ былъ сосланъ за участіе въ радѣніяхъ Татариновой) и отставной Казанскій профессоръ Яковкинъ. Этою книгою, въ которой подозрѣвали анти-православныя мнѣнія, рѣшились воспользоваться для того, чтобы нанести окончательный ударъ князю Голицыну, и главнымъ дѣятелемъ явился Магницкій, открыто вставшій тогда, т.-е. въ началѣ 1824 года, на сторону враговъ своего министра. Гречъ, въ типографіи котораго печаталась эта книга, подробно разсказалъ въ своихъ запискахъ ловкую, но неблаговидную исторію, какимъ образомъ экземпляръ ея, еще не конченный печатаніемъ, былъ добытъ изъ типографіи. Другой раз-

¹⁾ Русск. Арх. 1868 г. стр. 1389—1390.

²⁾ Гречъ „О пасторѣ Госнерѣ“—Русск. Арх. 1868 г., стр. 1403 и сл.

сказъ о томъ же можно найти въ „Воспоминачіяхъ“ В. Панаева ¹⁾. Въ дѣло употреблены были подкупы, обманъ, шпионство, и одинъ экземпляръ книги Госнера попалъ къ оберъ-полицеймейстеру, а отъ него къ Магницкому, который и поспѣшилъ съ нимъ, въ качествѣ защитника православія, съ указаніемъ въ книгѣ богохульства и безбожія, къ Аракчееву. Рѣшено было, чтобъ спасти православіе и нанести окончательный ударъ Голицыну, заставить дѣйствовать митрополита Серафима. Тотъ, повидимому, колебался сначала и трусилъ, но сильныя убѣжденія заставили его рѣшиться. Почти насильно посадили его въ карету и заставили ѣхать во дворецъ къ императору жаловаться на князя Голицына, какъ на врага церкви и отечества; рассказываютъ, что Магницкій ѣхалъ сзади, наблюдая, чтобъ митрополитъ не вздумалъ перемѣнить своего намѣренія ²⁾, и потомъ дождался его у дворцоваго подъѣзда, чтобъ прежде другихъ узнать результаты его свиданія съ Александромъ. Митрополитъ, говорятъ, поѣхалъ во дворецъ въ необычное время, чтобъ придать еще болѣе значенія своему посѣщенію. Онъ упалъ въ ноги государя и требовалъ удаленія Голицына, какъ врага церкви. Александръ обѣщалъ приказать разслѣдовать дѣло ³⁾. Въ доказательство вредныхъ и предумышленныхъ ко вреду православной церкви дѣйствій Голицына, митрополитъ представилъ государю книгу Госнера „О Евангеліи Маттея“ и указалъ на мѣста, которыя по мнѣнію его были возмутительны. Книга Госнера, такъ сильно возмущившая все наше консервативное духовенство, дѣйствительно составляла крайнюю и рѣзкую противоположность съ общераспространенными въ обществѣ и въ народѣ нашемъ понятіями о церкви, о содержаніи христіанства, о духовенствѣ, но она была вполне согласна съ убѣжденіями нашихъ мистиковъ, постоянно хлопотавшихъ о живой, дѣятельной вѣрѣ, о сердечномъ пониманіи христіанства. „Записка о крамолахъ враговъ Россіи,“ сочиненіе, которое не могло появиться въ свѣтъ при существованіи цензуры князя Голицына, содержаніе котораго заключается въ подробномъ разборѣ дѣйствій библейскаго общества и въ критикѣ книгъ, изданныхъ нашими мистиками въ это время ⁴⁾, дѣлаетъ самыя рѣзкія нападенія на книгу Госнера. Если вѣрить „Запискѣ“, то вся проповѣдь этого увлеченнаго католическаго патера, есть ничто иное, какъ „хула на вѣру христіанскую, поношеніе учителей церкви, поношеніе христіанъ за усердное исполненіе постановле-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1867 г., т. IV, стр. 83—84.

²⁾ Русск. Арх. 1868 г., стр. 1390.

³⁾ Панаевъ, Воспом. Вѣстн. Евр. 1867 г. т. IV, стр. 84; Русск. Арх. 1868 г., стр. 1387.

⁴⁾ Русск. Арх. 1868 г., стр. 1329—1391.

ній св. церкви и слѣдованіе православному ученію, увлеченіе ихъ въ единомысліи съ собою, униженіе христіанскаго богослуженія, униженіе власти и особенно царской, превратное толкованіе св. писанія и даже кощунство надъ его изреченіями" ¹⁾). Но въ дѣйствительности книга Госнера, насколько можно судить по выпискамъ изъ нея, сдѣланнымъ въ „Запискѣ“, выпискамъ, нарочно приведеннымъ для того, чтобъ доказать ужасное ея содержаніе, для человѣка не предубѣжденнаго была обычнымъ произведеніемъ протестантской мистики, написана увлекательно, съ живою, пламенною, сердечною вѣрою, языкомъ, который долженъ былъ быть совершенно понятнымъ и вразумительнымъ для каждаго читателя и возбуждалъ его чувство. Это было популярное христіанство, давно существующее въ протестантской общинѣ, христіанство, въ которомъ былъ своего рода республиканскій оттѣнокъ, почему Госнеръ и говорилъ неуважительно о царяхъ, вельможахъ, представителяхъ духовной власти и іерархахъ. Обвиненія, сыпавшіяся на него, происходили отъ непривычки такъ говорить о христіанствѣ, какъ онъ говорилъ, отъ непривычки сердечнаго пониманія вѣры, заключающейся не въ однихъ обрядахъ. Отсюда естественно то обвиненіе, что Госнеръ былъ орудіемъ тайныхъ обществъ, „умыслившихъ истребить на землѣ религію и правительство, уничтожить іерархію и монархію и ниспровергнуть престолы храмовъ и троны дворцовъ“ ²⁾).

ЛЕКЦІЯ XXXI.

Исторія книги Госнера.—Паденіе Голицына.—Министерство Шишкова.—Закрытіе библейскаго общества.

Фанатическіе возгласы Фотія и его личныя бесѣды съ императоромъ Александромъ, выступленіе на сцену митрополита Серафима, закулисныя интриги Магницкаго и наконецъ тайное, но тѣмъ не менѣе сильное вліяніе Аракчеева, все это вмѣстѣ должно было подѣйствовать на Александра и пошатнуть его довѣріе къ князю Голицыну. Послѣдовало Высочайшее повелѣніе о разсмотрѣніи книги Госнера въ особомъ комитетѣ, состоявшемъ изъ адмирала и президента Россійской Академіи А. С. Шишкова и министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго. Послѣдній вполне положился на литературную опытность своего товарища и только подписалъ составленное имъ мнѣніе о книгѣ Госнера или разборъ ея. Разборъ этотъ своимъ со-

¹⁾ Ibidem, стр. 1369.

²⁾ Ibidem, стр. 1377.

держаніємъ вполне подтверждалъ мнѣніе объ этой книгѣ Серафима, Фотія, Магницкаго и автора „Записки о кримолахъ враговъ Россіи“, въ которой все министерство Голицына, дѣйствія библейскаго общества и покровительствуемая имъ мистическая литература были представлены крайне вредными, революціонными замыслами. Авторъ этой „Записки“ по справедливому предположенію Морозкина, былъ большой почитатель Шишкова, его довѣренное лицо въ министерствѣ, впоследствии самъ министръ народнаго просвѣщенія, князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ, а потому и такая солидарность между „Запискою“ и разборомъ Шишкова. „Входя чрезъ соображеніе одного мѣста съ другимъ, въ точный смыслъ и духъ сей книги, говоритъ филологъ-адмиралъ о сочиненіи Госнера въ своей докладной запискѣ государю, невозможно не признать цѣли ея, явно и очевидно состоящей въ томъ, чтобы, подъ видомъ толкованія евангельскихъ текстовъ, проповѣдывать низверженіе всякой христіанской вѣры, отвращеніе отъ священныхъ писаній, и позывъ на возстаніе противу всѣхъ первосвященниковъ, всѣхъ вельможъ и царей. Намѣреніе сей книги согласуется со многими другими, изданными уже въ свѣтъ, и со всѣми прочими предпріятыми по сему различными способами и дѣйствіями“ ¹⁾). Шишковъ, подобно врагамъ князя Голицына, обвинялъ все его министерство такимъ образомъ въ революціонномъ направленіи, но онъ не былъ врагомъ его, не участвовалъ въ интригѣ, его свергнувшей, и желалъ только показать свое слѣпое усердіе къ новому направленію власти. Онъ убѣжденъ въ „явномъ намѣреніи“ со стороны Госнера—проповѣдывать революцію и въ томъ что, „здѣсь идетъ дѣло о первѣйшемъ преступленіи, т.-е. о заговорѣ и возстаніи противъ алтаря и престола, о возстаніи, весьма ожесточенномъ и твердомъ“ ²⁾). Такъ точно Шишковъ смотрѣлъ и на всю мистическую литературу, видя даже въ ней связь съ возмущеніемъ 14 декабря, которое онъ приписываетъ ея дѣйствию. „Два бывшія возмущенія (въ Петербургѣ и на югѣ Россіи), говоритъ онъ уже гораздо позднѣе, въ новое царствованіе, и открытіе столькихъ, больше или меньше участвовавшихъ въ томъ молодыхъ людей и писателей, не явно ли показываютъ, до какой степени распространеніемъ подобныхъ сочиненій потрясена была вѣра? ибо всѣ лжеумствованія о такъ называемой *внутренней церкви* (т.-е. никакой), о народной свободѣ и равенствѣ состояній, о конституціяхъ, объ истребленіи царей, о пролитіи рѣками крови человѣческой, яко бы для будущаго ихъ блага, всѣ сіи адскія мысли суть плоды самолюбія и гордости, поражаемыя без-

¹⁾ Записки, т. III, стр. 169.

²⁾ Ibidem, стр. 173.

вѣріемъ и отступленіемъ отъ Бога“ ¹⁾. Разборъ книги Госнера, сдѣланный Шишковымъ и представленный имъ въ комитетъ министровъ, гдѣ разсматривалось это дѣло ²⁾, доказываетъ то же самое. „Въ толкованіи евангельскихъ текстовъ, вездѣ, подѣ видомъ наставленія въ вѣрѣ, внушаются противныя ей правила, основанныя на ложныхъ умствованіяхъ, смѣшанныхъ однако же съ истинными и скрытыхъ подѣ оными, дабы сею хитростью омрачить умъ читателя или слушателя и понемногу отводить его отъ вѣры своей, отъ должностей мирнаго гражданина и отъ всѣхъ обязанностей къ небесному и земному царю“ ³⁾. По наставленіямъ, подобнымъ тѣмъ, которыя проповѣдуетъ Госнеръ, говоритъ Шишковъ, „Равальякъ убилъ Генриха IV и тожъ самое въ недавнія времена Зандъ сдѣлалъ съ Коцебу“ ⁴⁾. Проповѣдникъ учить, по его словамъ, чтобъ мы оставили храмы Божіи, почитая ихъ вертепами разбойниковъ. Онъ старается разоблачить въ Госнерѣ особую хитрость, особое желаніе говорить двусмысленности и выражаться темно для того, чтобъ „вдавшемся въ революціонныя мысли толкованія его были ясны, а христіанину, твердому еще въ вѣрѣ своей, казались христіанскими и только понемногу смущали его и отвлекали отъ оной“ ⁵⁾. Шишковъ увѣренъ, что Госнеръ, подѣ именемъ Младенца-Христа разумѣетъ революцію, т.-е. разрушеніе православныхъ церквей и престоловъ“ ⁶⁾, что онъ говоритъ о другой, тайной вѣрѣ, ему только съ обращенными въ нее извѣстной, но въ которой всякое начальство и богослуженіе опровергается, что всякая книга есть „только злоязычная хула и поруганіе всему тому, что мы почитать привыкли“ ⁷⁾. Шишковъ полагаетъ, что книга Госнера не одинокое явленіе, и потому считаетъ своею обязанностію, „по долгу вѣрноподданнаго къ государю и по любви къ отечеству, обратить вниманіе правительства и на другія подобныя и столь же вредныя книги, въ разныя времена изданныя, и къ одной и той же цѣли стремящіяся, т.-е. къ возмущенію народа противъ православія и престоловъ, подѣ видомъ таинственныхъ ученій и темныхъ толкованій библіи“ ⁸⁾.

Религіозно-восторженной и мистической стороны въ книгѣ Госнера, за которую ее перевели у насъ мистики,—Шишковъ, разумѣется, не

¹⁾ Ibidem, стр. 279.

²⁾ Ibidem, стр. 188—205.

³⁾ Ibidem, стр. 189.

⁴⁾ Ibidem, стр. 192.

⁵⁾ Ibidem, стр. 196.

⁶⁾ Ibidem, стр. 200.

⁷⁾ Ibidem, стр. 201.

⁸⁾ Ibidem, стр. 203.

видалъ; онъ искалъ въ ней того, чего боялась испуганная власть того времени—бунтовъ и революцій, и потому намъ становится яснымъ, почему изданіе невинной мистической книги надѣлало такого шума и сочтено было за самое тяжкое государственное преступленіе. Дѣло о Госнерѣ, его переводчикахъ, цензорахъ и содержателяхъ типографіи, гдѣ книга печаталась, производилась, по принадлежности, въ разныхъ инстанціяхъ: въ комитетѣ министровъ, сенатѣ, въ уголовной палатѣ и надворномъ судѣ. Процессъ этотъ тянулся довольно долго. Прежде всего и единогласно рѣшено было дѣло въ комитетѣ министровъ, гдѣ читался разборъ книги, написанный Шишковымъ и подписанный Ланскимъ. Комитетъ въ угоду измѣнившемуся настроенію духа императора, одобрилъ вполне разборъ, и по распоряженію верховной власти Госнеръ былъ высланъ за границу, какъ крайне вредный человѣкъ, а книга его сожжена ¹⁾. Госнеръ уѣхалъ сначала въ Берлинъ, а потомъ въ Лейпцигъ, отсюда онъ переписывался со своею „осиротѣлою паствою“ въ Петербургѣ и присылалъ ей небольшія назидательныя книжки „Goldkörner“, содержаніе которыхъ было вполне невинно, хотя Шишковъ возводилъ значеніе ихъ до измѣны отечеству ²⁾. Разногласіе по этому дѣлу оказалось въ сенатѣ, гдѣ разсматривалась вина переводчиковъ и въ особенности Попова, человѣка близкаго къ князю Голицыну. Шишковъ сильно настаивалъ на его виновности, доказывая солидарность его мнѣній съ авторомъ, но въ защиту Попова поднялся въ сенатѣ смѣлый и благородный голосъ И. М. Муравьева-Апостола и, не смотря на то, что, по словамъ Шишкова, въ его мнѣніи попирались ногами не только законы, но и здравый смыслъ, оно восторжествовало и въ сенатѣ и потомъ въ государственномъ совѣтѣ ³⁾. Въ обществѣ заговорили о крайнемъ фанатизмѣ Шишкова и о страсти его къ преслѣдованіямъ. Повидимому, и Александръ понялъ этотъ фанатизмъ, но не высказывался, не дѣйствовалъ... Шишкова сильно возмущало то, что Муравьевъ, въ своемъ мнѣніи, назвалъ его дѣйствія инквизиціей и онъ старается оправдать ее и опредѣлить ея настоящее значеніе. Онъ твердитъ одно и то же: что въ оправданіи Попова „оправдывается самое злѣйшее покушеніе на церковь, престолъ и отечество“ ⁴⁾. До какой нелѣпости доходилъ фанатизмъ Шишкова, могутъ служить доказательствомъ слова его, сказанныя имъ въ отвѣтъ на оправданія Попова. Послѣдній, оправдывая себя въ участіи въ переводѣ книги Госнера, ссылаясь на господствовавшій тогда (т.-е.

¹⁾ Ibidem, стр. 250.

²⁾ Ibidem, стр. 186—187.

³⁾ Чтенія въ Моск. Об-вѣ исторіи и древностей россійскихъ, 1859 г., V Смѣсь, стр. 37—42.

⁴⁾ Записки, т. II, стр. 243.

назадъ тому мѣсяцъ или два) духъ въ нашей литературѣ, когда мистическія сочиненія вызывались и получали покровительство власти — слѣдовательно, Поповъ дѣлалъ угодное правительству. „При сихъ словахъ я долженъ остановиться и сказать, говорить Шишковъ, что выраженіе *господствующій духъ въ нашей литературѣ* не должно-ствовало бы употребляться въ государственныхъ бумагахъ; ибо когда въ нихъ признаваться будетъ *господство духа*, тогда власть и законы потеряютъ свое господство; ибо два господина вмѣстѣ быть не могутъ“ ¹⁾). Поповъ, однако, былъ оправданъ; въ послѣдствіи князь Голицынъ, оставшійся главноуправляющимъ почтовою частію, взялъ его къ себѣ на службу, да и другіе обвиненные не пострадали; они были освобождены изъ-подъ суда, правда, довольно поздно, въ 1828 году, но освобождены вполне.

Самое главное слѣдствіе всего этого шума, поднятаго изъ-за мистической книги, всѣхъ этихъ интригъ и грязныхъ подходовъ, было то, что Голицынъ 15 мая 1824 года пересталъ быть министромъ народнаго просвѣщенія; назначенъ былъ и другой оберъ-прокуроръ синода; предсѣдателемъ библейскаго общества сталъ митрополитъ Серафимъ, а министромъ народнаго просвѣщенія не Магницкій, вѣроятно, на то разсчитывавшій, а тотъ же Шишковъ. Въ лагерь враговъ князя Голицына было полное торжество. „Порадуйся, старче преподобный! — писалъ Фотій къ пріятелю своему, Симоновскому архимандриту Герасиму. — Нечестіе пресѣклось, армія богохульная дьявола паде, ересей и расколовъ языкъ онѣмѣлъ, общества всѣ богопротивныя, яко же адъ, сокрушились. Министръ нашъ одинъ Господь Иисусъ Христосъ во славу Бога Отца, аминь!“ Это было писано тотчасъ по паденіи Голицына. „Молися объ А. А. Аракчеевѣ, — заключаетъ письмо свое Фотій, — онъ явился рабъ божій за святую церковь и вѣру, яко Георгій Побѣдоносецъ. Спаси его Господи“ ²⁾). Серафимъ митрополитъ, съ своей стороны, хлопоталъ у Аракчеева о награжденіи Юрьевскаго архимандрита панатіей за его труды и подвиги въ пользу православной церкви, „воимой злоухищренными кознями врага Божія и возмущаемой косвенными нападеніями исчадія ада“ ³⁾). Представленіе Серафима, разумѣется, было уважено, и Фотій тотчасъ же получилъ просимую ему награду. Фотій сдѣлался близкимъ лицомъ къ Аракчееву; до окончательнаго отъѣзда своего въ Таганрогъ, императоръ Александръ нѣсколько разъ видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ, подчиняясь его мрачному вліянію; по дорогѣ онъ

¹⁾ Ibidem, стр. 263.

²⁾ Русск. Арх. 1868 г., стр. 946—947.

³⁾ Ibidem, стр. 948.

останавливался даже у него, въ Юрьевскомъ монастырѣ. Идеи преслѣдованія, имъ проповѣданныя, теперь вполне торжествовали; правительство какъ-будто приняло ихъ въ руководство своихъ дѣйствій и мѣръ. Раздѣлялъ ли Александръ вполне мысли Фотія и Серафима и нелѣпые страхи и опасенія Шишкова—отвѣчать трудно. Онъ молчалъ и не высказывался; онъ холодно встрѣчалъ пылкаго не по лѣтамъ Шишкова; онъ равнодушно прочитывалъ записки его, въ которыхъ тотъ пугалъ его всѣми ужасами революціи, не перемѣнялъ своего личнаго дружескаго отношенія къ князю Голицыну и между тѣмъ допускалъ свободно, съ холоднымъ безмолвіемъ, самыя нелѣпыя мѣры преслѣдованія, какъ бы одобряя ихъ... Сколько презрѣнія къ своей странѣ нужно было для такого образа дѣйствій со стороны Александра...

Что же выиграла эта бѣдная страна отъ того, что пало министерство князя Голицына, и вся ея умственная жизнь, наука, литература, цензура, находились теперь въ рукахъ новаго министра, хорошо намъ извѣстнаго своею ненавистью ко всему французскому, славянофила и адмирала Шишкова? Мистическій гнетъ надъ литературою былъ слишкомъ тяжелъ; мы уже говорили о дикости цензурныхъ преслѣдованій при Голицынѣ. Понятно, что представители либерализма того времени, Пушкинъ, напр., преслѣдовавшій ѣдкими непечатными эпиграммами Голицына и всѣхъ его приверженцевъ, были въ восторгѣ отъ этой перемѣны министерства. Они возлагали съ своей стороны на Шишкова несбыточные надежды. Пушкинъ, посланный при Голицынѣ за свои либеральные стихи, такъ привѣтствуетъ Шишкова въ своемъ „Второмъ посланіи къ Аристарху“:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года;
Одинъ среди вельможъ, онъ русскихъ музъ любилъ;
Ихъ незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ;
Отъ хлада нашихъ лѣтъ сберегъ онъ лавръ единый
Осиротѣлаго вѣнца Екатерины;
Онъ съ нами сѣтовалъ, когда святой отецъ (Голицынъ)
Омара да Али принялъ за образецъ,
Въ угодность Господу, себѣ во утѣшенье,
Усердно заглушать старался просвѣщенье;
Благочестивая, смиренная душа
Карала чистыхъ музъ, снисая Бантыша,
И помогать ему Магницкій благородный,
Музъ чистый въ правилахъ, душою превосходный...
И даже бѣдный мой, Кавелинъ дурачекъ,
Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ...
И вотъ, за всѣ грѣхи, въ чьи тягостныя руки
Вы были ввергнуты, печальныя науки!

Цензура, вотъ кому подвластна ты была!
Но полно: мрачная година протекла,
И нынѣ ужъ горить свѣтильникъ просвѣщеня“...

Не протекла, однако, мрачная година для нашей страны и ея просвѣщенія; старецъ, на котораго, выѣстѣ съ либералами того времени, возлагалъ свои надежды Пушкинъ, обманулъ ихъ, да и вообще ошибочно было ожидать отъ него чего-либо другаго, кромѣ преслѣдованій, тѣмъ болѣе, что онъ въ первый разъ въ своей жизни получилъ власть надъ наукою и литературою, на которыя онъ давно смотрѣлъ со своей, всѣмъ извѣстной точки зрѣнія, и потому „мрачная година“ не прошла, а сдѣлалась еще мрачнѣе. Шишкову, когда онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, шелъ уже 71 годъ; это былъ слабый старикъ, но попрежнему назойливый въ проведеніи своихъ мнѣній и убѣжденій, достигшихъ крайней степени своего развитія; онъ и другіе реакціонеры называли это *борьбою съ духомъ времени*.

Едва только онъ сдѣлался министромъ, какъ подалъ Государю записку, въ которой просилъ, чтобъ ему поручено было „сдѣлать планъ, какіе употребить способы къ тихому и скромному потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени *карбонарства*, но есть точно оное, и уже крѣпко разными средствами усилилось и распространилось, такъ что, если въ нынѣшнее время не обратить на него бдительнаго вниманія, не взять противъ него должныхъ мѣръ, и попустить ему еще нѣсколько возрасть, то уже силы его ничто не остановитъ“. Для этой цѣли необходимо, по мнѣнію Шишкова, усилить цензуру, которая, по словамъ его, до этого времени, почти не существовала ¹⁾. Слабость цензуры онъ доказываетъ распространеніемъ множества вредныхъ книгъ въ предшествовавшее министерство, на которое теперь посыпались со всѣхъ сторонъ обвиненія. Изъ первыхъ дѣйствій его, по отношенію къ книгѣ Госнера, было уже видно, какого направленія будетъ держаться новый министръ; духъ инквизиціи и преслѣдованія остался тотъ же, измѣнились только цѣль и предметы преслѣдованія. Всѣ дѣйствія, всѣ слова и записки новаго министра были направлены къ тому, чтобъ доказать весь вредъ для государства предшествовавшихъ дѣйствій министерства при Голицынѣ. Въ концѣ своего разбора книги Госнера онъ доказываетъ необходимость усилить дѣйствія цензуры, требуетъ учрежденія высшаго цензурнаго комитета, который завѣдывалъ бы всѣми книгами, какъ печатаемыми въ Россіи, такъ и привозимыми изъ-за границы. Этотъ комитетъ долженъ былъ обратить свое вниманіе и на „образъ ученія, преподаваемый во

¹⁾ Записки, т. II, стр. 163—164.

всѣхъ университетахъ, гимназіяхъ и училищахъ, за которыми надлежитъ строго смотрѣть, чтобъ профессора и учителя преподавали науки по извѣстнымъ книгамъ, а не по рукописнымъ тетрадямъ, въ коихъ они часто обучаютъ учениковъ не общимъ, по собственнымъ своимъ правиламъ и мыслямъ“ ¹⁾). Поэтому всѣ усилія Шишкова и представленія его прямо Государю или посредствомъ писемъ къ Аракчееву, съ которыми онъ велъ дѣятельную переписку о „духѣ времени“, всѣ клонились къ тому, чтобъ усилить дѣйствія цензуры. „Годъ 1817, т.-е. годъ вступленія въ министерство народнаго просвѣщенія Голицына, говоритъ Шишковъ, есть тотъ самый, съ котораго стали наиболѣе печатать и распускать книги, явнымъ образомъ возмутительныя противъ вѣры и правительства“ ²⁾). Это предполагаемое усиленіе цензуры скоро разъяснило современникамъ, какъ необдуманно было возлагать либеральныя надежды на „старца двѣнадцатаго года“. Даже Карамзинъ насмѣшливо отзывался о его цензурной магіи. „Новый министръ просвѣщенія думаетъ учредить новую цензуру, пишетъ онъ къ Дмитріеву, и посадить въ этотъ трибуналъ человекъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье!.. Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ“ ³⁾). Карамзинъ вообще здраво понималъ тогдашнее положеніе дѣлъ въ нашемъ просвѣщеніи, т.-е. понималъ, что оно ничего не выиграло отъ замѣны Голицына Шишковымъ: „Читалъ ли ты рѣчи министра просвѣщенія? — спрашиваетъ онъ Дмитріева. Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно дѣйствіе хорошо и достойно цѣли министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится объ ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погразнетъ въ невѣжествѣ: то-есть увѣренъ въ милости Божіей“ ⁴⁾).

Шишковъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, является передъ нами въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ крайнимъ ретроградомъ, пожалуй, худшимъ и свирѣпѣйшимъ, чѣмъ былъ самъ Голицынъ. О наукахъ при немъ не было и помину; всѣ рѣчи и поступки сводились къ преслѣдованію прежняго направленія, въ которомъ старались видѣть возмущеніе противъ вѣры и престола. Самое лучшее представленіе о системѣ, о взглядахъ и убѣжденіяхъ той консервативной партіи, которая теперь, при Шишковѣ, получила перевѣсъ и значеніе, можетъ дать уже упомянутая нами „Записка о крамолахъ враговъ Россіи“, написанная, какъ кажется, въ родѣ доноса княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ, именно

¹⁾ Ibidem, стр. 204.

²⁾ Ibidem, стр. 266.

³⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, стр. 378.

⁴⁾ Ibidem, стр. 388.

въ то время, и оконченная уже въ началѣ царствованія Николая. Все мрачное старовѣріе, которое отличаетъ русскіе умы, не тронутые наукою и развитіемъ, все то мракобѣсіе, которое характеризуетъ инныя печальныя эпохи нашей жизни, съ примѣсью славянофильскаго фанатизма, все это можно найти въ „Запискѣ“. Шишковъ былъ постоянно вѣренъ ей программѣ. Передъ нами опять обскурантизмъ, новъ нѣсколько измѣненномъ видѣ, не похожій на обскурантизмъ Голицына и библейскаго общества. Идемъ любимаго дѣтища Шишкова, „Бесѣды“, теперь восторжествовали и, конечно, та только литература находила сочувствіе и одобреніе со стороны Шишкова, которая подходила подъ условія его литературнаго и нравственнаго кодекса. Самое печальное зрѣлище представляетъ намъ духовная жизнь Россіи въ это время, съ Шишковымъ во главѣ. Одно только смущало престарѣлаго министра, что императоръ Александръ какъ то холодно и безучастно относился ко всѣмъ его представленіямъ на счетъ войны съ „духомъ времени“ и его представителями, по мнѣнію Шишкова—иллюминатами, Госнерами и т. п. Александръ, повидимому, предоставилъ ему полную волю дѣйствовать, какъ онъ предоставилъ ее и Аракчееву, но Шишковъ съ горестью долженъ былъ признаться, что государь нѣкоторыя его мѣры разрушалъ тайнымъ образомъ¹⁾. Наивный Шишковъ убѣждалъ даже Александра, чтобъ онъ въ манифестѣ объявилъ все-народно о своемъ прежнемъ заблужденіи и приготовилъ даже такой манифестъ.

Кошмаромъ, мучившимъ Шишкова во все время управленія имъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, было главное и любимое дѣло князя Голицына—библейское общество. Въ немъ видѣлъ онъ только обширный, хитро придуманный заговоръ противъ государства и никакъ не могъ понять его дѣйствительной цѣли, какъ она была сознана первоначально въ Англіи. „Изъ изслѣдованія всѣхъ дѣйствій библейскихъ обществъ (входя въ одни гласныя и не упоминая о тѣхъ, которыя могутъ быть сокрыты въ таинствѣ) говорить Шишковъ, ясно и несомнѣнно открывается, что настоящая цѣль ихъ, прикрываемая ложнымъ усердіемъ къ распространенію чтенія священныя книгъ, состоитъ въ томъ, чтобъ истребить правовѣріе, возмутить отечество и произвести въ немъ междоусобія и бунты“...

Въ библейскомъ обществѣ онъ видитъ „хитрый и злодѣйскій планъ“; онъ видитъ въ немъ опасность „ужаснѣйшую всякаго пожара и потопа“...²⁾). Какое печальное духовное положеніе должно быть въ той странѣ, гдѣ министръ народнаго просвѣщенія съ полною увѣрен-

¹⁾ Записки, т. II, стр. 270.

²⁾ Ibidem, стр. 222.

ностью и передъ верховною властью высказываетъ подобныя нелѣпыя убѣжденія, передъ властью, которая сама недавно такъ сильно покровительствовала тому же библейскому обществу. Невѣжество и ненужная злоба составляютъ характеристику обвиненій Шишкова. Онъ никакъ не могъ понять возможности перевода Св. Писанія на современный, всѣмъ понятный языкъ русскій. Онъ думалъ и говорилъ, что такой переводъ предпринять нарочно, для уменьшенія важности церковныхъ книгъ и для поколебанія вѣры, считалъ его преступнымъ намѣреніемъ и при этомъ снова возвращался къ своему утвержденію, которое повторялъ давно, что славянскій и русскій языкъ одинъ и тотъ же, что они различаются между собою только какъ высокій и простой слогъ. „Высокимъ написаны священныя книги, простымъ мы говоримъ между собою и пишемъ свѣтскія сочиненія, комедіи, романы и проч. ¹⁾“. Намѣреніе библейскаго общества— „исказить и привести въ неуваженіе священныя книги, измѣня въ нихъ языкъ церкви въ языкъ *театра*“ ²⁾“. Въ библейскомъ обществѣ онъ видѣлъ уголовное, государственное преступленіе, причемъ не знаешь: чему болѣе удивляться—такому невѣжеству министра или той печальной средѣ, гдѣ могли возникать и находить слушателей такіа нелѣпыя обвиненія... Всѣ библейскія общества, по словамъ Шишкова, „имѣли намѣреніе составить изъ всего рода человѣческаго одну какую то общую республику и одну религію“... Намѣреніе это „сперва скрывалось подъ именемъ тайныхъ обществъ, масонскихъ ложъ, новой философіи, а потомъ, обнаруженное, укрывалось подъ другія благовиднѣйшія имена либеральности, филантропіи, мистики и тому подобныя; заразило многихъ; поработило царство наше чужеземцамъ и угрожаетъ тѣмъ же бѣдствіями, какія нѣкогда въ ихъ земляхъ свирѣпствовали“... ³⁾“. Обвиненія эти заподозрѣвали широкимъ объемомъ своимъ всю умственную жизнь. Шишковъ увѣряетъ, что библейское общество, вмѣстѣ съ библіями разсылаетъ воззванія къ бунту... Послѣдствіемъ библейскихъ обществъ является „умноженіе самыхъ опаснѣйшихъ расколовъ“ (тогда появилась секта нѣкоего донскаго есаула Котельникова, на нелѣпыхъ сочиненіяхъ котораго, дѣйствительно, отразилось нѣкоторое вліяніе слога мистическихъ сочиненій того времени. Главу этой секты *духоносцевъ*, есаула Котельникова, посаженнаго въ петербургскую крѣпость увѣщевали Фотій и Шишковъ, смотрѣвшій на секту глазами Юрьевскаго архимандрита; Котельниковъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ жилъ лѣтъ тридцать). Мало того: „сему

¹⁾ Ibidem, стр. 215.

²⁾ Ibidem, стр. 217.

³⁾ Ibidem, стр. 228—229.

нечестію (т.-е. библейскому обществу), по словам Шишкова, начинают соответствовать подобныя же и дѣянія, таковыя, какъ частныя *воровства и грабежи*, даже *верѣдкія смертоубійства*, также слухи, распускаемые къ уничтоженію священства, о полахъ съ козлиными рогами, подающіе сверхъ того поводъ народу по почамъ скопляться "... Все это министр ставитъ въ связь съ библейскими обществами. „Судъ надъ профессорами, преподававшими въ томъ же духѣ свои ученія, и возникавшія неоднократно такія же мысли въ университетахъ и училищахъ часто свидѣтельствовали тѣмъ же самымъ замысламъ“ ¹⁾. То же самое Шишковъ повторялъ и въ своей запискѣ, представленной имъ новому императору ²⁾.

Такія обвиненія, въ сущности нелѣпныя, но хорошо рисующія намъ и время и тогдашнихъ дѣятелей, поддерживаемыя Фотиємъ, съ которымъ Шишковъ сходилъ не только въ мнѣніяхъ, но и въ выраженіяхъ, поддерживаемыя и митрополитомъ и Аракчеевымъ, казалось, должны были, наконецъ, заставить Александра закрыть библейское общество, но Александръ какъ-то устоялъ, чему можетъ быть способствовала и преждевременная кончина его. Общество со всѣми его отдѣленіями и комитетами было закрыто уже въ 1826 году по указу императора Николая, когда оно потеряло уже всякое значеніе въ глазахъ общества, когда самая дѣятельность его и вслѣдствіе измѣны нѣкоторыхъ членовъ и вслѣдствіе со всѣхъ сторонъ сыпавшихся на него нелѣпныхъ обвиненій, была уже заторможена. Мало успѣло оно принести пользы дѣлу религіознаго образованія русскаго народа, какъ потому, что дѣйствовало посреди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, такъ и потому, что первоначальныя, ясныя и простыя цѣли его были извращены и затемнены мистическими тенденціями главныхъ его дѣятелей. Немногіе, искренно преданные дѣлу люди сожалѣли о закрытіи общества. Большинство и вмѣстѣ съ ними либералы радовались, что сходятъ со сцены главные библейскіе дѣятели, извѣстные своимъ обскурантизмомъ и преслѣдованіями, забывая, что само библейское общество сдѣлалось жертвою обскурантизма и преслѣдованія. Въ безмолвной литературѣ нашей того времени не могло появиться никакого сужденія по поводу этого крупнаго факта въ духовной жизни нашей. О библейскомъ обществѣ нельзя было говорить, потому что оно обвинялось въ государственномъ преступленіи и только чрезъ много лѣтъ мы узнали его запрещенную исторію ³⁾. Какъ ни много было въ немъ неуклюжихъ, темныхъ сторонъ, зави-

¹⁾ Ibidem, стр. 265—266.

²⁾ Ibidem, стр. 276 и слѣд.

³⁾ Пыпинъ. Россійское библейское общество. „Вѣстн. Евр.“ 1868 г.

сѣвшихъ по большей части отъ печальныхъ условій нашего русскаго общества, все-таки въ началѣ его существованія оно невольно возбуждаетъ къ себѣ симпатію изслѣдователя своимъ широкимъ филантропическимъ направленіемъ, которымъ оно обязано было и господствующему духу времени и въ особенности англійскому вліянію. Все же въ двадцатые годы нашей исторіи библейское общество представляетъ намъ отрадное явленіе людей, соединившихся въ одно цѣлое изъ широкихъ, исполненныхъ любви къ человечеству цѣлей. По паденіи общества, въ этомъ отношеніи, намъ на долгіе годы представляется безотрадная пустыня.

ЛЕКЦІЯ XXXII.

Филаретъ.—Судьба Магницкаго.—Заключеніе.

Смѣна князя Голицына новымъ министромъ народнаго просвѣщенія—хорошо знакомымъ намъ Шишковымъ, не принесла, какъ мы говорили уже, никакого облегченія ни русской мысли, ни русской наукѣ, и вызвала лишь паденіе господствовавшего до того времени мистицизма. Новое министерство, обрушившись на него всевозможными нелѣпыми обвиненіями, употребляло всѣ усилія съ своей стороны для того, чтобы представить въ глазахъ правительства политическую неблагонадежность этого направленія; оно преслѣдовало мистицизмъ, преслѣдовало людей, которые занимались его пропагандою, преслѣдовало книги, имъ изданныя, какъ это мы видѣли съ книгою Госнера. Шишковъ является защитникомъ православія, подорванного, по его убѣжденію, зловерными дѣйствіями мистиковъ. Вся задача его, какъ министра народнаго просвѣщенія, думалъ онъ, есть возстановленіе религіи. Умственная исторія страны нашей представляется исторіей то воспрещаемыхъ, то снова дозволяемыхъ книгъ. При Голицынѣ въ 1818 году была напечатана книга Станевича „Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души“, въ которой находились сильныя нападенія на мистицизмъ. Разумѣется, она должна была возбудить преслѣдованія со стороны державшихъ тогда власть мистиковъ. Духовный цензоръ ея, ректоръ Петербургской семинаріи Иннокентій, получилъ строжайшій выговоръ, былъ удаленъ изъ столицы съ назначеніемъ епископомъ въ Пензу, гдѣ вскорѣ и умеръ. Сочинитель былъ высланъ изъ города; книга запрещена и отбиралась у всѣхъ. Теперь Шишковъ всѣ эти прежнія преслѣдованія книги Станевича выставилъ величайшею несправедливостью. Онъ сдѣлалъ о ней особый докладъ государю, доказывая, что въ ней находится „возраженіе противу

тѣхъ ложныхъ умствованій, которыя къ поколебанію вѣры, церкви и престола разсѣвались тогда во многихъ сочи няемыхъ и переводимыхъ книгахъ" ¹⁾). По Высочайшему повелѣнію, книга была разсмотрѣна вновь въ особомъ духовномъ комитетѣ и разумѣется исполнѣ одобрена. Указомъ 17 ноября 1824 года ее велѣно было вновь напечатать и даже на казенный счетъ, какъ было искупленіе прежняго несправедливаго преслѣдованія. Этимъ же указомъ повелѣвалось министру народнаго просвѣщенія строго наблюдать, чтобъ „ничего колеблющаго вѣру и благонравіе не укрывалось" какъ въ сочиненіяхъ уже изданныхъ, такъ и въ тѣхъ, которыя должны будутъ впредь издаваться, „особливо же въ преподаваніи по училищамъ наукъ" ²⁾). Такимъ образомъ, какъ бы узаконялась система преслѣдованія.

Въ числѣ ревностныхъ и глубоко преданныхъ дѣлу членовъ Библейскаго Общества былъ знаменитый впоследствии московскій митрополитъ Филаретъ. Когда на министерство князя Голицына и на библейское общество обрушилась буря преслѣдованія, Филаретъ, извѣстный своимъ умомъ, проповѣдническимъ талантомъ и высокимъ образованіемъ, остался какъ бы побѣдителемъ, несмотря на свою близость къ Голицыну и на дружбу съ главою мистиковъ—Лабзинымъ. И онъ былъ также членомъ главнаго правленія училищъ, но вовсе не раздѣлялъ тѣхъ крайнихъ мнѣній и духа преслѣдованія, которыми отличались въ немъ Магницкій и Руничъ. Напротивъ: онъ сдерживалъ, умѣрялъ ихъ клерикальныя стремленія, даже открыто возставалъ противъ нихъ. Когда теперь его бывшіе товарищи по этому правленію и по библейскому обществу потеряли всякую силу и значеніе, на Филарета, какъ на лицо самостоятельное и твердое, какъ на человѣка съ независимыми убѣжденіями, направилась ненависть людей, которые преувеличивали опасность, грозившую обществу отъ мистицизма. Представителемъ библейскаго общества оставался одинъ Филаретъ, на него посыпались теперь нападенія фанатика Фотія, а вслѣдъ за нимъ и Шишкова. Филаретъ, несмотря на измѣнившіеся взгляды правительства, не падалъ духомъ и не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1824 г. ³⁾ печатались статьи, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о дѣйствіяхъ московскаго комитета, съ полнымъ ихъ одобреніемъ, упоминалось о томъ, что книги Св. Писанія на языкѣ русскомъ раскупаются даже старообряд-

¹⁾ Записки, т. II, стр. 178.

²⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г., т. XII, стр. 710—711; Записки Шишкова, т. II; стр. 209—214; Чтенія въ Моск. Общ. исторіи и древностей рос. 1861 г., т. II Смѣсь, стр. 201—202.

³⁾ № 69.

цами и пр. Известно, что первыя книги Ветхаго Завета были переведены съ еврейскаго самимъ же Филаретомъ и напечатаны библейскимъ обществомъ; книга эта въ послѣдствіи отбиралась и потому сдѣлалась рѣдкою. Статья „Московскихъ Вѣдомостей“ возмущала сильно Шишкова, для котораго, съ его точки зрѣнія, переводъ книгъ Св. Писанія на русскій языкъ казался непростительною дерзостью, преступленіемъ противъ вѣры. Онъ написалъ о ней письмо къ всесильному Аракчееву ¹⁾, въ которомъ говорилъ, что цѣль этой статьи — „возвысить расколы и уничтожить тотъ языкъ, на которомъ въ церквахъ производится служба и читается Евангеліе“ ²⁾. Шишковъ удивляется, какимъ образомъ московскій архіепископъ не знаетъ о томъ, что Петербургъ измѣнилъ свои взгляды на библейское общество и допускаетъ печатать статьи, обнаруживающія „прежній духъ и прежнее стремленіе къ потрясенію общаго спокойствія“ ³⁾. Онъ настаиваетъ на „обуздываніи“. Библейское общество представлялось Шишкову нравственнымъ игомъ, какъ политическимъ игомъ было нашествіе французовъ. Засѣданія его онъ сравнивалъ съ Содомомъ и Гоморрою.

Еще больше ожесточенія выказалъ Шишковъ въ своихъ нападеніяхъ на „Краткій Катехизисъ“ Филарета, изданный имъ въ первый разъ въ 1823 году. Его возмутило здѣсь также употребленіе русскаго языка: Филаретъ въ немъ общеупотребительныя молитвы, какъ „Отче Нашъ“, „Вѣрую“ и „Заповѣди“, перевелъ на русскій языкъ, хотя и напечаталъ славянскими буквами. Шишковъ доказывалъ, что въ этихъ молитвахъ каждая буква должна быть „неприкосновенною“, что переводъ есть дерзкое нарушеніе правъ священнаго языка, что это измѣна отечеству. Въ такомъ смыслѣ онъ написалъ новое письмо къ Аракчееву ⁴⁾, требуя изыятія Катехизиса изъ школьнаго употребленія и ставя вопросъ круто: или согласиться на эту мѣру или уволить его отъ званія, въ которомъ онъ не можетъ быть полезенъ, содѣйствуя невольню тому, что, по его словамъ, приноситъ крайній вредъ благочестію, нравамъ и, слѣдовательно, государству и человѣчеству. По представленію Шишкова печатаніе и разсылка Катехизиса Филарета были пріостановлены ⁵⁾. Такимъ образомъ, получивъ въ руки власть, Шишковъ хотѣлъ доставить торжество своей любимой идеѣ о преимуществахъ славянскаго языка надъ русскимъ и на переводы Священнаго Писанія смотрѣлъ, какъ на дѣло „незнающихъ своего языка журналистовъ“.

¹⁾ Записки Шишкова, т. II, стр. 182—185.

²⁾ Ibidem, стр. 183.

³⁾ Ibidem.

⁴⁾ Ibidem, стр. 205—206.

⁵⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1868 г., стр. 15.

Министръ народнаго просвѣщенія, по избытку усердія, принималъ на себя обязанности Святѣйшаго Синода. Въ своихъ нападеніяхъ на людей и на книги онъ нисколько не отличается отъ Фотія и является передъ нами въ образѣ самаго мрачнаго и вдобавокъ озлобленнаго обскуранта. Вездѣ грезилась ему революціи и заговоры; вездѣ подозрѣвалъ онъ „злодѣйскіе планы“ для низверженія алтарей и престоловъ.

Торжествующая партія духовенства въ лицѣ Фотія и ультра-консерваторовъ въ лицѣ Шишкова, пріостановивъ враждебными мѣрами дѣйствіе библейскаго общества, начала теперь преслѣдованіе той мистической литературы, которой покровительствовалъ Александръ и князь Голицынъ. Понятъ исторически появленіе всѣхъ этихъ странныхъ мистическихъ книгъ преслѣдователи были не въ состояніи. Они смотрѣли на нихъ, какъ на средство, употребленное библейскимъ обществомъ для подорванія вѣры и престола. Эти вредныя книги,—знакомыя намъ сочиненія Эккартсгаузена и Юнга Штиллинга, переводы и изданія Лабзина,—распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія и синодскими указами преслѣдовались теперь, какъ крайне вредныя; образованъ былъ даже особый комитетъ для разсмотрѣнія ихъ ¹⁾, которому дана была подробная инструкція для его дѣйствій. Какъ смотрѣли теперь на эти книги, видно изъ краткихъ характеристикъ ихъ, которыя дѣлалъ Фотій: бѣсовская, антихристіанская, революціонная и пр., а взглядъ Фотія господствовалъ и раздѣлялся многими.

Какое впечатлѣніе произвели эти преслѣдованія на русское общество—мы не знаемъ. Безмолвное попрежнему, оно не выразилось ничѣмъ, да и не могло выразиться. Мистическія книги были дороги развѣ небольшому числу адептовъ, которые по убѣжденію смотрѣли съ уваженіемъ на дѣятельность библейскаго общества, будучи воспитаны въ старой масонской школѣ Новикова, какъ Невзоровъ. Эти преслѣдованія показывали, что и то европейское вліяніе, которому подчинился Александръ въ послѣдніе годы своего царствованія, вліяніе, столь не похожее на то, которому онъ подчинялся въ молодости и въ началѣ своего царствованія, теперь окончательно прекратилось. Реакція, при господствѣ крайней консервативной партіи и невѣжественныхъ представителей духовенства, торжествовала теперь вполне. Событія въ концѣ 1825 года и новое царствованіе, начавшееся побѣдою надъ вспышкою либерализма, придали этой реакціи положительный характеръ.

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1868 г., XII, стр. 735—738.

Мы рассказали такимъ образомъ ходъ русской реакціи, источникъ которой надобно искать въ реакціи европейской, вызванной къ существованію великими событіями въ началѣ XIX вѣка и переворотами, произведенными наполеоновскими войнами. Къ чужому явленію, случайнымъ образомъ привитому къ нашей общественной жизни, присоединилось такъ много своихъ русскихъ сторонъ и такъ много интересовъ чисто личныхъ, своекорыстныхъ и грязныхъ, что реакція наша въ тѣ годы, о которыхъ мы говоримъ, представляетъ въ нашей жизни самое печальное и самое безобразное явленіе, которое притомъ не имѣло никакихъ историческихъ правъ на существованіе. Эта реакція давила всякое духовное развитіе общества, всякую мысль, науку и литературу. Глубокое и ожесточенное недовольство овладѣло лучшими умами русскаго общества; подавленнымъ силамъ былъ необходимъ исходъ. Къ сожалѣнію, онъ вышелъ слишкомъ рѣзокъ, и это еще болѣе повредило правильному ходу нашего духовнаго развитія. Система реакціи укоренилась на долгіе годы.

Всякому понятно, что при господствѣ подобнаго мрачнаго обскурантизма, системы преслѣдованій и цензурныхъ стѣненій, положеніе литературы нашей было въ высшей степени печально и, конечно, не въ лагерѣ консерваторовъ и преслѣдователей мы найдемъ такіа явленія, которыя имѣютъ право быть занесенными на страницы нашей исторіи и литературы. Сколько-нибудь заслуживающіе уваженія факты литературы, новое направленіе ея, обязанное содержаніемъ своимъ времени, мнѣнія, формы и образы ея, идущіе дальше Карамзина и Жуковского, мы найдемъ въ рядахъ тѣхъ людей, которые образовали изъ себя въ печальные годы второй половины царствованія Александра такъ называемую либеральную партію. Но прежде чѣмъ мы перейдемъ къ исторіи нашего либерализма, появившагося у насъ вслѣдъ за окончаніемъ европейскихъ войнъ и къ новымъ литературнымъ явленіямъ, имѣвшимъ къ нему отношеніе, мы считаемъ нужнымъ рассказать здѣсь въ немногихъ словахъ судьбу того человѣка, который въ печальные годы реакціи двадцатыхъ годовъ явился передъ нами такимъ ревностнымъ проповѣдникомъ обскурантизма и съ риторическимъ увлеченіемъ придумывадъ и приводилъ въ исполненіе самыя фанатическія и крайнія мѣры, изъ личныхъ расчетовъ и изъ необузданнаго честолюбія. Мы говоримъ о героѣ реакціи — Магницкомъ.

Магницкій, какъ мы видѣли, игралъ главную роль въ интригѣ, способствовавшей паденію князя Голицына; онъ не разбиралъ средствъ и надѣялся самъ, при общемъ измѣненіи вещей, сдѣлаться министромъ народнаго просвѣщенія. Это не удалось ему, но онъ не терялъ бодрости духа, оставаясь въ Петербургѣ у самаго источника власти и

быстро измѣнивъ свой прежній образъ дѣйствій. Портретъ князя Голицына, заказанный при немъ и висѣвшій въ залѣ университетскихъ собраній, былъ теперь вынесенъ оттуда, по распоряженію Магницкаго. Библейскія общества во всемъ округѣ были закрыты, мистическія книги собраны изъ всѣхъ училищныхъ библіотекъ и запечатаны; лавнастерскія школы, о распространеніи которыхъ онъ такъ усердно хлопоталъ прежде, выставились теперь ненужными и вредными; со студентовъ и профессоровъ снятъ былъ нравственный и библейскій гнетъ, на распущенность ихъ стали смотрѣть сквозь пальцы и пр.

Магницкій, полагаясь на свой гибкій умъ и хитрость, рассчитывалъ забрать въ свои руки и старика Шишкова, какъ онъ прежде управлялъ Голицынымъ, но это не удалось ему, и не потому, чтобъ онъ не могъ овладѣть слабюю волею старика, а потому, что у послѣдняго были, если вѣрить воспоминаніямъ Панаева, совѣтники, ненавидѣвшіе Магницкаго и прежній образъ его дѣйствій. Магницкій, конечно, нисколько не уважалъ престарѣлаго министра; онъ обращался съ нимъ нагло и оскорбительно, рассчитывая на высокое покровительство Аракчеева, которому грубо льстилъ. Когда Шишковъ, выведенный изъ терпѣнія его нахальствомъ, потребовалъ, чтобъ Магницкій уѣхалъ къ мѣсту своего служенія, въ Казань, онъ уѣхалъ въ Грузино, къ всеилюному Аракчееву, надѣясь, что тотъ удержитъ его; но Аракчеевъ посовѣтовалъ ему ѣхать. Памятникомъ пребыванія его въ Грузинѣ осталась аллегорическая статья, подъ названіемъ „Сонъ въ Грузинѣ“¹⁾, посвященная Аракчееву и исполненная неумѣренной лести. Магницкій распространялъ ее въ рукописи. Въ ней напыщеннымъ слогомъ онъ описываетъ архитектурныя и скульптурныя затѣи Аракчеева, выставляетъ на видъ его благочестіе, его преданность престолу, добродѣтели, государственнй умъ, называетъ его Сюллиемъ, и расхваливаетъ его военныя поселенія, этотъ печальный памятникъ дѣятельности Аракчеева въ нашей исторіи.

„Первая мысль сего учрежденія, говоритъ Магницкій, была вдохновеніе, совершенно согласное съ великою судьбою христіанскаго міра“²⁾. Воротившись въ Казань, Магницкій снова явился тамъ диктаторомъ въ университетѣ. Тогда то онъ, послѣ публичныхъ экзаменовъ, обратился къ слушателямъ съ тою самохвальною рѣчью, о высокомъ совершенствѣ преобразованнаго имъ университета, отрывки которой мы приводили прежде. Эту рѣчь онъ напечаталъ тогда же, безъ вѣдома и разрѣшенія Шишкова. Въ Казани Магницкій пробылъ,

¹⁾ Русск. Арх. 1863 г. стр. 842—849.

²⁾ Ibidem, стр. 849.

однако, недолго и по вызову Аракчеева въ концѣ ноября воротился въ Петербургъ. Но здѣсь ожидала его бѣда, которую онъ не могъ предвидѣть. Панаевъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ ¹⁾, что причиною окончательнаго паденія Магницкаго былъ доносъ, написанный имъ государю, доносъ, съ которымъ онъ нѣсколько разъ являлся къ Шишкову, о томъ, что великій князь Николай Павловичъ покровительствуетъ вреднымъ профессорамъ, выгнаннымъ Руничемъ изъ Петербургскаго университета и беретъ ихъ на службу въ подвѣдомственные ему учебныя заведенія. Между тѣмъ, императоръ Александръ умеръ въ Таганрогѣ 19 ноября и доносъ Магницкаго, имъ подписанный, попалъ въ руки Николая Павловича. Слѣдствіемъ этого, по волѣ великаго князя, который вскорѣ сдѣлался императоромъ, была высылка Магницкаго въ Казань, высылка унижительная, въ сопровожденіи квартальнаго. Магницкій понялъ невозможность сопротивленія; онъ не могъ разсчитывать на помощь Аракчеева, котораго не любилъ Николай, и покорился своей участи. Вскорѣ послѣдовала ревизія Казанскаго университета, ревизія дѣйствій Магницкаго.

Эта ревизія назначена была по Высочайшему повелѣнію; ея цѣлю было, какъ кажется, желаніе осудить Магницкаго, а ревизоромъ былъ назначенъ лично извѣстный новому государю генералъ Желтухинъ, изъ казанскихъ помѣщиковъ, проживавшій тогда въ отпуску въ Казани. Желтухинъ едва ли понималъ значеніе и содержаніе университетскаго образованія, едва ли и любилъ науку, но онъ отличался строгостью и исполнительностью, а потому Магницкій не могъ надѣяться на благопріятный исходъ ревизіи, тѣмъ болѣе, что большинство его подчиненныхъ въ университетѣ, отличавшееся раболѣпствомъ, тотчасъ же перекинулось въ другую сторону и измѣнило ему. Ревизія длилась мѣсяць. Въ отчетѣ о ней Желтухинъ рѣзко нападалъ на всю систему Магницкаго, которую тотъ такъ расхваливалъ. Въ университетѣ онъ нашелъ лицемеріе и подъ маскою благочестія самыя вредныя пороки. Изъ числа 115 студентовъ въ 1826 году почти половина считалась порочными, а проступки, въ которыхъ они обвинялись, были: холодность въ дѣлахъ вѣры, нетрезвость, писаніе предосудительныхъ стиховъ на начальство и буйный характеръ. Число студентовъ уменьшалось, и Желтухинъ выставилъ общее недовольство казанскаго общества университетомъ. О наукѣ и преподаваніи онъ говорилъ мало въ отчетѣ, но зато много о безцеремонномъ обращеніи съ суммами, принадлежащими Казанскому университету. Это послужило къ самому сильному обвиненію Магницкаго. Напрасно прибѣгалъ онъ, по обычаю, для своего оправданія къ краснорѣчивымъ фра-

¹⁾ Вѣстн. Европы. 1867 г., т. IV, стр. 112.

замъ и реторикѣ; напрасно старался онъ выставить въ своихъ объясненіяхъ передъ министромъ невѣжество, пристрастіе, злобу ревизора, твердилъ, что онъ дѣлается жертвою противной партіи, враждебной существующему порядку, объяснялъ ненависть къ нему за его принципы благочестія и щедро разсыпалъ инсинуаціи, намеки и т. п. въ своихъ объясненіяхъ; напрасно обращался онъ къ самому государю въ письмахъ, полныхъ выраженія самой глубокой преданности и лести: ничего не помогло, и въ маѣ 1826 года Магницкій былъ уволенъ отъ должностей попечителя, члена главнаго правленія училищ¹⁾, уволенъ безъ прошенія, вслѣдствіе неблагопріятныхъ результатовъ ревизіи. Магницкій оставленъ былъ въ Казани, подѣ строгимъ наблюденіемъ губернатора, но онъ не успокоился. Разсказываютъ, что онъ посылалъ въ Петербургъ доносы за доносами, слѣдствіемъ которыхъ была высылка его изъ Казани съ фельдъегеремъ на житье въ Ревель подѣ надзоръ полиціи²⁾. Съ этого времени Магницкій, кажется, совсѣмъ долженъ былъ проститься съ своими честолюбивыми планами и надеждами, хотя жилъ долго; но за то, за неимѣніемъ практической служебной дѣятельности, онъ сталъ заниматься литературой. Въ Ревелѣ учитель русскаго языка Бюргеръ, перешедшій потомъ, кажется, подѣ вліяніемъ Магницкаго, изъ лютеранства въ православіе, сталъ издавать журналъ, подѣ названіемъ „Радуга“, посвященный вопросамъ исключительно нравственно-религіознымъ. Въ немъ принималъ дѣятельное участіе Магницкій подѣ псевдонимомъ Простодумова. Содержаніе статей его, писанныхъ вообще знакомымъ намъ его слогомъ, витіеватымъ и восторженнымъ, заключалось въ нападеніяхъ съ религіозной точки зрѣнія на современное просвѣщеніе, науку и литературу, въ которыхъ онъ видитъ духъ невѣрія. Такимъ образомъ, Магницкій остался вѣренъ самому себѣ. Попрежнему рѣзко осуждалъ онъ нѣмецкую философію и науку, что было, какъ говорятъ, причиною цензурныхъ придирокъ къ журналу въ министерство Уварова, который давно имѣлъ свои счеты съ Магницкимъ. Въ 1834 году по ходатайству князя Голицына, передѣ которымъ онъ былъ такъ много виноватъ въ прежніе годы и съ которымъ онъ теперь снова вступилъ въ переписку, Магницкій, жаловавшійся на ревельскій климатъ, вредный для его здоровья, былъ перемѣщенъ въ Одессу. Здѣсь встрѣтился онъ съ извѣстнымъ піетистомъ Стурдзою, съ взглядами котораго на германскіе университеты послѣ войнъ за освобожденіе, мы знакомы. Съ Стурдзою Магницкій и прежде былъ друженъ, служа съ нимъ въ главномъ правленіи училищъ и раздѣляя его убѣжденія. Въ этомъ піетисти-

¹⁾ Оеоктистовъ, Магницкій стр. 202—227.

²⁾ Восп. Панаева. Вѣстн. Евр. 1867 г., т. IV, стр. 120.

ческомъ кружѣ Магницкій жилъ до самой смерти, и Стурдза, питавшій къ нему глубокое уваженіе, оставилъ о своемъ другѣ самое восторженное воспоминаніе ¹⁾). Рассказываютъ, что въ послѣдніе годы своей жизни Магницкій отказался отъ всякаго мистицизма и обратился къ простой, не разсуждающей вѣрѣ, Köhlerglauben, по выраженію нѣмцевъ, или къ „мужицкой вѣрѣ“, какъ онъ самъ ее называлъ ²⁾). Но мистическая закваска была, однако, сильна въ немъ, что видно изъ его „Взглядъ на мірозданіе“, гдѣ онъ излагаетъ свои мысли объ астрономіи ³⁾). Въ Одессѣ же въ 1838 году Магницкій встрѣтился съ своимъ старымъ товарищемъ и другомъ Сперанскимъ, который пріѣхалъ туда съ Наслѣдникомъ. Это было за годъ до смерти Сперанскаго и было послѣднимъ ихъ свиданіемъ. Магницкій, узнавъ о пріѣздѣ Сперанскаго, самъ просилъ позволенія явиться къ нему. По смерти Сперанскаго онъ написалъ „Думу на гробѣ его“ (небольшая біографическая статья), въ которой воспоминаетъ о сороколѣтней дружбѣ своей съ покойнымъ ⁴⁾). Вообще, въ послѣдніе годы своей жизни Магницкій, безъ сомнѣнія, только отъ бездѣятельности, брался за разные мелкіе литературные труды, переводы, критическія статьи, часть которыхъ оставалась въ рукописи, но во всемъ этомъ не было литературнаго достоинства, и только Стурдза могъ восторженно отзываться о достоинствахъ сочиненій своего друга. Но и здѣсь, въ Одессѣ, незадолго до смерти, когда, казалось бы, жизненные опыты могли научить Магницкаго, когда онъ думалъ только о молитвѣ и говорилъ о смерти и загробной жизни, съ нимъ снова произошла непріятность, которою онъ обязанъ былъ своему неугомонному характеру. Новороссійскимъ краемъ управлялъ извѣстный Воронцовъ. Магницкій былъ сначала близокъ къ нему, даже посвятилъ ему свое сочиненіе „Краткое руководство къ дѣловой и государственной словесности“ для чиновниковъ, поступающихъ на службу ⁵⁾), но потомъ, по старой привычкѣ, вздумалъ написать на Воронцова доносъ, за что и былъ высланъ на нѣкоторое время въ Херсонъ. Біографъ его Стурдза ⁶⁾) говоритъ, что эта высылка была причиною развитія болѣзни, которая свела его въ могилу. Онъ умеръ 21 ноября 1844 г. въ Одессѣ и этими немногими свѣдѣніями о послѣднихъ годахъ человѣка, надѣлавшаго когда-то столько шума въ исторіи нашего образованія, знаменитаго проповѣдника обскурантизма in

¹⁾ Русск. Арх. 1868 г., стр. 926—938.

²⁾ Ibidem 1867, стр. 1697.

³⁾ Москвитянинъ, 1848 г., XI, стр. 133—141.

⁴⁾ Ibidem, VI, стр. 480—489.

⁵⁾ М. 1835 г.

⁶⁾ Русск. Арх. 1867 г. стр. 926—938.

majorem Dei gloriam—по техническому выраженію іезуитовъ, мы оканчиваемъ изложеніе той мрачной реакціи, которая наполнила собою вторую половину царствованія Александра, столь непохожую на первую. Реакція эта, какъ мы уже не разъ говорили, не имѣла никакихъ правъ существованія на исторической почвѣ нашего развитія; она—явленіе заносное у насъ, заимствованное изъ Европы; она сражалась у насъ съ призраками, существовавшими въ воображеніи нашихъ консерваторовъ, а не въ дѣйствительности, и тѣмъ грустнѣе еще и печальнѣе это явленіе. Все, чему радовалось общество въ началѣ вѣка, въ началѣ царствованія, всѣ эти стремленія къ реформамъ, къ пробужденію умственной жизни, все это было задавлено теперь и передъ нами разстилалась бы пустыня, потому что сама реакція была безплодна, если бъ рядомъ съ нею, въ глухой и, къ сожалѣнію, неравной борьбѣ, не зрѣли сѣмена лучшаго, болѣе свободнаго развитія; этимъ мы обязаны были также Западной Европѣ и нашему участію въ судьбахъ ея, въ войнахъ, за которыми слѣдовало паденіе Наполеона и освобожденіе Европы. Начиная съ 1815 года, когда лучшіе представители нашего общества въ самой Европѣ болѣе или менѣе непосредственно познакомились съ ея умственнымъ развитіемъ, начинается у насъ движеніе такъ называемаго либерализма, которое постепенно усиливается въ нашемъ образованномъ обществѣ. Реакція наша была не въ силахъ пріостановить это движеніе, она, можетъ только извратила его, придавъ въ послѣдствіи русскому либерализму рѣзкій практическій характеръ. Кругомъ этихъ людей, которые выросли подъ вліяніями умственной и политической жизни Европы, лежала такая безотрадная, гнетущая дѣйствительность, что они должны были относиться къ ней съ глубокимъ негодованіемъ. Понятно, что при невозможности существованія законной практической дѣятельности, ихъ патріотическое чувство искало выхода въ слишкомъ идеальныхъ, чуждыхъ дѣйствительности стремленіяхъ, за что большинство изъ нихъ и поплатилось тяжело. Планы преобразованій и новаго общественнаго устройства, которое казалось такъ необходимо имъ, развитымъ людямъ, исполненнымъ мечтательною любовью къ отечеству, они за невозможностію гласнаго обсужденія дѣла, пытались выработать въ тайныхъ обществахъ, составляющихъ также характерную черту начальныхъ двадцатыхъ годовъ нашей исторіи. Положительно можно утверждать, что реакція привела у насъ къ образованію тайныхъ обществъ, что она виновата въ нихъ. Но если политическая сторона нашего тогдашняго либерализма неволью увлекала людей въ тайныя общества, то съ другой стороны на почвѣ того же либерализма, съ которымъ соединилось теперь движеніе европейскаго романтизма, мы увидимъ возникновеніе болѣе свѣтлыхъ литературныхъ явленій, изъ которыхъ многія составляютъ

гордость народную. Поэтический талант Пушкина первоначально выросъ подъ вліяніями этого же либерализма. Рядомъ съ нимъ мы видимъ и другіе таланты, которые ведутъ нашу литературу все дальше и дальше, завоеывая ей болѣе глубокое содержаніе. Правда, литературѣ этой приходилось тяжело въ борьбѣ съ реакціонною цензурою и преслѣдованіями разнаго рода, но она дѣлала свое дѣло и становилась годъ отъ году и богаче содержаніемъ и независимѣе.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
ЛЕКЦІЯ I. 1812 годъ. — Патріотическое направленіе литературы.— С. Глинка.—Растопчинъ.—Его афиши	1
ЛЕКЦІЯ II. „La vérité sur l'incendie de Moscou“.—Казнь Вереща- гина.—Общая характеристика личности Растопчина.—Шишковъ.—„Опытъ славенскаго словаря“. — „Разсужденіе о любви къ отечеству“. — Назна- ченіе Шихова государственнымъ секретаремъ.	10
ЛЕКЦІЯ III. Шишковъ за границей.—Отставка.—Положеніе и на- правленіе общественнаго мнѣнія во время послѣдней борьбы съ Напо- леономъ.—Басни Крылова, какъ отголосокъ патріотическаго настроенія общества.—Зарожденіе мистицизма въ обществѣ.—Манифестъ 1816 года .	20
ЛЕКЦІЯ IV и V. Жуковский.—Его первые литературные опыты.— „Сельское кладбище“.—Редактированіе „Вѣстника Европы“.—„Людмила“.	30
ЛЕКЦІЯ VI и VII. Романтизмъ на западѣ и романтизмъ Жуков- скаго.—„Двѣнадцать спящихъ дѣвъ“.—„Пѣвецъ въ станѣ русскихъ вои- новъ“. — Отношенія Жуковскаго къ Протасовой. — „Долбинскія“ стихо- творенія.—Посланіе къ имп. Александру	51
ЛЕКЦІЯ VIII. Жуковский въ Петербургѣ и Дерптѣ. — Придворная жизнь.	71
ЛЕКЦІЯ IX. Отношеніе къ Жуковскому его друзей.—Батюшковъ.— Его дѣтскіе и юношескіе годы	82
ЛЕКЦІЯ X. Батюшковъ въ Финляндіи. — Отставка и жизнь въ де- ревнѣ.—Увлеченіе Торквато Тассо.—Отношеніе къ спору о слогахъ и патріо- тическому направленію въ литературѣ.—„Видѣніе на берегахъ Леты“.— Переездъ въ Москву.—Сближеніе съ литературными кружками. . . .	92
ЛЕКЦІЯ XI. Батюшковъ въ Москвѣ. — Поступленіе въ военную службу.—Посланіе къ Дашкову.—Походъ въ Европу	104
ЛЕКЦІЯ XII. Причины душевной тоски Батюшкова. — Выходъ въ отставку.—Арзамасъ.—Сближеніе съ Уваровымъ.—Поѣздка въ Италію .	114
ЛЕКЦІЯ XIII. Душевная болѣзнь Батюшкова.—Причины ея.—Арза- масъ.—Шаховской и полемика противъ него	125
ЛЕКЦІЯ XIV. Возникновеніе и занятія Арзамаса.—Члены его . .	135
ЛЕКЦІЯ XV. Намѣреніе арзамасцевъ издавать журналъ.—Милоновъ.	145
ЛЕКЦІЯ XVI. В. И. Панаевъ —Казанское общество любителей оте- чественной словесности.—„Идилліи“ Панаева	156

	СТРАН.
ЛЕКЦИИ XVII и XVIII. Н. И. Гайдичъ. — Переводные романы. — Нарѣжный	165
ЛЕКЦИИ XIX и XX. Нарѣжный. — Его романы. — А. Е. Измайловъ	187
ЛЕКЦИЯ XXI. Общественное настроеніе послѣ 1812 г. — Россійское библейское общество	209
ЛЕКЦИЯ XXII. Библейское общество. — Возстановленіе масонскихъ ложъ. — Ланкастерскія школы	219
ЛЕКЦИЯ XXIII. Реакціонное движеніе въ Западной Европѣ	229
ЛЕКЦИЯ XXIV. Отраженіе европейской реакціи въ Россіи.	238
ЛЕКЦИЯ XXV. Реакція. — Магницкій	248
ЛЕКЦИЯ XXVI. Магницкій. — Преобразованіе Казанскаго университета.	259
ЛЕКЦИЯ XXVII. Положеніе университетовъ во время реакціи	269
ЛЕКЦИЯ XXVIII. Цензура во время реакціи. — Министерство князя Голицына	279
ЛЕКЦИИ XXIX и XXX. Парротъ. — Паденіе Голицына. — Фотій	289
ЛЕКЦИЯ XXXI. Исторія книги Госвера. — Паденіе Голицына. — Министерство Шишкова. — Закрытіе библейскаго общества.	309
ЛЕКЦИЯ XXXII. Филаретъ. — Судьба Магницкаго. — Заключеніе	320

Флорентійскій публицистъ конца XIV-го ст.*).

Н. А. Дубровскаго.

I.

Публицистика представляет собою одно изъ самыхъ характерныхъ проявленій общественнаго сознанія, давая отвѣты на запросы жизни, волнуя мысль и чувство, являясь выразительницей настроеній, чаяній и разочарованій общества. Не всякій историческій моментъ способствуетъ развитію ея. Не всегда и не вездѣ возможна дѣятельность публициста—продукта борьбы классовыхъ и партійныхъ интересовъ и многихъ другихъ условій, часто едва уловимыхъ подъ пестрымъ переплетомъ взаимодействій и взаимоотношеній различныхъ социальныхъ силъ и величинъ.

Четырнадцатымъ вѣкомъ въ исторіи Италіи открывается одинъ изъ любопытѣйшихъ историческихъ періодовъ,—время чрезвычайно повышенной социальной жизни, экономическихъ и политическихъ противорѣчій и столкновеній. Это былъ моментъ, когда во всѣхъ областяхъ жизни совершается рѣзкій переломъ, порываются связи съ минувшимъ и всѣ силы общества, перетасованныя, вступаютъ въ новыя отношенія къ другъ другу, проникаются новыми интересами и чувствами. Общественное сознаніе отвѣчаетъ на закипѣвшую вокругъ жизнь, обостряется и въ соотвѣтствіе социально-экономической борьбѣ, вызванной треніемъ сдвинутыхъ со своихъ старыхъ мѣстъ силъ и общественныхъ группъ, получаетъ широкій размахъ и полетъ. Трудно представить себѣ время въ періоды, пред-

*) Извлечение изъ доклада, читаннаго 18-го дек. 1902 г. въ Обществѣ исторіи, филологіи и права при Варшавск. унив. (По поводу изданія: *Epistotario di Coluccio Salutati*, изд. Francesco Novati Vol. I—III. Roma).

шествующіе торжеству капиталистическаго производства и хозяйства, болѣе богатое условіями для дѣятельности живого и прочувственнаго слова литература, болѣе волнующее умъ и сердце человѣка.

Публицистика въ это время и является въ Италіи во всеоружіи своихъ силъ, со своими гимнами и воплями, съ призывами и проклятіями. Письма представителей той италіанской интеллигенціи XIV-го вѣка, которую Сисмонди называетъ „литературной республикой“¹⁾, — вотъ публицистика того времени, полная порывовъ и страстности, розовыхъ надеждъ и тоски. Съ этой именно точки зрѣнія и представляетъ чрезвычайно большой интересъ переписка и пѣвца Лауры и оригинальнѣйшаго творца италіанской новеллы и многихъ другихъ „служителей музъ и любителей творческаго уединенія“, какъ высокопарно выражались тогда. Эта точка зрѣнія, усматривающая въ письмахъ гуманистовъ элементы публицистическаго характера, рассматривающая ихъ, какъ выраженіе впечатлѣній отъ реальной жизни и какъ отвѣтъ на нихъ, оправдывается тѣмъ, что письма въ эпоху т. н. Возрожденія представляли собою своеобразное явленіе общественнаго характера. Это было не только средство общенія между отдѣльными лицами, заинтересованными почему-либо въ другъ друга, но орудіе общественнаго мнѣнія, въ своемъ родѣ періодическая литература²⁾, служившая цѣлямъ животрепещущей полемики, пропаганды тѣхъ или иныхъ политическихъ и соціальныхъ вѣрованій, жаркой схватки убѣжденій и идеаловъ. Pamфлетъ и инвектива, рѣзкая критика церкви и ея представителей, злая сатира на общественные распорядки, „похвальные слова“ въ честь тѣхъ или другихъ лицъ, публицистическая элегія, — все это являлось изъ-подъ пера гуманистовъ въ видѣ писемъ, летѣвшихъ въ разные концы Италіи и за ея предѣлы, во многихъ экземплярахъ ходившихъ по рукамъ, радовавшихъ единомышленниковъ, вызывавшихъ отповѣдь враговъ, вообще волновавшихъ общество. Письма были такимъ образомъ фактами общественнаго самосознанія, — и въ этомъ заключается ихъ историческій интересъ³⁾.

¹⁾ Sismonde de Sismondi. De la littérature du Midi de l'Europe. Paris. 1829. t. I. p. 401.

²⁾ Письма были „способомъ общенія, замѣнявшимъ для гуманистовъ газеты и разныя другія литературныя изданія, явившіяся гораздо позднѣе“, — замѣчаетъ Фогтъ. См. его „Возрожденіе классической древности“. Пер. Разсидина. М. 1884. т. II. p. 372. Ср. М. Корелинъ „Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія“. М. 1892—1893 г. p. 226. Burckhard. Die Cultur der Renaissance in Italien 4. Aufl. Leipz. 1885. t. I. p. 259.

³⁾ Самы гуманисты на свои письма смотрѣли, какъ на литературныя произведенія, предназначавшіяся для широкаго круга читателей. Относительно

Вотъ почему заслуживаетъ вниманія и переписка одного изъ самыхъ видныхъ представителей школы Петрарки и Воккаччо въ то время, когда дѣло ихъ было уже сдѣлано, когда они уже сошли со сцены, оставивъ потомству въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ горячій призывъ къ реформаторской общественной дѣятельности. Мы говоримъ о Колуччо Салютати ⁴⁾.

Петрарки это замѣтилъ уже Kërting. См. *ero Geschichte de Litteratur Italiens in Zeitalter der Renaissance*. B. I. *Petrarca's Leben und Werke*. Leipzig. 1878. pp. 20—21. Изъ переписки гуманистовъ можно было бы привести цѣлый рядъ цитатъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что письма расходились въ многочисленныхъ копіяхъ, вызывая полемику и т. д. Ср. Фогтъ. о. с. I. с. Гаспари. *Исторія итальянской литературы*. Пер. Бальмонта. t. I. p. 376. Fracassetti: *Fr. Petrarcae Spistolae de rebus familiaribus et variae*, Florentiae, Le Monnier, 1859. Ср. V. ep. 16 (мнѣніе Voigt'a о переписчикахъ, конечно, ошибочно. См. Voigt. *Die Briefsammlungen Petrarca's und der venetianische Staatskanzler Benintendi*—in d. *Abhandl. d. k. bayer. Akademie d. Wiss.* III. Cl. XVI. Bd. III. Abth. München. 1882. Ср. Гаспари. о. с. t. I. p. LXXI, not. къ стр. 374). Ср. *Ep. Famil.* IX, 2. XVIII, 7. XX, 2. п др.

⁴⁾ Письма К. Салютати пользовались большою популярностью въ свое время. Ср. Корелинъ. о. с. p. 811. Еще современники убѣждали Салютати издать свои письма отдѣльнымъ сборникомъ, о чемъ свидѣлствуетъ самъ Салютати. Такъ онъ пишетъ: „Nunc autem recogita tecum, precor, quid iubeas, quid hortaris. Scribis equidem quo fame mee (sic!) gloria perduret, laus manet et, velut in templis dudum, ignem michi consecrem eternum, non erit inglorium, non parve utilitatis et commodi, si epistolarum mearum, que tot annorum curriculum ad diversas orbis partes sub communis magnifici Florentie titulo de uberrimo facundie mee fonte manerunt, quosdam, velut de fertilissimo campo eminentiores flores, excerpserim atque in unum collectas ubique passim carpere permiserim perlegendas. Nec, quibusdam dimissis, omnia verba tua (кардинала падуанскаго Олеари) sunt“. См. *Epistolario di Coluccio Salutati a cura di Francesco Novati*. Vol. III. pp. 85—86, 87. Все письмо къ Олеари посвящено вопросу объ изданіи писемъ Салютати. Несмотря на убѣжденія друзей, Салютати не соглашался „издать“ своихъ писемъ. См. *Epistolario* vol. III. pp. 72 и дал., 426 и др. Въ то время какъ изданій (печатныхъ) писемъ Петрарки уже съ 1484 по 1601 г. было цѣлыхъ 16. (См. Fracassetti. *Epistolae de rebus familiaribus* и т. д. Vol. I. *Prolegomenon*. pp. VII—IX), изданія писемъ Салютати впервые появляются лишь въ 1741 г. Это изданія Rigaccio (1741—1742) и Mehus'a (1741). Объ этомъ см. Корелинъ. о. с. p. 811—812. Веселовскій. *Вилла Альберти*. Новые матерьялы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтія. М. 1870 p. 308 въ прим. 59. Фогтъ о. с. t. I. p. 191 not. 2. См. Mehus *Vita Ambrosii Traversarii*. Florent. 1759. p. CCCIII и дал. Giovanni da Prato. *Il Paradiso deglie Alberti. Ritrovi e ragionamenti del 1389 a cura di Aless Wesselofsky*. Bologna. 1879. Въ новѣйшее время изданіе писемъ Салютати предпринялъ профессоръ Новати. (*Epistolario di Coluccio Salutati*. Vol. I, 1891 г.; II, 1893 г.; III, 1896. Рома. Ожидается IV-й томъ). Это строго научное изданіе, впервые дающее возможность ближе познакомиться съ личностью Салютати и заключающее въ себѣ богатый и тщательно составленный историческій комментарий.

Въ письмахъ этого самаго крупнаго продолжателя традицій первыхъ гуманистовъ въ XIV-омъ вѣкѣ мы не найдемъ ни широкой постановки вопросовъ, ни глубины анализа, ни игры остроумной мысли, блестящей парадоксомъ и софизмомъ, ни страстности горячаго сердца, пылающаго огнемъ порывовъ и вдохновеній, какъ въ письмахъ Петрарки. Передъ нами просто типъ средняго человѣка, обладавшаго лишь настолько силами литературнаго дара, общественнаго дѣятеля и публициста, чтобы стать не руководителемъ общественной мысли, но ея лучшимъ выразителемъ. Не талантъ, не даръ пламеннаго и глубокаго творчества составляютъ его силу, а тяжеловѣсная эрудиція, почерпнутая изъ книжной премудрости вѣковъ минувшихъ, опредѣленность вкусовъ, настроеній, общественныхъ воззрѣній, знаніе латыни, наконецъ, кипучая практическая политическая дѣятельность. Интересно познакомиться съ воззрѣніями именно такого публициста: въ нихъ мы услышимъ голосъ интеллигентнаго италіянца XIV-го вѣка, въ нихъ будетъ говорить съ нами италіянское „общество“.

„Мы, занимающіеся изученіемъ гуманитарныхъ наукъ, потеряли отца, какого намъ трудно будетъ найти. Мы лишились пріюта и отрады всѣхъ образованныхъ умовъ, свѣта отчизны, украшенія Италіи“ Это говоритъ послѣ смерти Салютати Франческо Поджіо.—остроумецъ и превосходный стилистъ, свободомыслящій умъ, вооруженный злой и веселой насмѣшкой надъ ретроградной и отсталой мыслью, ужасъ и отчаяніе представителей тьмы и религіознаго подличанія въ XV вѣкѣ⁵⁾. Многіе другіе общественные и литературные дѣятели присоединяются къ мнѣнію Поджіо, считая Салютати выдающейся умственной и общественной силой⁶⁾),—и одинъ изъ нихъ говоритъ даже: „Салютати—единственный фениксъ по добродѣтели, слава не только Италіи, но и Европы: онъ выше всѣхъ древнихъ поэтовъ⁷⁾“.

Это была популярность работника пера и общественнаго дѣятеля, не часто встрѣчающаяся во времена, слышавшія громовыя рѣчи Петрарки и прелестные звуки его изящной и граціозной канцоны смѣявшіяся надъ чудными образами Декамерона и видѣвшія грандіозныя выходы страстнаго мечтателя и безкорыстнаго авантюриста Кола ди Ріенци. Это значитъ, что Салютати всею своею дѣятель-

⁵⁾ Poggi. Epist. edit. Tonnelli. Vol. I. p. XIII: „Sed aliud quoddam est, quod nos omnes, qui sequimur studie hujusce humanitatis, compellit esse summo in moerore ac luctu. Amissimus enim patrem, quem posthec non facile reperiemus. Amissimus virum studiorum omnium studiosissimum... Amissimus portum ac refugium omnium eruditorum, lumen patriae, Hesperiae decus“.

⁶⁾ Напр., Аретино Бандини, Олеари и др.

⁷⁾ F. Villani, цитировано у Корелина, о. с. p. 817. Ср. Веселовскій. о. с. p. 89 и 307 not. 59.

ностью, всѣмъ строимъ понятій и чувствованій отвѣтилъ на запросы извѣстныхъ круговъ общества, что онъ несъ знамя цѣлыхъ массъ, молодые представители которой—горячіе умы, жаждущія сердца—и стремились къ нему, ища у него наставленій и вдохновеній⁸⁾.

Что было написано на этомъ знамени? Все, что объединяется въ словѣ гуманизмъ, въ этой формулѣ идеаловъ, провозглашающихъ, что ничто человѣческое не должно быть чуждо обществу и его отдѣльнымъ элементамъ,—идеаловъ свободной индивидуальности и ея правъ на всѣ дары природы и искусства.

Естественно поставить вопросъ, какъ Салютати пришелъ къ этому,—тѣмъ болѣе, что насъ прежде всего всегда интересуетъ личность того, кто формулировалъ общественное настроеніе: мы хотимъ знать, что представлялъ онъ собою, стараемся представить себѣ его образъ, его жизнь⁹⁾.

⁸⁾ Молодежь искала „дружбы“ Салютати и перениски съ нимъ. См. *Epistolario di Col. Sal.* Vol. I. pp. 247—249, Vol. II. pp. 174, 191, 274 и др. По мнѣнію Олеари Салютати превосходить всѣхъ современниковъ *omnium consensu*. *Epistolario*. t. III. pp. 79—85.

Ленордусъ Aretinus называетъ Салютати *virum et sapientia et eloquentia et vitae integritate huius aetatis facile principem*. *Leonardi Aretini ad Petrum Paulum Istrum Dialogus* lib. I. Klette Beiträge zur geschichte und Litteratur der Italienischen Gelehrtenrenaissance. Greifswald. 1889. II. p. 42.

⁹⁾ Биографіи Салютати (полной и научной) не существуетъ. Писалъ о немъ уже Филиппо Виллани. Это была первая по времени биографія Салютати. См. Корелинъ. о. с. p. 816. Въ томъ же XIV в. написана биографія Салютати другомъ его (*Epistolario*. t. I. pp. 260—262, 276, 289. t. III, pp. 396—399 и др.)—Domenico di Bandini d'Arezzo, которому самъ Салютати сообщилъ свѣдѣнія о своей семьѣ. (См. Francesco Novati. *La Giovinezza di Coluccio Salutati*. Torino. 1888. p. 9, not. 1). О другихъ работахъ, посвященныхъ Салютати, см. Корелинъ. о. с. I. c. Въ новѣйшее время о Салютати писали Фогтъ, впервые давшій вполне опредѣленную характеристику его (Возрожд. классич. древн. рус. пер. t. I. pp. 181—200, t. II. p. 419), Ал. Веселовскій (Вилла Альберти. pp. 89—98), Selmi (*Biografia di Coluccio Salutati da Stignano*. Lucca. 1879. Много ошибокъ), Корелинъ, впервые давшій обстоятельный обзоръ литературной дѣятельности Салютати (о. с. pp. 785—816), Novati (*La Giovinezza* и т. д.) и другіе, повторявшіе однако лишь то, что писали названные ученые. Очень важнымъ матеріаломъ для биографіи Салютати являются его письма (о важности его писемъ вообще для гуманизма см. Корелинъ о. с. p. 811. Современники цѣнили письма Салютати очень высоко, напр., Виллани, Манетти, Бандини и др.), которыхъ однако полностью до сихъ поръ не имѣлось. Отсюда много ошибокъ и недоразумѣній въ трудахъ перечисленныхъ изслѣдователей. Мы не намѣрены писать обстоятельной и подробной биографіи Салютати. Для нашей цѣли достаточно самаго общаго очерка. Но пользуемся для него данными писемъ, дающими намъ возможность избѣжать ошибокъ Фогта и др. и познакомиться съ подробностями, которыхъ раньше нельзя было

Колюччо Салютати—сынъ руководителя гвельфской партіи въ Стиньяно, зажиточнаго потомка крестьянской семьи¹⁰⁾. Родился онъ въ 1331 г. въ тяжелое для его родителей время¹¹⁾. Отецъ его въ ту пору былъ изгнанникомъ, вмѣстѣ со своими единомышленниками уступившимъ въ долину Неволы мѣсто торжествовавшимъ тамъ гибеллинамъ, и пока скитавшимся безъ пристанища и пріюта.

Лѣтъ 5—6 спустя, мы видимъ однако отца Салютати со всею семьею въ Болоньѣ на службѣ у сеньора Таддео Пеполи, блестящаго представителя и потомка рода банкировъ, сильныхъ своимъ богатствомъ, игравшихъ судьбами города и, наконецъ, ставшихъ во главѣ его политической жизни¹²⁾.

„Болонья—моя сладчайшая кормилица“,—говоритъ Салютати¹³⁾. Въ Болоньѣ онъ получилъ свое образованіе, тамъ были заложены основы его интересовъ, роста его умственныхъ силъ, его міросозерцанія и вкусовъ. Оставшись послѣ смерти¹⁴⁾ отца на попеченіи Пеполи, а затѣмъ его двухъ сыновей Якопо и Джіованни¹⁵⁾, онъ обя-

звать. Съ выходомъ въ свѣтъ четвертаго тома изданія писемъ Салютати мы намѣрены дать обстоятельную работу о Салютати, какъ о гуманистическомъ политическомъ дѣятелѣ въ связи съ социальными и политическими отношеніями Италіи XIV в. вообще.

¹⁰⁾ Novati. *La Giovinezza di Col. Sol.* pp. 9 и дал. Фортъ. о. с. т. II. p. 186 съ not. 1. Villani, *Le vite d'humini illustri Fiorentini colle annotazione del conte Mazzuchelli.* Firenze. 1828. p. 14.

¹¹⁾ Въ письмѣ 1401 г.: *mihi quidem febrarius mensis, qui nunc agitur, annum septuagesimum a attulit. Epistolario. t. III. p. 459.* См. также t. III, pp. 109, 637, 416, 619. t. II. pp. 269, 313 и др. Ср. Фортъ о. с. т. I. p. 181, Кореливъ о. с. p. 785, Novati о. с. p. 11, Веселовскій о. с. p. 89 (Весел. счит. тутъ годомъ рожд. Салют. 1330 г.) ср. его же „Боккаччо, его среда и сверстники“, t. II. p. 524. *Klette Beiträge zur Geschichte und Literatur der Italienischen Gelehrtenrenaissance.* II. p. 2.

¹²⁾ G. Villani. *Istorie Fiorentine.* Milano. 1803. t. V, lib. IX, cap. 129. p. 131. Muratori. *R. I. S. t. XIII*, p. 506. CD. Cp. Sismondi *Histoire des Républiques Italiennes du M. âge. t. V.* p. 98. Leo *Geschichte des italien. Staaten.* t. IV. p. 88. Niccolò Rodolico *Dal Comune Alla Signoria. Saggio sul governo di Taddeo Pepoli in Bologna.* 1898. pp. 51—52. Novati. о. с. 24—25.

¹³⁾ *Urbem Bononiam dulcissimeamque nutricem meam. Epistolario t. I.* p. 165.

¹⁴⁾ Отецъ Салютати умеръ въ 1341 г. Novati о. с. p. 25 not. 2. Meque *extra patriam*—пишетъ Салютати—*cum tot fratribus et matre reliquit.* См. *Epistolario. t. I.* p. 36.

¹⁵⁾ Послѣ смерти Taddeo Pepoli, ум. въ 1347 г. (Muratori. *R. I. S. t. XVIII.* p. 167. A. и p. 402. C. Rodolico о. с. p. 174). Особенное участіе въ судьбѣ Салютати принималъ Джіованни. См. объ этомъ *Epistolario. t. I.* pp. 35—39.

занъ всѣмъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ этимъ богатымъ и образованнымъ сенъорамъ Болоньи. „Онъ замѣнялъ мнѣ отца, онъ былъ отцомъ и воспитателемъ моимъ, онъ былъ мнѣ больше, чѣмъ отцомъ“,—говоритъ Салютати, вспоминая о Джіованни Пеполи¹⁶⁾. Всѣмъ, что есть во мнѣ, я обязанъ ему“,—повторяетъ онъ. Пеполи окружалъ его атмосферой книгъ, трогательной заботливостью, любовью¹⁷⁾, наконецъ, поручилъ его образование Пьетро да Мольо¹⁸⁾.

А это былъ педагогъ гуманической складки¹⁹⁾, скромный любитель классической литературы, труженикъ на поприщѣ образованія молодежи въ духѣ своего времени²⁰⁾, будущій професоръ Болонскаго

¹⁶⁾ imo pater, imo mei fratrumque meorum piissimus enutritor
ibid. p. 36.

¹⁷⁾ ibid. p. 37.

¹⁸⁾ Объ учителѣхъ Салютати ничего не извѣстно (не считая Мольо). Вообще объ первоначальномъ образованіи его нѣтъ обстоятельныхъ свѣдѣній. Въ общемъ должно думать, что утвержденіе Mehus'a, что онъ „sine duce ac magistro humaniora studia intrasse“ (Novati. o. c. p. 31, not), правильно въ томъ смыслѣ, что у Салютати дѣйствительно не было систематическаго руководства въ humaniora studia. См. Epistolario. t. II. p. 279, гдѣ самъ Салют. говоритъ объ этомъ: In qua re prefari volo me grandem natu. Dei digito et ingenio, quod michi dederat, duce, in hec studia et harum rerum investigationem intrasse rudem, sine magistro et ferme sine principio; nec tamen adhuc, licet diutius laboraverim, errores puericia conceptos et adolescentia connutritos triginta quinque annorum cura potuisse diligentieque purgare. Ср. еще въ t. III. p. 609.—Ср. Фогтъ о. с. t. I. p. 182. Novati. o. c. pp. 30—31, 47 съ not. 2.

Въ школу Мольо Салютати поступилъ въ 1346 г. Novati. o. c. p. 35. not. Мы думаемъ, что это могло быть и раньше. Leonardus Aret. ad Petrum Paulum Istrum Dialogus. d. Klette o. c. II. p. 45: Equidem memini, cum. puer adhuc Bononiae essam, ibique grammaticis operam darem, me solitum quotidie vel aequales lacassendo vel magistros rogando nullum tempus vacuum disputationis transisse.

¹⁹⁾ Корелинъ. o. c. pp. 722 и 785. Фогтъ. o. c. t. II. p. 46. О Пьетро да Мольо извѣстно очень мало. Впервые попытку собрать все извѣстное о немъ предпринялъ Tiraboschi. (См. ero Storia della letteratura Italiana. t. V. par. II, pp. 645 и дал.). Самымъ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о немъ является до наст. вр. очеркъ Novati въ его Giovinezza и т. д. см. pp. 32—47. Род. Мольо въ началѣ XIV в. (Tiraboschi. o. c. V², 645; Novati. o. c. 32; Epistolario. I, p. 3. not. 1). Ум. въ 1383 г. Ошибочно указывали на 1382 г., благодаря свидѣтельству Historia Miscella (См. Muratori. R. I. S. t. XVIII, p. 524), Фогтъ (o. c. I. c.) и Novati (o. c. p. 38, not. 3) Самъ Салютати о смерти Мольо свидѣтельствуетъ въ написанной имъ эпитафіи Hunc terdenda dies octobris mille trecentis cum tribus et decies octonis eripit annis. Epistolario, t. II. p. 131. Въ библіотекѣ Мольо можно было найти и классическихъ писателей. Epistolario. t. II. p. 142.

²⁰⁾ На этомъ поприщѣ онъ приобрѣлъ славу, хотя ему и пришлось долго и упорно вести борьбу съ „людскою завистью и злобой“. См. Corazzini Le Let-

Университета²¹⁾, говорившій въ своей школѣ о многомъ такомъ, что волновало юношескія души учениковъ, что надолго западало въ ихъ сердца и умъ и потомъ всегда связывалось въ ихъ памяти съ образомъ дорогого учителя. Взыскательный и капризный Петрарка посылалъ къ нему учениковъ, „какъ посылаютъ больного къ добросовѣстному и опытному врачу²²⁾“. Посылалъ ихъ къ нему и Боккаччіо²³⁾. Это было рѣдкое вниманіе къ представителю учебнаго дѣла, надъ общей постановкой и направленіемъ котораго издѣвались люди новыхъ идеаловъ и новаго пониманія принциповъ образованія и воспитанія,—которое критиковалось Петраркой и другими съ рѣзкостью, идущей изъ глубины возмущеннаго сердца, вызванною педагогической схолистикой и рутиной.

Тутъ, въ школѣ этого педагога, Салютати слышалъ впервые о представителяхъ древнеримской словесности, о Боккаччѣ, о Петраркѣ, „слава котораго тогда гремѣла отъ Альпъ до Торентскаго залива и отъ береговъ Франціи до Карпатъ²⁴⁾“. Юношеская душа Салютати „поражалась, благоговѣла, трепетала“ передъ образомъ „воклюдскаго отшельника“,—и онъ почти дѣтской рукой „держаетъ“ написать письмо кумиру италіанской интеллигенціи, очаровательному мастеру слова, туманившему головы молодежи и восторженной старости. Во дни возмужалости Салютати вспомнить объ этомъ моментѣ съ улыбкой на устахъ, но съ тѣмъ же восторженнымъ чувствомъ благоговѣнія

tere edite ed inedite di Messer G. Boccaccio. Firenze. 1877. pp. 331 и 333; Vicisti longo labore tuo invidentium stimulos, et arma eloquentium contrivisti, adeo ut ipsum tuum nomen egregium, quod aliquandiu inter Venetos tantum, Aemilianosque Gallos detentum est, superatis celsis Apennini, vesticibus in Tuscos usque maximo cum fulgore devenerit, et inter eruditos homines celebrefactum sit.“—Ср. Epistolario. t. I. p. 166. Muratori R. I. S. t. XVIII. Cronica di Bologna. p. 524: „Pietro da Moglio, il quale era Dottore in Grammatica, e fu uno de'grandi valentuomini, che fosse gran tempo flato in queste parti per la sua scienza“. Популярность Пьетро да Молио была такъ велика, что къ нему стремилась молодежь, влекомая жаждой послушать его. См. Corazzini. o. c. pp. 333—335. Moglio считался знаменитымъ преподавателемъ „реторики“, такъ что его прозвали „Petrus de Rethorica“. Novati o. c. p. 42 not.

²¹⁾ Фогтъ. o. c. t. I. pp. 182, 396. t. II. p. 42, 346. Корелинъ o. c. p. 722. Веселовскій Боккаччѣ и т. д. t. II. pp. 81, 525. Novati. o. c. p. 38. g. Fantuzzi, Noterie degli Scrittori Bolognesi. Bologna. 1788. t. VI. p. 128.

²²⁾ Fracassetti. Epistolae и т. д. t. III. p. 326: „Lator praesentium amice mei dilecti, virique boni filius et obid michi carus est: de cuius conditionibus Donatus noster latius tecum aget. Summa est: quod aliquandiu vagus ac discolus dolescens, aloquin non mali ingenii, ut perhibent, ad te quasi aeger ad fidelem et expertum medicum mittitur“.

²³⁾ Corazzini. o. c. l. c.

²⁴⁾ Mézières. Pétrarque. Etude d'après de nouveaux documents.

къ Петраркѣ²⁵⁾. Тогда же онъ вспомнить и о своемъ учителѣ—гуманистѣ, не пожалѣетъ словъ для того, чтобы восхвалять его таланты, и знанія, и будетъ предсказывать ему бессмертную славу. „Хвалы его“,—скажетъ онъ: „не уничтожить никакое забвеніе; до тѣхъ поръ, пока Болонья будетъ матерью наукъ, имя его будетъ славно“²⁶⁾.

На 16—17 году жизни Салютати поступаетъ въ Болонскій университетъ²⁷⁾, въ знаменитый очагъ средневѣковой юридической литературы, подъ сводами котораго въ теченіе вѣковъ раздавался голосъ лучшихъ представителей права, средневѣковой науки. Но уже Петрарка—злой врагъ современныхъ ему „служителей юстиціи“, которые, утверждалъ онъ, „проституируютъ ее—безоружную и обнаженную“²⁸⁾, говорилъ объ упадкѣ университета, гдѣ „вмѣсто великихъ наставниковъ появилось поколѣніе невѣжественныхъ докторовъ“²⁹⁾. На университетѣ сыпались громы папскаго гнѣва, удары недовольной сенъоріи³⁰⁾. Студенты волновались, переселялись, убѣгая отъ голодовокъ, вызванныхъ вздоржаніемъ жизни³¹⁾. Наконецъ, надвигается грозный бичъ 1348-го года,—„смертоносная чума, противъ которой не помогли ни мудрость, ни предусмотрительность человѣка“³²⁾. Всѣ обратились

²⁵⁾ Объ этомъ въ письмѣ Салютати. *Epistolario*. t. I. p. 61. Отвѣта на свое это первое юношеское письмо къ Петраркѣ Салютати, очевидно, не получалъ, это слѣдуетъ изъ словъ его же: *Quaquam iandiu audaciter nimis atque pueriliter scripserim, nescio tamen si ad te (= Петрарка) littere pervenerunt; puto enim, et eo gavisus sum, te illas minime recepisse*. Так. обр. навѣрно утвержденіе Фогта, что будто бы Салютати на свое посланіе изъ школы получилъ отъ Петрарки „коротенькую записку“ (см. Фогтъ, о. с. t. I. p. 182). „Коротенькую записку“ Петрарка написалъ по другому совершенно случаю и позднѣе, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ самъ Салютати. *Epistolario*. t. I. p. 62.

²⁶⁾ *Cujus laudes nulla unquam abolebit oblivio; sed donec studiorum erit Bononia mater, Petri nomen . . . celebrabitur*. *Epistolario* t. II. p. 182. См. t. II. pp. 318 и дал. 131, 141 и др. См. также въ t. I. pp. 3, 114, 164; t. III. pp. 91, 363.

²⁷⁾ Novati. о. с. p. 48 указываетъ 1346 годъ. Объ болонскомъ университет. см. Tiraboschi. о. с. t. V. p. 53 и дал. и др. Rashdall *The Universities of Europe*. Vol. I. pp. 233—266.

²⁸⁾ Fracassetti. о. с. t. III. p. 19.

²⁹⁾ Извѣстно, что Петрарка между прочимъ учился и въ Болонскомъ универс. См. Kërting *Petrarka's Leben und warne*. p. 70—73. Жебаръ. Начала Возрожденія въ Италіи. Рус. перев. стр. 60. Фогтъ. о. с. t. II. p. 42.

³⁰⁾ Sismondi. о. с. t. V. p. 269. Leo. о. с. t. IV. p. 484. Cp. Theiner *Codex diplomatic*. t. II. pp. 31—32.

³¹⁾ Выселенія студентовъ изъ Болоньи наблюдаются уже очень рано: причины бывали разныя. См. Суворовъ. Средневѣковые университеты. М. 1898. стр. 53—54. Rashdall. о. с. t. p. 169 и д.

³²⁾ Боккаччо. Декамеронъ. пер. Веселовскаго. t. I. Вступленіе. p. 6.

въ бѣгство—и профессора и студенты. Такъ должна была закончиться и студенческая жизнь Колюччіо Салютати ³³⁾.

Теперь онъ выступаетъ на путь самостоятельной общественной дѣятельности ³⁴⁾. Мы видимъ его вскорѣ на службѣ то въ Стиньяно ³⁵⁾, то въ Веллано ³⁶⁾, то въ Тоди ³⁷⁾. Принимаетъ участіе въ политической жизни, много наблюдаетъ, много чувствуетъ ³⁸⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ душа его полна страстнаго влеченія къ „занятіямъ науками“, къ творчеству, къ свободному наслажденію продуктами чужихъ думъ, чужихъ вдохновеній ³⁹⁾.

См. о времени и подробностяхъ чумы Muratori. R. I. S. t. XVIII. p. 409. A. t. XIV. pp. 12—16; t. XV. p. 448.

³³⁾ Ср. Novati. о. с. pp. 53—55.

³⁴⁾ Данныхъ о Салютати, касающихся непосредственно времени послѣ выхода изъ университета, нѣтъ совершенно. Съ 1350 по 1361 г. нѣтъ о немъ никакихъ упоминаній.

³⁵⁾ Уже въ 1353 г. Салютати былъ въ Стиньяно (нотаріемъ), какъ это видно изъ одного документа отъ 9 мая 1353 г., подписаннаго имъ. Документъ у Novati. о. с. p. 63. not. 2. Изъ Стиньяно мы имѣемъ его письма, начиная съ 1361 года по 1366 г. См. Epistolario. t. I. pp. 6—33.

³⁶⁾ Въ 1366 г. Салютати долженъ былъ почему-то оставить Стиньяно. О его пребываніи въ Велано свидѣлствуетъ одинъ документъ, подписанный Салютати такъ: . . . millesimo tricentesimo sexagesimo septimo (по стилю Лукки), indictione quinta, die ultima mensis decembris et scripta, lecta et publicata per me Coluccium quondam Pieri Coluccii de Stignano notarium ei tunc notarium atque officialem dicti communis (= Веллано) et scriptorem legum prefatarum. Epistolario. t. I. p. 33. not. 2.

³⁷⁾ Къ началу 1367 года Салютати долженъ былъ покинуть свое мѣсто въ Веллано: по велланскому статуту (I гл. De electione notarii communis et ejus officio, salaria et balia) нотаріи смѣнялись каждые 6 мѣсяцевъ. Повидимому устроиться Салютати послѣ этого удалось не раньше сентября 1367 г. Въ письмѣ отъ 5 ноября 1367 г. Салютати пишетъ Фр. Бруни изъ Тоди: quis enim non damnaverit me, iam exacto bimestri, ad amicum una dieta divisum и т. д. Epistolario. t. I. p. 43 съ not. 2. Въ Тоди Салютати занималъ должность канцлера cum salario octuaginta florenorum in anno et mensa honorabili dominorum. ibid. p. 44 и ср. p. 34 not. 1.

³⁸⁾ Письма Салютати свидѣлствуютъ объ этомъ, хотя и не даютъ детальныхъ подтвержденій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

³⁹⁾ Epistolario. t. I. p. 48—49: Nunc autem scito me perpetuo mentis affectu, seu meditatio, seu hoc natura perspiciat, musas diligere. Illas amo, sequor et colo et sepe sepius pyermio nescio quo spiritu in flor et agitor; et nunc heroum laudes, nunc bella placenti; nunc humano generi ivatus, vix me contineo quin in hominum vitia satyricis armis signa convertam; nunc comico plansu libet argumenta confingere, et denique quicumque ingruat rerum motus, aut mundanorum vorticum laberinthus, ad illas est michi presens et salubere refugium и т. д. Такъ писалъ Салютати изъ Тоди въ 1367 г. Это—очень характерная для настроенія Салютати тирада. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ нея ясно, что въ общемъ и сколько читалъ онъ въ это время. Вообще Салютати, нужно полагать, много въ это время работалъ. Въ письмахъ за этотъ періодъ много

Умъ полонъ вопросами ⁴⁰⁾. Онъ хочетъ ихъ разрѣшить, найти на нихъ отвѣтъ, — и онъ спрашиваетъ письменно объ нихъ того, другого ⁴¹⁾. А между тѣмъ кругомъ нѣтъ никого, съ кѣмъ бы онъ могъ поговорить, отвести душу. Работа для заработка, семья, которой только-что обзавелся, — отнимаетъ много времени: онъ не можетъ заниматься свободно, такъ, какъ бы хотѣлъ ⁴²⁾, — и онъ

указаній на это. См. напр. *Epistolario*. t. I. pp. 9—10: „dum nuper librorum meorum gurgustiole diverterem “. Ibid. p. 29, 32 и др. О своихъ стремленіяхъ устроиться какъ-нибудь Салютати писалъ уже въ 1367 г.: hinc est quod, non ut opes cumulen, sed ut quandoque musis indulgens quietans et liberam vitam vivam ac experior ingenioli nostri vires et impetus, ad nos enim tota mea festinat intentio. *Epistolario*. t. I. p. 49.

Стремленія къ „творчеству“ у Салютати очень опредѣленно проявляются уже въ Стиньяно. Уже въ письмѣ 1360 г. есть указаніе на стихотворн. произвед. Салютати. См. *Epistolario*. t. I. p. 4. not. 1. Ср. ibid. стр. 115. Дошло до насъ одно лишь стихотвореніе, относящееся къ этому времени. См. *Epistolario*. I, 5—6. Въ 1367 г. Салютати упоминаетъ о своемъ стихотвореніи, написанномъ по поводу возвращенія папы въ Римъ. *Epistolario*. I, 44—45 съ not. 1. Стихотв. это не дошло до насъ. — А 26 окт. 1367 г. Салютати сообщаетъ уже о серьезной своей работѣ съ классическимъ сюжетомъ: „Conquestio Phyllidis“. Въ письмѣ къ Ф. дель Антелла онъ говоритъ объ этомъ сочиненіи, какъ объ оконченномъ уже. *Epistolario*. t. I. p. 41. Написанное въ подражаніе 2-ой героиды Овидія и 10-ой книгѣ *Метаморфозъ* его, стихотвореніе это названо было *Fil. Villani „opusculum pericundum“*. *Epistolario*. ibid. съ not. 3. Ср. Корелинъ. о. с. p. 814, Фортъ. о. с. t. I. p. 193.

⁴⁰⁾ Semper dum lego occurrit michi quod mentem moveat *Epistolario*. t. I. p. 29.

. . . . Ego illius internecione infelix, cum ex his locis ruralibus urbem adibo, erraris dubitationisque plenus, quem monitorem, seu melius dubiorum enucleatorem habebō? — писалъ Салютати изъ Стиньяно по поводу смерти. *Epistolario*. t. I. p. 17. и др. Надо замѣтить, что вопросы, волновавшие Салютати, ставились по преимуществу при чтеніи классическихъ писателей, возбуждавшихъ въ немъ особенный интересъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ гуманиста.

⁴¹⁾ Такъ, напр., онъ обращается съ просьбой о разрѣшеніи интересовавшего его вопроса къ Луиджи Джіанфилацци: ex te scire velim quo sensu sumenda sint illa Valerii verba и т. д. *Epistolario*. t. I. p. 12.

О томъ же въ другой разъ онъ проситъ Nicollo Monaci: Qualiter intelligi hec verba sua debeant ex te cupio scire, и т. д. *Epistolario*. t. I. p. 31. Можно было бы сдѣлать много указаній, подтверждающихъ данный фактъ.

⁴²⁾ На положеніе свое въ Стиньяно С. жалуется: nescio enim in quas me angustios fortuna includit и т. д. *Epistolario*. t. I. p. 32.

Sum . . . inter labores et anxias cures — пишетъ онъ о своей работѣ для заработка. *Epistolario*. t. I. p. 46.

Ut quandoque musis indulgens quietam et liberam vitam vivam ac experiar ingenioli nostri vires et impetus, ad hoc enim tota mea festinat intentio. *Epistolario*. t. I. p. 49.

Свое пребываніе въ Тоди онъ называетъ пребываніемъ въ „домойной

могъ бы выразить свое настроеніе словами Боккаччо: „одного я желаю всѣми силами, желаю работать, заниматься, желаю досуга—не потому, что хочу прослыть поэтомъ, а потому, что и мнѣ было бы на великую пользу то, къ чему когда-то страстно стремились поэты“⁴³). Онъ рвется всѣми силами изъ „помойной ямы“, онъ хочетъ свѣта, простора. Его взоры обращаются къ Франческо Бруни, секретарю при папской куріи, другу Петрарки⁴⁴, „не разъ пользовавшагося его услугами при погонѣ за бенефиціями“⁴⁵). Бруни проситъ онъ открыть ему выходъ изъ душной атмосферы, дать ему возможность достигнуть „обезпеченнаго досуга“. „Умоляю и прошу васъ“,—заключаетъ онъ: „постараться пристроить меня при папской куріи“⁴⁶).

Бруни ничего не могъ сдѣлать для Салютати. Какъ быть? Вопросъ рѣшается имъ просто и категорически. Онъ бросаетъ все и, ничего не имѣя, ѣдетъ въ Римъ съ страстнымъ желаніемъ „учиться,

ямъ“... Si possim elicere de tam tusbulenta sentina. (ibid.). Онъ готовъ куда угодно уйти, лишь бы уйти только изъ Толи: alio quocunque locorum venire non horreo (ibid.). Себя С. называетъ aptum omnes fortune impetus tollerrare et docilem in dies in meliorem mentis statum ascendere, намекая на свое стремленіе устроиться получше. См. Epistolario. I. 9.

Въ указанное время Салютати женился въ 1-ый разъ (онъ былъ женатъ два раза) — Quanti esset michi si Sardum, si Andream meos in proprio lare conspicerem, si nuptiali convivio, quod sum de proximo paraturus, vos mecum epulari contingeret. Epistolario. t. I. p. 14. not. 2. — 20-го іюня того же 1366 г. С. сообщаетъ о женитбѣ, какъ о совершившемся уже фактѣ: „Nunc autem scito me iandiu destinatum matrimonium consumasse et admodum uxorium effectum coningalibus illecebris frangi nec ut olim vacare studio“. etc. ibid. t. I. p. 32.

⁴³) Веселовскій — Боккаччо, его среда и сверстники. Спб. 1893. т. II. p. 174.

⁴⁴) См. Fracassetti. о. с. т. I. pp. 393—394. т. III. pp. 241—243, 331—337, 395—396, 422.

⁴⁵) Фогтъ. о. с. т. II, p. 6.

⁴⁶) О Франческо Бруни мало свѣдѣній. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что это былъ гуманистъ. Epistolario. t. I. p. 42. not. 1. Корелинъ. о. с. p. 592 и Фогтъ. о. с. I. с.

Уже въ ноябрѣ 1367 г. Салютати выражаетъ подобную просьбу въ письмѣ къ Фр. Бруни, но пока только между прочимъ: Quia tamen animus hominum sempr majora expetit, in quantum occurrat ut me ad apostolicam curiam positis erigere obsecro et obtestor. Epistolario. t. I. p. 44. Спустя 16 дней С. повторяетъ свою просьбу—interim tamen si me hinc potestis divellere curatote и дал. Epistolario. t. I. p. 45—46. Болѣе опредѣленно проситъ Салютати въ другой разъ, указывая на Витербо, гдѣ онъ желалъ бы получить мѣсто канцлера. Epistolario. t. I. pp. 46—48, откуда между прочимъ видно, что Бруни общалъ Салютати свое содѣйствіе.

начать все съ азбуки“ и съ небезкорыстными намѣреніями „пользоваться тѣнью покровительства Бруни“⁴⁷⁾).

Въ Римѣ, въ папскую курію влекли его гвельфскія симпатіи⁴⁸⁾, влекла слава апостольскаго двора—богатаго и веселаго. Тѣневой стороны папской куріи Салютати однако не зналъ пока. Правда, онъ слышалъ язвительныя рѣчи Петрарки о „вавилонскомъ дворѣ“,— правда, онъ зналъ, какъ относился къ службѣ у папъ Боккаччо, но то все были нападки на авиньонскихъ папъ, на французскую курію⁴⁹⁾, во главѣ которой одно время стоялъ „росо religioso“, поклонникъ графини Тюреннъ, „любитель жизни“—Климантъ VI⁵⁰⁾. Теперь же тѣ

⁴⁷⁾ *Contentus ob alphabeto et primis elementis incipere... Epistolario. t. I. p. 49. Sub vestre protectionis umbra. ibid. I. pp. 53.* О своемъ рѣшеніи переѣхать въ Римъ С. сообщалъ Бруни въ письмѣ отъ 8-го марта 1368 г., изъ котораго видно, что С. рѣшилъ принять на себя обязанности помощника Бруни при куріи, заранѣе обрекая себя на положеніе, въ матеріальномъ отношеніи болѣе тяжелое, нежели въ Тоди. Отъ 24-го апрѣля 1368 г. Салютати пишетъ уже изъ Рима.

Въ этомъ пунктѣ біографіи Салютати различные послѣдователи допускали одну и ту же ошибку. Бонамичи въ „*De claris pontificiarum epistolarum scriptoribus*“ утверждалъ, что Салютати былъ апостольскимъ секретаремъ уже при Иннокентіи VI (занимавшемъ папскій престолъ, какъ извѣстно, съ 1342 по 1352 г.). Это, конечно, совершенно невѣрно: въ это время Салютати и не думалъ еще о службѣ при куріи. Фогтъ во 2 изд. своего труда отмѣтилъ эту ошибку (См. Фогтъ. о. с. t. I. p. 182, not. 2), но самъ допустилъ не меньшую ошибку. Онъ говоритъ: „Мы встрѣчаемъ Салютати секретаремъ при папскомъ дворѣ при Урбанѣ V — навѣрное. Послѣднему онъ сопутствовалъ изъ Авиньона въ Римъ въ 1369 г., но назадъ въ Авиньонъ не ѣздилъ“. (Фогтъ. *ibid.*). Но, во-1-хъ, Салютати не былъ при Урбанѣ V (1362—1370) секретаремъ, какъ и никогда имъ не былъ: изъ цитированныхъ писемъ видно, что секретаремъ въ это время былъ Бруни. Во-2-хъ, Авиньона Салютати, вѣроятно, никогда и не видѣлъ: еще въ 1367 г., будучи въ Тоди, Салютати пишетъ, что написалъ стихотвореніе на возвращеніе папы въ Римъ (*Epistolario. I. 45—46*),—стало быть, Салютати при папѣ не было въ это время, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, въ Римъ Салютати пріѣхалъ только въ 1368 г. Вотъ почему довольно курьезно читать въ книгѣ Фогта и слѣдующія слова: „Впечатлѣнія тѣхъ лѣтъ (проведенныхъ въ Авиньонѣ) навсегда остались въ душѣ Салютати“ (Фогтъ. о. с. *ibid.*). Та же ошибка повторяется и другими. См., напр., Корелинъ. о. с. p. 592. Гаспарі — *Исторія италянскаго литературы. Русск. пер. t. II. p. 90.*

⁴⁸⁾ Очень опредѣленно свой гвельфизмъ Салютати выражаетъ уже въ первыхъ письмахъ изъ Стиньяно. См. *Epistolario. t. I. p. 4.* Надо замѣтить, что это не помѣшало Салютати стать позднѣе противникомъ „свѣтской политики“ папъ.

⁴⁹⁾ *Fracassetti. o. c. t. II. pp. 218—233, 264—279; t. III. pp. 48—54. Cozzadini. o. c. p. 147.*

⁵⁰⁾ *Matteo Villani, lib. III, cap. XLIII, Muratori. R. J. S. t. XIV, p. 186. E.*

времена, казалось, прошли. На престолѣ намѣстника Петра сидитъ Урбанъ V—„дѣвственникъ тѣломъ и душой“⁵¹⁾, просвѣщенный отецъ церкви⁵²⁾, папа, покинувшій „болото галловъ“ для „вѣчнаго города городовъ“⁵³⁾, удостоившійся даже похвалъ Петрарки.

Салютати зналъ курію лишь какъ пріютъ „латинской литературы“⁵⁴⁾, она ему рисовалась въ свѣтѣ идеальныхъ порывовъ и настроеній. Наконецъ, онъ искалъ литературнаго патроната, матеріальной обезпеченности⁵⁵⁾. Гдѣ онъ могъ найти все это, какъ не около Франческо Бруни, какъ не тамъ, куда звалъ его гвельфизмъ, выработанный условіями воспитанія, впечатлѣніями дѣтства?

Горько разочаровался Салютати. Планы, ожиданія, надежды, манившіе его въ Римъ, оказались миражемъ, разлетѣлись прахомъ. Въ обществѣ жизнь въ Римѣ оказалась не лучше жизни въ Тоди,—и онъ удрученъ, его опять грызетъ червь недовольства, ему опять, какъ и

⁵¹⁾ Такъ называли его современники. См. Magnan—Histoire d'Urbain V et de son siècle. Paris. 1863. p. 144: Au dire des contemporains, il fut vierge de corps et d'esprit.

⁵²⁾ Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. t. VI. p. 443 и дал. Magnan. о. с. pp. 139—152, 155—162. Creighton—History of the Papacy during the period of the Reformation. I. p. 48. Ludwig Pastor Gesch. der Päpste seit dem Ausgang des Mittelalters. 1891. t. I, pp. 81—82.

⁵³⁾ Салютати еще изъ Тоди выражалъ свою радость по этому поводу: Gratulor, quod Ecclesie sancte sedem video in lares proprios remeasse; quod urbi Rome apostolicum caput est redditum totique Italie iandiu exoptatum decus adercuit и т. д. Epistolario. t. I. p. 44. Объ отношеніи Петрарки къ этому см. Gregorovius. о. с. t. VI pp. 441 и д. Mézières. о. с. pp. 298—302.

⁵⁴⁾ Курія была очень рано захвачена гуманизмомъ, этой „заразительной болѣзнью“ по выраженію Петрарки (Fracassetti. t. II. p. 245). Корелинъ. о. с. pp. 583 и дал. Жебаръ. Начала возрожденія въ Италиі. Спб. 1900. pp. 208—211. Папская канцелярія уже издавна считалась образцовой въ томъ смыслѣ, что въ ней латынью владѣли въ совершенствѣ. См. Фогтъ. о. с. t. II. p. 1. Ср. Epistol rerum fam. XIII, 7. Ср. Burckhardt. о. с. t. I. p. 257.

⁵⁵⁾ Извѣстно, что искательство литературнаго патроната было въ ту эпоху самымъ обыденнымъ явленіемъ. Уже Дантъ писалъ:

Su proverai si come sa di sale
Lo pane altrui, e com'è duro calle
Lo scèndere e il salir per l'altrui scale

См. Div. Com. Parad. XVII. v. 58—60.
Въ изд. Luigi Polacco, стр. 334.

Ср. Дж. Боккаччо. Декамеронъ, перев. А. Н. Веселовскаго. t. I. p. 56, (о Бергамини).

раньше, грустно и тяжело⁵⁷⁾. Ему надо уйти изъ Рима⁵⁸⁾. И онъ

⁵⁷⁾ Римъ въ это время былъ городомъ „культурнаго одичанія“, по выраженію Грегоровіуса (см. *Gesch. d. St. Rom im Mittelalter*. t. VI. p. 668. Ср. и стр. 508—512). „Римъ былъ растерзанъ“ во всѣхъ отношеніяхъ (*Roma enim lacerata*. Fracassetti. о. с. t. I. p. 369), и Петрарка былъ правъ, жалуясь на невѣжество римлянъ (*ibid.* p. 314). Извѣстно, какъ рисовалъ Римъ этой эпохи Кола ди Ренцо (*Em. Rodocannachi—Cola di Rienzo. Histoire de Rom de 1342 a 1354*. p. 31 и дал. Ср. Фогтъ. о. с. t. I, 54—55). Салютати не иначе рисуеъ Римъ во время своего пребыванія тамъ. Къ Чекко Росано онъ пишетъ: *postquam in hanc almam urbem fato quodam, ut ita loquor, influxi mecum sepius indignatus sum cives romanos admodum paucos se dedisse virtuti vel studio litterarum, quod proculdubio compendiosa via est ad virtutis apicem, que, ut ait Cicero noster, propria est romani generis et sanguinis. Non tamen id admiratus sum, cum et nationes ceterae et omne pene genus mortalium, etsi virtutem verbis laudent, facto tamen et opere, in quibus illa consistit, nedum negligent sed contemnant. Cuius rei causa est cogendarum divitiarum insatiabilis appetitus, quas homines admirantur, honorant et in illis summum aliqui sibi bonum constituent; arbitrantur alii; nonnulli etiam stidiosa defendunt; itaque dum adillas cumulandas intendunt, errare devio a virtutis tramite distrabuntur* и т. д. *Epistolario*, t. I. pp. 122—123.

Въ другой разъ С. жалуется, что не нашелъ и въ Римѣ „досуга“: *Ego autem qui in hanc olentem sentinam rui, nichil agens occupatus semper sum; et si queras in quid occuper, nescio, sed ipsa curia etiam ocium agentibus occupatio est* и т. д. *Epistolario*. t. I. p. 85.

Курія также предстала передъ нимъ въ истинномъ свѣтѣ. Въ письмѣ къ Петраркѣ онъ писалъ: *quid enim scribam curie mores? tu illos melius me ipso novisti* и т. д. (*Epistolario*. t. I. p. 95, 73—76), а извѣстно, что зналъ Петрарка о куріи. (См. Корелинъ. о. с. p. 222).

⁵⁸⁾ При римской куріи Салютати оставался два года (1368—1370 гг.) какъ это подтверждаютъ его письма (*Epistolario*. t. I. pp. 55—122). Въ это время Салютати бывалъ вмѣстѣ съ папой и его свитой въ Монтефиосконе, Орвието и Витербо. Урбанъ V въ 1368 г. по болѣзни уѣхалъ изъ Рима въ деревню Монтефиосконе (*Muratori. R. I. S. t. III. p. 620*),—въ это же время мы видимъ тамъ и Салютати (*Epistolario*. t. I. pp. 56, 61, 63). Въ 1369 г. въ апрѣлѣ Урбанъ V выѣхалъ изъ Рима въ Витербо (*Muratori. R. I. S. t. III. p. 635*), отсюда же за 1369 г. имѣются и письма Салютати (за апрѣль и июнь) *ibid* p. 59 и др.

Еще не прошло и года послѣ пріѣзда его въ Римъ, а Салютати уже мечтаетъ пристроиться въ Перуджін. Объ этомъ хлопоталъ и Фр. Бруни, обратившійся въ 1369 г. съ просьбой о Салютати къ Марино Чекколи. Последняго Салютати проситъ и самъ. *Epistolario*. t. I. p. 78. Характерна мотивировка просьбы: *cupio adillud officium (канцлерство въ Перуджін) evocari, ut aliquando emergam, et si quid studio vel natura bene partum habeo possim in lucem educere*. Повидимому хлопоты С. въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ: до марта 1370 г. мы все еще видимъ его въ Римѣ, а затѣмъ въ Луккѣ (*Epistolario*, I. pp. 78—122, 125 и дал.), такъ что утверждение Selmi (*Biograf. di C. Salut.* p. 7), что Салютати одно время служилъ въ Перуджін, ошибочно.

уйдетъ скоро въ Лукку⁵⁹⁾, будетъ опять недоволенъ, опять будетъ искать лучшаго⁶⁰⁾. Наконецъ, найдетъ пристанище во Флоренціи, сначала въ качествѣ секретаря пріоровъ, а потомъ въ качествѣ канцлера великой республики⁶¹⁾. Такъ закончится пора поисковъ за благополучіемъ. Салютати достигнетъ высокаго положенія, громаднaго вліянія. Его имя будетъ извѣстно всей Италиі, частью Европѣ. Онъ будетъ громадной силой. Своимъ единственнымъ оружіемъ—сильнымъ и энергичнымъ перомъ будетъ наводить страхъ на многихъ, и одинъ изъ миланскихъ тирановъ откровенно скажетъ: „Письма Салютати приносятъ мнѣ болѣе вреда, чѣмъ тысяча флорентійскихъ всадниковъ“⁶²⁾.

⁵⁹⁾ См. *Epistolario*. t. I. p. 121. not. 1 (бреве папы Урбана V). Еще до официального назначенія въ Лукку Салютати покидаетъ Римъ и уѣзжаетъ въ Стиньяно. *Epistolario*. t. I. pp. 125—126, 127—129). Письма изъ Стиньяно въ это время (1370 г.) писаны отъ 14 мая и 27 іюля. 1-го августа того же года состоялось постановленіе Лукки о назначенія на должность канцлера коммуны К. Салютати. Документъ этотъ приводится въ выдержкахъ Новати (см. *Epistolario*, t. I. p. 129. not. 2). Отъ 24 октября 1370 г. Салютати пишетъ уже изъ Лукки (см. *ibid.* I. p. 130), выражая чувства, какія онъ унесъ изъ Рима, „очага всякой“ скверны.

⁶⁰⁾ Одно время ему предстоялъ случай занять мѣсто канцлера въ Ареццо (*Epistolario*. t. I. p. 149. ср. p. 146). Однако онъ оставался въ Луккѣ. Положеніе его между тѣмъ тутъ ухудшалось съ каждымъ днемъ (*Epistolario*. I, 147), и онъ обращается къ знакомымъ съ просьбой помочь ему уйти изъ Лукки (*ibid.* I, 147): политическія неурядицы, происходившія въ это время въ Луккѣ (Sismondi, *Histoire des Républiques* и т. д. t. VII p. 48—49), особенно удручали Салютати. Въ это время (1372 г.) С. лишился жены, о чемъ сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ, говоря о своихъ страданіяхъ и о своей любви къ женѣ (*Epistolario*. t. I. 159). Вскорѣ послѣ этого С. покидаетъ Лукку и уѣзжаетъ, по всей вѣроятности, въ Стиньяно, чтобы въ Лукку уже не возвращаться.

⁶¹⁾ Когда именно С. получилъ мѣсто секретаря пріоровъ, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ въ 1374 г. онъ уже находился во Флоренціи (*Epistolario*. t. I. p. 167). Службу ему оказалъ въ данномъ случаѣ, вѣроятно, флорентійскій канцлеръ—Nicolo di ser Ventura Monaci, съ которымъ С. уже давно находился въ пріятельскихъ отношеніяхъ (см. *Epistolario*. t. I. pp. 29—31). Въ 1375 г. Салютати дѣлается канцлеромъ Флорентійской республики—послѣ удаленія отъ должности только что названнаго Nicolo di Ventura, „впавшаго въ немилость у гонфалоньера“ (Фогтъ. о. с. t. I. p. 183). См. *Epistolario*. t. I. p. 29. not. 1; p. 203. not. 1.

⁶²⁾ См. *C. Salutati Invectiva in Antonium Luschem. Vicentinum*. Ed. Moreni. Florentiae. 1829. p. 231.

Приведенныя слова принадлежатъ миланскому деспоту Джангаллеаццо Висконти. Фогтъ. о. с. t. I. p. 192. Vergerio, Pietro Paolo, *Epistole*, p. 170 (Monumenti storici publ. dalla R. Deputazione Veneta di Storia patria Ser. IV. Miscellanea vol. V. Venezia. 1887.

Флоренція была для Салютати, какъ онъ самъ говоритъ, „спасительнымъ портомъ, куда присталъ онъ утомленный со своею ладьею жизни“⁶³). Радостно и съ затаеннымъ страхомъ онъ пишетъ затѣмъ: „Чувствую, что (канцлерство) выше силъ моихъ, незначительность и слабость которыхъ сознаю. Но какъ ни велика и ни высока эта должность, принимаю ее съ глубокимъ душевнымъ удовлетвореніемъ и, насколько смогу, постараюсь быть достойнымъ ея“⁶⁴).

Въ должности канцлера флорентійской республики Салютати является первымъ гуманистомъ, ставшимъ руководителемъ политики большого государства. Такъ „политическая наука рождается въ Италіи вмѣстѣ съ эрудиціей“. Колюччіо былъ первымъ ея представителемъ,—и съ „тѣхъ поръ“ клерики и церковные люди уступаютъ въ этой области мѣсто такимъ лицамъ, какъ Леонардо Аретино, Поджіо, Марсупини и, не говоря о другихъ, Маккьявелли“⁶⁵).

Канцлерская дѣятельность во Флоренціи выработала въ Салютати извѣстный строй политическихъ убѣжденій, поставила его лицомъ къ лицу съ различными явленіями современности, требовала отъ него страшнаго напряженія силъ до конца его дней (ум. въ 1406 г.).

Но не забудемъ, что Салютати гуманистъ. Стало быть, у него была еще другая сфера интересовъ. Стало быть, жизнь его не исчерпывалась политикой. Уже въ Болоньѣ онъ соприкасается съ гуманизмомъ, съ его идеями, настроеніями, стремленіями. А потомъ находится въ сношеніяхъ съ Петраркой⁶⁶), Бок-

⁶³) Epistolario. t. I. p. 206.

⁶⁴) *ibid.* p. 208. О радости С. по поводу назначенія на должность флорентійскаго канцлера. См. Epistolario. I. p. 225, 245, 312 и т. д. О значеніи для С. такого назначенія хорошо говоритъ Фогтъ (см. о. с. t. I. p. 183. Ср. Epistolario. t. I. p. 206, not. 1).

Къ первымъ годамъ службы Салютати во Флоренціи относится его вторая женитьба (Epistolario. t. I. 206).

⁶⁵) Веселовскій. Вилла Альберти. p. 92.

⁶⁶) Ср. прим. 25. Въ переписку съ Петраркой вступилъ С., будучи еще въ Римѣ. Въ 1368 г. Петрарка, пиша Бруни, сдѣлалъ приписку, въ которой шлетъ привѣтъ Салютати, и вотъ Салютати пользуется случаемъ и пишетъ Петраркѣ письмо, полное поклоненія (Epistolario. t. I. p. 61 и дал.). Салютати негодуетъ по поводу нападокъ „галловъ“ на Италію, вызванныхъ поздравительнымъ письмомъ Петрарки къ Урбану V по случаю его возвращенія въ Римъ. Салютати убѣждаетъ Петрарку „возвысить свой голосъ и посрамить высокомерную Галлію“. (*ibid.* p. 75—76). Петрарка, дѣйствительно, возвысилъ свой голосъ. См. Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. 1873. pp. 569—583. Kerting. Petrarca's Leben . . . pp. 383—402. Для характеристики отношеній Петрарки и Салютати надо замѣтить, что при всемъ своемъ поклоненіи С. умѣлъ отнестись къ Петраркѣ критически. Извѣстно, какое недоумѣніе вызывалъ Петрарка, когда вздумалъ въ 1353 г. посѣтить миланскаго тирана во-

качью ⁶⁷⁾ и съ другими гуманистами ⁶⁸⁾; читаетъ Валеріа Максима, Цицерона, Стація, Ювенала, Сидовія, Марціана и т. д. ⁶⁹⁾; бросается въ нетерпѣливые поиски за сочиненіями Проперція и Катутла ⁷⁰⁾, за письмами Цицерона, „Африкой“ Петрарки ⁷¹⁾; съ увлеченіемъ бесѣдуетъ со знакомыми ⁷²⁾, о Сенецѣ зачитывается Вергиліемъ ⁷³⁾ поклоняется Платину и Аристотелю ⁷⁴⁾, Гомеру и Греціи ⁷⁵⁾; бредитъ о мірѣ классическихъ образовъ, чудныхъ твореній классическаго генія; терзается отъ мысли, что не знаетъ греческаго языка, на старости лѣтъ готовъ взяться за его изученіе ⁷⁶⁾; слышаетъ

преки всѣмъ принципамъ политической порядочности. (См. Corazzini. p. 49 и дал. Ср. объясненія Петрарки — Fracassetti. t. II. pp. 451—459; t. III, pp. 364—369. См. такъ же Apendix, p. 515 not. 1). Romussi Petrarca a Milano, Studi storici. 1874. Hortis Scritti inediti di Francesco Petrarca. Trieste. 1874. pp. 43—84, 135—182. Черезъ много лѣтъ Петрарка повторяетъ свой визитъ къ Висконти, и на этотъ разъ обличителемъ его выступаетъ Салютати—и довольно рѣзкимъ и энергичнымъ (Epistolario t. I. p. 96 и дал.). Одно письмо С. къ Петраркѣ представляетъ историческій интересъ для характеристики Урбана V и его отношенія къ римской старинѣ (ibid. p. 62 и дал.).

⁶⁷⁾ Когда и какъ Салютати „подружился“ съ Боккаччо, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ знакомство началось раньше 1367 года, какъ это видно по тону перваго письма къ Боккаччо. Epistolario. I. pp. 48 и дал. Ср. Веселовскій, Боккаччо и проч. t. II. p. 524.

⁶⁸⁾ На основаніи писемъ Салютати можно было бы назвать очень много гуманистовъ, имена которыхъ до сихъ поръ не были извѣстны. Это все адресаты Салютати, между которыми встрѣчаются, конечно, и люди противоположнаго направленія. Не приводимъ списка знакомыхъ Салютати гуманистовъ и основаній, почему ихъ слѣдуетъ считать гуманистами, т. е. это заняло бы очень много мѣста.

⁶⁹⁾ Epistolario. t. I. p. 12, 28, 115, 166; III. pp. 97, 169, 238 и др. Можно указать массу другихъ именъ, на которыя Салютати ссылается и сочиненія которыхъ цитируетъ. Не дѣлаемъ подробныхъ указаній, ограничиваясь лишь приведенными, т. е. это заняло бы много мѣста.

⁷⁰⁾ Epistolario. I. p. 207 и др. 221—222.

⁷¹⁾ Epistolario. I. pp. 221—223, 278; II, 9 и др. Объ „Африкѣ“ интересное письмо отъ 25 янв. 1376 г. Epistol. t. I. p. 229—241. Ср. 249 и др. О Цицеронѣ ср. Epistolario. I, 331—332. II, 339, 342, 380, 397 и др.

⁷²⁾ ibid. t. I. pp. 63—64. II, 205—213.

⁷³⁾ Epistolario. t. III. pp. 264—266 и дал. и др.

⁷⁴⁾ На нихъ Салютати дѣлаетъ массу ссылокъ. См. III, 462 и др., 593, 545 и др. О Федонѣ Платона, принадлежавшемъ Петраркѣ. II, 444. Ср. De Nolhas. Petrarque et l'humanisme. p. 328. Корелинъ. о. с. p. 790.

⁷⁵⁾ Epistolario. II. p. 398 и дал. и др. Какъ о собирателѣ книгъ, о Салютати см. Фогтъ. I, 194 и д. Списокъ указанныхъ Фогтомъ сочиненій можно было бы на основаніи Epistolario пополнить массой другихъ авторовъ, извѣстныхъ Салютати.

⁷⁶⁾ Epistolario. t. III. p. 109 и д. Ср. Фогтъ. о. с. I. p. 211.

рукописи классиков⁷⁷⁾, горько жалуется на плохое состояніе текста⁷⁸⁾, предлагаетъ поправки къ письмамъ Цицерона „ad Familiares“; сомнѣвается въ подлинности трагедій, приписываемыхъ Сенека, — и все это сливается въ страстное стремленіе къ творчеству, къ „поэзіи, не дающей богатства, но ведущей къ небу“, какъ выражался Боккаччо⁸⁰⁾.

Творчество же его проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ — въ стихахъ, въ философскихъ трактатахъ, въ политическихъ разсужденіяхъ и во многихъ другихъ произведеніяхъ на самые разнообразные темы и сюжеты⁸¹⁾. Ужасно скучны и тяжелы для насъ продукты его сочинительства. Но современники Салютати восхищались ими, а автора ихъ считали продолжателемъ Петрарки. Вотъ что говорилъ, напр., Франческо ди Фіано, обращаясь къ нему: „Тебя слушая, тебя читая, заучивая знаменитыя пѣсни Пирра, нашъ умъ гордится тобою и славится: потому что, благодаря высокому дару совершенства, ниспосланному тебѣ небомъ, восполнена утрата столькихъ поэтовъ, и дивная прелесть твоего необычайнаго духа утѣшаетъ насъ на краю могилы, вызывающей нескончаемыя слезы, нашего божественнаго Петрарки“⁸²⁾. Еще другія черты сближаютъ Салютати съ гуманистами. Во всемъ его настроеніи мы видимъ печать времени, когда отрицаются традиціи старины, исповѣдуются принципы свободы личности, свободы ея стремленій, думъ. Салютати является врагомъ „діалектической философіи“, какъ онъ называетъ средневѣковый строй понятій, скованныхъ теологическими предпосылками, и требуетъ свободного изслѣдованія природы, свободного отношенія къ ней. Онъ объявляетъ болтовней и глупостью усилія разобраться въ тонкой путаницѣ хитросплетенныхъ словъ, смѣется надъ людьми, видящими всякіе ужасы и чудеса тамъ, гдѣ все ясно, какъ день Божій, и гдѣ проявляются лишь живыя силы природы⁸³⁾. Одушевляемый идеей,

⁷⁷⁾ Фогтъ. о. с. I. p. 199.

⁷⁸⁾ Корелинъ. о. с. Въ приложеніяхъ стр. 4—7.

⁷⁹⁾ Epistolario. t. I. pp. 150—155. Салютати раздѣляетъ мнѣніе другихъ своихъ современниковъ, что Senecam... collocutoremque Pauli fuisse.

Ср. Teuffel. Gesch. d. Römisch. Literatur. Leipz. 1882. p. 650.

Ср. Fracassetti. Famil. XXIV. ep. V.

⁸⁰⁾ А. Веселовскій. Боккаччо и проч. t. I. p. 15

⁸¹⁾ Полный ихъ списокъ, за малыми исключеніями, у Корелина. о. с. pp. 785—817.

⁸²⁾ Веселовскій. Вилла Альберти. p. 90. Послѣ смерти Салютати его называли не иначе, какъ поэтомъ. Современники полагали, что онъ былъ достоинъ этого. Valentinelli Bibliotheca manuscripta ad S. Marci Venetiarum. Venetüs. 1863—1873. t. IV, p. 202.

⁸³⁾ . . . In philosophia, que quidem donum divinum omnium moderatrix noscitur esse virtutum et, ut Ciceroniano utar vocabulo, expultrix vitiorum et

что человекъ есть царь и вѣнецъ природы, онъ высоко ставитъ человеческую личность, и, несмотря на всѣ противорѣчія и сомнѣнія, творческія силы человека считаетъ проявленіемъ высочайшаго добра и красоты. Вотъ почему и думаетъ онъ, что „поэзія“ есть нѣчто, выше чего не можетъ быть ни одна сила человеческого духа и вѣшняго міра, а подъ поэзіей разумѣется имъ вся совокупность вопросовъ, касающихся движеній человеческого сердца, волненій человеческого ума, творчества фантазіи, красоты и законовъ языка ⁸⁴⁾.

Вся эта „философія“ его въ связи съ настроеніемъ выработалась въ Салютати въ средѣ, которая какъ разъ въ XIV в. взянула на міръ Божій иными глазами. Петрарка и Боккаччо, — вотъ ея знаменосцы, и не даромъ они цѣнили Салютати: онъ былъ сыномъ ихъ вѣка, ихъ поколѣнія.

Многіе серьезныя, капитальныя факты эпохи объясняютъ направление и вкусы этого поколѣнія. Вотъ они.

Натуральное хозяйство, основанное на началахъ примитивнаго

omnium scientiarum et artium imperatrix ac magistra, quantum excessit! Non dico in hac, quam moderni sophiste ventosa iactatione inani et impudente garrulitate mirantur in scolis; sed in ea, que animos excolit и т. д. Epistolario. t. I. p. 179. Салютати т. обр. истинной философій считаетъ этику. Ср. Epistolario. III. p. 604, а также pp. 319—320. t. II. pp. 351—354. Чрезвычайно интересны страницы письма отъ 25 апр. 1401 г., въ которыхъ высказывается взглядъ на науку. Epistolario. III. pp. 585—589: in hac quidem vera moralique sophia, quam Latini sapientiam vocant, rectum et honestum est utilissimumque versari; in hac non semper scientia quia, sicut in physicis, sed utimur etiam, quod crebro facimus, scientia propter quod. Сравн. III. pp. 67 и д.

Салютати врагъ астрологій. Epistolario. t. I. p. 287. t. II. pp. 349—350. Впрочемъ, въ такое отношеніе къ астрологій онъ становится не сразу. Раньше онъ думалъ иначе, поклонялся Павлу Дагомеру — флорентійскому астрологу. Epistolario. t. I. pp. 16—20. Ср. Epistolario. I. p. 279—280, II. 260 и др.

⁸⁴⁾ tum velim de poetica cogites, que super omnia, que seiri possunt, sedem habet и дал. Epistolario. III. p. 320. Nescio si quicquam maius et in humanis inventionibus sive perfectionibus poetica dici possit, imo scio certissime quod non possit. Etenim cum ipsam nulla sententia vel facultas, veluti subiectum aliquod vel ad se pertinens presupponat, ipsa cunctis aliis utitur iure suo et sermonis imagine, tegminibus et figuris sententiarum, verborum et rerum cuncta pertractat per omniaque dominatur et currit, ut non possit aliquis verum officium prestare poete, nisi noverit omnia, que sequuntur. Epistolario. t. I. pp. 454 и дал. Ср. III, 291 и дал. 225—226. Защита поэзіи отъ обвиненій ея во лжи и вымыслахъ—Epistol. II. 305—306; III, 539—542. Взглядъ Салютати на аллегорическій элементъ въ поэзіи таковъ же, какъ и Петрарки и Боккаччо. Epistol. III, 454 и д.; 291—292. На ряду съ поэзіей очень высоко ставитъ С. и краснорѣчіе. (См. I 76—77, 79, 180; III, 411 и др.), подобно Петраркѣ.

производства и обитна, разлагается,—и въ старыя экономическія отношенія врывається вѣяніе новой жизни, сила золота, текущаго широкой волной по различнымъ путямъ почти во всѣ концы Италіи. Зарождается крупная торговля, разбивающая оковы прежней хозяйственной замкнутости и автономности, вырастаетъ въ громадную силу, вносящую во всѣ сферы жизни броженіе, открываетъ широкіе горизонты, связываетъ циркуляціей продуктовъ труда и природы экономическія единицы, нѣкогда изолированныя, посылаетъ тысячи людей на корабли, за море, за Альпы и создаетъ банкирскіе дома, оглашаемые шумомъ мѣновыхъ операцій, кредиторовъ и должниковъ.

Вырабатывается типъ купца-предпринимателя, проникнутаго космополитическими тенденціями, сознаніемъ своей силы и достоинства, полного духа предпримчивости и свободы. Онъ появляется на рынкѣ, его фигура мелькаетъ въ приморскихъ городахъ, въ большихъ центрахъ населенія, въ селахъ,—и къ нему стремится масса, отдавая ему продукты своего труда, зная уже цѣну деньгамъ, стремясь къ выдѣленію изъ нивелированной среды сельскаго люда и добывая хлѣбъ насущный промышленностью. Совершается необыкновенный ростъ городовъ, стягивающихъ къ себѣ всѣ экономическіе соки, разлагающихъ сельскій бытъ, вырастающихъ въ рычагъ, которымъ приводится въ движеніе вся страна,—и тамъ, въ этихъ лабораторіяхъ новой жизни, идетъ интенсивный процессъ соціальной перетасовки и роста капитала. Всѣ рамки старины разбиты, капиталъ опровергаетъ ихъ,—и передъ нами проходитъ въ источникахъ рядъ живыхъ картинъ фабричнаго производства, организаціи труда, встаетъ грозный вопросъ о правахъ на будущее рабочаго и „капиталиста“. Настаетъ время крайне напряженной борьбы между соціальными элементами, между землевладѣльцемъ, фабрикантомъ и купцомъ, между феодаломъ, капиталистомъ и банкиромъ, между производителемъ и потребителемъ, между рабочимъ и работодателемъ. Такимъ образомъ, совершается соціальная дифференціація, проникающая въ отдаленнѣйшія глубины общества,—прежнія силы передвигаются, смѣшиваются, разбиваются на новыя группы,—и прежняя неподвижность уступаетъ мѣсто чудодѣйственно-быстрому движенію, царящему всюду, наполняющему атмосферу шумомъ и гамомъ, электризирующему ее и часто проявляющемуся въ видѣ грома и молній соціальныхъ волненій.

Общественная мысль въ своемъ развитіи отвѣчаетъ на реальныя отношенія вѣшняго міра. Въ процессѣ соціального тренія создаются импульсы, волнующіе ее,—и она работаетъ усиленно, старается разобратъ въ потоки быстромѣняющихся явленій жизни, индивидуализируется въ борьбѣ противоположныхъ интересовъ, въ рамкахъ свободного передвиженія элементовъ общества. Критика становится ея

дѣломъ, ея цѣлью,—потому что новыя кровныя интересы, матеріальныя потребности рѣзко противорѣчили средневѣковой идеологіи, потому что въ этомъ она находила удовлетвореніе потребности личной независимости—вопросу, поставленному всѣмъ строемъ социальныхъ отношеній. Такъ происходитъ освобожденіе отъ узъ средневѣковой философіи, отрицаемой и осмѣиваемой теперь. Далѣе, въ томъ же процессѣ социального развитія она находитъ точку отправленія для гуманистическаго пониманія человѣческой личности: нѣтъ уже при- давленной массы, рабочій—сила, личный талантъ, личная сноровка, выправка и предприимчивость открываютъ широкій путь къ богатству, вліянію, власти; новый міръ зрѣлищъ, открывшихся на Востокѣ и Западѣ, представляетъ жизнь человѣка иныхъ традицій, привычекъ, вѣрованій—и общественное сознаніе вырабатываетъ идею человѣческой индивидуальности, являющейся сама себѣ цѣлью во всей цѣлости своихъ душевныхъ отправленій. Такъ вырастаетъ новая италіанская интеллигенція, поколѣвіе гуманистовъ, которые и обращаются за удовлетвореніемъ потребностей своего ума къ классической литературѣ, къ единственной въ ту эпоху сокровищницѣ продуктовъ свободной человѣческой мысли: такъ называемое возрожденіе классической древности является производнымъ, второстепеннымъ явленіемъ въ сравненіи съ пробужденіемъ общественной мысли, пришедшей самостоятельно къ тому, что нашла она у классиковъ.

Таковы тѣ общія условія, на почвѣ которыхъ создался гуманизмъ, выросла новая италіанская интеллигенція. Это объясняетъ и настроеніе Салютати, какъ одного изъ элементовъ ея *).

*) Намъ хотѣлось указать на общія причины, создавшія настроеніе Салютати, которое, конечно, само по себѣ ближайшимъ образомъ обязано существованіемъ образованію, средѣ, случайнымъ встрѣчамъ и т. п.: тутъ это настроеніе разсматривается не какъ индивидуальная принадлежность Салютати, а какъ проявленіе общественной, культурной тенденціи, какъ общее типичное явленіе.

Мы отнюдь не думаемъ объяснять гуманизма экономическими причинами; мы только думаемъ и хотѣли подчеркнуть, что связь гуманизма съ измѣненіями, происшедшими въ социальныхъ отношеніяхъ, несомнѣнна, не желая вовсе этимъ сказать, что всеопредѣляющимъ историческимъ факторомъ вообще является экономика. Не думаемъ мы, чтобы былъ поэтому правъ рецензентъ „Историч. Вѣсти.“, утверждающій, что наша работа посвящена объясненію гуманизма изъ экономическихъ причинъ. Такой широкой цѣли данная статья себѣ не ставитъ и на такую исключительную точку зрѣнія не претендуетъ.

II.

Условія общественной и политической жизни Италіи XIV-го вѣка съ ея зыбкостью отношеній, противоположностью интересовъ и быстрою смѣной моментовъ паденія и торжества настраивали гуманистовъ пессимистически.

„Размышляя о человѣческихъ дѣлахъ и судьбахъ и ихъ неопредѣленныхъ и неожиданныхъ перемѣнахъ, я прихожу къ заключенію, что нѣтъ ничего болѣе непорочнаго, безпокойнаго, чѣмъ жизнь смертныхъ“. Такъ формулировалъ пессимизмъ эпохи Петрарка ⁸⁵⁾

Салютати является типичнымъ представителемъ этого пессимизма. Окружающая дѣйствительность не давала ему основаній для утопій и жизнерадостнаго міровоззрѣнія. Подъ впечатлѣніемъ политическихъ и социальныхъ движеній, въ результатъ не приводившихъ пока ни къ чему, онъ проникается мрачнымъ взглядомъ на жизнь человѣка, на счастье, на будущее*). Весь міръ представляется ему ареной бѣдствій, эфемерности человѣческихъ стремленій и порывовъ, терзающихъ человѣка иллюзіями счастья и блаженства, котораго нѣтъ, не можетъ быть ⁸⁶⁾. Онъ думаетъ, что человѣкъ рожденъ именно для счастья ⁸⁷⁾, но насмѣшка судьбы и состоитъ въ томъ, что достигнуть его онъ не можетъ, потому что ничего нѣтъ вѣрнаго, положительнаго, прочнаго въ этомъ мірѣ тлѣна и суеты. Страстная жажда душевнаго мира, внутренней гармоніи, наслажденія, удовлетворенія—основная потребность человѣческаго духа ⁸⁸⁾. Но вотъ этого-то мы не имѣемъ, потому что чѣмъ болѣе имѣемъ, тѣмъ болѣе желаемъ, чѣмъ болѣе получили, тѣмъ болѣе страдаемъ ⁸⁹⁾, потому что, наконецъ, законъ жизни и при-

⁸⁵⁾ Fracassetti. t. II. p. 265.

*) Мы не станемъ дѣлать ссылки на всѣ мѣста писемъ Салютати, относящихся къ тому или иному вопросу: достаточно указать на наиболѣе типичныя.

⁸⁶⁾ Корелинъ. о. с. p. 792. not. 4. Epistolare. II. p. 181: quid enim solidum aut verum aut, si hoc modo melius exprimi sensus potest, quid longiusculum gaudium in hac caducarum rerum societate caducis et corruptibilibus esse potest? и дал.

⁸⁷⁾ Ad felicitaem nati, donec illam adipiscamur, quiescere non valemus. Epistolario. II. p. 182.

⁸⁸⁾ In temporalium splendorum affluentia non valeam non letari, non optare, si non habeam, non timere, cum possideo, et si quid ex hiseffluxit, non dolere. Heu, heu, quam pessimam occupationem dedit Deus filiis hominum, ut occuparentur in ea. t. I. p. 295.

⁸⁹⁾ Satis est sine dubitatione cognoscere felicitatis bona taliter redundare, quod nichilo prorsus indigeat quem contigerit esse felicem. Atqui reges et principes et, quos fortunatissimos dicimus, divites ipsi, aut fama clari vel conspicii dignitationibus seu nimia potentia formidandi, tanto pluribus indigere videmus, quanto maiore statu cernimus prepollere... Epistol. II. p. 181—182.

роды—недолговѣчное существованіе всего, что насъ окружаетъ, что мы видимъ, желаемъ, любимъ, надъ чѣмъ плачемъ и страдаемъ. „Взгляни“,—говоритъ Салютати: „даже не на дни человѣческой жизни, какъ тѣнь улетучивающіеся, а на существованіе цѣлыхъ городовъ, которымъ, казалось бы, ихъ прочностью, величиной и природой обезпечена если не вѣчность, то, по крайней мѣрѣ, большая продолжительность,—а между тѣмъ одни изъ нихъ обращены огнемъ въ прахъ и пепель, другіе поглащены разверзшейся внезапно землей, третьи смыты морскими волнами, четвертые опустошены заразой или разрушены до основанія жестокою войной. Но къ чему называть мнѣ созданія рукъ человѣческихъ, судьба которыхъ быстротечна и непрочна. Взгляни на небеса, на это величественное твореніе великаго Бога,—и объ этомъ твореніи сказано: Въ началѣ Ты, Господи, основалъ землю и небеса—дѣло Твоихъ рукъ; они погибнуть, а Ты пребудешь, и всѣ они, какъ риза, обветшаютъ, и, какъ одежду, Ты переѣмъши ихъ—и измѣнятся“. „Ничто подъ солнцемъ невѣчно, всему своя смерть. Рѣки иссыкаютъ, города исчезаютъ подъ плугомъ, скалы обращаются въ прахъ, ржа изѣдаетъ желѣзо,—и небеса ждутъ судьбы своей въ пламени“⁹⁰).

Борьба политическая и социальная, водоворотъ стремительныхъ, быстрыхъ наступленій и отступленій, экономическая неправда, ея бѣдствія,—все это отражалось въ настроеніи Салютати,—и онъ грустно качаетъ головой. Ему рисуется печальная картина борьбы за существованіе. Отсюда онъ заключаетъ къ цѣлой философіи, набрасывающей мрачный колоритъ на весь міръ и питающейся изъ общихъ взглядовъ на недолговѣчность человѣческихъ порываній, счастья, творческаго строительства. Весь міръ является въ его представленіяхъ ороной безконечной, непрерывной борьбы между различными силами всѣхъ царствъ природы, борьбы между противоположностями, изъ которыхъ состоитъ наше реальное бытіе,—и эта вражда, это поѣданіе однихъ другими,—вотъ законъ, вотъ все содержаніе жизни⁹¹). Эта теорія борьбы за существованіе, мелькающая въ умѣ Салютати въ виду реальныхъ явленій внѣшняго міра, снабжается имъ аргументаціей, почерпнутой, какъ и должно ожидать, изъ запасовъ теологи-

⁹⁰) Epistolario. t. I. pp. 162—163.

⁹¹) Naturalis quidem est inter hec inferiora contentio, utpote que cuncta sint ex contrariis et natura repugnantibus fabricata. Possem longo orationis discursu enumerare inter animantia queque quantum discordie quantumque pugne natura constituit. Scorpiones muscis imminet, scorpionibus mures, muribus cati, catibus canes, canibus lupi, lupis leones et leones victrix mustela aggreditur. Quid autem nota cormmemorem? homo etiam ipse homini maxima pestis est. Epistolario. t. II. pp. 134—135.

ческихъ наблюденій и дедукцій: основное положеніе ея объясняется, какъ логическій выводъ изъ догматическихъ предпосылокъ объ испорченности міра и людей послѣ легкомысленнаго поступка прародительницы ⁹²⁾ Такъ впечатлѣнія отъ живой дѣйствительности перерабатываются въ идею, поддерживаемую теоретическими данными изъ сокровищницы готовыхъ уже системъ и толкованій.

Итакъ, жизнь—борьба и мука. Но всегда ли будетъ такъ? Отвѣтъ для Салютати ясенъ и простъ, потому что о прогрессѣ у него нѣтъ и понятія, и самая мысль о лучшемъ будущемъ, о грядущемъ свѣтломъ царствѣ добра и истины, имѣющемъ притти и торжествовать на землѣ, показалась бы ему лепетомъ дѣтской фантазіи, черпающей свои образы не изъ опыта и дѣйствительности. Гуманисты вообще, можно сказать, не знали идеи будущихъ усовершенствованій, называемыхъ прогрессомъ.

Выросшіе въ условіяхъ новыхъ соціальныхъ отношеній, умы эти находили источникъ всѣхъ горестей и бѣдствій въ развитіи городской жизни. Впечатлѣнія рыночной жизни, городскихъ нравовъ, обычаевъ, привычекъ, порядковъ вызвали въ нихъ иллюзію прелести сельской жизни, патриархальныхъ отношеній,—и они яркими красками рисовали идилліи минувшихъ натурально-хозяйственныхъ условій, золотой вѣкъ міра и довольства, оставшіяся позади, въ далекомъ прошломъ, а въ будущемъ, въ перспективѣ открывалась передъ ними картина все большаго паденія и ухудшенія. Вотъ почему „дикий человѣкъ“ для Боккаччо былъ символомъ наивной простоты, соединенной съ непочатой мудростью ⁹³⁾. Вотъ почему и Салютати уносится своею мыслью въ минувшее, въ золотой вѣкъ, когда „голодъ утолялся жолудями, жажда волной, отъ холода защищались шкурами, отъ дождей, вѣтровъ и бурь укрывались въ пещерахъ“ ⁹⁴⁾. „О истинно счастливый, о истинно золотой вѣкъ“,—воскликаетъ онъ: „вѣкъ, когда люди утоляли голодъ свой плодами, выросшими и созрѣвшими на волѣ, утоляли безъ трудовъ и заботъ и, что превосходнѣе всего, не нарушая въ этомъ умѣренности и естественныхъ потребностей“ ⁹⁵⁾.

⁹²⁾ Cum enim homo creatus fuisset ad gloriam, ultra quam nichil est nichil-que conceditur exoptare, voluit infinita illa providentia ponere in tali statu mortales, qui transgressione primi parentis illud summum bonum amiserant... I. p. 318.

⁹³⁾ Петрарка о городской и сельской жизни. Fracassetti. I, 128; II, 218—226; II, 248—252. Веселовскій Боккаччо и проч. t. I, 278—279; 419—420; 363; 505; t. II, 574—575.

⁹⁴⁾ Корелинъ. о. с. p. 797. not. 3.

⁹⁵⁾ Epistolario. t I., pp. 270—271: longe melius vatum antiquissimi, sive id hystoria fuerit sive poeticum moraleque commentum, primam etatem, non

Впечатлѣнія, на основѣ которыхъ выросла мысль, впоследствии ставшая яркой и блестящей подъ перомъ Руссо, усиливались безконечной смѣной различныхъ формъ политическихъ организацій, многочисленными поворотами и попятными движеніями въ сферѣ реальныхъ отношеній общества и государства. Усиленные, приподнятыя — впечатлѣнія выросли въ мысль о безконечной повторяемости явленій; чтеніе классиковъ, открывшихъ сознанію міръ сходныхъ фактовъ, порывовъ и заблужденій, возбуждало эту мысль сильнѣе; она получала опредѣленное направленіе и содержаніе. Вырабатывается своего рода теорія историческаго процесса, нѣкоторыми своими чертами соприкасающаяся съ знаменитой книгой Вико. Въ письмахъ Салютати есть данныя для восстановленія этой теоріи. Въ общихъ чертахъ вотъ она. Историческая жизнь человѣчества представляетъ собою круговоротъ явленій. Исторія его начинается съ изгнанія Адама изъ эдема, — и вотъ въ предѣлахъ времени съ этого момента зарожденія исторической жизни и вплоть до конца міра человѣчество описываетъ правильные круги, всегда возвращаясь къ своему началу, снова проходя пути, уже пройденные, — никогда не давая чего-либо новаго и никогда новаго ничего собою не представляя. Явленія повторяются, развиваясь въ извѣстномъ направленіи, достигая извѣстныхъ предѣловъ и затѣмъ возвращаясь къ тому, съ чего начали.

Основная мысль отмѣчена въ этой теоріи историческаго развитія очень ярко. Салютати желалъ бы только поставить насъ зѣ болѣе правильное отношеніе къ ней. Онъ хочетъ указать на конкретныя черты процесса, на схему развитія конкретныхъ отношеній, взятыхъ во всей своей совокупности. Поэтому онъ подчеркиваетъ, что не всѣ детали историческихъ судебъ повторяются, потому что конкретный матеріалъ, изъ котораго создается процессъ, въ силу преходящаго характера конкретныхъ величинъ, мѣняется по мѣрѣ того, какъ развертывается онъ и, наконецъ, даже гибнетъ, уступая мѣсто другимъ лицамъ, другимъ поколѣніямъ. Лица, факты, индивидуальная фізіо-

solum carnes, sed etiam ignorasse legumina fabulantur et glandibus mortales, qui tunc vixerant, asserunt enutritos. O vere felix, o vere aureum seculum, quod fructibus sponte creatis homines sine labore et sollicitudine et, quod optimum erat, sine superfluitate cibavit! tunc licuit congruitatem loquendi, abdita quanvis ratione, deprehendere, veritatis investigande regulam invenire et huic potentie, quam Deus solis hominibus tribuit, eloquentie scilicet, que postea ab oratoribus recepta sunt, vim addere pariter et ornatum; tunc potuit humanum ingenium pro corporis cura nec sollicitum nec occupatum, immensam numerarum rationem et profunditatem proportionum numerabilium speculari et ex corporum inferiorum consideratione metiendo in speram celestem, duce conscendere ratione; tunc fas fuit stellarum positiones et numerum, motus varios et effectus etiam condiscendo mirari.

номія того или иного періода мѣняются, и лишь основные принципы жизни, основные начала историческихъ состояній и движеній повторяются, правильно чередуясь и возвращаясь отъ конца къ началу и отъ начала къ концу. Нужно думать, что для Салютати весь вопросъ въ точкѣ зрѣнія. Для историка, глядящаго на прошедшее въ его цѣломъ и общемъ, нѣтъ ничего новаго. Но для того, кто самъ живетъ жизнью эпохи и момента, все въ ней ново: онъ все переживаетъ въ первый разъ. Итакъ, все въ мірѣ—постоянное движеніе въ рѣзко очерченныхъ границахъ круга, подчинено закону правильной смѣны однихъ круговъ другими, изъ которыхъ ни одинъ никогда не бываетъ новымъ въ цѣломъ историческаго процесса, но каждый изъ которыхъ всегда является новымъ непосредственно для тѣхъ, кто живетъ въ этомъ кругѣ и самъ участвуетъ въ его „вращательномъ“ движеніи. Не совсѣмъ ясную мысль Салютати хочетъ разъяснить примѣромъ. Весна—говоритъ онъ—смѣняется лѣтомъ, лѣто осенью, осень зимою; это—правильное чередованіе однихъ и тѣхъ же изъ года въ годъ періодовъ времени съ одними и тѣми же сопровождающими ихъ явленіями природы, то расцвѣтающей и возрождающейсѣя подъ живительными лучами солнца, то умирающей и увядающей подъ холодными свѣтами. Все бываетъ ново съ наступленіемъ каждаго изъ четырехъ временъ года, но въ то же время и ничего не бываетъ новымъ: повторяются одни и тѣ же явленія, дѣйствуютъ одни и тѣ же силы ⁹⁶⁾).

Салютати старается найти выходъ изъ своихъ пессимистическихъ заключеній. Для этого онъ вступаетъ въ міръ метафизическихъ толкованій, неожиданнымъ образомъ вносящихъ въ рѣчи гуманиста теологическій стиль, богословскія метафоры, духъ религіозной догматики. Оказывается, что міромъ, „этимъ суетнымъ и переходящимъ міромъ“ управляетъ божественная воля, которая представляется Салютати основнымъ метафизическимъ началомъ, проникающимъ всѣ явленія окружающей насъ природы, на все кладущимъ печать необходимости ⁹⁷⁾. Все въ насъ и внѣ насъ предопредѣлено разъ навсегда,—и жизнь развертывается по законамъ строгаго соответствія предопредѣленію,—изъ этого нѣтъ выхода, въ этомъ сущность мірозданія и міропорядка ⁹⁸⁾).

⁹⁶⁾ Epistolario. t. I. pp. 325—328.

⁹⁷⁾ Nos autem, ut fas est credere, teneamus cuncta divini numinis arbitrio gubernari, ut, cum ad istud notabilissimum opus assumptionis apostolice perverimus, neduma Deo fieri, sed maxima et singulari providentia dispensari credamus и т. д. Epistolario. I, 144. II, 225. 82 и мн. др.

⁹⁸⁾ Корелинъ. о. с. р. 787. not. 1, 2, 3.

Epistolario. t. II. pp. 125, 151, 183, t. III. 139 о фатумѣ и мн. др.

Въ связи съ этимъ и ставится вопросъ о свободѣ воли такимъ образомъ, что многіе изъ читателей Салютати упрекаютъ его въ умаленіи силъ человѣческой личности. Строго говоря, Салютати не признаетъ свободы воли. Онъ—детерминистъ, подчиняющій всѣ отдѣльные акты человѣческой дѣятельности единουσущной силѣ, всему указывающей свое мѣсто, время, направленіе. Человѣкъ—орудіе Божества, и потому, что бы онъ ни дѣлалъ добраго и замѣчательнаго, „похвалы никогда не заслуживаетъ“, потому что его воля тутъ не при чемъ: онъ сдѣлалъ то, что угодно было Творцу⁹⁹⁾. Мы являемся какъ бы музыкальными инструментами въ рукахъ артиста, и вся прелесть мелодіи, вся красота звуковъ, улаждающихъ наше ухо гармоническимъ сочетаніемъ ихъ. должна быть приписана искусству артиста, а не самому инструменту—куску бездушнѣйшей матеріи¹⁰⁰⁾. Наивно и глубокомысленно Салютати ставитъ вопросъ: „Не называлъ ли бы ты весьма глупымъ того, кто бы услышавъ гармоническую игру флейты или органовъ или же мелодическіе звуки какого-либо другого музыкальнаго инструмента, сталъ хвалить за исполненіе не музыканта, а инструментъ“, ¹⁰¹⁾.

Какъ смотрѣть на эту терминологию и на эти аналогіи Колюччіо Салютати? Въ данномъ случаѣ могли бы протянуть ему руку и Петрарка и Бокаччіо—съ нѣкоторыми оговорками относительно вопроса о свободѣ воли. Несомнѣнно, что вся эта премудрость была почерпнута гуманистами изъ теологической литературы: извѣстно, что гуманисты XIV-го в. въ большинствѣ случаевъ люди религіозные. Любопытна другая сторона. Очевидно, пессимистическія тенденціи, обусловленныя реальными явленіями жизни, приводили къ религіи; ре-

⁹⁹⁾ *Obediunt manus, cum nichil intelligant, hominis voluntati et nos ipsi Deo paremus, cum aliquid facimus, licet etiam quod Deus id velit et per nos faciat ignoremus. Non faciet per se manus nostra vel minimum motum, nisi iubeat voluntatis imperium; nec faciet homo quicquam, si prima causa non illud fecerit et nos ut id agamus opportune movevit etc. Epistolario. t. III. p. 115.*

Dei instrumenta simus etc. II, 184. Mortalium nulla sint merita etc. II, 424. См. II. 407—408; III, 85.

¹⁰⁰⁾ *Loudare quidem igitur nos non minus est ridiculum quam effere laudibus aliquod musicum instrumentum. Nam, cum nulla vasa musica per se sonent vel aliquid aliud operentur, nisi quantum artifex musicusque peritus illis ad armonie dulcedinum utitur etc. Epistolario. III. 113.*

¹⁰¹⁾ *Epistolario. II, 424: Cur laudes que Dei sunt ore sa-rilego tribuis creature? Nonne stultissimum reputares, si quis tibi arum audito concentu vel organorum symphonia aut alterius cuiuscunque vasis musici melodia, laudem canentis vel pulsantis non musico tribuat, sed potius instrumento; si picture decus peniculis imputet, non pictori? Sunt sue tamen instrumentorum laudes: quod perfecta sint et utenti faciliter obediant, non resistant; et he tamen non ab instrumento, sed ab illo penitus qui taliter illud compegit et fecit.*

лигіозность обусловливала признаніе авторитета теологическихъ ученій. Но этимъ не отрицалось гуманистическое пониманіе міра и человѣка, потому что самыя теологическія ученія объяснялись иначе въ соотвѣтствіе новымъ потребностямъ. Салютати шелъ тѣмъ же путемъ. Но какъ примирить его полное отрицаніе свободы человѣческой воли съ его гуманизмомъ? Это—противорѣчіе его разсужденій. Передъ нами нѣтъ системы, нѣтъ цѣлостнаго мировоззрѣнія. Передъ нами умъ, полный вопіющихъ непримиримостей въ сферѣ абстрактныхъ построеній, и натура, вся цѣликомъ тѣмъ не менѣе проникнутая опредѣленными, несомнѣнными влеченіями къ гуманизму.

Салютати дѣлаетъ и болѣе рѣшительные шаги въ сторону старыхъ „средневѣковыхъ“ воззрѣній. Онъ высказывается противъ восхищенія картинами природы, противъ нея и тѣхъ, кто въ созерцаніи ея красоть, въ жизни на ея лонѣ думаетъ найти наслажденіе и успокоеніе. Другъ его—Франченско Бруни—уѣхалъ въ деревню и тамъ упивается „воздухомъ чистыхъ полей, благоуханіемъ цвѣтовъ, мелодическимъ щебетаніемъ пташекъ, всею прелестью сельскаго быта съ его простотою, просторомъ, волею“. Восхищенный, онъ пишетъ своему флорентійскому пріятелю письмо, полное впечатлѣній деревенскаго покоя. Въ отвѣтъ раздается возмущенный голосъ, сыпятся слова, полныя отрицанія смысла красоть природы, проповѣдуется равнодушіе къ заманчивой прелести ея, дѣлаются сопоставленія съ эпикурейцами, которые представляются „стадомъ животныхъ“. Какъ можно посвящать время созерцанію природы? Въ явленіяхъ ея мы должны видѣть лишь конкретную иллюстрацію отвлеченной идеи Творящей и Всеопредѣляющей силы, своего рода символы, своего рода книгу, откровеніе Бога: познать въ этомъ откровеніи благодѣя Творца, но не увлекаться самимъ откровеніемъ, умѣть различать въ немъ цѣль и средство, въ послѣднемъ видя лишь второстепенную силу,—вотъ программа личности, правильно понявшей задачу своей жизни. Природа—источникъ страстей, заблужденій, грѣха, котораго слѣдуетъ бѣжать ¹⁰²⁾).

И это говорилось въ то время, когда природа провозглашается нормой жизни, критеріемъ истины тѣми самыми лицами, передъ авторитетомъ которыхъ Салютати преклонялся.

Четырнадцатый вѣкъ открываетъ новые горизонты; измѣнившіяся отношенія создаютъ привычку передвиженій, страсть къ нимъ, столь ярко выраженную въ словахъ Петрарки: „Страсть видѣть многое увлекаетъ меня по землямъ и морямъ“ ¹⁰³⁾. Такимъ образомъ откры-

¹⁰²⁾ Epistolario. I, 263—270 и д.

¹⁰³⁾ Fracassetti. I, 142. О любви Петрарки къ природѣ ibid. I, 265—271,

вается разнообразіе природы, обостряется вмѣстѣ съ тѣмъ естественная наблюдательность, создается пониманіе эстетическихъ наслажденій реалистическаго характера, пониманіе красотъ живыхъ картинъ внѣшняго міра. Загляните въ произведенія Петрарки, Боккаччо, Фаціо дельи Уберти, Джіованни да Прато, Савкетти, Бруни, Банделло и другихъ писателей и поэтовъ XIV и XV-го вв.,—всюду царитъ духъ живой любви къ природѣ, пониманіе ея, стремленіе къ ней ¹⁰⁴). Салютати однако остается какъ бы внѣ этихъ впечатлѣній. Онъ—прежде всего сынъ города съ его смрадными улицами, мракомъ, прозой. Это—прозаикъ, чуждый увлеченій, полный пессимистическихъ соображеній и комбинацій, политикъ, въ водоворотѣ практической дѣятельности не имѣющій времени для „созерцаній“. Однако замѣтите, что онъ въ то же время высказывался и въ иномъ смыслѣ, не зная строгой послѣдовательности, не интересуясь ею, и что самаго равнодушія къ природѣ требуетъ во имя своеобразно понятаго гуманистическаго идеала ¹⁰⁵).

Другой рядъ вопросовъ выдвигается Салютати, ставится и разрѣшается имъ все въ томъ же духѣ пессимистическихъ воззрѣній?

Что такое жизнь? Вопросъ, на который у Салютати найдемъ отвѣтъ, полный грустной тоски по идеалу совершенства, силы, побѣды надъ царствомъ лжи, соблазномъ и грязи окружающей дѣятельности. Жизнь рисуется ему полной ужасовъ, разврата, нравственнаго паденія, омерзѣнія. Всюду грѣхъ, всюду нарушеніе требованій чистыхъ идеаловъ, высокой правды и добродѣтели. Не только нѣтъ счастья на землѣ, но нѣтъ и добра—вотъ ужасный выводъ изъ всѣхъ его разсужденій о жизни ¹⁰⁶). Салютати такимъ образомъ подводитъ насъ къ границамъ мрачной философіи средневѣковой церкви,—и самъ онъ въ этотъ моментъ—образъ аскета, метавшаго на міръ взгляды презрѣнія и отрѣшенія. Гдѣ выходъ? Не лучше ли уйти изъ этого міра, уснуть, умереть навѣки? „Но совѣмъ не видѣть свѣта было бы, я полагаю, лучше“—мрачно говорилъ великій

366 и др. См. De Nolhac Petr. et l'humanisme (въ прилож. Pétrarque et son jardin d'après ses notes inédites).

¹⁰⁴) Cp. Villani Istorie fiorentine. изд. 1803. t. VII, 205 (Muralori. R. I. S. t. XIII, 828. C.). Perrens Hist. d. Florence. P. 1888 и сл. t. III, 363.

Burckardt. Die Cultur der Renaissance in Italien. II, 10 и др. 15 и дал. Libri—Historie des sciences mathématiques en Italie. II, 174 и др. Cp. Alex. Kauffmann Mittheilungen über Gartenbau im Mittelalter und während der Periode der Renaissance (Picks Monatsschrift für die Gesch. Westdeutschlands VII, pp. 129—155).

¹⁰⁵) Корелинъ. о. с. р. 793. Epistolario. I, 297 и др.

¹⁰⁶) Корелинъ. о. с. р. 794 not. 4. Cp. Epistolario, I, 185, 19; II, 225, 175, 74—75; III, 52, 398 и др.

соотечественникъ Салютати въ XIX вѣкѣ—Леопарди. Салютати не согласился бы съ этимъ. Жизнь—во всякомъ случаѣ даръ, дорожить которымъ слѣдуетъ,—таковъ основной тезисъ въ мировоззрѣніи его. Но и смерть ему представляется величайшимъ благомъ, путемъ, по которому мы уходимъ изъ міра страстей и прегрѣшеній въ царство вѣчнаго покоя ¹⁰⁷). Вотъ почему онъ смѣется надъ тѣми малодушными людьми, которые боятся смерти, въ презрѣнной слабости духа трепещутъ при ея приближеніи и готовы на всѣ подлости и униженія, лишь бы избѣжать ея „благодатной косы“ ¹⁰⁸). Не думайте, что Салютати видитъ въ смерти „наказаніе“,—нѣтъ, въ его глазахъ это просто естественный фактъ, естественное явленіе, совершенно безразличное съ точки зрѣнія этики ¹⁰⁹), и онъ присоединился бы къ словамъ Петраки: „Если бы душа обладала силами, то смерть была бы не болѣе страшна, чѣмъ все то, что дѣлается природою“ ¹¹⁰).

На естественно возникающій вопросъ о самоубійствѣ, какъ о средствѣ, приближающемъ моментъ смерти, мы не найдемъ никакого отвѣта въ литературѣ ренессанса. Вопросъ даже и не подымался, не ставился: отчаяніе, столь сильное и глубокое во многихъ замѣчательныхъ произведеніяхъ умственной жизни нашихъ временъ, эпохъ гуманизма было незнакомо, какъ было чуждо ему и полное равнодушное отношеніе къ жизни, приводившее къ самоуничтоженію многихъ представителей извѣрившагося и пресыщеннаго римскаго общества.

Видя въ смерти выходъ изъ юдоли зла и несчастій, Салютати и не думаетъ отрекаться отъ жизни. Пока человѣкъ живетъ, онъ долженъ жить,—и всѣ его силы, всѣ сокровища его нравственной и умственной организаціи должны быть направлены на борьбу со зломъ, на выработку стойкости и добродѣтели ¹¹¹). Такимъ образомъ Салютати

¹⁰⁷) *Mundus . . . exilium est, via est, non patria.* III, 399. *Denique viatores sumus, non nati ad hanc, quam plus equo diligimus, sed ut aliquando veniamus in patriam.* II, 442. См. II, 163; I, 263—276. *Mortem non malum sed bonum* и т. д. I, 19; I, 317, 173, 177 и др.

¹⁰⁸) *Timenda mors non est.* *Epistolario.* II, 125; III, 334—335; Ср. III, 248, 601 и др. *Hoc, si presens instet, sic mente consternimur, ut etiam ab hoste vitam postulare non pudeat, et nullum sit dedecus, nichil tam turpe tamque flagitiosum quod non libentissime complectamur, mortem dummodo fugiamus.* *Epistolario.* t. I. p. 11.

¹⁰⁹) *Moraliter mors nec bonum nec malum est* и дал. *Epistolario.* t. III, 461; III, 194—195. Напротивъ, смерти слѣдуетъ радоваться. I, 185, 163; II, 73, 74—75, 125—126, 174, 163 и др.

¹¹⁰) *Fracassetti.* II, 281. Ср. Корелинъ. *Очеркъ изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія.* М. 1899. Стр. 55—56.

¹¹¹) *Epistolario* t. I, 299; II, 273—274, 331—332. III, 426, 428, 565; I, 227, 184—185; II, 273—274; III, 443 и др.

переносится въ сферу этическихъ ученій, и въ этой области отправляется также отъ пессимистическихъ теоремъ и аксіомъ. Собственно, въ чемъ состоитъ источникъ нашихъ несовершенствъ? Мы слышимъ отвѣтъ вполне достойный какого-нибудь Петра Даміани съ его самобичеваніемъ и борьбой съ плотью. Тѣлесная оболочка—вотъ источникъ всѣхъ грѣховъ, наши чувства—вотъ демонъ искушенія и страстей. Такъ смотритъ Салютати на физическую природу человѣка, страстной апологіей которой являются многія поэтическія и восторженные страницы въ произведеніяхъ его учителей—Петрарки и Боккаччо¹¹²⁾.

Но все это—теорія, заимствованная изъ церковныхъ писателей, которыхъ онъ зналъ превосходно, взятая лишь какъ готовая формула для ориентировки въ потоки живыхъ впечатлѣній и переживаній.—Отношенія дѣйствительности производили впечатлѣніе продуктовъ живой человѣческой индивидуальности,—и оно въ сферѣ отвлеченныхъ представленій создавало образъ самодавлѣющей личности. Такъ возникаетъ интересъ къ духовному міру человѣка, такъ переносится центр тяжести въ индивидуальную этику, понимаемую въ свѣтъ естественныхъ законовъ человѣческой психики. Салютати находится въ сферѣ этихъ же интересовъ и настроеній и, признавая плоть грѣховнымъ началомъ, призываетъ въ сущности идеалы духовнаго совершенства, понимаемаго въ смыслѣ полноты развитія человѣческихъ силъ, основныхъ явленій психической жизни. Въ его представленіяхъ добродѣтель—не отвлеченное понятіе, не принципъ, находящійся гдѣ-то внѣ насъ въ видѣ какой-то таинственной силы, которой надо овладѣть, но внутреннее нравственное состояніе, вырабатываемое волей и разумомъ. Онъ думаетъ, что въ способности человѣческой личности, умѣющей побѣждать себя и окружающія силы, и заключается высшее проявленіе добродѣтели. Это въ сущности—стоицизмъ, взятый во всей своей строгости и въ связи съ христіанскими идеями „нравственной чистоты и высоты“. Это—идея, въ силу которой цѣну получаетъ не внѣшнее дѣйствіе, а внутреннее состояніе, качество помысловъ и чувствованій: „совершенство души не въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, а въ состояніи ея“,—говоритъ Салютати¹¹³⁾.

Достигается эта высота нравственнаго совершенства не путемъ отреченія отъ своей личности и міра, но, наоборотъ, путемъ всесторонняго познанія своихъ силъ во всей ихъ совокупности, путемъ изученія всего окружающаго насъ „творенія Бога“ во всей его полнотѣ,

¹¹²⁾ Epistolario. I, 266—276; II, 70—71; III, 507 и др.

¹¹³⁾ Epistolario. II, 475—476; III, 560—567; III, 445—446, 462, 230—231, 488, 650; I, 122, 110 и др.

во всѣхъ его явленіяхъ. Тутъ Салютати подходитъ къ формулировкѣ самыхъ сильныхъ впечатлѣній внѣшняго міра, открывшаго широкій просторъ личной инициативѣ, предприимчивости, подвижности. Человѣческая личность разсматривается, какъ цѣль самой себя. Еще одно слово, еще одна мысль,—и мы услышимъ реплики, полныя реального смысла и современнаго интереса. Объявляется, что однимъ изъ самыхъ надежныхъ орудій для самовоспитанія является наука ¹¹⁴⁾, которая представляется совокупностью всѣхъ впечатлѣній, вопросовъ и отвѣтовъ, вызванныхъ наблюденіемъ и самоуглубленіемъ, разборомъ видимыхъ и невидимыхъ отношеній. Въ эпоху Ренессанса еще вѣрили въ чудодѣйственную силу познанія, ведущаго въ царство нравственной побѣды, къ торжеству идеаловъ христіанской добродѣтели. Тогда не умѣли познанію ставить самостоятельныя цѣли, имѣющія значеніе независимо отъ этическихъ оцѣнокъ. Но умѣли уже не стѣсняться моралистическими вздохами и страхами,—вѣрили, что этика создается человѣкомъ, комбинаціей живыхъ силъ конкретнаго міра, полагая, что идеаломъ ея и является чистое ученіе Евангелія.

Въ тѣсной логической связи со всѣмъ этимъ находится отрицательное отношеніе къ принципамъ монашеской жизни за монастырскими стѣнами, вдали отъ суеты міра, въ забвеніи связей и интересовъ земли. Иначе и не могло быть. Жизнь выдвинула общественные интересы, пробудился социальный инстинктъ, монастырь перестаетъ быть центромъ цивилизующихъ элементовъ, школой премудрости, въ общественныя отношенія врывается потокъ свѣжей энергіи, въ городахъ закипаетъ дѣятельность и обмѣнъ новыхъ силъ, изъ самого монастыря уже устремляются взоры сюда, въ эти источники вліанія,

¹¹⁴⁾ Sequitur ratis aque cursum et per labentis fluminis declivia prona fertur, sed, nisi regatur arte, vel in scopulum pulsa pendeat и т. д. Reddit proculdubio ad virtutes natura nos aptos et ad illas latenter impellit; sed virtuosі non natura sed operibus efficitur et doctrine и дал. Epistolario. I, 106; III, 99—102; II, 26—27. Науки по С. дѣлятся на физическія и нравственныя. Ср. Epist. III, 587—591 и др. Къ послѣднимъ относятся поэзія, краснорѣчіе, исторія и право. Выше всего поэзія и краснорѣчіе. Исторія — практическая наука, наглядно поучающая людей. (II, 290—294). Медицина отрицается, хотя и нерѣшительно (II, 235; III, 321). Въ противоположность Петраркѣ, С. признаетъ право необходимой дисциплиной (II, 172 и др.). Естественно-историческія познанія С. были очень ограничены даже въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ то время извѣстно въ этой области. Такъ напр. С. не признаетъ возможнымъ предполагать какое-нибудь естественное начало чумы и ея заразительности (II, 224, 89 и др.): ему было чуждо то реальное пониманіе источниковъ болѣзни, которое у нѣкоторыхъ итальянцевъ того же вѣка получаетъ характеръ намека на новѣйшія бактеріологическія воззрѣнія. См. Веселовскій, Боккаччо и дал. 445—446. Perrens Hist. de Flor. t. IV. pp. 520—521.

богатства и промышленного производства. Рушится такимъ образомъ обаяніе монастырскаго житія-бытѣя,—и на устахъ нѣкоторыхъ уже играетъ злая улыбка по адресу сытыхъ и здоровыхъ обитателей „замковъ, увѣнчанныхъ крестомъ и оглашаемыхъ гимнами въ честь Творца“. А потомъ вдругъ, какъ громъ, падаетъ на головы спасающагося и молитвословящаго монашества сарказмъ и обворожительный юморъ Декамерона, этого лучшаго плода свободной и гениальной мысли, потребовавшей своихъ правъ на жизнь и побѣду. Однако въ теоретической постановкѣ вопроса гуманисты все еще колеблются,—и самъ творецъ Декамерона и его идеаль—Петрарка нерѣдко будутъ произносить похвальные слова въ честь уединенной жизни по образу и подобію монастырскаго режима. Только пояднѣе *) будетъ объявлено ясно и опредѣленно, что „самая профессія монаховъ, самая жизнь монашеская есть не что иное, какъ проявленіе лицемерія“.

Салютати однако очень опредѣленно заявляетъ, что уединенная жизнь не представляетъ собою блага. Онъ убѣжденъ, что въ отрѣшеніи отъ міра, въ бѣгствѣ отъ него подъ мрачные своды монастырей нельзя найти удовлетворенія и достойнаго разрѣшенія высокихъ и благороднѣйшихъ задачъ человѣческой жизни ¹¹⁵⁾). Человѣкъ созданъ для „міра“, для общественной дѣятельности,—и онъ, несмотря на всю неприглядность земного существованія, только въ ней можетъ исполнить долгъ, опредѣляемый всею суммою его потребностей и общественныхъ нуждъ ¹¹⁶⁾). Общественная жизнь разсматривается Салютати, какъ естественное состояніе, вытекающее изъ природы вещей и божественной премудрости. Онъ думаетъ даже, что дѣятельность въ условіяхъ общественнаго быта гораздо выше монашескихъ созерцаній, часто вытекающихъ изъ чувства эгоистической потребности личнаго покоя, приобретаемаго цѣною презрѣнія чужого счастья, чужой нужды. Въ способности общественной работы и заключается, по мнѣнію Салютати, одна изъ прекраснѣйшихъ особенностей человѣческой природы, рѣзкой чертой отдѣляющихъ человѣка отъ остальнаго царства живыхъ существъ ¹¹⁷⁾). „Человѣкъ созданъ для человѣка“,—

*) Въ XV вѣкѣ.

¹¹⁵⁾ Sancta quippe rusticitas solum sibi prodest; negociosa vero sanctitas multos edificat, quia multis patet; pluresque secum ducit in celorum aditum, quia pluribus prebet exemplum и т. д. Epistol. II, 453.

¹¹⁶⁾ Non produxisset nos natura politicos, hoc est associabiles, si conversatio prorsus non dirigeret ad salutem. Epistolario. III. p. 51, 302—308; 541 и дал. II, 376—377.

¹¹⁷⁾ Hominem ad hominis auxilium esse creatum, cui inter cunctos animantes non est inventus adiutor similis ejus. II, 167, 253. III, 542—543, 168; I, 179—180 и др.

говорить Колюччо: „онъ помощникъ своему ближнему, какого нѣтъ вообще ни у кого среди другихъ одушевленныхъ существъ“. Яснѣе и шире онъ выражаетъ свою мысль въ другой разъ: „Мы обязаны всѣмъ, что ни получили, не передъ однимъ только Творцомъ, которому принадлежитъ земля и небо и все, что на нихъ, но и передъ человѣкомъ, который есть образъ Божества“¹¹⁸). Вотъ почему онъ и пишетъ одному своему знакомому: „Ты намѣренъ перемѣнить образъ жизни и жаждешь уединенія, но не зарывай себя въ могилу, пока живешь; живи, пока есть возможность“¹¹⁹).

Салютати однако не противъ самого принципа созерцательной жизни. Если бы мы спросили его о цѣнности идеала высокой нравственной цѣлостности и чистоты, осуществляемой путемъ замкнутости отъ міра страстей и волненій, то онъ отвѣтилъ бы дифферамбомъ во славу такого идеала неземной добродѣтели. Вопросъ лишь въ томъ, возможно ли осуществленіе его, возможно ли достигнуть такой нравственной высоты. Салютати серьезно глядитъ на насъ и сомнительно качаетъ головой. Ему кажется, что искать подобнаго идеала напрасно, что стремиться къ нему безумно, потому что онъ *неестествененъ*, потому что онъ „противорѣчитъ природѣ“¹²⁰). Какъ бы были восхищены, напр., Леонардо Бруни, Поджіо, Валла, если бы они слышали это. Высказывался принципъ, который потомъ долго будетъ однимъ изъ самыхъ реалистическихъ словъ на знамени гуманистовъ.

Насъ ожидаетъ интересный вопросъ, тревожившій умъ гуманистовъ и волновавшій ихъ. Это—женскій вопросъ, поставленный въ литературной средѣ эпохи ранняго гуманизма, разрабатывавшійся представителями литературы въ специальныхъ трактатахъ, въ жизнерадостно веселой пѣснѣ, въ повѣсти, въ летучихъ листкахъ публицистики.

Женщина въ это время проникаетъ на рынокъ, улицу, смѣшивается съ толпой¹²¹),—ея голосъ раздается громко, она приобретаетъ

¹¹⁸) Debemus equidem quicquid accepimus non largitori solum, cuius est celum et terra quae sunt in eis, sed homini, qui quidem plasmatoris imago est . . . humana species propter ipsum hominem in tanta sit multitudine propagata и дал. III, 166.

¹¹⁹) Queris mutare vitam et solitudinem desideras. Noli te sepelire cum vivis; vive, dum fata sinunt (вліяніе Энеиды см. п. I, 18; IV, 851; VI, 870). Epistolario II, 449. Ср. III, 303.

¹²⁰) Noli credere, quod fugere turbam, vitare blandarum rerum aspectum, concludere se in claustrum vel in eremo separari perfectionis sit via и т. д. Epistolario. III, 303—304, 541. Однако, все это не мѣшало С. въ другомъ случаѣ восхвалять монашество. См. Корелинъ. Ранній итал. гум. р. 798.

¹²¹) Извѣстно, какъ къ женщинѣ относились въ средн. вѣка. См., напр., Веселовскій. Вилла Альберти. Стр. 81. Ешевскій. Соч. III, 343—344. R. De

значеніе экономической силы, не послѣднимъ винтомъ являющейся въ механизмѣ цеховой работы, фабричнаго производства, торговых оборотовъ. Въ высшихъ сферахъ она становится „царицей салоновъ“, праздничныхъ собраний, страстной читательницей героическихъ романовъ рыцарскаго чекана уже давно, а теперь она вооружается знаніемъ, пониманіемъ своихъ человѣческихъ правъ, влеченіями къ активной дѣятельности въ сферѣ мысли и дѣла. Появляется прелестный типъ интеллигентной женщины, проникнутой духовными интересами, разбирающейся во всѣхъ вопросахъ современности ¹²²). Вотъ передъ нами мадонна Кѳза—умная, полная знаній и мыслей,—и удивленный Біаджіо восклицаетъ: „Клянусь пречистой Дѣвой, я не воображалъ, чтобы флорентійскія дамы были такъ хорошо знакомы съ нравственной и естественной философіей и такъ ловко владѣли логикой и риторикой, какъ теперь я въ томъ убѣдился ¹²³). А изъ душныхъ, скучныхъ и прозаическихъ стѣнъ монастыря убѣгаетъ Катерина изъ Ареццо: она не хочетъ молитвъ, подвиговъ во славу клерикализма, она хочетъ науки, свободнаго наслажденія ея дарами, она порывается въ міръ классическихъ размышленій и мечтаній: она знаетъ его, любитъ его, читаетъ великихъ писателей древности и восхищается краснорѣчіемъ ¹²⁴).

Гуманисты на эти впечатлѣнія дѣйствительности должны были дать отвѣтъ,—и ихъ перо рисуеъ узоры соображеній, тонкихъ логическихъ операцій, душевныхъ настроеній, чувствъ, касающихся женщины. Прежде всего разрѣшается вопросъ о любви, но въ такой путаницѣ понятій и опредѣленій, что никакого положительнаго отвѣта не получается. Въ общемъ она признана потребностью природы, а затѣмъ все предоставляется волѣ мимолетныхъ чувствъ, индивидуальныхъ отношеній и впечатлѣній. Виѣстъ съ тѣмъ и женщина признается равноправнымъ членомъ общества и семьи, хотя и будутъ раздаваться голоса противъ брака, какъ союза мужчины съ женщиной, разрушающей его покой, вносящей въ его мирную и дѣловую

Maulde la Clavière—Les Femmes de la Renaissance. P. 1898 для болѣе поздняго времени.—Dantier—Les Femmes dans la société chrétienne. P. 1878, 2 vol.

¹²²) Жебаръ. о. с. 252—253. Фогтъ. о. с. т. I. pp. 404—405.

Веселовскій. Боккаччо и пр. I, 532; Вилла Альб. 81—83.

Корелинъ. Очерки эпохи возрод. стр. 180 и дал.

¹²³) Веселовскій. Вилла. стр. 82. Декамеронъ I, 159.

¹²⁴) Epistolario. т. III. pp. 337—341. О бѣгствѣ и личности ея документовъ нѣтъ. Сохранилось только извѣстіе, что она насильно была отдана въ монастырь, бѣжавъ оттуда, надѣлала шуму на цѣлую Тоскану и вышла, наконецъ, замужъ cupiens esse mater et filios procreare.

жизнь суету и пустоту. Какъ думалъ Салютати въ данномъ случаѣ? Пессимистическія, моралистическія наставленія, холодный анализъ живой игры страстей и чувствъ,—вотъ все, что мы находимъ у Салютати по данному вопросу ¹²⁵). Напрасно мы увлекаемся любовью; она—ядъ жизни, несущій горечь разочарованій, тоску и отчаяніе мысли, познавшей всю тщету волненій, бесплодность любовной горячки и убивающейся надъ временемъ, пропавшимъ невозвратно ¹²⁶). Салютати не думаетъ однако, что любовь сама по себѣ есть вообще одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, ведущихъ грѣшную душу человѣка въ „царство адскаго огня и адскихъ мукъ“. Онъ хочетъ только сказать, что психологическіе и фізіологическіе мотивы любви, которая къ тому же платонической не можетъ быть ¹²⁷), въ своей основѣ невозвышенны, что они животнаго происхожденія, коренясь въ самыхъ элементарныхъ сторонахъ человѣческой организаціи ¹²⁸). Не отвлеченное начало, но реальный фактъ, понятый такъ, а не иначе,—вотъ что является для Салютати точкой отправленія въ его разсужденіяхъ о любви. Поэтому только онъ и не понялъ бы этихъ страстныхъ словъ Петрарки: „Я могу сгорать и умирать и изнемогать отъ любви, но нѣтъ подъ луной состоянія лучшаго, чѣмъ мое: такъ сладокъ корень моей горечи“ ¹²⁹).

Тѣмъ не менѣе высоко ставитъ Салютати женщину, какъ человѣка. Вопросъ о любви въ его представленіяхъ не имѣетъ отношеній къ женскому вопросу, являясь совершенно иной категоріей явленій и фактовъ, въ никакой связи съ личностью женщины не стоящихъ. Женщина, думаетъ онъ, такое же существо, какъ и мужчина, съ тѣми же силами разумнія, мышленія, чувствованій, стремленій ¹³⁰). Поэтому Салютати не можетъ нападать на женщину за безумства и глупости мужчины, обвиняющей ее въ своихъ страстяхъ, порокахъ, ошибкахъ,—какъ-будто бы все это не является въ результатъ его собственной слабости и испорченности. Но все это не значить, что Салютати предоставилъ бы женщинѣ такую же социальную роль, какъ и мужчинѣ. Нѣтъ, женщина представляется ему въ патриар-

¹²⁵) Epistolario. III, 40, 297—298, 38, 29, 18—19, 46—46 и др.

¹²⁶) Epistolario. II, 69—72 и др. III, 32 и дал. III, 4—5.

¹²⁷) Epistolario. III, 32—34; 35—37, 41 и др.

¹²⁸) Ibid. Cp. II, 71.

¹²⁹) Arda o mora o languisca; un piu gentile
Stato del mio non è sotto la luna:
Si dolce é del mio amaro la radice.

Sonetto CLXXIV. Rime. Milano. 1897. стр. 216.

¹³⁰) Длинное разсужденіе о женщинѣ. См. Epistolario. III, 591—594 и друг.

хальной обстановкѣ семейнаго очага, безъ мудрствованій и книжныхъ занятій, безъ порываній въ чуждую ей сферу мужского труда, энергичныхъ стремленій и самостоятельныхъ занятій. Онъ убѣжденъ, что женщина исполняетъ свое назначеніе лишь въ такой обстановкѣ,— иначе она перестаетъ быть самой собою, топчетъ законы природы и готовитъ себѣ печальное будущее ¹³¹⁾.

Ставится вопросъ о семьѣ, о бракѣ. Тутъ Салютати перестаетъ держаться старыхъ воззрѣній и съ открытыми глазами смотритъ на міръ Божій, какъ онъ есть. Страстныхъ, горячихъ нападокъ на бракъ, на семью Салютати не раздѣляетъ и вмѣсто запальчивыхъ оборотовъ рѣчи, вспышекъ настроенія предлагаетъ спокойное отношеніе къ факту ¹³²⁾. Что такое бракъ? Прежде всего, очевидно, явленіе, существующее реально, исторически. Салютати и думаетъ, что намъ и необходимо понять бракъ, какъ естественный порядокъ вещей, опредѣляемый законами природы и общежитія. Мало того, этимъ порядкомъ вещей достигается наибольшая цѣлесообразность въ распредѣленіи силъ, какими одаренъ человѣкъ,—и бракъ является не только однимъ изъ самыхъ важныхъ установленій, но и однимъ изъ необходимыхъ факторовъ, осуществляющихъ величайшіе принципы непрерывности человѣческаго рода и его многовѣковой жизни, одной изъ обязанностей каждаго человѣка ¹³³⁾. Таковы выводы изъ длинныхъ разсужденій Салютати, пересыпанныхъ ссылками на Евангеліе и на Отцовъ церкви, грубыми аналогіями, удачными и неудачными аргументами и стилистическими фигурами.

Взгляды Салютати на бракъ являются въ его соціальныхъ построеніяхъ и идеалахъ исходной точкой, съ которой слѣдуетъ начи-

¹³¹⁾ Epistolario. III, 337—341, 261, 4—5 и др.

¹³²⁾ Epistolario. II. pp. 366—374. Салютати, конечно, зналъ, какъ относился къ этому вопросу его „великій предшественникъ“, Петрарка, который, какъ извѣстно, въ семьѣ и бракѣ, какъ и въ женщинѣ видѣлъ все худшее. Корелинъ. Очерки изъ исторіи философской мысли въ эпоху возрожденія. Міросозерцаніе Франческо Петрарки. М. 1899. pp. 62—67.

¹³³⁾ Natura . . . instituit in humano corpore genitalia membra, que maturitate debita fructum generationis, ne humanum genus deficiat, exhiberent. Unde videmus animantibus cunctis sic generationis insitum appetitum, quod vix non derelinquat etiam dormientes (II, 368).—Cuius rei gratia viros ac mulieres sterilitate notatos, vix homines et defectivos homines reputamus: nec dubium quin defectus iste sit non minimus in natura (ibid.) Quicunque generationis officium sterilitatis studio devitaret, iniuriosus esset sibi et suis (ibid.) . . . Matrimonium adeo bonum sit, quod Ecclesie sacramentum sit contineatque tria bona; quorum unum est naturale, generatio videlicet prolis; alterum rationale, fides scilicet, ne libido vagetur et extra genialem thorum efferveat; tertium spirituale, quod sacramentum dicitur etc. (ibid. p. 371).

нать анализъ всѣхъ явленій политической жизни, историческихъ судебъ челоѣка и его произведеній—общества и государства. Тутъ еще разъ бросается на мїръ челоѣческихъ отношеній, на организацію и сущность ихъ пессимистическій взглядъ, рисующій самыя начала нашего соціального бытія мрачными красками, разрушающій вѣру въ силу добра и правды. Что представляютъ собою наши отношенія, организованныя въ систему соціальную и политическую, выражающіяся въ рядѣ всякаго рода общественныхъ институтовъ и правовыхъ нормъ? Хаосъ, продуктъ того зла, той пошлости и испорченности, какой проникнуть весь мїръ, все челоѣчество. Зачѣмъ существуютъ законы, идеи долга, обязанностей, вѣры, справедливости? Ясно, что все это должно сдерживать того звѣря, который сидитъ въ челоѣкѣ, что все это явилось въ результатѣ паденія челоѣческаго достоинства, гибели того золотого вѣна, на смѣну которому пришли наши времена изнѣженности, роскоши, неправды, женственной слабости и старческой дряхлости: когда на землѣ было свѣтлое царство простоты, патриархальнаго разумѣнія жизни, торжества искры Божьей, вложенной въ челоѣческую душу, тогда, очевидно, не было надобности ни въ пресѣвующей, предусматривающей и карающей силѣ кодексовъ, ни въ другихъ нормахъ, опредѣляющихъ программу жизни, взывающихъ къ совѣсти во имя истины, любви, чистоты. Такимъ образомъ происхожденіе политическихъ и соціальныхъ организацій Салютати рисуется, какъ результатъ испорченности челоѣческой природы, а самыя эти организаціи являются въ его глазахъ краснорѣчивымъ напоминаніемъ заблуждающемуся челоѣчеству того, до чего оно дошло, какъ оно гибнетъ, какъ далеко время его „свѣжести“ и „святой дикости“ ¹³⁴⁾.

Но разъ существуетъ уже та или иная общественная организація, необходимо считаться съ нею, какъ съ реальнымъ фактомъ, и стать къ ней въ опредѣленное отношеніе. Не слѣдуетъ забывать, что въ концѣ концовъ всякая организація—дѣло нашихъ рукъ,—и мы должны поломать надъ нею голову, стремиться примирить извѣстную форму съ требованіями наибольшей цѣлесообразности. Гуманисты вѣрили съ простодушною наивностью въ чудодѣйственную силу челоѣческихъ хотѣній и намѣреній,—и мы бы во многихъ случаяхъ улынулись въ отвѣтъ на ихъ проекты и широкіе планы, окрылявшіе горячую голову, наполнявшіе душу бальзамомъ надеждъ и жизнерадостныхъ вѣрованій. Салютати раздѣлялъ горячую вѣру въ челоѣческія силы, полную мечтаній и порывовъ.

Основой государства — „этого высшаго типа соціальной органи-

¹³⁴⁾ Корезинъ. Ранній итал. гум. 797. not. 3

заціи“ — Салютати считаетъ семью: она — ячейка общества, — и изъ нея развиваются всѣ стороны и сферы государственной жизни, которая и есть не что иное, какъ во много разъ увеличенная копия семейнаго строя. Далѣе Салютати разбираетъ, какія формы политическаго строя наиболѣе цѣлесообразны и наиболѣе отвѣчаютъ полнотѣ человѣческаго духа и потребностей общества ¹³⁵). Это былъ одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ времени. Это была задача, которая рѣшалась практически всѣми элементами общества, а теоретически — въ средѣ гуманистовъ, отвѣтившихъ потребности времени. Время же это было временемъ, когда вся Италія представляла собою конгломератъ многочисленныхъ политическихъ единицъ, разнообразіе формъ государства, арену борьбы различныхъ силъ, переворотовъ и перерожденій. Народъ, демократическіе элементы его, силою экономическихъ потребностей времени поставленные рядомъ съ элементами привилегированной знати, приобрѣтають значеніе часто рѣшающей силы, становятся факторомъ, выступающимъ на сцену, дающимъ знать о себѣ то въ томъ, то въ иномъ видѣ. Раздается слово, приводившее сердце въ трепетъ, вносившее въ душу пламя страстныхъ порываній изъ узъ, наложенныхъ на человѣка. Слово это было, — „свобода“. Гуманисты становятся его представителями, чуткимъ ухомъ подхватываютъ прогрессивныя тенденціи общества, — и онѣ находятъ выраженіе въ идеологій гуманистической интеллигенціи. Салютати объявляетъ себя сторонникомъ этой идеологій ¹³⁶). Онъ также пылаетъ и горитъ при волшебномъ словѣ „свобода“. Выросшій въ условіяхъ фактической свободы Италіи отъ папства и имперіи, во взаимной грызнѣ ослаблявшихъ другъ друга, онъ выступаетъ съ этимъ словомъ и на политическое поприще. Онъ прославляетъ свободу, автономность, гордую независимость своей красавицы Флоренціи — и пишетъ страстную полную огненнаго лиризма инвективу-дифферамбъ, въ которомъ рисуется образъ великой республики, грозной своей непреклонною независимостью, великолѣпной въ своей самодавлѣющей самостоятельности ¹³⁷). Свобода — основа политической жизни, условіе нормальности

¹³⁵) Корелинъ. Ранній итал. гум. pp. 804—807.

Epistolario. I, 193—194 и др.

¹³⁶) Epistol. I, 191: Conferamus, si placet, veteres viros, quibus quasi luminibus antiquitas illustrata se nostris reddit temporibus admiranda. Romane libertatis auctor Brutus, defensor Manlius, pugil confirmatorque Camillus и т. д.

Solus qui de servitutis misteria ad statum libertatis erigitur, novit libertatis dulcedinem etc. (I, 90).

¹³⁷) Invectiva Lini Colucii Salutati (reip. Flor. a secretis in Antonium Luschem Vicentinum de eadem republica male sentientem codex ineditus. 1824). стр. 21—22.

отношеній и крѣпости государственнаго строя. Это его убѣжденіе, его вѣра. Но является вопросъ, гдѣ осуществляется эта свобода, кѣмъ она создается. Намъ будетъ отвѣчать публицистъ-демократъ, страстный защитникъ и горячій поклонникъ Врута, Манлія, Камилла, — проповѣдникъ той демакратической идеи, которую Петрарка выразилъ въ такой фигурѣ: „Развѣ не на самомъ грязномъ навозѣ вырастаютъ веселыя нивы? (= развѣ не изъ среды народной выходитъ высшая добродѣтель) „И развѣ не всякая жестокость къ знати гуманна и всякое состраданіе къ ней безчеловѣчно“? ¹³⁸⁾—Салютати убѣжденъ, что свобода во всей своей полнотѣ осуществляется республикой, въ которой, какъ думаетъ онъ, всѣ силы народа принимаютъ участіе въ управленіи и постоянно стремятся къ мирной работѣ, къ осуществленію своихъ человѣческихъ цѣлей и къ установленію справедливаго равновѣсія между различными элементами общества и государства. Когда нападутъ на его республику, онъ и разразится поэтому потокомъ страстно горячихъ словъ въ защиту „купеческихъ добродѣтелей“ — демократическихъ чувствъ и инстинктовъ ея ¹³⁹⁾. Но Салютати не противъ и монархическаго образа правленія, лишь бы оно было законно и гуманно ¹⁴⁰⁾. Онъ полагаетъ только, что во главѣ государства—тираніи долженъ стоять человѣкъ, выдающійся качествами ума и сердца, потому что только добродѣтель возвышаетъ человѣка, но не его происхожденіе и положеніе — „случайные дары судьбы“. Высокое пониманіе человѣческой индивидуальности, взятой во всей своей конкретности, говоритъ на каждомъ шагѣ. Салютати рѣшительно заявляетъ еще разъ, что государя дѣлаетъ настоящимъ государемъ не избраніе, не вѣнчаніе, не происхожденіе, а личная доблесть, представляющаяся ему выраженіемъ всѣхъ лучшихъ свойствъ человѣческой природы ¹⁴¹⁾. Но и въ этомъ случаѣ, по глубокому убѣжденію Салютати, государство выше все-таки государя ¹⁴²⁾. И если государь нарушаетъ свои обязанности, забываетъ, къ чему онъ призванъ, то „народъ“ можетъ, даже долженъ, однако по суду, изгнать его или даже казнить, потому что—говоритъ онъ—власть государя получена въ концѣ концовъ отъ народа, отъ этого „носителя всякой силы и всякихъ правъ“. Мы сейчасъ услышимъ и больше. Салютати знаетъ, что во главѣ госу-

¹³⁸⁾ Корелинъ. Очерки итальянскаго возрожденія. М. 1896. стр. 95, 102.

¹³⁹⁾ *Invectiva*. pp. 181—182. *Epistolario*. III, 628; I, 194, 227; II, 85.

¹⁴⁰⁾ *Epistolario*. t. II, 32—33.

¹⁴¹⁾ *Invectiva*. pp. 105—106.

Sola virtus, non titulus, non unctio, non diadema, non consecratio regium nomen gignit. *Epistolario*. t. II. p. 33. *Ep.* I, 310.

¹⁴²⁾ Корелинъ. Ранній итальян. гум., 806.

дарства можетъ стоять тиранъ, узурпировавшій власть или просто достигшій ея „благодаря щедростямъ слѣпой фортуны“. Такіе тираны бывають врагами свободы, грабителями народа, его угнетателями и мучителями. Со всею силою своего слова Салютати возстаетъ противъ нихъ, — и въ его очахъ блеснётъ огонь страшной мести похитителю народной свободы, мелькаетъ орудіе кровавой расправы. Рѣшительной, твердой рукой глубокоубѣжденнаго человѣка онъ пишетъ теорію тираноубійства, полагая, что только съ оружіемъ въ рукахъ и можно избавиться отъ угнетателя. Пусть убьетъ тирана разсвирѣпѣвшая народная толпа, воставшая подѣ давленіемъ тягостей жестокаго управленія, — пусть убьетъ его, наконецъ, отдѣльная личность, сумѣвшая выступить смѣло въ защиту интересовъ свободы, если народъ не понимаетъ своей гибели и не рѣшается на „спасеніе“, — вотъ что во всеуслышаніе проповѣдывалъ Салютати, вотъ съ чѣмъ обращался онъ къ своимъ читателямъ, вѣря, что онъ говоритъ истину, призываетъ къ дѣлу во имя идеала правды и справедливости. Убить тирана, — говоритъ онъ еще разъ, — значитъ рѣшиться на величайшій подвигъ, доставить себѣ имя героя, славу ¹⁴³⁾. Такимъ кроваво-жестокимъ аккордомъ заключаетъ Салютати свое политическое ученіе.

Однако что же это такое? Сумасбродство безумнаго вольнодумца или эффектная фразіологія революціонера? Ни то, ни другое. Это просто синтезъ общественнаго мнѣнія, встревоженнаго всѣмъ, что происходило въ тираніяхъ, въ этихъ царствахъ насилія и произвола. Это была, наконецъ, потребность среды, жившей въ эпоху борьбы свободы съ неволей — экономической и политической, потребность, которую выражалъ не одинъ Салютати.

Еще одна сторона должна быть отмѣчена въ политическихъ воззрѣніяхъ флорентійскаго публициста.

Четырнадцатый вѣкъ въ исторіи Италіи приноситъ съ собою одну изъ идей, въ послѣдующее время игравшихъ чрезвычайно большую роль въ ея историческихъ судьбахъ въ качествѣ знамени патриотическихъ и націоналистическихъ теченій. На почвѣ широкаго экономического обмѣна, охватившаго Италію той эпохи, создается извѣстное сознаніе національнаго единства. Оно усиливается впечатлѣніями отъ безконечной борьбы городовъ, вносившей въ душу людей той эпохи утомленіе, желаніе покоя и умиротворенія, столь страстно выраженное въ воззваніи Петрарки: „Мира, мира намъ“ ¹⁴⁴⁾. Идея единой Италіи, стремленіе къ объединенію и намѣчается въ политическихъ теоріяхъ

¹⁴³⁾ Epistolario, II. pp. 152—154. Корелинъ. о. с. р. 806.

¹⁴⁴⁾ Canz. „Italia mia“. Rime. изд. Milano 1897, стр. 437. Epistolario. III. 319—320.

и въ публицистическихъ произведеніяхъ гуманистическаго пера. Эта идея находитъ себѣ сторонника и въ лицѣ Салютати. Но спрашивается, какъ осуществить эту грандіозную идею. Положительнаго отвѣта на вопросъ не давалось вообще. Но если бы пришлось выбирать между папой и императоромъ, то, нѣсомнѣнно, предпочтеніе было бы оказано представителю свѣтской власти, уже не разъ наносившей намѣстнику Петра — жестокіе удары.

Салютати является сторонникомъ именно ея, этой свѣтской власти, ставшей мощной и независимой ¹⁴⁵⁾. Онъ — врагъ „царства монаховъ“ и папъ, „хотѣвшихъ уничтожить права мірянъ“, какъ восклицалъ Вальтеръ фонъ-дербъ-Фогельвейде. Критикуя рѣзко церковь въ лицѣ ея представителей, пороки которыхъ описать невозможно и въ цѣлыхъ томахъ, какъ думалъ онъ, нападая на ея суетность и гордыню ¹⁴⁶⁾, онъ въ то же время вооружается противъ самого главы церкви. Имѣетъ ли папа права притязать на власть? Онъ — пастырь, онъ — нравственный руководитель, онъ — служитель Христа, его орудіе — крестъ, — и онъ не долженъ, не смѣетъ врываться въ сферу, которая ничего общаго съ молитвами и постами не имѣетъ. Пусть онъ главенствуетъ въ мірѣ нравственныхъ наставленій и попеченій о спасеніи людскаго рода и знаетъ, что онъ — не „мечъ“, не „царь“. Но если онъ вздумаетъ выступить въ качествѣ политической силы, тогда позволительно съ оружіемъ въ рукахъ подняться всѣмъ, какъ одному человѣку, противъ этихъ несправедливыхъ посягательствъ ¹⁴⁷⁾. Салютати — врагъ папства, какъ политическаго принципа. Въ этомъ случаѣ онъ присоединяется ко многимъ представителямъ свободной мысли въ XIV вѣкѣ.

Мы можемъ закончить: мы изложили всѣ основныя воззрѣнія флорентійскаго публициста конца XIV в., высказанныя имъ въ раз-

¹⁴⁵⁾ Epistolario. I, 214—216.

¹⁴⁶⁾ Epistolario. II. 129.

О прелатахъ: iam enim apud illos fidei zelus, excandescente in ipsorum mentibus ordore pecunie, quam ex toto corde, ex tota anima et ex totis viribus suis diligunt, est extinctus. Pro hoc querenda divina vendunt, iura constituunt, saluberrime eo constituta pervertunt, corrumpunt indicia, dignitatesque suas, in quibus temporaliter splendent, turpiter et inhoneste prostituunt и т. д. Epistolario I, 272—275. Cp. t. III. pp. 667—668.

¹⁴⁷⁾ Epistolario. t. I. pp. 213—218.

O nam: summus pontifex potest et, quod verecunde commemoro, solet de plenitudine potestatis rumpere federa, contractus rescindere, insamenta absolvere, et omnes ab huiusmodi promissionis nexibus liberare, et unius rescripti edicto consuevit infringere que multis oportuit consensibus roborare; ut iam, si recte respicias, nihil firmum, nihil durabile possis cum Ecclesia sancta componere, cum omnia possit apostolatus auctoritas irritare. (ibid. p. 216).

личныхъ писмахъ, по количеству представляющихъ, какъ выражался кардиналь Бартоломео Олеари, „цѣлое море“ (издано около 400 писемъ).

Всѣмъ вышеизложеннымъ намъ хотѣлось привести въ извѣстность содержаніе писемъ Колюччо Салютати, до сихъ поръ никѣмъ изъ изслѣдователей полностью не использованныхъ *). Письма эти заслуживаютъ большого вниманія, какъ публицистическія произведенія, игравшія въ свое время значительную общественную роль, о чемъ свидѣлствуютъ тѣ восторги, съ какими относились къ нимъ сторонники воззрѣній Салютати, утверждавшіе, что въ письмахъ его „безсмертіе и вѣчность“, а также тотъ переполохъ, какой производили эти „листки публицистики“ въ средѣ представителей заскоруждой мысли и враговъ новыхъ общественныхъ теченій. Намъ хотѣлось также познакомить съ міровоззрѣніемъ Салютати: до сихъ поръ оно не было изложено въ связномъ очеркѣ и многія его стороны оставались невыясненными и неизвѣстными **), а между тѣмъ оно очень интересно, какъ продуктъ извѣстной эпохи, какъ, наконецъ, строй понятій, представлявшихъ въ свое время нѣчто передовое и являвшихся умственной пищей прогрессивной молодежи и многихъ видныхъ представителей литературы и политики.

Н. Дубровский.

Варшава, 17 дек. 1902 г.

*) Такъ какъ только недавно сравнительно сдѣлано профессоромъ Новати ихъ превосходное критическое изданіе, еще, впрочемъ, не законченное: ожидается 4-ый томъ.

**) Только профес. Корелли въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи о раннемъ гуманизмѣ остановилъ вниманіе на міровоззрѣніи Салютати, но и у него мы не найдемъ его изложенія и полной характеристики. Кромѣ того, Корелли пользовался главнымъ образомъ специальными трактатами Салютати, а между тѣмъ для знакомства съ міровоззрѣніемъ его большое значеніе имѣютъ и письма. Болѣе обстоятельная работа, посвященная изученію писемъ и міровоззрѣнія Салютати въ связи съ изученіемъ міровоззрѣнія итальянской интеллигенціи XIV в. и социально-экономическихъ отношеній того времени, будетъ напечатана нами съ выходомъ въ свѣтъ послѣдующихъ томовъ *Epistolario di Colluccio Salutati*, которые уже печатаются или, по крайней мѣрѣ, готовятся къ печати.

СПИСОКЪ ЧЛЕНОВЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

(Къ 1 окт. 1904 г.).

ЧЛЕНЫ-УЧРЕДИТЕЛИ.

1. *Бершадскій*, Сергѣй Александровичъ. †
2. *Бестужевъ-Рюминъ*, Константинъ Николаевичъ. †
3. *Бубновъ*, Николай Михайловичъ. Кіевъ, университетъ.
4. *Бѣловъ*, Евгеній Александровичъ. †
5. *Васильевскій*, Василій Григорьевичъ. †
6. *Веселовскій*, Александръ Николаевичъ. В. О., 2 лин., № 37.
7. *Гревсъ*, Иванъ Михайловичъ. В. О., 11 л., д. № 42.
8. *Гуревичъ*, Яковъ Григорьевичъ. Лиговская, 1.
9. *Дружининъ*, Василій Григорьевичъ. Кирочная, 34.
10. *Дряконовъ*, Михаилъ Александровичъ. Юрьевъ, университетъ.
11. *Замысловскій*, Егоръ Егоровичъ. †
12. *Картевъ*, Николай Ивановичъ. В. О., 10 л., д. № 9.
13. *Козеко*, Иванъ Алексѣевичъ. Павловскъ, Артиллерійская, 3.
14. *Ламанскій*, Владиміръ Ивановичъ. Звенигородская, 32.
15. *Ланто-Данилевскій*, Александръ Сергѣевичъ. В. О., 7 л., д. № 2.
16. *Мартенсъ*, Оедоръ Оедоровичъ. Пантелеймоновская, 12.
17. *Меншуткинъ*, Николай Александровичъ. Сосновка, Политехническій Институтъ.
18. *Минаевъ*, Иванъ Павловичъ. †
19. *Модестовъ*, Василій Ивановичъ. Римъ, Via Veneto, 8.
20. *Мякотинъ*, Венедиктъ Александровичъ. Каменноостровский проспектъ. 24^A.

21. *Ольденбургъ*, Сергѣй Ѳеодоровичъ. Царское Село, Малая, 3.
22. *Платоновъ*, Сергѣй Ѳеодоровичъ. Николаевская, 61, кв. 6.
23. *Сергѣевичъ*, Василій Ивановичъ. Максимиліановскій, 10.
24. *Соколовъ*, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ. В. О., Большой просп., 33.
25. *Степановъ*, Сергѣй Лаврентьевичъ. Бѣлостокъ, Коммерческое училище.
26. *Троицкій*, Иванъ Егоровичъ. †
27. *Форстенъ*, Георгій Васильевичъ. Надеждинская, 19.
28. *Чечулинъ*, Николай Димитріевичъ. Подольская, 40.
29. *Шмурло*, Евгеній Францевичъ. Римъ.

ЧЛЕНЫ ОБЩЕСТВА, НАХОДЯЩІЕСЯ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ *).

30. *Адамовичъ*, Василій Ивановичъ. Садовая, 71, кв. 11.
31. *Адріановъ*, Сергѣй Александровичъ. Знаменская, 36.
32. *Андреевъ*, Михаилъ Александровичъ. В. О., 11 л., д. № 24.
33. *Айналовъ*, Дмитрій Власьевичъ. В. О., 11 л., д. № 46, кв. 19.
34. *Арабасинъ*, Константинъ Ивановичъ. Чернышевъ пер., 16.
35. *Арсеньевъ*, Константинъ Константиновичъ. Мойка, 13.
36. *Базунова*, Надежда Александровна. Знаменская, 17.
37. *Бандыревъ*, Николай Степановичъ. Преображенская, 42.
38. *Барсковъ*, Яковъ Лазаревичъ. Греческій пр., 15, кв. 32.
39. *Бартольдъ*, Василій Владиміровичъ. В. О., 5 л., 30.
40. *Беркутъ*, Владиміръ Николаевичъ. Конногвардейскій бульваръ, домъ Ксеніинскаго Института.
41. *Борманъ*, Иванъ Ивановичъ (Младшій). Университетская набережная, д. № 7/9.
42. *Борсукъ*, Николай Владиміровичъ. Можайская, 14, кв. 11.
43. *Браудо*, Александръ Исаевичъ. Загородный, 17.
44. *Браунъ*, Ѳеодоръ Александровичъ. Пет. ст., Съѣзжінская, 32.
45. *Букъ*, Владиміръ Владиміровичъ. В. О., 4 л., д. № 45, кв. 3.
46. *Бутенко*, Вадимъ Апполоновичъ. Дмитровскій пер., 10, кв. 16.
47. *Вальтеръ*, Филиппъ Антоновичъ. Пет. ст., Каменноостровский, 24, кв. 12.
48. *Васенко*, Платонъ Григорьевичъ. Офицерская, 13.
49. *Васильевъ*, Александръ Александровичъ. Юрьевъ (Лифлянд. губ.), университетъ.

*) Когда списокъ петербургскихъ членовъ Общества былъ готовъ, нѣкоторые изъ нихъ оказались выбывшими въ другія мѣста.

50. *Веберъ*, Георгій Карловичъ. Царское Село, Малая ул., д. Тячиной, 53.
51. *Веселовскій*, Николай Ивановичъ. Забалканскій пр., 49, кв. 15.
52. *Винаверъ*, Максимъ Моисеевичъ. Сергіевская, 41.
53. *Владимірскій*, Василій Ѳедоровичъ. Крюковъ каналъ, 15.
54. *Вольтеръ*, Эдуардъ Александровичъ. В. О., 7 л., № 2, кв. 20.
55. *Вороновъ*, Андрей Петровичъ. В. О., 5 л., 30, кв. 26.
56. *Вульфгусъ*, Александръ Германовичъ. В. О., 8 л., № 53, кв. 17.
57. *Ганейзеръ*, Евгеній Адольфовичъ. Б. Подъяческая, д. 18, кв. 23.
58. *Гарднеръ*, Борисъ Даниловичъ. Басковъ, 25,
59. *Геннингъ*, Викторъ Андреевичъ. Кирочная, 8, училище св. Анны.
60. *Гинзбергъ*, Эммануилъ Германовичъ. В. О., 1 л., 38/39.
61. *Гиппиусъ*, Владиміръ Васильевичъ. Изм. п., 2 рота, 11, кв. 6.
62. *Кн. Голицынъ*, Николай Владиміровичъ. Государствен. Архивъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, Дворцовая площ.
63. *Голованъ*. Римъ. Послать на имя проф. Форстена, съ передачею г. Голованю, Бассейная, 19.
64. *Гриммъ*, Давидъ Давидовичъ. В. О., 8 л., № 32, кв. 4.
65. *Гриммъ*, Эрвинъ Давидовичъ. В. О., 9 л., № 16.
66. *Дерюжинскій*, Николай Ѳедоровичъ. Литейный пр., 44.
67. *Добіашъ*, Ольга Антоновна. Университетъ, Физическій Институтъ, кв. 16.
68. *Добряковъ*, Александръ Васильевичъ. Звенигородская, 12.
69. *Кн. Друикой*, Сергій Александровичъ. Коломенская, 37.
70. *Ешевскій*, Александръ Аполлоновичъ. В. О., 10 л., № 25, кв. 1.
71. *Житецкій*, Игнатъ Павловичъ. Загородный, 40/25.
72. *Заксъ*, Артъ Яковлевичъ. Моховая, 14, кв. 48.
73. *Знаменскій*, Сергій Филимоновичъ. Конногвардейскій бульваръ, д. № 5, кв. 2.
74. *Этминскій*, Ѳаддей Францевичъ. Историко-Филологическій Институтъ. Университетская наб., 11.
75. *Иванюковъ*, Иванъ Ивановичъ. Сосновка, Политехнический институтъ.
76. *Каминка*, Августъ Исааковичъ. Лиговка, 87.
77. *Канъшинъ*, Викторъ Павловичъ. В. О., Кадетская л., № 1/15.
78. *Кауфманъ*, Александръ Аркадьевичъ. В. О., 1 л., № 38.
79. *Курсановъ*, Сергій Пантелеймоновичъ. Екатерининскій кан., 126.
80. *Киселева*, Анна Христофоровна.
81. *Князьковъ*, Сергій Александровичъ. Загородный, 28.
82. *Колоколовъ*, Николай Александровичъ. Моховая, 34.
83. *Конскій*, Петръ Алексѣевичъ. Бендинъ, Петроковской губ., Коммерческое училище.

84. *Кораблевъ*, Василій Николаевичъ. В. О., 5 л., № 34.
85. *Котляревская*, Екатерина Семеновна. Кабинетская, 12.
86. *Котляревскій*, Несторъ Александровичъ. Кабинетская, 12.
87. *Крейсбергъ*, Александръ Романовичъ. В. О., 10 л., № 21, кв. 3.
88. *Кремлева*, Нина Николаевна. В. О., зданіе Физич. Ин-та, Университетъ, кв. Добіаша.
89. *Криксинъ*, Владиміръ Степановичъ. В. О., 5 л., № 10, кв. 8.
90. *Крусманъ*, Владиміръ Эдуардовичъ. В. О., 12 л., № 31, кв. 33.
91. *Кубасовъ*, Иванъ Андреевичъ. Дегтярная, 35, кв. 28.
92. *Кульманъ*, Николай Карловичъ. Спасская, 5.
93. *Лапто*, Иванъ Ивановичъ. Смольный пр., 6, кв. 49.
94. *Латышевъ*, Василій Васильевичъ. Историко-Филологическій Институтъ.
95. *Левшинъ*, Дмитрій Михайловичъ. Садовая, 26.
96. *Литовскій*, Александръ Лаврентьевичъ. В. О., 5 л., № 34.
97. *Лисовскій*, Николай Михайловичъ. Торговая, 12/9.
98. *Лихарева*, Наталья Ивановна. В. О., 3 л., № 46.
99. *Лихачева*, Елена Іосифовна. Фурштаттская, 56, кв. 3.
100. *Лютинъ*, Адольфъ Карловичъ. Троицкая, 3.
101. *Ляцкий*, Евгений Александровичъ. В. О., 3 л., № 20.
102. *Майковъ*, Владиміръ Владиміровичъ. В. О., 5 л., № 30.
103. *Малеинъ*, Александръ Іустиновичъ. Историко-Филологич. Инстит.
104. *Меліоранскій*, Борисъ Михайловичъ. В. О., Университетская набережная, № 7/9.
105. *Мижусевъ*, Павелъ Григорьевичъ. Технологическій Институтъ.
106. *Мимоковъ*, Павелъ Николаевичъ. Ст. Удѣльная, Удѣльный проспектъ, № 36.
107. *Митрофановъ*, Павелъ Павловичъ. Бассейная, 29.
108. *Мушниковъ*, Владиміръ Оедоровичъ. Бассейная, 29, кв. 12.
109. *Неслуховскій*, Константинъ Францевичъ. Пет. ст., Спб. пѣхотное юнкерское училище.
111. *Неслуховскій*, Францъ Карловичъ. Б. Гребецкая, 31.
111. *Нечаевъ*, Василій Михайловичъ. В. О., 2 л., 3, кв. 44.
112. *Никольскій*, Николай Константиновичъ. Садовая, 40.
113. *Николаевъ*, Александръ Сергѣевичъ. Средняя Подьяческая, 7.
114. *Новодворскій*, Витольдъ Владиславовичъ. Ждановская, 23.
115. *Овсяниковъ*, Александръ Васильевичъ. Лиговская, 1.
116. *Ону*, Александръ Михайловичъ. Лиговская, 17.
117. *Орловъ*, Николай Александровичъ. Поварской пер., 14.
118. *Павловъ-Силванскій*, Николай Павловичъ. Загородный пр., 21, кв. 47.
119. *Переселенковъ*, Степанъ Александровичъ. Фонтанка, 133, кв. 9.

120. *Поддубный*, Иванъ Петровичъ. Лѣсной участокъ, Прибытковская ул., 16.
121. *Познеръ*, Соломонъ Владиміровичъ. Галерная, 8.
122. *Покровский*, Іосифъ Алексѣевичъ. В. О., 14 л., № 45.
123. *Полевктовъ*, Михаилъ Александровичъ. Фурштаттская, 42.
124. *Помяловскій*, Михаилъ Ивановичъ. Надеждинская, 18.
125. *Приселковъ*, Михаилъ Дмитріевичъ. Разстанная ул., 28, кв. 2.
126. *Протасова*, Софія Ивановна. Нижегородская, 21.
127. *Прѣсняковъ*, Александръ Евгеніевичъ. Надеждинская, 56, кв. 9.
128. *Пташицкій*, Станиславъ Львовичъ. Ул. Жуковского, 38/19.
129. *Радловъ*, Эрнестъ Львовичъ. Загородный, 24.
130. *Равскій*, Александръ Сергѣевичъ. Можайская, 7.
131. *Регель*, Василій Эдуардовичъ. В. О., 10 л., № 15, кв. 1.
132. *Рождественскій*, Сергѣй Васильевичъ. В. О., Волховской пер., д. 3, кв. 9.
133. *Ростовцева*, Софія Михайловна. Морская, 34.
134. *Ростовцевъ*, Михаилъ Ивановичъ. Морская, 34.
135. *Рубакинъ*, Николай Александровичъ. Прядильная, 34.
136. *Семеновскій*, Василій Ивановичъ. В. О., 2 л., № 11.
137. *Середонинъ*, Сергѣй Михайловичъ. В. О., Историко-Филологическій Институтъ.
138. *Сиповскій*, Василій Васильевичъ. Загородный, 26.
139. *Смирновъ*, Алексѣй Логиновичъ. Звенигородская, 8.
140. *Соколовскій*, Павелъ Александровичъ. Артиллерійская, 6.
141. *Соколовъ*, Николай Михайловичъ. Моховая, 41, кв. 41.
142. *Солнцева*, Александръ Ивановичъ.
143. *Срезневскій*, Всеволодъ Измайлловичъ. В. О., 2 л., № 37.
144. *Стобницкій*, Станиславъ Станиславовичъ. В. О., 1 л., 52.
145. *Строевъ*, Василій Николаевичъ. Фонтанка, 53, кв. 24.
146. *Сузальскій*, Зиновій Самуиловичъ. Б. Подъяческая, 24.
147. *Тарасовъ*, Ефимъ Ивановичъ. Измайл. полкъ, 9 рота, 15.
148. *Тарле*, Евгеній Викторовичъ. Подольская, 13, кв. 1.
149. *Тіандеръ*, Карлъ Федоровичъ. Гороховая, 55, кв. 8.
150. *Трофименко*, Василій Давыдовичъ. Уг. Кабинетской и Ивановской, 1-я гимн.
151. *Тураевъ*, Борисъ Александровичъ. В. О., 2 л., № 3, кв. 18.
152. *Фридолинъ*, Петръ Петровичъ. Каменноостровский пр., Лицей.
153. *Хилинскій*, Константинъ Владиміровичъ. В. О., 5 лин., № 4, кв. 32.
154. *Цагаремъ*, Александръ Александровичъ. Фурштаттская, 47, кв. 45.
155. *Чебышевъ*, Александръ Александровичъ. Знаменская, 17.

156. *Черепнинъ*, Николай Петровичъ. В. О., 10 л., № 43, кв. 33.
157. *Чернякинъ*, Николай Ильичъ. Пет. ст., Б. Гребенская, 24.
158. *Шахматовъ*, Алексѣй Александровичъ. Академія Наукъ.
159. *Шафрановъ*, Петръ Александровичъ. В. О., 13 л., № 28, кв.
160. *Шефферъ*, Петръ Николаевичъ. Офицерская, 35.
161. *Шумигорскій*, Евгеній Севастьяновичъ. Лѣсноѣ, Новый пер.,
162. *Щепкина*, Екатерина Николаевна. Коломенская, 1.
163. *Эвальдъ*, Сергѣй Ивановичъ. Морская, 20.
164. *Этимахъ-Шитилло*, Брониславъ Игнатьевичъ. В. О., 4 л., № 4
165. *Южаковъ*, Сергѣй Николаевичъ. Невскій, 90.
166. *Юрѣва*, Ольга Петровна. Пантелеймонская, 13/15 (женск
гимназія Таганцевой).
167. *Яковлевъ*, Василій Яковлевичъ. 5-я Рождественская, 47, кв. 1
168. *Яроцкій*, Василій Гавриловичъ. Спасская, 1, кв. 14.
169. *Ястребова*, Николай Владиміровичъ. В. О., 10 л., № 25.
170. *Ододоровъ*, Владиміръ Васильевичъ. Садовая, 80.

Списокъ иногородныхъ и иностранныхъ членовъ Историческаго Общества будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ выпускѣ „Ист. Обзоръ“.

D1
I8
~~v.14~~

D1
I8
6.14

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY